II 3311

СЛАВЯНСКА ФИЛОЛОГИЯ

8

БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ
БЪЛГАРСКИ КОМИТЕТ НА СЛАВИСТИТЕ

СЛАВЯНСКА ФИЛОЛОГИЯ

МАТЕРИАЛИ
ОТ V МЕЖДУНАРОДЕН КОНГРЕС
НА СЛАВИСТИТЕ

ИЗДАТЕЛСТВО НА БАН

литер.

БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ

БЪЛГАРСКИ КОМИТЕТ НА СЛАВИСТИТЕ

ЧИТАЛНЯ

СЛАВЯНСКА ФИЛОЛОГИЯ

Том VIII

ЛИТЕРАТУРОЗНАНИЕ

БАН
Институт за литература
БИБЛИОТЕКА

СОФИЯ — 1966

РЕДАКЦИОНЕН КОМИТЕТ

проф. В. ВЕЛЧЕВ, проф. Е. ГЕОРГИЕВ, чл.-кор. П. ЗАРЕВ,
проф. К. КУЕВ, проф. С. РУСАКИЕВ, чл.-кор. Г. ЦАНЕВ

ПРОВЕРКА
1969 г.

П 3311
Б 3655/66

ПРОВЕРКА
2009 - 2010

ПРЕДГОВОР

Славянска филология, том VIII, съдържа материали от V международен конгрес на славистите, състоял се в София на 17—23 септември 1963 г.: резюмета на изнесените доклади и съобщения по литературознание и на изказванията, направени по тях. Резюметата на докладите и съобщенията са придружени от посочване къде са отпечатани докладите и съобщенията. Резюметата на докладите и съобщенията са поместени в хронологически ред според програмата на конгреса (срв. Славянска филология, том VI). Изказванията са дадени по реда на докладите, доколкото това е било възможно, и по азбучния ред на авторските имена при повече изказвания по един и същ доклад или по едно и също съобщение. За съжаление редакцията на изданието не можа да се сдобие с резюмета на всички доклади и съобщения и трябваше да се задоволи на места с отбелязване само на заглавието на доклади и съобщения и с посочване къде са отпечатани. Отсъствуват и някои изказвания, които не бяха получени, нито записани. В края на изданието е поместен азбучен показалец на авторите на докладите и изказванията и на визираните в дискусията участници в конгреса на кирилица и латиница.

17 септември — 17 сентября — 17 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

FR. WOLLMAN (ČSSR)

HISTORICKOSROVNÁVACÍ ZKOUMÁNÍ SLOVANSKÝCH LITERATUR, VÝSLEDKY A ÚKOLY

Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha, 1963, str. 165—180.

Přednáška je vytištěna v sborníku Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha 1963, 165—180. Referent přednesl z toho základní věci.

Už v tezích připravených pro IV. sjezd slavistů, vytištěných v Slavii 27 (1958) 201—215 pod názvem Hlavní úkoly historickosrovnávacího zkoumání slovanských literatur, jsou tyto metodické názory:

1) v rámci srovnávací světové literatury vykazují slovanské literatury hustší síť vlivů a větší podobnosti (to už referent ukázal v Slovesnosti Slovanů r. 1928);

2) ústní lidová slovesnost má zvláštní význam v historickém vývoji slovanských literatur: je stálým substrátem národního literárního procesu bez ohledu na politické hranice, takže slovesnost (tj. lidová tvorba a literatura) tvoří celek;

3) podobnosti eidologické (typologické) vznikají především na základě stejných podmínek politicko-sociálních, zvláště v zápasu za svobodu národní a sociální (to ukázal referent už v Dramatice slovanského jihu r. 1930).

Velké konference sovětské o vzájemném působení a kontaktech národních literatur ukázaly také nutnost speciálního srovnávání slovanských literatur. Pojetí regionalismu za obnoveného a marxisticky prohloubeného srovnávacího studia přispělo k pochopení symbiózy slovanských literatur. To vše se projevilo už u Emila Georgieva v jeho díle Očerki po istorija na slavjanskite literatury I. 1958, II. 1963.

Zkoumání vztahů, styků, působení a shod mezi literaturami se nedá vystihnout starou teorií vlivů, influologií, která se omezovala na vlivy, výpůjčky a přejetí a která přeceňovala v tom smyslu také migrační teorii. Ale také druhý extrém, influofobie, nadělal mnoho škod, zvláště když se z něho udělalo politikum. Vyšetření kontaktologické musí vést k zkoumání skladby srovnávaných výtvorů (tedy k eidologii, morfologii, tvarosloví).

Externí kontaktologie zůstává jen při konstatování kontaktů a dále při konfrontaci historickospolečenských podmínek. Interní kontaktologie dopracovává se působení tvůrčího subjektu (tvůrčí osobnosti) na druhý, díla na dílo tvaroslovným rozborem v dialektice všech podmínek historickospolečenských. Kontaktologická fakta jsou výrazné a signálové případy zákonitého vývoje slovesného, který je součástí světového literárního procesu.

Úkolem je především srovnávat na materiálu slovanských literatur obecné zákony, tak spojení literatury a skutečnosti, zákonitosti slovesně tvůrčí, především žánrovost, styl, gnoseologii obrazu a vývoj obrazovosti, charakterologii jako nositele lidských vztahů v obrazu, syžetovost jako transformaci odrazu skutečnosti v tvůrčím subjektu slovesně obrazovými formami, konečně i uměleckost řeči. Pozoruhodné výsledky jsou už v sovětské vědě (Vinogradov, Žirmunskij, Bogatyrev, Kravcov aj. v lidové epice; Kuznecov aj. v románu; Kuz'minová, Semjanovič aj. v dramatu) a v polské genologii (Wyka, Lewański aj.). Z hlediska pojetí epochy, proudů jsou mezi četnými monografiemi historické práce většího záběru (Angyal o slovanském baroku, Goleniščev-Kutuzov o humanismu a italské renesanci ve vztahu k slovanským literaturám). Bude třeba věnovat větší pozornost mezislovanským vztahům v oblasti církevněslovanské vzdělanosti, bogomilství, husitství a reformace, protireformace a zvláště obrození v slovanských literaturách. Bylo uvedeno mnoho příkladů z binární srovnávací problematiky: rusko-polské, rusko-ukrajinské, ukrajinsko-slovanské, rusko-slovenské, rusko-české vztahy, kde se už v poslední době postupuje od externí kontaktologie k interní.

Zákonitý vývoj literárněvědný je prozatím jen v slovanské literární vědě srovnávací, pěstované v slovanských zemích. Problematika slovanské solidarity a její řešení v historických projevech k tomu přispívá (tak Slovanství v jazykově literárním obrození u Slovanů, 1958).

Д. Д. БЛАГОЙ (СССР)

ОТ ПУШКИНА ДО МАЯКОВСКОГО

Закономерности развития русской литературы XIX — начала XX века, Москва, 1963, 87 стр.

J. MATL (Österreich)

DIE GEMEINEUROPÄISCHEN ELEMENTE IN DEN SLAVISCHEN LITERATUREN

Wiener slavistisches Jahrbuch, Wien, 1963, S. 49—57.

Vorbemerkung:

In der Beurteilung des Gesamtproblems stehe ich auf dem Boden Al. Veselovskijs, V. Jagić' und M. Murkos. Meine Beurteilung richtet sich kritisch gegen die Dualismusthese (Bidlo, Toynbee u. a.) von dem Auseinanderfall der europäischen Kulturwelt in zwei in den Grundlagen, Entwicklungserscheinungen und kulturellen Äußerungen eigenständige Kulturtypen der roma-

no-germanishen und byzantinisch-orthodox slavischen Welt. Mein Ausgangspunkt ist der gleiche wie bei Fr. Wollman. In der Frage der „radiation, pénétration und résistance" teile ich die prinzipielle Auffassung F. Baldensbergers. Entscheidend ist der Anstoß zur Hinwendung zu einem neuen Lebens- und Kunstideal, ebenso die kritische Auseinandersetzung mit diesen neuen Idealen.

Gemeineuropäische Elemente liegen in allen Entwicklungsstufen des literarisch-künstlerischen Schaffens der Slaven vor:

1. Die slavische Volksdichtung ist in Motiven und Stoffen gespeist von dem gemeinsamen europäischen bzw. eurasischen Traditionsstrom.

2. Das gleiche gilt für die Verbreitung der übernationalen Wander-bzw. Erzählstoffe vom 14.—18. Jh.: (Exempelliteratur: Gesta Romanorum etc., romantisch-ritterliche Liebes- und Abenteuergeschichten: Tristan, Genoveva, Bova, mit eigenständiger Präformation, z. B. der Sage von Alexander — und Konstantin dem Großen, der Schelmengeschichten, z. B. Eulenspiegel).

3. In der Epoche von Humanismus bis Barock ändern sich mit der Fernwirkung von romanisch-germanischen Bildungszentren Charakter und Dynamik der gesamteuropäischen kulturellen Kommunikation; dabei werden auch bei den Slaven die Grundlagen der neuzeitlichen Hochkultur geschaffen.

4. Noch intensiver wird die gesamteuropäische Verflechtung in den Leitzielen und Vorbildern (z. B. Télémaque) in der Epoche der Aufklärung, in den Formen des Voltairianismus und Josefinismus. Die neuen aristokratischen und geistlichen Führungsschichten der Slaven nehmen an den im slavischen Raum ineinanderfließenden westeuropäischen neuen Ideen der Enzyklopädisten, Klassizisten und Sentimentalisten teil, nicht nur im Sinne neuer literarischer Formgebung, sondern auch im Sinne einer neuen Wertordnung der Bildung, Toleranz und Humanität. So auch im obrození, preporod.

5. In der nächsten Stufe des obrození werden die neuen romantischen englischen und deutschen Leitbilder (Byron, Goethe etc.) als Vorbildträger einer neuen literarischen Ausdrucksform, eines neuen künstlerischen Persönlichkeitsbewußtseins bei allen großen eigenständigen künstlerischen Persönlichkeiten (Puškin, Mickiewicz, Prešeren, Mažuranić etc.) fruchtbar in der Richtung eines nationalkünstlerischen Zusichselbstfindens.

6. Die weitere literarische Entwicklung der Slaven im 19. und 20. Jh. bildet in ihren realistischen ebenso wie in ihren modernistischen Gestaltungs- und Stilformen einen organischen Teil der gesamteuropäischen literarisch-künstlerischen Gestaltung im gegenseitigen befruchtenden Nehmen und Geben. Mit Tolstoj, Dostojevskij, M. Gorkij u. a. tritt in dieser wechselseitigen Befruchtung eine Gewichts- und Richtungsverschiebung ein, indem die großen westeuropäischen Persönlichkeiten wie Romain Rolland, Galsworthy, Thomas Mann, Rilke wesentliche Anregungen von den slavischen Literaturen empfangen. Die gemeineuropäischen literarisch-künstlerischen Kontakte sind auch im slavischen literarischen Schaffen der Gegenwart lebendig. (Beispiel: M. Krleža).

Quellen und Details zum Gesamtproblem bei Josef Matl:
„Europa und die Slaven", Harrassowitz, Wiesbaden 1964

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Е. ГЕОРГИЕВ (България)

В доклада си акад. Волман обхвана широко проблемите на сравнителното изучаване на славянските литератури и публикациите, в които те се разработват. Разглеждайки различните публикации, акад. Волман отстоява онова сравнително изучаване на славянските литератури, което решава правилно и задълбочено въпросите на базата на марксистко-ленинската методология. В доклада му обаче, струва ми се, не се изтъкват напред като завоевания и като задачи на изследването големи обобщения, крайни големи цели. Науката, естествено, е толкова по-ценна, колкото по-големи обобщения постигне, колкото по-пълно разкрие закономерностите на явленията. Не смятам, че „литературната славистика" е показала какъв да е неуспех при създаването на такива крупни дела, каквито са славянските литературни истории на Шафарик, на Пипин, на Махал или на самия Волман. Славянската литературна общност е един факт и тя трябва да има своята история, своите големи обобщения. За да изпълни изследователските задачи, които поставя пред него славянската литературна общност, литературознанието трябва да развива все повече своя дял на сравнителното славянско литературознание. И за големите цели на пълното изследване на славянската литературна общност, мисля, сравнителното славянско литературознание трябва да бъде допълнено така, както предложих още на Московския конгрес: да бъде не само сравнително славянско литературознание, а общо и сравнително славянско литературознание. Само в резултат на общото и сравнително изучаване на славянските литератури ще се разкрие пълно славянската литературна общност, ще се разкрият общите закономерности в развитието на славянските литератури, ще бъде възможно да се създаде история на славянските литератури. В същност големите постижения на литературната славистика, каквито са преди всичко литературните истории на Шафарик, Пипин, Махал, Волман, са плод на общо и сравнително изучаване на славянските литератури, а не само на сравнително изучаване.

Навярно не е случайно това, че акад. Волман отминава в своя доклад работи, каквито са например българските проблеми или чешките и т. н. проблеми в творчеството на известен славянски автор. Но тези работи решават проблеми на славянската литературна общност и кой друг ще ги реши, ако не славистите-литературоведи, които използуват и сравнително-историческия метод? И когато акад. Волман пише труд, като издадения напоследък — „Славянизмът в езиково-литературното възраждане у славяните", само на почвата на сравнителното славянско литературознание ли стои той? А трудът безспорно е много по-значителен от редицата трудове, поменати като завоевание на сравнителното славянско литературознание; бих рекъл, той е обобщение на подобни трудове.

Л. С. КИШКИН (СССР)

В своем содержательном, посвященном состоянию современного сравнительно-исторического изучения славянских литератур докладе чешский ученый Франк Вольман скромно сказал, что им рассмотрена лишь часть новых работ по этой важной теме. Фактически им приведены едва ли не исчерпывающие данные. Проф. Вольман справедливо утверждает, что методика наших исследований должна совершенствоваться, что вести сравнительное изучение подобно Шафарику или Пыпину мы уже не можем. Нужны принципиально новые, новые по типу и существу, синтетические работы. Возможно в них будет меньше описательности и фактов, но зато они более полно и глубоко раскроют социальную и эстетическую природу основных литературных явлений. На наш взгляд, литературоведам не следует полностью отождествлять сравнительно-историческое изучение славянских литератур с изучением межславянских литературных связей. Хотя практически эти два вида исследований тесно связаны, целенаправленность у них разная. Некоторыми мыслями об изучении связей нам и хочется поделиться. Как это не парадоксально, но часто типологические общности в литературе и эстетических воззрениях выступают как близнецы, а литературные явления, возникшие в результате влияний, настолько оригинальны и далеки от породившего их источника, что кажутся ничем не связанными с ним. Очень близки, например, высказывания Лермонтова и Тыла против чрезмерного увлечения переводами и их призывы к созданию оригинальных произведений. А между тем эти типологически сходные суждения возникли независимо одно от другого. С другой стороны, если бы Толстой не сказал, что без „Пармской обители“ Стендаля он не сумел бы написать военные сцены в „Войне и мире“, мы никогда не догадались бы об этом. Как очевидно, литературные связи можно увидеть там, где их нет, и не заметить там, где они налицо. Предостеречь от ошибок может только хорошее, детальное знание каждой из литератур, связи между которыми мы изучаем. Заслуживает внимания и то, что изучение литературных связей — область литературоведения, стоящая на грани с другими гуманитарными науками, соприкасающаяся со всей очень широкой сферой культурного общения людей. Такое утверждение не противоречит правильному замечанию проф. Вольмана о самостоятельности литературоведения как науки. Поскольку характер литературных связей очень многообразен, то и методика их конкретного изучения должна быть достаточно гибкой. Существующие методические схемы и классификации, цель которых облегчить изучение типологических аналогий и общностей, а также литературных явлений, возникших в результате доказуемых связей, в частности предложенные В. М. Жирмунским, И. Г. Неупокоевой, С. В. Тураевым[1], имеют в основе разные принципы, каждая из них по-своему полезна, но ни одна не включает всех возможных форм связей. Думается, что дальнейшие усилия в области усовершенствования классификаций — не единственный путь обогащения методики изучения связей. Вставшую перед наукой сложную и трудную задачу раскрытия и осмысления скрытых от глаза ученого результатов влияния и взаимодействия литератур непосредственно в творчестве, в плоти и крови художе-

[1] См. кн. Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур, М., 1961.

ственных произведений, по-видимому, надо решать, используя самые разнообразные методические приемы исследования, характер которых будет определяться конкретными чертами и особенностями изучаемых связей[1].

В. ВЕЛЧЕВ (България)

Изказването си за твърде съдържателния и ценен доклад на Д. Д. Благой „От Пушкина до Маяковского. Закономерности развития русской литературы XIX—нач. XX веков" обнародвах в печата („Език и литература", XIX (1964), 2, 81—84). Тук ще изнеса декларативно и без обосновка някои по-главни положения. Ценя работата на Д. Д. Благой като посветена на важна и съществена задача — установяване основните закономерности в развитието на руската литература през XIX в. В това отношение авторът изхожда от правилни методологически принципи относно основните фактори на развитието. Намирам оправдана неговата постановка — да следи етапите на осъществяване самобитната руска литература откъм съдържание и форма, да отдаде дължимото в това отношение на основоположника на новата руска литература Пушкин, да определи ролята и мястото на последващите писатели в литературното развитие. Намирам правилно и ценно усилието на Д. Д. Благой да търси и установи собствено литературните белези при периодизацията на руската литература, да проследи развитието на отделните жанрове, да установи причините и закономерностите в това развитие и пр. Не може да бъде отречена идеята на автора да следи процеса на развитието на литературата, без при това да намалява ролята, да заличава или обезличава „литературните първенци", които осъществяват и изразяват най-ярко етапи от общите тенденции на развитието. Ценен момент в доклада на Д. Д. Благой е усилието му да следи и оценява развитието на руската литература в плана на световния литературен процес.

Огромният материал, който е трябвало да обхване, не е позволил на Д. Д. Благой навсякъде да съхрани нужните пропорции, да дозира правомерно своето внимание, какъвто е случаят с поезията на декабристите. По-плодотворни резултати биха се получили и ако се проследяваха и оценяваха литературните жанрове през различните периоди не изолирано, а в система, във форма на взаимосвързаност, съсъществуване. В известен смисъл ми се представя подценено творчеството на Лермонтов, у когото повече личи това, което го свързва с Пушкин, а по-малко и недостатъчно внимание е обърнато на онова, което го отличава. Обръща внимание обстоятелството, че писателите след Пушкин не са намерили достатъчно точно своето място в развитието, което се дължи на недостатъчната им изученост. Когато Лермонтов и Гогол, Тургенев и Некрасов, Толстой и Чехов достигнат степента на изучеността на Пушкин, значението на Пушкин не би се намалило, но значението на тези писатели в общото развитие оправдано би се увеличило. Това особено важи за Толстой, чието творчество бележи преход към нова, формационна фаза от развитието. Наред с това, което го свързва с Пушкин, той трябва да бъде схванат

[1] Некоторые соображения о путях и методике раскрытия глубинных художественных влияний изложены нами в статье „Заметки об изучении русско-чешских и русско-словацких литературных связей" (сб. „Литература славянских народов", 1963, вып. 8).

и откъм онова, което го свързва с революцията от 1905—1907 г., която подготвя Октомврийската революция. Това в съответен план важи и за другите писатели преди него.

Трудът на Д. Д. Благой, който отразява най-здравото от завоеванията на съветското литературоведение и от собствения изследователски опит на автора, е едно важно постижение. В усилията да се установят закономерностите в развитието на руската литература този труд ще запази своето място.

N. LUDWIG (DDR)

Das Referat von Herrn Prof. Blagoi, sowie seine Arbeiten auf dem Gebiet der Erforschung Gesetzmässigkeiten in der Entwicklung der russischen klassischen Literatur bis zur sowjetischen Literatur, gestatten es Rückschlüsse zu ziehen auch für nichtslawische Literaturen gleicher Epochen, aber auch der unmittelbaren Gegenwart. So steht zur Zeit vor der Germanistik der DDR die Aufgabe, eine marxistische Geschichte der deutschen Literatur zu schreiben. Sie wird neben einer völlig neuen Betrachtung und Interpretation der gesamten Literatur die Aufgabe haben, völlig neue Schichten des literarhistorischen Prozesses aufzudecken und zu zeigen; nämlich solche literarische Erscheinungen wie die proletarische Literatur, oder die Literatur progressiver bürgerlicher Vertreter, an denen die bürgerliche Literaturgeschichtsverbreitung der Vergangenheit und Gegenwart aus verständlichen Gründen vorbeigegangen ist. Hier können und müssen wir Slawisten, gestützt auf solche Arbeiten wie die von Herrn Prof. Blagoi helfen die richtigen methodologischen Prinzipien zu finden.

Sehr wesentlich ist auch die richtige Einschätzung und Eingliederung der zeitgenössischen westdeutschen Literatur, die ein buntes Konglomerat darstellt, von verschiedensten Strömungen. Gerade hier vermögen Kenntnisse ähnlicher Prozesse, wie sie sich in der russischen klassischen Literatur und der sowjetischen der 20er Jahre des XX Jahrhunderts abgespielt haben, eine klare Orientierung zu geben.

Das Suchen und Kriegen der besten Vertreter der Kritisch realistischen Literatur, wie der „Gruppe 47" erinnert sehr stark an ähnliche Prozesse in der russischen Literatur der 90er Jahre. So kann man feststellen, dass die im Roman von Andersch „Die Rote" aufgezeigten Konflikte und ihre Lösung in vielem Ähnlichkeit mit dem Roman L. N. Tolstois „Auferstehung" haben. Die zentrale Heldin findet Zuflucht und seelische Auferstehung in der Mitte italienischer Antifaschisten, die ihr auch den Glauben an sich zurück geben.

Erscheinungen ähnlichen Charakters finden sich auch bei anderen Schriftstellern. Ihre wichtige weltanschauliche und ästhetische Fixierung und Einschätzung wird erleichtert und ermöglicht durch die aus dem Entwicklungsprozess der russischen Literatur gewonnenen Erkenntnisse.

M. WEGNER (DDR)

Ich erlaube mir, einen Gedanken in Form einer Frage zu kleiden und zu Diskussion zu stellen. Der interessante Vortrag von Professor Matl und speziell seine ausdrückliche Berufung auf die kulturhistorische Schule Veselovskijs und die Begründer des französischen Komparativismus — Prof. Matl bekannte sich zu ihnen als seinen methodologischen Vorbildern — veranlassen mich diese Frage methodologischer Natur zu stellen. In aller Eile formuliert, lautet sie etwa folgendermaßen: gehört denn nicht zur vergleichendliteraturgeschichtlichen Forschung neben dem Feststellen und Interpretieren — etwa von Elementen einer nationalen Kultur oder Literatur in einer anderen Kultur oder Literatur oder von Elementen gesamteuropäischer Kultur der Slawen — die gewichtige Frage nach den Ursachen, den Gründen für das Bedürfnis einer Nationalkultur diese oder jene kulturelle Leistung von anderen Völkern zu übernehmen?

Mir scheint, daß vergleichend — literaturgeschichtliche Untersuchungen ohne diese Fragestellung nicht auskommen können. Erst das Sichtbarmachen von Gründen, erst die Aufdeckung der mannigfachen Ursachen für Rezeptionsbedürfnis einer Nationalliteratur für andere literarische Leistungen macht — wie ich glaube — vergleichend — literaturgeschichtliche Arbeiten literaturwissenschaftlich bedeutsam. Dann erst helfen sie uns Entwicklungsgesetzmäßigkeiten von Literaturen zu erschließen.

Von dieser methodologischen Fragestellung her, ist die bürgerliche Komparativistik trotz ihrer zweifellos wertvollen Forschungsergebnisse in vielen Detailproblemen eine bereits vergangene Etappe in der methodologischen Entwicklung der Literaturwissenschaft, eben weil sie nicht in der Lage war und auch nicht in der Lage ist, eine fundierte Antwort auf die von mir aufgeworfenen Fragen zu geben. Wie fruchtbar erweist sich dagegen eine methodologische Ausgangsposition, die bei vergleichend — literaturgeschichtlichen Untersuchungen von Anfang an die Frage nach den Ursachen für das Rezeptionsbedürfnis in einem nationalen literarischen Prozeß stellt. Gerade die jungsten Arbeiten von M. P. Alekseev, V. M. Žirmunskij u. a., die diese Frage zu ihrer methodologischen Grundlage haben, bestätigen, daß die traditionelle Komparativistik registrierenden Charakters eine bereits überwundene „Phase in der Geschichte der vergleichenden Literaturwissenschaft" verkörpert.

Е. ГЕОРГИЕВ (България)

В интересния си доклад проф. Матл твърде много отделя славянските литератури от другите европейски литератури. „Общоевропейските елементи" се дефинират със западноевропейските си отличителни черти и названия и изглеждат като заети от западноевропейските литератури. Боя се, че такова разглеждане не изяснява проблемата, а поставя в мъгла процеса на собственото развитие. Може да се заключи, че развитието се дължи на това, че италианската, френската, английската или немската литература са предложили и наложили това или онова явление, тоя или оня „елемент", а не на собствените исторически процеси — обществено-исторически или историко-литературни.

Всяко развитие си има своите народностни особености, същевременно е подчинено на общи закономерности, т. е. минава през фази и етапи,

през които преминава и всяко друго развитие. Една историческа необходимост налага общи появи и те не могат да се мислят като резултат от някакъв контакт с развитието на други народи, респ. на други литератури.

Боя се, че в доклада на проф. Матл „общоевропейските елементи" не се изясняват като действително „общоевропейски", включващи и приноса на славянските литератури в общоевропейското литературно развитие. Дава ли се на славянските писатели достатъчно място като творци на нови ценности в европейската литературна общност?

Мисля, че славяните имат през всеки период от европейския исторически живот свой немалък принос в развитието на европейската, по-добре на световната литература. Не можем да се съгласим с едно мнение, което поставя на всяка нова поява западноевропейска марка — „направено в Западна Европа". Развитието изобщо е дело на всички народи.

В. Д. КУЗЬМИНА (СССР)

Доклад проф. И. Матля по своей тематике Die gemeineuropeischen Elemente in den slavischen Literaturen („Общоевропейские элементы в славянских литературах") представляет существенный интерес для славистов разных стран. В этом докладе правильно и четко поставлен вопрос, что славянские литературы — органическая, неотъемлемая часть европейской литературы, подчеркнут творческий характер усвоения переводных произведений.

Позволю себе высказать несколько соображений историка русской литературы. В переводной литературе древней Руси, оставив в стороне вопрос об устном народном творчестве XVII и XVIII вв., это творческое усвоение носило различный характер. Византийский герой Дигенис стал знаком русским читателям в облике Девгения прекрасного, охарактеризованного в стиле русской повести XI—XII вв. Повесть о Петре златых ключей восходит к немецкой версии Ист. о М. не непосредственно, как чешская, а через посредство польской обработки. Повесть о Бове сначала стала известной в устной передаче, а затем через посредство ... (белор.) списка, имевшего в основе не дошедший до нас сербо-хорватский протограф.

Картина во всяком случае на материалах древней русской литературы оказывается, на мой взгляд, сложнее, чем наметил проф. Матль. Впрочем, я вполне согласна с его статьей 1955 в „Rom.-germ. Monatsschrift", что ... романы, ставшие народными книгами в период их общеевропейского распространения, должны изучаться как фольклорные произведения, к которым они близки по своему характеру. С интересом ждем и выхода его „Europa und die Slaven".

Сложным и малоразработанным представляется мне вопрос о барокко в восточно-славянской литературе — особенно в русской. Если возможно говорить о барокко в применении к литературе польской, отчасти белорусской и украинской, то точка зрения Андьяла, что русское барокко охватывает почти два столетия, не представляется мне убедительной. В русской литературе к XVII в. и в первой половине XVIII в., если и были произведения, созданные в духе барокко, то они большей частью принад-

ЧИТАЛНЯ Институт за литература БИБЛИОТЕКА

лежали перу украинских или белорусских писателей. Быстрое.., „Поэтика“ Ф. Прок., который высмеивает иезуитскую барокко драматической и героической поэмы.

Не вполне правомерной представляется мне формулировка на стр. 54 ...и увеличение космополитических элементов в них в эпоху Просвещения, т. е. в XVIII в. Русские писатели интенсивно учились у античной и западноевропейской литературы. Кант называет например своими учителями Персия, Ювенала, Буало, но утверждает, что „взял по-галльски, заплатил по-русски“. Он указывает не только свои источники, подчеркивая самостоятельный характер своего сатир. творчества. Следует обратить внимание проф. Матля на доклад И. Н. Голенищева-Кутузова о гумманизме в Белоруссии и на Украине.

Несмотря на отдельные несогласия с проф. Матлем, я хочу подчеркнуть значительность поставленной им проблемы и необходимость правильно ее решить коллективными усилиями славистов разных стран.

18 септември — 18 сентября — 18 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

W. B. EDGERTON (USA)

THE PENETRATION OF NINETEENTH-CENTURY RUSSIAN LITERATURE INTO OTHER SLAVIC COUNTRIES

American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963, p. 41—78.

В начале XIX века русская литература проникала в остальные европейские страны двумя путями. Первый проходил через Францию и Германию, другой вел непосредственно из России к инославянским странам и был обязан своим существованием знаменательному всеславянскому направлению в культурной жизни, нашедшему себе стимулирующую поддержку в немецком романтизме и встретившему наиболее благоприятную почву в чешской общественности. Помимо народной поэзии, сыгравшей значительную роль в развитии славянских национальных литератур, наибольшую силу проявляли в то время две литературные традиции — польская и русская, послужившие образцом для прочих славянских литератур. Распространению русской литературы значительно содействовали тогдашние тесные связи и легко осуществимые поездки руководящих деятелей славянского пробуждения в различные страны славянского мира. Революция 1848 г. и Крымская война знаменовали конец первого периода литературных связей между русскими и прочими славянскими народами. Среди наиболее значительных литературных достижений названной эпохи следует отметить проникновение сочинений Пушкина и Гоголя к чехам, хорватам и полякам.

В течение периода, начавшегося вслед за Крымской войной, дальнейшая экспансия русской литературы в Европе в значительной степени шла через Францию и Германию, причем единственным автором, проникшим в общеевропейский обиход надолго оставался один лишь Тургенев, открытый в первую очередь французами, затем немцами, а в дальнейшем также чехами, хорватами, сербами, поляками и болгарами. К концу семидесятых годов он приобрел как в славянских, так и в неславянских странах славу одного из величайших европейских писателей, но русская литература в целом большинству европейцев все еще представлялась в то время, пожалуй, неменее отдаленной, чем арабская или персидская.

Положение переменилось с изумительной быстротой в середине восьмидесятых годов. Причины этой перемены сложны и до сих пор недостаточно обследованы, но ясно, что наряду с трудами таких ученых, как Анатоль Леруа-Больё во Франции, таких переводчиков, как Вильгельм Генкель в Германии и влиятельных критиков как датчанин Георг Брандес, капитальную роль сыграла книга *Русский роман* консервативного французского дипломата и писателя графа Мельхиор де Вогюэ, составленная в 1886 г. из первоначальных журнальных статей. Эта работа, сыгравшая, как уже неоднократно отмечалось, неменьшую роль, чем книга *О Германии* Мадам де Сталь, переводилась, пересказывалась и обсуждалась во всех славянских странах, а также и на западе Европы и в Америке. В значительной степени благодаря ее влиянию, к концу восьмидесятых годов русская литература вошла в историю общеевропейской литературы как существенная часть генеральной линии ее развития.

M. PARTRIDGE (Great Britain)

SLAVONIC THEMES IN NINETEENTH-CENTURY ENGLISH POETRY

English poets gave their serious attention for the first time to the Slavs in the last decade of the eighteenth and beginning of the nineteenth century when the Russians carried their military campaigns into a part of Europe not far from our shores. This coincided with the emergence of the great Romantic school of English poetry. Many English romantic poets who used slavonic themes expressed progressive political ideas in their poetry such as no slav poet of the time, owing to the censorship, was able publicly to express. Several poets of the new school found in contemporary political events fresh subjects for developing their ideas of liberty and human compassion. The first important slav theme entered English poetry in this way. It was the theme of supressed Poland struggling for national survival against Russian agression and tyranny. Coleridge, Keats and Leigh Hunt were among those who wrote sonnets to Kosciusko. The wider theme of Poland's glorious failure to retain independence from despotic Russia was treated at greater length several times by Thomas Campbell first in his *Pleasures of Hope* and after the Polish revolt of 1830 in his *Lines on Poland* and *The Power of Russia*. Tennyson also, like Campbell, bitterly deplored England's passive acceptance of the partition of Poland.

A fresh wave of poetry occasioned by the Polish revolt of 1830 struck a different note. It came mainly from proletarian poets working in England together with Polish exiles in the European liberation movement. Knowing these Poles as personal friends they saw the Polish question in human rather than historical or political terms. Though often technically crude their poems ring with deep sincerity. Examples of such poems are James Thomson's *A Polish Insurgent* and Ebenezer Elliot's *Song in Exile.* A curious long poem by the unknown poet John Waters describes a clandestine meeting of European leaders in exile at a secret Political Club in London in 1862. The working-class poetry of the mid-century on the Polish-Russian theme was supported by much purely didactic political verse addressed to the proletariat. Often no better than doggerel, it was more successful in its didactic aim than superior poetry. Much of it was sung at mass meetings of workers. One of the best writers of such political poems was Ernest Jones.

The theme of Russia as a great military power gave rise to poor quality poetry from poets who were politically conservative and some excellent satire from progressives. In *The Fudge Family in Paris* (*Letter VII*) and *Fables for the Holy Alliance* Tom Moore expresses his bitter disillusionment in Alexander's alliance. Wordsworth made three attempts at a poem on the campaign of 1812 while the Crimean War produced much jingoistic and broadsheet verse but no poetry of value. The assassination of Alexander II occasioned better poetry on tyrannicide, some justifying, others deploring it. The best poem sympathising with the assassins was Swinburne's *Russia: An Ode.* He produced an equally compassionate sonnet *On the Russian Persecution of the Jews.*

Byron is distinguished above all others for his original treatment of the Russian military victories. The most important sections of *Don Juan* where slavonic material is used (the taking of Ismail by Suvorov) do not develop the liberty-tyranny theme but are used for some of the finest anti-war poetry ever to have been written.

Practically no English poetry was written on slavonic theme other than Polish or Russian except for a little on the repulsion of the Muslim Turks by Christian slavs. Very little was non-political but there were two successful narrative poems, Byron's *Mazeppa* and Thackeray's *Legend of St. Sophia of Kioff.*

The poetry on political themes was artistically superior to non-political poetry or prose, probably because political subjects were the only ones which our poets took directly from the slavs, and because the condensed evocative form of poetry was a more suitable medium than prose for the working out of themes of liberty, military and political power, despotism, tyrannicide and war. No Englishman had the detailed experience of Russian life required to treat such subjects successfully in prose. It required Tolstoy to develop in prose a theme about war such as Byron, using Russian material, had stated in verse.

Г. ГРАССГОФФ (ГДР)

О РОЛИ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РУССКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУР

Zeitschrift für Slawistik, VIII, 1963, 4, S. 558—570.

При изучении литературных направлений и течений сентиментализм 18-ого века является „пасынком" литературоведения. Однако он никоим образом не принадлежит к незначительным течениям. Едва ли можно себе представить, что без глубокого анализа человеческой психики и различных душевных переживаний мог бы найти художественное выражение внутренний мир как романтического, так и реалистического героя. Решительный разрыв с иерархическими правилами классицизма и его псевдоантичным миром так же, как и более реалистическое изображение в прозе судеб людей феодальных слоев способствовали демократизации литературного развития.

Европейский сентиментализм развился в известных конкретных общественно-исторических условиях. Он является литературным отражением стремления буржуазии к экономическо-политическому господству во время перехода от феодализма к капиталистическому обществу. Не удивительно, что колыбель сентиментализма надо искать в Англии, где в результате буржуазно-демократической революции 1688-ого года буржуазия отвоевала важные политические позиции у английской аристократии.

Общественная перемена отражается вскоре и в литературе. Вместо дворянства и аристократов-полководцев и государственных деятелей жизнь средних классов становится предметом изображения. Литература становится более демократичной, более естественной, она употребляет общепонятный язык и выражает вместо классического государственного резона чувства и переживания человека как такового. Идеологические основы создают передовые идеи Просвещения. Таким образом „Sentimental journey through France and Italy" Штерна, вошедшее, как известно, в литературу как термин сентименталистического направления, содержит, кроме детального описания самых сокровенных мыслей и чувств путешественника, явное отражение просветительских идей. Например речь идет о „age so full of light", которое просвещает весь мир. Путешественник проповедует „mutual toleration" и „mutual love", мир и соглашение между народами. Резкие слова говорятся по адресу рабства, празднуется свобода, „Liberty, whom all in public or in private worship", хвалу которой поют: „the swain is happier than his monarch, from whose court thou art exiled".

Еще сильнее выражается просветительская идеология в романе Руссо „La nouvelle Héloise", который содействовал подготовлению Великой французской буржуазно-демократической революции 1789-ого года. Руссо противопоставляет сельскую жизнь, производительную работу крестьянского населения бездельничанию и развращению города и двора. Руссо с отвращением нападает на рабство:

„J'ai vu ces vastes et malheureuses contrées qui ne semblent destinées qu'à couvrir la terre de troupeaux d'esclaves. A leur vil aspect j'ai détourné les yeux de dédain, d'horreur et de pitié; et voyant la quatrième partie de

mes semblables changées en bêtes pour le service des autres, j'ai gémi d'être homme."

Судьба бедного мещанина и его борьба с дворянским светом стоят в центре романа и у „Вертера" Гете. Несчастный герой у Гете находит резкие слова о провинциальной аристократии, помешавшей его развитию. Также в „Вертере" просветительские идеи достигают предельного выражения в признании революционных сил простого народа:

„Ein Volk, das unter dem unerträglichen Joch eines Tyrannen seufzt, darfst Du das schwach heissen, wenn es endlich aufgährt und seine Ketten zerreisst? Ein Mensch, der über dem Schrecken, dass sein Haus ergriffen hat, alle Kräfte gespannt fühlt..., einer, der in der Wuth der Beleidigung es mit sechsen aufnimmt und sie überwältigt, sind die schwach zu nennen?"

Идеи Просвещения заложены таким же образом и в основу русского сентиментализма, имеющего из-за отсутствия сильного буржуазного класса свои собственные черты и так красочно и выразительно олицетворяемого дворянским писателем Карамзином. Уже в „Письмах русского путешественника" высказывается Карамзин за простую жизнь швейцарских крестьян. Он открыто сочувствует демократическим принципам английского парламента. Он решительно осуждает религиозные распри и ортодоксальный фанатизм в Германии и требует религиозной толерантности. В некоторых статьях о „всеобщем народном образовании" Карамзин требует создания сельских школ и реформы просвещения. „Просвещение есть Палладиум благонравия" — пишет Карамзин в статье „Нечто о науках, искусствах и просвещении". В просветительском вдохновении за распространение народного образования Карамзин даже нападает на культурный пессимизм своего уважаемого учителя Руссо. Правда, он видит не в общественных условиях, а в уровне образования причину жалостного положения народа, но в этом он не отличается от других просветителей. Его идеал — „просвещенный земледелец". Просвещенный крестьянин, по его мнению, всегда будет доволен своим сословием, потому что это „есть самое ближайшее к натуре, и следственно самое счастливейшее".

Он рекомендует, как и Ломоносов в своей речи перед Русской академии художеств народным живописцам, скульпторам и артистам, выбирать темой своих работ знаменательные исторические события отечественной истории. С большой дальнозоркостью он познал значение неимущих слоев русского общества для развития будущих учителей и ученых. Карамзин призывает каждого дворянина представить возможность посещать университетские курсы по крайней мере „одному бедному мещанину". Он заступается за мир и осуждает войну.

Нельзя упускать из виду, что мировоззрение Карамзина проходит разные степени развития, как убедительно доказали некоторые исследователи. Писатель также на всю жизнь не остался сентименталистом, но его последние произведения носят большей частью романтический характер.

J. MAGNUSZEWSKI (Polska)

POLSKI ROMANTYZM A LITERATURY ZACHODNIOSŁOWIAŃSKIE

Z Polskich Studiów Slawistycznych, Warszawa, 1963, II, str. 105—129.

Romantyzm polski stanowi najważniejszy i najbardziej oryginalny wkład Polaków do literatury powszechnej, jednak ze względów językowych twórczość polskich romantyków znana była współczesnym wykształconym kręgom europejskim w stopniu niewielkim. W tej sytuacji na szczególną uwagę zasługuje oddziaływanie romantyzmu polskiego na obszar Słowiańszczyzny, zwłaszcza zachodniej, gdzie przeszkody językowe były stosunkowo małe.

Romantyzm polski odegrał ważną rolę w historii literatur zachodniosłowiańskich, a poprzez nie — w ruchu narodowym Czechów, Słowaków i Łużyczan od czasu, gdy konstytuując się w nowoczesne narody w warunkach politycznej zależności stawiali oni gmach własnej kultury i narodowej ideologii, aż po lata, gdy doczekali się wyzwolenia. Z polską walką narodowo-wyzwoleńczą organicznie złączony, w widocznym z jej rytmem związku oddziaływał romantyzm polski na dążenia wolnościowe tych narodów w duchu szczytnych ogólnoludzkich ideałów wolności, sprawiedliwości i braterstwa. Wydawszy wielką, na poziomie osiągnięć światowych poezję narodową, był romantyzm polski dla Słowian zachodnich zarazem wzorem i źródłem twórczych artystycznych inspiracji w ich własnych poczynaniach i poszukiwaniach zapewniających im miejsce w literaturze i kulturze powszechnej.

Ta rola polskiego romantyzmu najpełniej występuje w Czechach, wyznaczona ciągłą linią oddziaływań od lat dwudziestych XIX w. po koniec pierwszej wojny światowej. Krąg Fr. L. Čelakovskiego, K. H. Máchy, twórczość Sv. Čecha, J. Vrchlickiego, J. Zeyera i czeskich modernistów — oto główne momenty tych oddziaływań.

Na Słowacji doniosła rola przypadła polskiemu romantyzmowi w pierwszej połowie XIX w., w kręgu L'. Štúra, w doniosłym okresie wyodrębniania się słowackiej narodowości i tworzenia podstaw narodowej literatury i kultury. Potem, na przełomie XIX i XX w. poezję polskich romantyków głęboko przeżywał Hviezdoslav.

Także skromne piśmiennictwo łużyckie nie pozostało poza kręgiem promieniowania romantyzmu polskiego. Po doraźnych impulsach od lat trzydziestych XIX w., czerpało ono z tego źródła wiele mocy, gdy poprzez twórczość swego największego poety, J. Ćišinskiego, osiągało pełną dojrzałość.

We wszystkich wypadkach największe znaczenie miała twórczość Mickiewicza, ale i inni romantycy polscy: Słowacki, Krasiński, Malczewski, Goszczyński — nie pozostali bez wpływu.

Wydobywając z tradycji kulturalnych to, co narody łączy, zawsze będziemy musieli podkreślać rolę, jaką na tym polu odegrał romantyzm polski.

J. PIETRKIEWICZ (Great Britain)

POLISH LITERATURE IN ITS EUROPEAN CONTEXT

There is today a very real sense in which the great classics of lesser known literatures are acquiring new fame as the comparative literature of Europe is becoming a reality. Much, however, depends on the way they are presented and this raises several queries.

The first query concerns analogies which, when pursued in detail, tend to emphasise differences. Polish literature's Latin heritage is a case in point: it creates a pattern similar to that of any Western literature, with a continuous tradition from 15th century. Yet there is no medieval epic, no allegorical love poem. The early voice of Poland is lyrical, intensified by the religious themes common to medieval Europe. Or, again the baroque manner, unlike that of Spain, did not create a rich theatrical tradition in Poland.

The real fascination for the comparatist lies in the partial use of the common tradition: e. g. the remnants of allegory which survive into the Renaissance, as in Kochanowski's use of the dream-formula in *Treny*, or the even sharper contrast in the 17th century between the Latin varnish of Jesuit education and the oriental taste beneath. Polish baroque style has every feature of a national style, reflecting deep dichotomies within the national ethos.

A second query concerns the bardic gesture. In a European setting the representative character of Polish romanticism tend to be reduced in favour of other and older periods. What has endured best from romantic writing in exile springs from deeper sources than patriotic messages and consolations. Norwid's poetry in particular makes a more direct impact on the modern mind, familiar with a displacement of peoples, which has broken down barriers and created a sense of unity.

The third query concerns Polish literature's capacity for absorbing diverse national and regional cultures on its borderlands, not only after its union with Lithuania but even during its tripartite existence in the 19th century. It was never exclusive: e. g. Zimorowic's "New Ruthenian Idylls" of 1663, Malczewski's poem *Maria*, "A Ukrainian tale", Mickiewicz's invocation to "Lithuania my fatherland", Jez, who became a spokesman for the Southern Slavs in many of his novels. Earlier, before the idea of nationality became so rigid, linguistic and geographical frontiers had been more fluid, with Gil Vicente, a Portuguise writing in Spanish, and Gower, an Englishman, writing in French. Modern literature seems to be reverting to this old pattern (e. g. Samuel Beckett). Polish literature was outward-looking and cultivated curiosity at all times. In the poetry of Norwid and Kasprowicz especially, or in the novels of Prus, the artist's intellect triumphs over the national and personal tragedy.

The fourth query concerns originality. In a wider context some Polish classics lose their unique qualities and readily conform to a common theme or genre. But some undoubtedly gain, notably those of Polish baroque (Twardowski, Zimorowic). The poetic mood of some Polish novels too (e. g. Żmichowska, Berent, Choromański) depends on the same abrupt juxtapositions and visual enigmas found not only in baroque but in the romantic technique of story-telling (*Maria* and Mickiewicz's narrative monologues in

Dziady). *Pan Tadeusz*, though badly served by translations, also reflects this Polish duality: it is simultaneously archaic and modern, homely and exotic. Other works which would gain by being considered in a wider context are Fredro's comedies in verse, and Wyspiański's *Wesele* which relies on doggerel and ridiculous rhymes to bring off a contrast in mood. Pasek's 17th c. diary and Reymont's "The Peasants" also stand out in their ability to project characters which are the very essence of their environment. And in some modern Polish novels, experiment often leaps ahead of European fiction (Irzykowski's psychoanalytical novel of 1903, *Pałuba*, or Berent's "Winter Corn", 1911, and Choromański's novels of the thirties).

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Н. ГЕОРГИЕВ (България)

В доклада на проф. У. Еджъртън въз основа на широки сравнително-исторически и предимно библиографски наблюдения е направен опит да се проследи проникването на руската литература от XIX в. в останалите славянски страни. В тази широта на начинанието се състои, струва ми се, основната заслуга на доклада, но от нея произтичат и най-големите му слабости: Казаното за отделните славянски литератури страда от непълноти, а и от немалко неточности. В тази насока не прави изключение и българската литература.

Искам най-напред да отбележа, че в биографските данни за някои от българските писатели проф. Еджъртън е допуснал ред неточности (например за Вазов, Пенчо Славейков, д-р Кръстев), подведен, както личи от библиографските справки, от изобилстващата с грешки книга на Менинг и Смал-Стоцки „История на новата българска литература".

Картината на проникването на руския роман у нас би била задоволително пълна, ако проф. Еджъртън бе отделил внимание на българския до и следосвобожденски периодичен печат, а освен това и на обстоятелството, че в този период значителна част от българските читатели са ползували руски език и са чели произведения на руската литература в оригинал и в руски издания (по причина и на слабата издателска база на току-що освободена България). Ограничил значението на термина проникване (penetration) само в библиографския му смисъл — превеждане и издаване, — проф. Еджъртън е допуснал грешка, която има особено лоши последици в случая с България.

Голям интерес пораждат бележките за влиянието на западноевропейската култура върху проникването на руската литература в останалите славянски страни. Този раздел от доклада обаче страда от една съществена субективно-тезисна грешка: проф. Еджъртън преувеличава ролята на западното влияние. Това се отнася, както посочиха досега изказалите се, за всички славянски страни, но особено недопустимо става преувеличението в казаното за България. Добре известно е, че всеки български интелигент от онази епоха, преди да влезе в допир със западноевропейската култура, вече сравнително добре е познавал руската литература. Да се твърди, че Западна Европа е оказала голямо влияние върху про-

никването на руската литература у нас, означава недобро познаване на културната атмосфера в България в десетилетията от Освобождението до края на века. Безспорно Западна Европа е оказала влияние в този процес, но това става предимно в насока на едно по-друго осмисляне, по-друго виждане на фактите от руската литература и има само спомагателно, допълняващо значение.

Но докато въпреки немалкото си грешки и непълноти фактическият материал, представен от проф. Еджъртън, поражда значителен и оправдан интерес, теоретическото му определяне, общата му целенасоченост в търсенията на литературната наука не задоволява. В съвременното състояние на литературоведската компаративистика изследвания от този род не бива да остават изолирани, а трябва, ако не включват, то поне да насочват към по-същностни литературоведски обобщения. Тъкмо това липсва в доклада на проф. Еджъртън. Значението, което той влага в думата проникване, го е довело до един небезполезен, но твърде опасен библиографски емпиризъм. Преводите и изданията на произведения на една литература са наистина в известна степен мерило за влиянието на тази литература, но само в известна степен, тъй като тук участвува много сложен комплекс от фактори, който може рязко да снижи показателността на библиографските данни и да доведе изследвача до заблуждение. Примерът с България е само един от многото възможни такива случаи.

Ю. ДОЛАНСКИЙ (Чехословакия)

С точки зрения развития чешской и словацкой литератур нельзя согласиться с основным тезисом доклада проф. В. Д. Эджертона, что русская литература XIX века проникала в наши славянские литературы посредством западноевропейских литератур. Такое мнение противоречит действительности. Общеизвестно, что уже крупнейшие представители чешского и словацкого национального возрождения, начиная с конца XVIII и в течение всего XIX веков имели прямые непосредственные связи с русской литературой. Начиная с Добровского, Юнгманна, Шафарика, Коллара, Ганки, Челаковского и т. д. и до Гавличека, Штура, Эрбена, Божены Немцовой и многих других чешских и словацких писателей — все они изучали и любили русскую литературу, читали ее в подлиннике, переводили на чешский и словацкий язык, и очень часто она была для них источником вдохновения в их собственном художественном творчестве. Из истории наших литератур общеизвестно также, сколько личных непосредственных связей было установлено начиная с конца XVIII века между чехословацкими и русскими писателями. Только недостаточное знакомство с документальным материалом могло бы стать причиной утверждения обратного. При этом само собой разумеется, что мы не собираемся недооценивать популярности русской литературы в Западной Европе. Исключительный интерес, проявившийся к произведениям русского критического реализма в западноевропейских странах, еще больше укрепил, начиная с 60-х годов XIX века, авторитет русской литературы у чешской и словацкой общественности. Это обстоятельство в отдельных случаях способствовало тому, что несколько произведений русской литературы было в короткий срок переведено на чешский и словацкий языки.

Но это совершенно не меняет того обстоятельства, что связи между чехословацкой и русской литературой развивались с конца XVIII века и до настоящего времени прямо и непосредственно, без посторонней помощи. Любое представление о западноевропейском „культуртрегерстве" в области чехословацко-русских литературных связей — антиисторично и антинаучно.

J. KULCZYCKA-SALONI (Polska)

Prof. W. B. Edgerton poruszył w swym pięknym wykładzie tyle problemów z dziedziny polsko-rosyjskich związków literackich, że polemikę z nim będę musiała ująć w dużych skrótach. Ponieważ przemawiający przede mną prof. N. I. Bałaszow i prof. Igor Bełza omówili romantyzm polski, dziękując im, że mnie wyręczyli, zajmę się literaturą polską po roku 1863. Twierdzenie autora, że literatura rosyjska docierała do polskiego czytelnika poprzez niemieckie lub francuskie przekłady, jest słuszne wylko w stosunku do Galicji i W. Ks. Poznańskiego. Polacy pod zaborem rosyjskim znali język rosyjski i uważnie śledzili prasę i literaturę rosyjską, czego dowodzi natychmiastowa reakcja prasy warszawskiej na ciekawsze wypowiedzi rosyjskie. Rreczywiście brak w prasie polskiej zaboru rosyjskiego syntetycznych artykułów poświęconych literaturze rosyjskiej, ale niełatwo było umieszczać takie artykuły, skoro literatura rosyjska i polska podlegały równie ostrej cenzurze i bynajmniej nie każdy pisarz rosyjski był mile widziany na łamach prasy polskiej. Natomiast w artykułach poświęconych ogólnej sytuacji literatury europejskiej pisarze rosyjscy wymieniani są na pierwszym miejscu. Wielka powieść rosyjska jest stale obecna w świadomości polskiej jako pozycja o światowej doniosłości. Żywym zainteresowaniem i szacunkiem darzą wielkich powieściopisarzy rosyjskich tacy pisarze polscy, jak np. Prus, Orzeszkowa, Konopnicka. Piękną kartę ma w dziejach literatury polskiej Lew Tołstoj ceniony i jako pisarz, i jako filozof. Równie bogata a bardziej dla komparatysty interesująca jest historia Dostojewskiego, który ceniony i przyswojony już w pokoleniu Prusa, stał się wielką inspiracją artystyczną dla pokolenia Żeromskiego i Przybyszewskiego.

A. FLAKER (Jugoslavija)

Profesor Edgerton u svome je referatu zahvatio veoma široko u problematiku koja je u naslovu označena. Iskoristio je i obilan materijal s područja svoga bavljenja. Ovdje ne bih htio ulaziti toliko u kritiku njegove osnovne teze, koliko, slijedeći prof. Badalića koji je već dao neke svoje napomene u vezi s recepcijom Turgenjeva u Hrvatskoj, dopuniti referat nekim činjenicama s hrvatskoga područja. Čini mi se, naime, da je profesor Edgerton precijenio ulogu de Vogüéove knjige u slavenskim zemljama, posebno govorim, dakako, o Hrvatskoj. Tačno je da je knjiga „Le roman russe" imala stanovita odjeka u hrvatskoj književnoj kritici, ali je daleko značajnije da su Hrvati prihvaćali u to vrijeme rusku književnost izravno. A radi li se o posrednicima, posebno mi zadovoljstvo čini što ovdje, u Sofiji, mogu naglasiti kako je velike zasluge u popularizaciji ruske književ-

nosti u Hrvatskoj početkom osamdesetih godina stekao upravo jedan Bugarin — student Ilija Milarov, koji je u Zagreb došao neposredno iz Rusije nadahnut idejama Černiševskoga, Dobroljubova i Pisareva i izvršio snažan utjecaj u sredini hrvatske intelektualne omladine. A radi li se napose o Tolstoju i Dostojevskome, valja ovdje istaći da su obojica bili u Hrvatskoj poznati prije pojave de Vogüéove knjige, a Dostojevski i nešto obilnije prevodjen (Poniženi i uvrijedjeni, Netočka Nezvanova, Bijele noći, 1884). U to vrijeme oživjeli su i neposredni kontakti hrvatske inteligencije s Rusijom, pa bi tom prilikom valjalo npr. spomenuti ulogu Krunoslava Heruca, hrvatskoga knjižara u Petrogradu, koji je u drugoj polovici osamdesetih godina redovno dostavljao i preporučivao pojedine ruske knjige i časopise. Izmedju ostaloga, on je god. 1887. otkupio Tolstojevu zbirku „Narodnye rasskazy" (izdanje „Posrednika") od ruske cenzure koja je knjigu bila zaplijenila i cijela je naklada ponovo „izdana" u izdanju hrvatskog studentskog društva „Zvonimir" u Beču s ciljem da se raspačava prvenstveno u Hrvatskoj. Medjutim, i usprkos takvim dosta živim kontaktima i de Vogüéovoj knjizi, ni Dostojevski ni Tolstoj nisu u hrvatskoj književnosti još dugo dobili ono mjesto kakvo je, prije njih, pripalo npr. Turgenjevu. Uzroke tome valja, prije svega, potražiti u specifičnostima razvitka same hrvatske književnosti, a upravo one, u prvom redu, odredjuju i mogućnosti prihvaćanja pojedinih uzora.

W. B. EDGERTON (U.S.A)

Professor Badalić gave such a clear and persuasive answer to my criticism of his position on Turgenev in Croatia that I am tempted to withdraw a small but important syllable in my paper and say, not that "Badalić is unconvincing", but that "Badalić is *convincing*".

The comments and additional information presented by Mr. Balašov, Mrs. Nicolescu, and Mrs. Kulczycka-Saloni were very stimulating and useful, regardless of the extent to which I disagree with them.

By a curious coincidence several speakers, including Mr. Balašov, Mrs. Nicolescu, and Mr. Šeptunov, imputed a negative, even a sinister, meaning to the word *penetration* — проникновение — in the title of my paper. Since I could cite numerous examples of this same usage in Soviet scholarly literature and since Mrs. Nicolescu herself used проникновение in exactly the same sense as I in the first sentence of her own Congress paper, I cannot take this criticism seriously. As for Mr. Šeptunov's astonishing criticism of what I wrote about Bulgarian literature I can only suggest that he read the full English text of my paper again. He emphasized the importance of Russian literature in Bulgaria and so did I — in three full pages of my paper. How can we disagree? I did add, however, that we need further research in order to evaluate *all* the influences on Bulgarian literature coming from *all* directions.

In reply to Mr. Dolanský's seriously mistaken impression that I was defending some kind of cultural imperialism in my statements about the role of French and German literature as intermediaries among the Slavs, I can only remind him of the concluding sentences of my paper: "All Slavists, and all Slavs, do speak a common language, and it is neither German, nor French, nor Rassian, nor English. It is the language of a common European

cultural heritage, with a common source of values, to which various members of the European family have contributed in varying degree in the past, and which is for all a hopeful source of unity within diversity in the future."

П. Н. БЕРКОВ (СССР)

Д-р Г. Грасхоф плодотворно работает по изучению истории русской литературы XVIII века. Сначала его внимание привлекал Кантемир, сейчас он с успехом занимается изучением более поздней эпохи — вплоть до Карамзина. Им написан для учебника по истории русской литературы, выпускаемого в ГДР, раздел, посвященный литературе XVIII века, — очень интересный, свежий, богатый фактическим материалом и умными соображениями.

Не менее интересен и вдумчив его сегодняшний доклад, представляющий сокращенную редакцию его статьи в „Zeitschrift für Slawistik". Основная идея статьи такова: классицизм, сентиментализм и зарождающийся в XVIII веке реализм представляют различные литературные проявления одного общего для данного столетия идеологического направления — Просвещения (Aufklärung). В сегодняшнем докладе эта мысль выражена главным образом по отношению к сентиментализму.

В своем докладе д-р Грасхоф ссылается на работы советских исследователей — Л. В. Крестовой, Г. П. Макогоненко и мои, посвященные Карамзину. В этой связи мне хотелось бы отметить следующее: одной из характерных черт советских исследователей, в особенности тех, которые изучают литературу XVIII века, является то, что они не успокаиваются на достигнутом, не довольствуются найденными определениями и формулами. Они дотошно, скрупулезно пересматривают доставшиеся нам от наших предшественников материалы и взгляды, а также свои собственные, как только обнаруживают новые факты, противоречащие этим взглядам. Так, например, обстоит и с точкой зрения на Карамзина. С давних пор его считают „представителем сентиментализма". Так смотрел на него еще недавно и Г. П. Макогоненко. Замечу кстати, что проф. Макогоненко — один из наиболее крупных наших литературоведов — соединил в себе две школы: с одной стороны, он — лучший ученик проф. Г. А. Гуковского, с другой, — по ряду причин кончал свою диссертацию под моим руководством, но важнее всего то, что он сейчас сам глава школы. Я говорю об этом, чтобы стало понятно дальнейшее. Сейчас в Ленинграде мы с Макогоненко издаем двухтомные „Избранные произведения" Карамзина с нашей общей согласованной статьей. В ней проводится мысль о том, что Карамзин не застыл на позиции сентименталиста, на которой он был только в конце 1780-х и в самом начале 1790-х годов, и продолжал пытливо искать новые пути в литературе. К чему он пришел? Для тех литературоведов, которые привыкли мыслить категориями литературных направлений, „измов", вопрос ясен: либо к романтизму, либо к реализму. У нас же — я имею в виду Макогоненко и себя — нет такого ответа, такого решения.

Я смею думать, что пора перестать при изучении литературы XVIII века пользоваться терминами „классицизм", „сентиментализм" и

т. д. Они каждым ученым понимаются по-своему, наши читатели находятся в затруднении. Что дает нам обозначение какого-либо „изма"? Ничего. Я не имею времени развивать здесь свою точку зрения. Она изложена мною в статье „Проблемы изучения русского классицизма", печатающейся в сборнике „Русская литература эпохи классицизма".

Я позволяю себе думать, что те коллеги, которые доживут до следующего, VI съезда славистов, может быть, будут свидетелями того, что литературная наука, — по крайней мере, при изучении XVIII века, — откажется от „измов".

Z. LIBERA (Polska)

W interesującym referacie dr. Grosshoff przedstawił problemy sentymentalizmu rosyjskiego na tle literatury angielskiej, francuskiej i niemieckiej. Pragnę zatrzymać się nad dwoma zagadnieniami, które wyróżniają, się swoją wagą i mają charakter ogólniejszy. Pierwsze zagadnienie to problem bohatera sentymentalnego, drugie — to sprawa treści społecznej sentymentalizmu. Oba interesują badacza dziejów literatury polskiej, która nie może być pominięta w tle porównawczym.

Sentymentalizm w Polsce w odróżnieniu od literatury zachodniej objawia się głównie w liryce i w dramie sentymentalnej. Można dostrzec jego cechy w pamiętnikach (Karpiński) i w powieści. Bohater sentymentalny — to człowiek wrażliwy na krzywdę chłopa, to chłop od naczający się bogatym życiem wewnętrznym, wrażliwy na cudzą niedolę, przywiązany do rodziców. Słowem jest to bohater bogatszy pod względem psychologicznym, a jednocześnie budzący w duszy czytelnika uczucia społeczne.

Treść społeczna sentymentalizmu jest zjawiskiem złożonym i należy ją rozpatrywać w rozwoju czasowym. Inaczej ona wygląda w XVIII wieku, inaczej na początku wieku XIX, kiedy sentymentalizm objawia się w głównie w powieści. W przejawach literatury sentymentalnej dostrzegamy treści demokratyczne i postępowe (zainteresowanie się chłopem, Cyganami, Żydami), nie zawsze to jednak wygląda tak prosto i jednoznacznie, zwłaszcza w powieściach, które nie rezygnują z maniery stylistycznej właściwej sentymentalizmowi, nie przejawiają zainteresowań problemami niedoli ludzkiej wynikającej z warunków społecznych.

H. JECHOVÁ (ČSSR)

Studium vzájemných vztahů dvou a více literatur je velmi obtížné, neboť při něm lze těžko vymezit okruh zkoumaných materiálů. Při badatelské práci tohoto druhu byla dosud věnována hlavní pozornost překladům a přímým zmínkám o jedné literatuře v kontextu literatury druhé, tj. recenzím, zmínkám v časopisech, pamětech a korespondenci, eventuálně i narážkám v původní literatuře, pokud šlo o narážky nápadné a nesporné. Výchozím bodem bývalo často i studium osobních styků autorů různých národů. Zkoumání tohoto typu je nezbytné a často může blíže osvětlit kulturní vztahy různých národů v určité epoše, z dnešního hlediska je však spíše výchozím bodem než cílem vědeckého bádání. Znalost děl cizí literatury se nešíří pouze

překlady a nešíří se pouze přímo. Kdybychom vycházeli jen z překladů, museli bychom tvrdit, že se do r. 1963 nemohl v české literatuře a u českých čtenářů objevit vztah např. ke Camusovu Moru. Takové tvrzení by však bylo absurdní. Určitý počet čtenářů četl totiž tuto knihu v originále, eventuálně v překladech do jiných jazyků, a spousta lidí, kteří ji nečetli, o ní diskutovalo, ať už ze snobismu nebo ze snahy něco bližšího se o ní dozvědět.

To, co pozorujeme v přítomnosti, můžeme mutatis mutandis předpokládat i v minulosti. Větší ohlas může mít někdy kniha nepřeložená, o které nebyly vytištěny žádné recenze, než kniha přeložená a oficiálními recenzemi chválená. Znalost literatury se nešíří jenom knihami, publikovanými články a zprávami, ale někdy i soukromými diskusemi, různými typy netištěných úvah atd. Studium takto široce chápaného ohlasu je však nesmírně těžké, neboť nelze rekonstruovat nezapsané diskuse, které byly vedeny v třicátých a čtyřicátých letech minulého století.

Domníváme se proto, že pro studium ohlasu jedné literatury v kontextu literatury druhé je nutno vycházet ze základních tendencí obou literatur a stanovit v čem jsou si blízké a v čem se rozcházejí. Kulturní ohlas se může plně uplatnit pouze v prostředí, které mu je do jisté míry příbuzné, eventuálně které je takového charakteru, že může dané impulsy přijmout. Chceme-li tedy studovat skutečný ohlas polské romantické literatury v českém prostředí, musíme si všimnout i toho, jaký byl v daném období a v obdobích následujících charakter literatury české. Zkoumání přímých zmínek o polské literatuře v českém kontextu by tedy bylo třeba doplnit typologickým studiem obou literatur.

I zdánlivě stejné zjevy mohou být projevem různého typu ohlasu. V období mezi dvěma válkami překládal např. A Černý Słowackého Krále Ducha, za druhé světové války překládal dramata Słowackého Fr. Halas. Třebaže však šlo o překlady děl jednoho autora, a to v nepříliš velkém časovém rozpětí, jejich význam pro českou literaturu je značně rozdílný, a to nejen proto, že Halas byl jedním z nejtalentovanějších básníků, zatímco Černý byl spíše nadšeným polonofilem a básníkem průměrným. Důležité bylo především to, že každý z těchto překladatelů zasazoval polského romantického básníka do jiného kontextu české literatury. Nejde tedy pouze o to, zda dílo bylo přeloženo a kdy, ale především o to, kdo je překládal a proč. I na tyto otázky nám odpověď může dát především konfrontace obou literatur.

Pro ohlas polského romantismu v české literatuře je důležité to, že model polské romantické literatury je dosti odlišný od modelu české literatury daného období, že se v každé literatuře uplatňovaly jiné žánry, jiný typ zobrazení skutečnosti a zaměření na jiný typ čtenáře. Zároveň však polská romantická poezie vzbuzovala v Čechách velký zájem z důvodů literárních i mimoliterárních. Ohlas polského romantismu v Čechách je potom výrazem zápolení typologické různosti a estetického i ideového zájmu.

Práce prof. Magnuszewského je velmi záslužná, neboť ukazuje s velkou pečlivostí a přesností zmínky o polském romantismu v literaturách všech západních Slovanů a je možno říci, že jeho referát uzavírá první fázi zkoumání těchto kulturních styků. Kladným rysem každé vědecké práce je však i to, otevírá-li cestu ke zkoumání dalšímu. Badatelská práce prof. Magnuszewského má plně tento charakter a lze předpokládat, že další fáze jeho zkoumání v oblasti typologického srovnávání slovanských literatur přinese výsledky stejně záslužné jako jeho činnost dosavadní.

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

S. FISZMAN (Polska)

DROGA MICKIEWICZA I PUSZKINA DO HISTORYZMU ROMANTYCZNEGO

Historyzm romantyczny, jak w ogóle romantyzm, kształtował się w polemice z wiekiem Oświecenia, ale romantyzm i Oświecenie dzieliły nie tylko spory, lecz łączyły więzy pochodzenia. Wiek historii przeciwstwiał się wiekowi filozofii, ale historyzm narodził się z integracji historii i filozofii właśnie w wieku filozofii. Świadomość przełomowego znaczenia Oświecenia dla stworzenia podwalin historyzmu romantycznego żywa była w Polsce i w Rosji już współcześnie.

W lekturze Mickiewicza i Puszkina odnaleźć można dość kompletny zestaw publikacji historiozofów oświeceniowych, i tych spod znaku prawa natury, i tych, co podejmowali próby zwalczania prowidencjalizmu i teleologizmu przez poszukiwania praw rozwoju dziejów ludzkich. Jednaka więc była sumienna szkoła myśli oświeceniowej przodującej młodzieży Rosji i Polski na początku XIX wieku, ale już wtedy odmienna sytuacja obu narodów sprawiała, że te same lektury do innych skłaniały refleksji. Rzeczywistość rosyjska — w przeciwieństwie do polskiej — nie nakładała bolesnego obowiązku szukania analogii z nieszczęściami własnego kraju.

Gdy mowa o szkole myśli oświeceniowej, zwłaszcza francuskiej, w kształtowaniu polskiego i rosyjskiego historyzmu romantycznego, w oddziaływaniu na Mickiewicza i Puszkina, same przez się narzucają się dwa zjawiska o znaczeniu nie tylko doniosłym, ale niejako nadrzędnym. Zjawiskami tymi są Voltaire i Rousseau. Oddziaływanie Voltaire'a było wszechobejmujące, jak uniwersalny był jego geniusz, ale ważkim tego wpływu elementem było przetarcie drogi ku historyzmowi. Funkcję tę pełniły zarówno literackie, jak i historyczne dzieła Voltaire'a. Z wykładów Lelewela na uniwersytecie wileńskim znał Mickiewicz prace historyczne Voltaire'a i jego teoretyczne wypowiedzi na temat historii. Poprzez szkołę wolterowskiej filozofii historii, poprzez gryzące szyderstwo ze scholastycznych metod historii, poprzez sekularyzację historii jako nauki i podważenie dotychczasowych autorytetów i tradycji, poprzez dążenie do wyjaśnienia mechanizmu dziejów ludzkich, poprzez wyrażone w wykładach Lelewela najwyższe uznanie dla przełomowego znaczenia wolterowskiej historiozofii, a równocześnie poprzez zawartą w tych wykładach krytykę wolterowskiego prawa natury, założeń o niezmienności natury ludzkiej, jako podstawy jedności dziejów, poprzez krytykę wolterowskiego aprioryzmu, abstrakcjonizmu i moralizmu — Mickiewicz dotarł do zasady historyzmu romantycznego.

Wzrastające zainteresowanie historią w początkach lat dwudziestych, związane m. in. z dyskusjami nad ukazującymi się tomami „Historii Państwa Rosyjskiego" Karamzina, sprawiło zapewne, że Puszkin sięgnął do prac historycznych Voltaire'a, pojął ich istotny sens, zrozumiał wagę pierwszeństwa Voltaire'a w ogłoszonych i realizowanych przez niego zasadach filozofii his-

torii. Podobnie jak Mickiewicz przeszedł przez fazę wolterowskiej historiozofii, by dojść do historyzmu romantycznego, którego program wcielał zarówno w utworach literackich, jak również w pracach historycznych.

Jako prekursor romantyzmu, w o wiele większej niż Voltaire mierze był Rousseau władcą dusz pokolenia Mickiewicza i Puszkina. Rousseau nie pisał dzieł historycznych ani nie stworzył koncepcji historiozoficznej, ale jego myśli, chociaż w pośredniej, ale niemniej potężnej mierze wpłynęły na ukształtowanie pojęcia historyzmu romantycznego. Występując przeciwko uniwersalizmowi Oświecenia, historyzm romantyczny jako jedno z naczelnych swych zadań wysunął ideę narodu. Silnie zaakcentował myśl o specyfice dziejów poszczególnych narodów, ich odrębności i swoistości. Cechy indywidualne narodów na podobieństwo cech indywidualnych jednostek stanęły w centrum uwagi historyków. Ale by można było dojść do takich konkluzji, należało przedtem poprzez zagłębienie się w przeżycia poszczególnego człowieka wzbudzić zainteresowanie dla ludzkiej indywidualności. Odkrywcą ludzkiej indywidualności w sensie społecznym był Rousseau. Droga do przekonania o cechach indywidualnych narodu prowadziła poprzez indywidualizm Rousseau.

Z myślami autora „Umowy społecznej" traktowanymi z punktu widzenia historiozofii spotkać się mógł niejednokrotnie Mickiewicz i filomaci na wykładach wileńskich Lelewela oraz w jego ogłaszanych wówczas artykułach i recenzjach. Jak świadczą badania problemu Rousseau — Mickiewicz, filomacki okres Mickiewicza nazwać by można okresem russowskim. Szkołą Rousseau było dla Puszkina liceum carskosielskie. Poprzez indywidualizm romantyczny, zrodzony wyraźnie w russowskiej atmosferze, Puszkin zbliżał się do zrozumienia jednej z podstawowych prawd historyzmu, zrozumienia historii jako dziejów losów narodu i jego wyroków, od których zależny jest bieg historii, losy zbrodniczych władców.

Myśli Voltaire'a i Rousseau legły u progu historyzmu Mickiewicza i Puszkina. Jest rzeczą zrozumiałą, że historyzm ten już w swym początkowym stadium kształtował się pod wpływem wielu innych myślicieli rodzimych i obcych, pod wpływem najbliższego swego środowiska i atmosfery intelektualnej okresu. Najogólniej powiedzieć można, że to, co w tej krystalizacji historyzmu obu poetów i ich środowisk było wspólne, łączyło się z zasadniczymi cechami kultury romantycznej epoki, co ich różniło — było wynikiem odmiennych losów ich narodów.

ЧИТАЛНЯ

М. ПИШУТ (Чехословакия)

ПРОБЛЕМАТИКА СЛАВЯНСТВА В СЛОВАЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ РОМАНТИЗМЕ

Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha, 1963, str. 207—212.

В первой половине 19-го века идея славянства имела в словацкой литературе важное и специфическое значение. Чем слабее была национальная буржуазия, тем больше она занималась вопросом исторической роли славянства как единого целого. Представление об единстве славян базировалось на языковом и этническом родстве славянских наций и на

БАН
Институт за литература
БИБЛИОТЕКА

их распространенности в Европе. Ян Коллар закрепил это представление в поэтическом образе, в который он перенес все положительные культурные и общественные цели национального движения. Но это представление было сопряжено и с существованием царской России как феодальной державы, и поэтому оно неизбежно содержало в себе внутренние противоречия: с одной стороны, идею гражданской и национальной свободы, с другой же — существование самого жестокого крепостничества. Это противоречие ощущалось всеми литературными поколениями и каждое из них его решило по-своему. Спецификой словацкой литературы первой половины 19-го века является то, что она, по сравнению с иными славянскими литературами, очень много занималась тематикой славянства. Ян Коллар в своей поэме „Дочь Славы" от 1824 г. создал модель поэтической концепции славянства, влияние которой сказалось на целом ряде литературных произведений.

Карол Кузмани в своем философском романе „Ладислав" (1838) решил снова вопрос славянства с очевидной симпатией к Польше, не отказавшись, однако, от веры в руководящую роль России. Противоречия в представлении единства славян он хотел решить путем обучения и просвещения народа. Молодое романтическое поколение 30-х годов находится под сильным влиянием А. Мицкевича и сначала оно симпатизирует с Польшей. Это было связано с нарастанием волны революционного романтизма. Но даже в это время идея единства славян не теряла своей привлекательности и находила свое отображение во многих меньших и больших поэтических произведениях. У Л. Штура и его учеников подкрепляет ее даже влияние философии истории Гегеля и его эстетики. Один только поэт Янко Краль принципиально определяет свое революционное мышление по отношению к идее славянского единства. Он пришел к такому выводу, что идею славянского единства не считал народной и национальной, — он ей придал сверхнациональное, общечеловеческое назначение. Он понял цель русских и польских революционных демократов (стихотворение „Свадьба"), верил в восстание крепостного крестьянства и в полное устранение феодализма и монархизма, в братство народов, без господства одного над другим.

Антипод Л. Штура — Ионаш Заборски — написал в 60-е годы цикл исторических пьес из истории всего славянства (27 пьес), преследуя либералистические идеи 19-го века. Он хотел таким образом парализовать художественный образ единства славян. От концепции единства славян отказался также и драматик Ян Паларик в статье „О взаимности славян" (1864). Из приведенного ясно, что проблематика славянства имела в словацком литературном романтизме роль катализатора всего национального движения. Она помогала найти выход из тяжелого национального и социального гнета. Выход из противоречий был намечен прежде всего революционно-демократическим предложением Я. Краля. Вторая положительная сторона идеи славянства нашла свое проявление в развитии научной славистики в традициях Добровского и Шафарика. Во всяком случае, противоречия, содержащиеся в представлении о единстве славян, являлись мощным толчком для идейной борьбы в эпоху словацкого литературного романтизма и их последствия проявлялись в дальнейших этапах народно-освободительной борьбы.

N. LUDWIG (DDR)

DER PROZESS DER VEREINSAMUNG IN DER LITERATUR DES KRITISCHEN REALISMUS UND SEINE ÜBERWINDUNG IN DER LITERATUR DES SOZIALISTISCHEN REALISMUS

Zeitschrift für Slawistik, VIII, 1963, S. 631—646.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Г. ВЪЛЧЕВ (България)

Проф. Пишут по аналитичен път идва до редица проникновени изводи и безспорни констатации, някои от които ще си позволя да повторя, защото третираната от докладчика централна тема в една конкретна славянска литература (словашката) има ориентировъчен характер и за културите на останалите поробени славянски народи от оная епоха, когато единствена самостоятелна славянска държава е била Русия.

Съвсем не априорна е констатацията на докладчика, че колкото по-слаба е била буржоазията на поробените славянски народи, толкова повече се е интересувала от историческата роля на славянството като цяло. Любопитна е и констатацията, че представата за славянството като цяло е била най-привлекателна, когато е била свързана с представата за хегемонията на самостоятелна Русия — както това е било в словашкото националноосвободително движение и култура и, разбира се, не само в словашкото.

Проф. Пишут следва тематиката не в нейната политическа изява, а идва и до общополитически и идеологически изводи, именно като анализира поетичните метаморфози на темата за славянството като цяло в голямата поезия на словашките романтици (Само Халупка, Янко Крал, Андрей Сладкович, Ян Бото). Като първа най-внушителна поетическа проява на представата за славянството като цяло проф. Пишут сочи известната творба на Ян Колар „Дъщерята на Славия“ (1824).

Много ценна е и констатацията на проф. Пишут, че в словашкия национален печат до 1918 г. е съществувал един неписан цензурен закон да не се пише нищо против руското самодържавие и крепостническия строй с цел да не се накърнят представите за Русия като опора на словашкото национално движение. В същото време словашките будители водят страстна полемична борба срещу австро-унгарските магнати на страниците на своя национален печат. Не дава ли това основание да поставим като необходимо условие пред изследователите на словашката история и култура да изследват и ония неочевидни (по материали в печата) документи и да правят своите литературноисторически оценки и с оглед на това положение, характерно за словашкия културен и политически живот до освобождението на Чехословакия от австро-унгарско робство? Проблемата и идеята за славянството като цяло с нейните определения за свобода и човешко братство надхвърля ограничената буржоазна концепция и в нейната художествена трактовка е наистина придобивка и израз на цялата словашка възрожденска култура и литература.

И накрай искам да отбележа, че Словашкото национално възраждане и неговата проблематика могат да бъдат осветлени едва днес в непресекващия социалистически културен ренесанс на словашкия народ.

J. MAGNUSZEWSKI (Polska)

Kilka uwag na marginesie interesującego referatu prof. M. Pišúta, który przekonująco ukazał złożoność problematyki słowiańskiej w słowackim romantyzmie literackim. Obraz oddziaływania tej problematyki byłby pełniejszy, gdyby uwzględniał fakty jej przenikania od Słowaków do innych Słowian: Serbów, Chorwatów, a także Łużyczan. Warto by nadto zwrócić uwagę, jak problematyka słowiańska wpływała na swoiste przetworzenie w literackich utworach szturowców różnych elementów znanych romantyzmowi europejskiemu w ogóle, a słowiańskiemu w szczególności. Przykładem może być poemat L'. Želli „Rastislav", w którym postać samotnego rewolucjonisty, jaką Želło poznał w Mickiewiczowym „Konradzie Wallenrodzie", uległa metamorfozie i stała się postacią zbłąkanego syna Słowiańszczyzny wracającego na łono swej szerszej — słowiańskiej i ściślejszej — słowackiej ojczyzny.

Zdanie referatu, że Kuzmány zamieścił w powieści „Ladislav" liczne przekłady z Mickiewicza, Puszkina i in. po to, aby zaznajomić słowackich czytelników z nowymi literaturami słowiańskimi, może trochę dezorientować. Cytaty z Mickiewicza pełnią bowiem w tym utworze inną funkcję zasadniczą: wiążą się z teoretycznymi rozważaniami o charakterze, źródłach i celu twórczości literackiej, służąc jako ich ilustracja. Kuzmány aprobował tylko sentymentalne i ludowe pierwiastki poezji Mickiewicza, wielką zaś jej część, służącą idei walki zbrojnej o wolność, odrzucał.

20 септември — 20 сентября — 20 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

T. ULEWICZ (Polska)

ZWĄZKI KULTURALNE I LITERACKIE POLSKI ZE SŁOWIAŃSZCZYZNĄ POŁUDNIOWOZACHODNIĄ W DOBIE HUMANIZMU I RENESANSU

Wykład był streszczeniem rozprawy, która w całości ukazała się w tomie czwartym krakowskiego Ruchu Literackiego (zesz. 4, lipiec-sierpień 1963, s. 163—161), mianowicie w jego zeszycie specjalnym, ofiarowanym przez Redakcję pisma V Międzynarodowemu Zjazdowi Slawistów w Sofii.

Zamiary autora oraz zakres referatu wygłoszonego były przeto ściśle określone. Chodziło przede wszystkim o charakterystykę ogólną oraz o przedyskutowanie na forum slawistycznym rozległej problematyki badawczej w tym zakresie, problematyki rozważanej na bogatym materiale przykładowym najważniejszych tutaj osobistości, pisarzy i tytułów dzieł literackich z wieku XV i XVI, omawianych na tle wydarzeń historycznych i głównych zagadnień kulturalnych epoki. Źródła i materiały archiwalne w tej dziedzinie, w większości wypadków dalekie od wyczerpania, nieraz zaś nawet zupełnie dotychczas nie uwzględniane (np. niektóre materiały kościelne, sprawa powiązań klasztorów i zakonów polskich ze Słowianami bałkańskimi), są dla czasów renesansu tak różnorodne, że zasługują od dawna na bliższe zbadanie. Na obszerne studium szczegółowe, którego linię zasadniczą i potrzebę badawczą starano się w referacie ukazać.

Ożywiona i ciekawa dyskusja poparła tezy raferatu, ilustrując je szczegółami dalszymi. W odpowiedzi dorzucono szereg faktów nowych, uwydatniając główne postulaty i możliwości badawcze na przyszłość.

К. КУЕВ (България)

КЪМ ВЪПРОСА ЗА СЛАВЯНСКОТО ЕДИНСТВО В ПОЕЗИЯТА НА ПЕТЪР ПРЕРАДОВИЧ

Славянска филология, София, 1963, IV, стр. 97—119.

Петър Прерадович (1818—1872) е един от най-видните певци на идеята за славянското сближение и обединение в хърватската поезия. До тази идея той идва под влиянието на редица обществено-исторически събития, които имат пряко отношение към неговия живот — през 40-те години на XIX в. той попада под силното влияние на патриотично настроени хърватски дейци. А по това време илиризмът като политическа, националноосвободителна и културна партия вече се е оформил и неговият характер е изяснен. Затова поетът успява да даде в своите песни синтез на илирийската идеология при конкретните хърватски условия. Националното свестяване и славянската ориентация на Прерадович са резултат на дълъг и сложен процес. Разбитите надежди след 1848—1849 г. и засилването на реакцията карат поета да търси спасение за родината си в славянството като цялост, в идеята за славянско сближение и обединение на силите срещу поробителя.

От друга страна, славянофилството на Прерадович има и философска основа — под влияние е на Хердеровите идеи за славянството. Успокоение и разрешение на национално-политическите въпроси той намира в етичното учение за славянството. „Славянския дух“ и „славянската душа“ поетът противопоставя на ония политически системи, които убиват човека и които са лишени от силата на любовта между хората. В духа на идеите на Русо в едно писмо от 1852 г. той пише: „Славяните са по-близо до природата, отколкото който и да е друг народ, та затова те чувствуват злото на системите, които вместо да развиват, притискат човешкия дух в своите клещи... семето на нашето щастие не ще израсте на чужда почва.“ В борбата за прогрес славянството според Прерадович е най-

жизнеспособно. Оттук се подхранва и вярата на поета в светлото бъдеще на неговата родина.

Схващането на Прерадович за ролята на славянството е и отрицание на тогавашните стремежи в Европа за хегемония на едни народи над други. На тези стремежи поетът противопоставя идеята за братството и равноправието между народите. А идеята за обнова на света чрез любовта според Прерадович не крие в себе си никаква опасност да прерасне тя в стремеж към надмощие. В такъв случай свободното съществуване и на по-малките народи, какъвто е и хърватският, е гарантирано.

Пътят на славянското осъзнаване на Петър Прерадович е път и на други славянски дейци от онази епоха.

Ф. ВОДИЧКА (Чехословакия)

УЧАСТИЕ СЛАВЯНСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И МИРОВОГО ЗНАЧЕНИЯ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРИОДА НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha, 1963, str. 181—190.

Изучение проблемы славянства в литературе обычно ограничивается тематической, идейной или художественной стороной его проявлений. Если же нас интересует литература и ее процесс, то необходимо, наоборот, исходить из внутренних проблем развития литературы и прослеживать участие славянства в их решении. Чешская литература в XIX веке решала проблему национальной индивидуальности и одновременно проблему ее мирового значения. Обе проблемы были объективно обусловлены. Стремление к национальной индивидуальности обусловлено формированием буржуазных наций, наличие мирового рынка создает тенденцию к возникновению „мировой литературы“. Несмотря на параллельность обеих тенденций, в процессе их формирования возникают противоречия, которые, как правило, ликвидируются лишь на высшей ступени познания.

В первые три десятилетия XIX века славянство влияло прежде всего на концепцию чешской национальной литературы (Юнгман, Коллар, Челаковский). Эстетические точки зрения этой литературы базировались на сущности славянских языков, на традиции славянской народной поэзии, на предполагаемых свойствах славян, отражающихся в истории. При этом славянская тенденция литературы позволила ей выходить за рамки отечественной ситуации, избавляться от ограничительного действия этой ситуации, стимулировала соревнование на арене мировой литературы. В тридцатые и сороковые годы в революционно-романтической литературе (Маха, Сабина) находит выражение сравнительная точка зрения, а тем самым и точка зрения специфичности чешской литературы на рубеже европейского востока и запада. В Праге начинает выходить журнал „Ost und West“ (1837—1848), который ставит своей целью посредничать между славянским востоком и Германией и, тем самым содействовать „развитию возникающей в настоящее время мировой литературы“.

Литература не ограничивается славянством, но в то же время не отрывается от него и начинает видеть основной источник индивидуальности в необходимости изучения особенностей отечественной жизни (Гавличек, Немцова). Точка зрения славянской изоляции, однако, расходится с прогрессивными общественными силами. На исходе пятидесятых годов Неруда ставил уже чешскую литературу на службу общим интересам всего человечества и в связи с этим лишал художественное восприятие чешской и славянской индивидуальности какого бы то ни было априоризма. Индивидуальность вытекает не из данных свойств и приемов, а из правдивого изображения местной и психической атмосферы среды, ее героев и жизненных конфликтов. Так как такой образ является новым опытом в практике мировой литературы, то тем самым разрешается противоречие между национальной индивидуальностью и мировым значением.

Л. СИКЛАИ (Венгрия)

О НЕСКОЛЬКИХ ВОПРОСАХ МЕТОДОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ВЕНГЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И СОСЕДНИХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Studia Slavica Academiae scientiarum Hungaricae, IX, 1963, p. 311—335.

Параллельное общественное развитие народов Восточной Европы вызвало сходное, с многих точек зрения, литературное развитие; в начале XIX века они жили в колониальном или полуколониальном положении под игом Габсбургов, царского самовластья или турецкого султана. Поэтому у них не было сильной буржуазии; ее роль в борьбе за национальную независимость и буржуазный строй выполняло в одних странах недовольное своей судьбой среднепоместное дворянство, в других — малочисленный и в большинстве своем стоящий на службе церкви слой интеллигенции. Отдельные народы борются за свою собственную независимость, о национальном сотрудничестве в течение XIX в. нет и речи, несмотря на то, что уже и в эпоху национальной борьбы литературы этих народов содержат много родственных черт. В первую очередь, это наблюдается в тех общих центрах, где вместе живут различные народы. Таким центром были, например, предки современного Будапешта — Пешт и Буда, бывшие еще в начале XIX века небольшими городами. В них между 1780 и 1848 годами кроме венгерской, развертывали свои крылья сербская, хорватская, словацкая, румынская культуры. Результатом этого было то, что в Восточной Европе и в эпоху национализма были писатели, писавшие на нескольких языках и что здесь до конца существовала необходимость языка-посредника, связывающего отдельные литературы. Таким языком был, например, немецкий, что, конечно, имело и отрицательные черты.

В этой атмосфере литература обладала сильной политической функцией; писатель был, в первую очередь, вождем народа и, только во вторую, художником. Своим произведением писатель хотел помочь процессу становления нации. Поэтому он стремился наверстать то упущение, которое потерпело культурное развитие нации в результате своей колониальной судьбы. Писатель развивал те жанры, которых еще не достигло

общественное развитие и которыми он стремился как раз его поторопить. Например, драму или роман. Театр и театральное искусство в Восточной Европе также играли важную роль в подъеме нации. Писатель Восточной Европы XIX века показывал прошлое и народ идеализированно, в качестве примера, побуждая к борьбе. Это вызвало романтическую окраску литературы народов Восточной Европы, а также тот факт, что романтизм живет здесь гораздо дольше, чем, например, в Западной Европе. Поэт-романтик изображал прошлое и народных героев в соответствии со своими представлениями, что было причиной того, что и поныне в Восточной Европе сохранились следы культа лженародности, воспевающего идеализированное прошлое — „славу нации".

Своеобразное, самостоятельное литературное развитие Восточной Европы продолжается и на рубеже XIX и XX веков и даже в XX веке: существуют свои, особые закономерности в развитии реализма и символизма.

ЗД. УРБАН (Чехословакия)

ПРОБЛЕМИ НА СРАВНИТЕЛНОТО ИЗУЧАВАНЕ НА БЪЛГАРСКАТА ЛИТЕРАТУРА

Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha, 1963, str. 191—194.

Не е възможно да не се съгласим с извънредно важната формулировка на редколегията на съветския сборник „Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур" (1961), че по-нататъшното изследване на отделните национални литератури е „немыслимо без глубокого изучения взаимных связей между литературами". Осъществяването на този правилен постулат ще изисква обаче още много труд и време, понеже в близкото минало сравнителното изучаване беше подценявано и доста занемарено. Това в немалка степен важи и за изучаването на българската литература. Все още почти липсва критическа преценка на по-старите проучвания, на техния метод и на техния принос по отношение на фактическия материал (особено важно според мене е делото на Иван Д. Шишманов). Засега по-голям брой нови научни работи и по-значителни успехи има само в областта на изследването на връзките с някои славянски литератури, преди всичко с руската, украинската и отчасти с чешката, макар че и в тази област, както правилно посочиха П. Динеков и В. И. Злиднев, все още понякога срещаме методологическа неизясненост и поради това някои резултати подлежат на преоценка. Колкото се отнася до изследването на връзките с другите литератури, в повечето случаи са направени само първите крачки. Също така смятам за наша обща грешка и липсата на внимание към въпросите на историко-типологическото сравнително изучаване, което може да допринесе много за изясняване на националната специфика на литературата, за по-всестранно вникване в явленията, а същевременно и за по-цялостно обясняване на причините за взаимоотношенията и влиянията. Посочената проблема има и друга страна: пренебрегването на историческо-типологическия метод

отвлича нерядко вниманието на сравнителното изучаване от съществените явления, насочва го понякога към установяване на съвсем второстепенни влияния и довежда до надценяване на тяхната роля. В заключение бих искал да спомена още една неразработвана задача: крайно време е вече и според мене това би трябвало да бъде задължение преди всичко на българистите извън България, да се покаже с какво българската писменост (не само най-старата) е допринесла и допринася за развоя на другите национални литератури — да спомена само значението на международния отклик на Ботевата поезия, на романа „Под игото“ или на поезията на Вапцаров.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

M. KOPECKÝ (ČSSR)

Přednáška doc. Ulewicze ústrojně rozšiřuje přednášku prof. Lurjeho ze Sovětského svazu, který včera v jiné sekci mluvil o beletristice u Rusů a západních Slovanů v 15. a 16. století. Témata, na která mluvili oba řečníci, mají však tu nevýhodu, že ze složité kulturní situace vytrhují jen některé aspekty a jiné opomíjejí. Tak doc. Ulewicz musel v intencích svého tématu opomenout kulturní a literární vztahy česko-polské. To však není výtka; důležité, je, že doc. Ulewicz mezi jiným upozornil na některá ohniska, z nichž vycházely humanistické podněty. V souvislosti s tím se objevila i některá jména, jejichž řada byla v diskusi vhodně doplněna doc. O Králíkem. Rád bych k nim připojil ještě jméno Krzysztofa Szyałowieckého, nejvyššího kancléře království polského v l. třetině 16. století. O jeho podpoře umělců a vědců z různých slovanských zemí bylo už dosti psáno, polská literární věda si však dosud nevšimla, že tomuto mecenáši věnoval své Pravidlo lidského života (tj. první český překlad tzv. Bidpajových bajek) r. 1528 Mikuláš Konáč z Hodiškova. Konáčova dedikace je jasným dokladem vědomí slovanské sounáležitosti a zvláště — dokladem blízkého vztahu k národu polskému v době, kdy už se v Čechách začíná rýsovat pozdější agresivní protiměšťanská a protičeská politika Habsburků. Tedy: v době vypjatých bojů náboženských český spisovatel — kališník nepřipsal své dílo žádnému politickému a kulturnímu činiteli v Čechách, ale vybral si mocného katolického magnáta usměrňujícího vnitřní i zahraniční politiku polského státu. Proč tak učinil, měla by řešit věda polská, protože ta má k této otázce po ruce mnoho materiálu. Stručně řečeno jde tedy o to, proč Krzysztof Szyałowiecki, mecenáš mnohých, i slovanských umělců a vědců, přitahoval vedle jihoslovanských literátů také spisovatele české a zda by se právě v jeho osobě nenašel spojovací článek mezi humanismem polským, českým a jihoslovanským.

Е. ГЕОРГИЕВ (България)

Бих желал най-напред да отбележа, че въпросът за славянската идея в творчеството на големия хърватски поет не за пръв път се поставя в българското литературознание. Непосредствено след Втората

световна война или дори в самия неин край, когато славянската дружба беше на дневен ред поради общата борба на славянските народи срещу фашизма, в учебниците по литература за българските гимназии беше отделено сравнително широко място на славянските литератури, а в учебниците за VI, по-късно за X клас бе внесена тема „Славянската идея в творчеството на Прерадович".

Към доклада на проф. Куев може да се направи едно съществено допълнение. Проф. Куев разглежда отношението на Прерадович към чехи, руси, поляци, сърби и общо към славянството, а не е разгледал отношението на поета към българите. А за това отношение има какво да се каже.

В културните и обществено-политическите планове и стремежи на илирийците българите заемат определено място. Те трябва да бъдат привлечени в илирийската общност. България е включена в Гайевата „Илирия".

Илирийската общност, която лежи на сърцето на хърватския поет-възрожденец, не може без българите и в голямото си произведение „Крали Марко" той извежда деец, който посвещава силите си на привличането на българите в нея. Това е Тимотия Осветич, прекрасен образ на южнославянски селянин, добър стопанин, съпруг и баща, предан син на своя измъчен народ, комуто предстои борба срещу тиранията. В драматичната поема „Владимир и Косара" погледът на поета е обърнат към българската история. Думите „България", „български народ", „български крал" (става дума за владетеля на западната българска държава Самуил и за последния цар на първата българска държава Владислав) звучат облъхани от жарката любов на поета, съответно от неговия интерес към тях.

N. IVANIŠIN (Jugoslavija)

U svojoj sintetskoj studiji profesor Kuev nije samo referirao o pitanju slavenskog jedinstva u lirici Petra Preradovića, nego je govorio i uopće o epohi hrvatskog narodnog preporoda, o slavenskoj ideji, o zagonetnoj godini 1848. Istupio je on tako u svom referatu na širokom frontu (dozvolite da tako kažem) pa nije nemoguće u njegovom inače solidnom radu upozoriti na slabija mjesta.

Iz referata profesora Kueva osjećaju se posljedice onog otišlog u nepovrat vremena kada medju Bugarskom i Jugoslavijom nisu bili sredjeni kulturni odnosi pa on nije mogao konsultirati studije profesora Barca o Preradoviću koje spadaju u najozbiljniju literaturu o tom piscu.

Profesor Kuev u bilješci pominje Barčevo djelo „Književnost ilirizma", ali osnova njegovih istraživanja jeste monografija P. Kulakovskog koja je nesumnjivo nadmašena studioznije i savremenije pisanim Barčevim djelom. Nadalje, profesor Kuev ne pominje studiju profesora M. Murka „Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der Böhmischen Romantik" (Graz 1897) iz koje proizlazi da je slavjanofilstvo hrvatskih iliraca više vezano uz češku romantiku i Nijemca Herdera nego uz ondašnji ruski slavjanofilski pokret. Uz Herdera je vezano i slavjanofilstvo Petra Preradovića kako sam to pokazao u svojoj studiji „Johann Gottfried Herder i ilirizam" (Radovi II Fil. fakulteta u Zadru, 1960, 61) koja je izašla nakon rasprave profesora.

J. MAGNUSZEWSKI (Polska)

Referat prof. F. Vodički ma niezwykle interesujący motyw przewodni: wzajemny stosunek i oddziaływanie w procesie rozwojowym literatury czeskiej odrodzenia narodowego trzech czynników, mianowicie słowiańskości, tendencji do narodowej indywidualności i tendencji do światowości. Jest to zagadnienie istotne dla piśmiennictwa, które rozwijało się w warunkach wyraźnego zapóźnienia, zależności politycznej i emancypowania sie spod kulturalnych wpływów obcych. Nie mając żadnych zastrzeżeń do zasadniczej linii wywodów prof. Vodički, upomniałbym się jedynie o wyraźniejsze podkreślenie (nawet w tak zwięzłym referacie) roli J. V Friča. W walkach o ideową i artystyczną orientację literatury czeskiej w latach pięćdziesiątych ubiegłego stulecia miał on jako bezpośredni mówca i inspirator duże zasługi. Problem słowiańskości i światowości stawiał podobnie jak J. Neruda, na którego zresztą w niejednym względzie oddziaływał.

М. ПИШУТ (Чехословакия)

Проф. М. Пишут подчеркнул методологическое значение исследования культурных центров Центральной Европы, в которых возникали прямые отношения между отдельными национальными литературами. Он пополнил доклад Л. Сиклая некоторыми примерами, обратив при этом внимание на взаимоотношения между словацкой и венгерской литературами, возникающие как в Будапеште, так и в Братиславе.

Е. ГЕОРГИЕВ (България)

Докладът на Зд. Урбан има преди всичко това значение, че не твърде дълго след обновяването на сравнителното литературознание в нашата литературна наука и опита ни да го поставим на правилни, марксистко-ленински позиции прави преглед и преценка на неговите постижения, с което го утвърждава. Освен това, разбира се, прегледът и преценката на неговите постижения допринасят за изясняването на неговите задачи, очертаването на неговите проблеми сочи пътищата на неговото развитие, прави явни пропуските, а на места коригира и някои решения.

Овладяването на методологията на една научна дисциплина естествено не може да стане бързо. Ето защо не може да има съмнение, че в нашите работи в областта на сравнителното литературознание има недостатъци и пропуски. И Зд. Урбан справедливо ги отбелязва. Но аз мисля — и Зд. Урбан не оспорва това, — че пътят е намерен. Взаимоотношенията между литературите са тъй също на дневен ред днес, както са и взаимоотношенията между народите. Връзките между литературите ги обогатяват, сравнителното литературознание задълбочава разбирането ни на литературните процеси и явления, то подпомага и развитието на националните литератури.

Зд. Урбан справедливо ни укорява, че не сме направили повече в областта на историко-типологичното сравнение. Много бих бил задължен на др. Урбан, ако ни разкаже нещо за постиженията на чешкото сравнително литературознание в тая област.

Мисля, че сравнителното литературознание у нас не може да остане само при рецепцията на чуждите автори и литератури или при изложение на фактите от биографско-библиографско естество на взаимните литературни отношения. То трябва да развие всички свои направления.

Н. ДРАГАНОВ (България)

Не е възможно да бъдат изследвани въпросите на развитието на дадена национална литература, без да бъдат взети пред вид връзките и взаимодействието ѝ с литературите на по-близки или по-далечни народи. Като се изхожда от националната специфика и при изясняване на връзките и взаимоотношението между българската и чешката литература не бива нито да се надценява, нито да се подценява която и да е от тях, защото това ще доведе до опростяване на проблемите и схематизъм, до принизяване на една от литературите и дори до нейното обезличаване. При това трябва да се имат пред вид както общото въздействие, което те си оказват, така и конкретният исторически момент, който е предмет на изследване. Карел Чапек например оказва в България различно въздействие през различните периоди. До средата на 30-те години е използуван от буржоазията за борба против реалистичното направление в българската литература, но вече през втората половина на същото десетилетие Чапековото антифашистко литературно дело служи на прогресивната ни общественост за утвърждаване на реализма, за укрепване на широкия антифашистки писателски фронт, каквато беше задачата на историческия момент. Г. Караславов, Г. Цанев, Ст. Каракостов и др. използуват Чапек за провеждане на партийната линия в литературата, а писатели като Дора Габе например получават помощ от Чапек, за да изкажат важни мисли за реалистичната литература, да очертаят отрицателното си отношение към хитлеризма. През дните на окупирането на Чехословакия Чапек е чувствуван не само като най-яркият представител на своята страна и литература, но става знаме в борбата против фашизма в България. По същото време той помага и на българския театър да утвърди борческо-реалистичната си линия: драмата „Майка“, играна тогава под названието „Епохата, в която живеем“, е най-борческата пиеса на сцената на нашия театър и активно служи на борбата против фашизма, в защита на Чехословакия. Въздействието на Чапек след Втората световна война е вече друго и е тясно свързано с новия исторически момент.

J. MAGNUSZEWSKI (Polska)

W związku z dyskusją nad referatem doc. Z d. U r b a n a pozwolę sobie wyrazić moje przekonanie, że głębiej pojmowane badania związków, wpływów i oddziaływań literackich muszą zazębiać się o zagadnienia wchodzące w zakres komparatystyki typologicznej i często pomagają wyjaśniać je w sposób właściwy. Nie wydaje mi sie, aby doc. Urban wyolbrzymił w swoim referacie problem związków literackich. Przy okazji informuję, iż stosunki literackie bułgarsko-polskie w XX w. są już od pewnego czasu przedmiotem badań polskich slawistów.

СЛАВЯНСКИТЕ ЛИТЕРАТУРИ ДО КРАЯ НА XVII в.
СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ДО КОНЦА XVII в.
LES LITTERATURES SLAVES JUSQU'A LA FIN DU XVII^{e} s.

17 септември — 17 сентября — 17 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

Н. К. ГУДЗИЙ (СССР)

ТРАДИЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ КИЕВСКОЙ РУСИ В СТАРИННЫХ УКРАИНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ

Славянские литературы. Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов, Москва, 1963, стр. 14—46.

Хорошо известно, какую значительную роль сыграла до начала XVIII века литература Киевской Руси в развитии словесности в России. Эта литература оказала также большое влияние и на развитие старинной литературы южных славян. В отношении Украины и Белоруссии до настоящего времени не было выяснено, в какой степени их литература усвоила наследство Киевской Руси.

В. М. Истрин в своем курсе истории древнерусской литературы киевского периода (1922) утверждал, что литература Юго-Западной Руси (т. е. Украины и Белоруссии), начиная с XIII века, отошла от традиций Киевской Руси.

Настоящий доклад пытается опровергнуть утверждение В. М. Истрина, опираясь на факты, свидетельствующие о продолжении литературных традиций Киевской Руси в различных жанрах старинных украинской и белорусской литературах: в летописях, житийной литературе, описаниях странствий, паломничества и иногда в полемических сочинениях. Мы имеем, таким образом, все основания для того, чтобы утверждать, что старинная украинско-белорусская литература не оказалась изолированной от литературных традиций Киевской Руси. Традиции эти на Украине и в Белоруссии не были столь влиятельны и столь плодотворны в процессе литературного развития Юго-Западной Руси, как это было в Северо-Восточной Руси. Это объяснялось историческими условиями, в которых находились Украина и Белоруссия после их отрыва от общерусской государственности. Юго-Западная Русь испытала огромное книжное опустошение, утратив почти начисто какие бы то ни было письменные следы литературных памятников Киевской Руси, вновь обретенных, главным образом, после воссоединения Украины с Россией. Украине и Белоруссии выпала на долю такая упорная и напряженная борьба за отстаивание своей национальной самостоятельности и своей религиозной веры, явившейся выражением национального самосознания, какой не знала

Великороссия, и это обстоятельство заставляло литературных деятелей Украины и Белоруссии ориентироваться больше на живую общественно-политическую современность, чем на исторические традиции. Но Украина и Белоруссия при всем том сохраняли связь с культурными и литературными традициями Киевской Руси, питаясь в меру своих обусловленных историей возможностей ее духовной пищей.

Ђ. РАДОЈИЧИЋ (Југославија)

ИСТОЧНА И ЗАПАДНА КОМПОНЕНТА СТАРИХ ЈУЖНОСЛОВЕНСКИХ КЊИЖЕВНОСТИ

Глас Српске академије наука и уметности, књ. CCLVI, 1963, стр. 1—24.

На Балкану су се Јужни Словени населили с обе стране границе Запада и Истока, која је одувек ишла преко тог полуострва. Старо становништво — Илири и Келти у западном делу полуострва и Трачани у источном делу — било је романизирано и јелинизирано, изузимајући Арбанасе (Шиптаре), који су илиризирани Трачани с много романских елемената у своме језику. Граница Запада и Истока била је у почетку тамо где се додиривало романско становништво с јелинским. Кад се Римско царство делило на Западно и Источно, један део Балкана је припадао једном а други део другом царству. Дошла је затим подела хришћанске цркве, главног носиоца средњевековне културе и пресудног идеолошког фактора феудалног доба. Пре организационе наступила је обредна и језичка подела. На Западу је био латински, а на Истоку грчки језик. Како је просвета и култура била у црквеним оквирима, изграђивале су се две културе, западна и источна. Оне су се на Балкану додиривале, развијале у узајамној сарадњи, утицале једна на другу, или су се сукобљавале и потискивале.

Већ својим насељавањем на Балкан, а поготову примањем хришћанства, Јужни Словени су били приморани да се опредељују за западну или источну културу. Код Словенаца и Хрвата није било колебања. Припали су западној културној сфери. Ни Македонци се нису колебали, већ су одмах ушли у источну сферу. Срби и Бугари су се колебали између Запада и Истока, да се најзад коначно определе за Исток. Босна се издвојила. Прихватила је и изградила словенски вид источне културе, богомилство, које је створено код Бугара и Македонаца.

Словенској писмености су постављени основи на Истоку почетком друге половине IX века, вероватно на малоазијском Олимпу. Веома брзо, у току свега неколико година ширења словенске просвете, између 863. и 869. год., писменост се преобратила у књижевност. То је било на Западу, међу Морављанима и можда међу Словенцима у Панонији.

Дела словенске писмености и књижевности постала су ускоро, још крајем IX века, драгоцено књижевно наслеђе Јужних Словена. Служило им је као основни књижевни фонд, коме су у току развоја појединих старих јужнословенских књижевности придодаване нове књижевне тековине. Књижевна узајамност међу јужнословенским народима била је веома велика, па су они међусобно размењивали књижевна дела, преносили их из једне

у другу књижевност, с најнужнијим језичким изменама. Тој заједници треба прибројати и Русе. Размењивана су не само оригинална дела, већ и преводи.

Преводи, без обзира где су постали, да ли код неког од јужнословенских народа или код Руса, деле се на две компоненте: источну и западну. У источну улазе дела преведена са грчког, која су постала у Византији или где другде на Истоку. Западна компонента обухвата дела која су поникла на земљишту западне културе. Трећу компоненту старих јужнословенских књижевности сачињавају оригинална дела: она из књижевног наслеђа, затим јужнословенска и руска. И та оригинална дела могу бити под већим или мањим источним или западним утицајем, па је тако и трећа компонента у извесној зависности од прве и друге.

Код Хрвата је западна компонента претежнија, а код Македонаца и Бугара источна. Код Срба у Загорју (Рашкој) од већег је значаја источна компонента, а Дукља је била најпре искључиво, а доцније претежно западне културне оријентације.

Преко богомила Западу се и давало, а не само од њега позајмљивало. Богомилска Тајна књига, која је била на словенском, допрла је на Запад код богомилских једномишљеника патарена или катара и тамо се једино сачувала у латинском преводу.

R. JAGODITSCH (Österreich)

ZU DEN QUELLEN DES ALTRUSSISCHEN „DOMOSTROJ"

Wiener slawistisches Jahrbuch, Wien, 1963, S. 40—48.

Entgegen der allgemein üblichen pauschalen Ablehnung der Lebensgrundsätze des „Domostroj" empfahl der Vortragende ein objektiv kulturwissenschaftliches, auf exakten historischen und philologischen Untersuchenden begründetes Studium dieses für die altrussische Kulturforschung fundamental wichtigen Denkmals. Wie die historisch-philologische Analyse zu erfolgen hätte, wurde am Beispiel eines für die altrussische sittlich-religiöse Lebensauffassung besonders aufschlussreichen Problems, nämlich der Stellung der Frau im altmoskauer Russland, ihr Verhältnis zum Ehemann, ihre Aufgaben als Mutter, als Frau des Hauses gegenüber den Dienstleuten, ihre Pflichten in der häuslichen Wirtschaft usw. — allerdings in nur skizzenhafter Weise — zu zeigen versucht.

Die weltanschaulichen und sittlichen Grundsätze der altmoskauer Zeit haben eine geschichtlich weit zurückreichende Tradition (Überlieferung), die sich am besten an Hand der sogen. „Belehrenden" (poučitel'nye) Sborniki, die in Hss, seit dem XI. Jh. erhalten sind, verfolgen lassen. Ihnen kam für die sittliche Erziehung des altrussischen Menschen grundlegende Bedeutung zu. Diese Sborniki gehen aber ihrerseits wieder auf die griechische bzw. byzantinische Florilegienliteratur (Auszüge aus den Schriften der frühchristlichen Kirchenväter — Basilius d. Gr., Johannes Chrysostomus, Ephraim des Syriers u. a. — zurück, mit deren Gedankengut die Russen auf diese Weise schon durch die ältesten russischen bzw. altbulgarischen Übersetzungen bekannt gemacht wurden. Im weiteren lässt sich aber feststellen, dass

auf diesem Wege in die altr. Sborniki — besonders hinsichtlich der Auffassung vom Charakter des Weibes — auch vieles aus der altjüdischen Literatur gelangt ist, vor allem aus den „Sprüches Salomos", der „Weisheit des Jesus Sirach" u. a., wo besonders die Jünglinge vor den Verführungskünsten und Ränken des Weibes leidenschaftlich gewarnt werden und das im allgemeinen „böse Weib" durch drastische, oft groteske Metaphern charakterisiert erscheint.

Von der Auffassung vom Wesen des Weibes nach dieser uralten literarischen Überlieferung unterscheidet sich aber das Bild von der altrussischen Frau, das uns aus den entsprechenden Kapiteln des „Domostroj" entgegentritt, wesentlich und vorteilhaft. Die abschreckenden, oft geradezu gehässigen Traktate gegen das gewissermassen von Natur aus „böse Weib" der alttestamentlichen und griechisch-byzantinischen Überlieferung, die durch fanatisch asketische Mönche dann auch in die altrussischen Sborniki kam und noch im „Izmaragd" des XV. Jahrhunderts grassieren, finden wir im „Domostroj" nicht mehr, während im Gegenteil das, ebenfalls Salomo zugeschriebene „Loblied auf das gute Eheweib" (das sogen. „Goldene Alphabet", Sprüche Salomos, Kap. 31) in einem Kapitel des „Domostroj" nahezu vollständig wiedergegeben wird. Und wenn auch die im „Domostroj" vertretene streng patriarchale Auffassung von der in allem dem Mann untergeordneten Stellung der Frau für die moderne Zeit natürlich unhaltbar erscheint, so stellt der „Domostroj" gegenüber der älteren kulturgeschichtlichen Überlieferung einen bedeutenden Fortschritt zu einer christlich sittlichen, humanen Auffassung vom Wesen und Wert des Weibes dar.

So wie hinsichtlich der Stellung der Frau im „Domostroj" gezeigt wurde, müssten auch die übrigen, im „Domostroj" anschaulich dargestellten Lebensgebiete und Auffassungen wie die Stellung des Mannes bzw. Hausvaters, der Charakter des altrussischen Familienlebens, die Erziehung der Kinder, die Einstellung zur Bildung, die Behandlung und soziale Stellung der Dienstleute usw. usw. auf breiter historischer und philologischer Grundlage untersucht werden. Das Ergebnis wäre eine objektiv kulturgeschichtliche Beurteilung und Bewertung des altmoskauer „Domostrojs" und — nach der Meinung des Vortragenden — auch die Erkenntnis, dass der „Domostroj" in sittlicher, religiöser und sozialer Hinsicht bei weitem nicht auf dem primitiven und niederen Niveau stand, wie dies in Pausch und Bogen oft angenommen wird.

J. HRABÁK (ČSSR)

VÝZNAM LATINSKÉ KNIŽNÍ VZDĚLANOSTI PRO SLOVANSKÉ LITERATURY STARŠÍ DOBY

Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha, 1963, str. 195—206.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

П. ДИНЕКОВ (България)

Проф. Радоичич е избрал една извънредно интересна тема и всички изслушахме доклада му с внимание. Тая тема в историята на славянските литератури е твърде рядко засягана и твърде малко изследвана. Ние сме свикнали да определяме българската и сръбската литература като литератури, свързани само с Византия, а хърватската и словенската — като литератури, свързани със Запада. Това е вярно в най-общ смисъл, но не е вярно в детайлите; това не е вярно, когато трябва да се даде точна и пълна характеристика на южнославянските литератури. Много интересни са данните, които проф. Радоичич дава за връзките на българската и сръбската литература със Запада, за богомилството, за Тайната богомилска книга, за редица повести и разкази, които са били в обръщение между сърби и българи и имат произхода си от Запад. Събраните от проф. Радоичич материали, начинът, по който ги изследва, и изводите, които прави, представят ценен влог в нашата наука за южнославянските литератури.

Ще си позволя само две малки бележки. Първата засяга някои неточности в терминологията, в названията. Касае се за такъв писател като Климент Охридски, който, както показват не само славянските, но и гръцките извори, е бил най-тясно свързан с историята на българската литература. За нас малко странно прозвуча оня момент от доклада на проф. Радоичич, когато Климент бе откъснат от българската литература. Тук аз говоря за факти, признати във всички научни трудове, които се занимават с дейността на Климент.

Второто ми възражение засяга делото на поп Еремия. Не съм съгласен със схващането, че той е водач на богомилите. Данните на проф. Радоичич за времето, когато е живял Еремия (между двете български въстания на Петър Делян и Войтех), са интересни и важни. Но Еремия, авторът на апокрифа за кръстното дърво, е съмнително да е бил богомил, като се знае отрицателното отношение на богомилите към кръста. По тоя въпрос аргументирано се изказа на времето известният руски учен проф. М. Соколов.

M. KOPECKÝ (ČSSR)

Přednáška prof. Hrabáka vyústila logicky v požadavek, aby se latinská medievalistika stala součástí slavistických studií. V této souvislosti je třeba zdůraznit, že množství materiálu je stále ještě nezpracováno, a právě na tomto materiálu budou badatelé muset řešit řadu otázek. Tak např. na materiálu slovanské provenience stále ještě není detailně doloženo, co středověk v oblasti písemnictví přinesl nového proti antice a co nového proti středověku přinesl zase humanismus. Bude třeba pokročit dále než dosud v hledání a zkoumání center latinského písemnictví v slovanských zemích; témata, koncepce i tendence prací, vycházejících z těchto center, nesou, nezřídka pečeť slovanského prostředí. K ryze národním cílům jsou zde adaptovány základní literární žánry latinského středověkého písemnictví — legenda,

kronika a duchovní poezie. Zde jsou také kořeny některých žánrů národních slovanských literatur, např. dramatu.

Je třeba znovu promýšlet některé základní aspekty v přístupu k latinské tvorbě, jež byla v slovanských zemích v oběhu. Jeden z těchto aspektů vidím v průzkumu, co vůbec z latinské tvorby (ať klasické, nebo středověké, či humanistické) v slovanském prostředí kolovalo a co zde bylo čteno. Především ovšem bude nutno zjistit rozšíření klasické tvorby latinské, už proto, že pod jejím vlivem vzniká latinská tvorba humanistická, ale pod jejím vlivem stojí též část tvorby středověké. Domnívám se, že k řešení otázky, do jaké míry byla v slovanských zemích rozšířena klasická tvorba latinská, by velmi přispěl zevrubný průzkum knihoven, a to pro středověk v prvé řadě klášterních a dále knihoven šlechtických a později měšťanských. První sondy tohoto studia ukazují, že středověk neměl tak odmítavý vztah k „pohanské" antice, jak se někdy soudí. I na půdě církve, která oficiálně antické spisovatele nezřídka odsuzovala, se vyskytla řada osobností obdivujících hodnoty klasické kultury.

Po vynalezení knihtisku můžeme latinskou literaturu sledovat i na knižním trhu. Toto sledování považuji — vedle studia knihoven — za druhý aspekt při zkoumání rozšířenosti latinské vzdělanosti ve slovanském prostředí. Pokud jde o některé slovanské země, jsme o knižním trhu informováni z dochovaných seznamů knih, které měly určité firmy na skladě. V těchto seznamech jsou zastoupeni hlavně Terentius a Plautus, Vergilius, Livius a Cicero, tedy právě autoři, kteří ovlivňovali humanistickou tvorbu v národních jazycích. Přitom zájem čtenářů o latinské knihy byl uspokojován nejen tisky domácími, ale i tisky z neslovanských zemí, především z Německa, jež se pak vyskytují ponejvíce v knihovnách šlechtických a měšťanských.

Pokud se na klasickou literaturu latinskou v knihovnách období feudalismu podíváme z hlediska žánrového, vidíme, že nejvíce je zastoupena poezie a krásná próza. Výrazný zájem je o letopis a epos. Obsahově byly publiku nejpřístupnější klasické drama a analistika. To ovšem už také bylo podmíněno charakterem humanistické vzdělanosti.

Latinskou a národní literaturu je jistě nutno studovat ve vzájemných souvislostech. Je třeba probojovat nový přístup k latinské literatuře, která byla tradičně zkoumána jako samostatná oblast vyššího, nadnárodního rázu, z níž prvek národní a lidový byl a priori vylučován. Někteří badatelé považovali středověkou literaturu latinskou v kosmopolitním smyslu za světovou literaturu a při jejím třídění zabsolutizovali církevní hledisko: latinská literatura se pak dělila podle řeholních řádů, do jejichž prostředí spisy spadaly svým vznikem nebo určením.

Relativně velká znalost latiny ve středověku i v období renesance dovolovala rychlé rozšíření latinského literárního díla po celé vzdělané Evropě. To však mělo i svůj rub, vždyť nejednou je určité literární centrum naprosto izolováno, a proto se pozoruhodný spis třeba ani nedostal za brány kláštera, v němž vznikl. U významných středověkých děl se nám nezřídka dochoval pouze jediný rukopis, který byl možná absolutně unikátní.

Teprve po shromáždění a utřídění materiálu bude možno řešit některé důležité otázky, zejména otázku národního specifika latinské tvorby a zároveň její souvislosti s mimoslovanskou literaturou středověkou a humanistickou, resp. barokní. Zkoumání bude tedy muset mít stále na zře-

teli jak vztahy mezi latinskou literaturou v určité slovanské zemi a latinskou literaturou vně slovanského světa, tak vztahy mezi tvorbou latinskou a národní, která v slovanských zemích tvořila vyšší celistvost.

18 септември — 18 сентября — 18 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

Д. С. ЛИХАЧЕВ (СССР)

СИСТЕМА ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Славянские литературы. Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов, Москва, 1963, стр. 47—70.

Литературные жанры во все эпохи существуют не сами по себе, не независимо друг от друга, а составляют определенные системы, меняющиеся исторически. Подобно тому, как в ботанике существует понятие „растительных ассоциаций", в литературоведении есть все основания применять понятие жанровых систем. Жанры составляют системы в силу того, что в каждую данную литературную эпоху действует единая совокупность порождающих их причин, колеблется по эпохам и самое содержание и объем понятия жанра, а кроме того отдельные жанры находятся между собой во взаимодействии, характер которого также меняется исторически.

Жанры в древней Руси в гораздо большей степени, чем в новое время, различались между собой по своему художественному методу. Мы можем говорить о хронографическом стиле и хронографическом художественном методе, о стиле панегирической агиографии и, соответственно, о художественном методе панегирических житий, о летописном стиле и о летописном художественном методе и т. д. Каждому жанру в древней Руси свойственно то или иное отношение к миру представляемых им сюжетов, тот или иной художественный метод. Изучение средневековых жанров именно с этой стороны может иметь очень большое историко-литературное значение.

Изучение системы жанров предшествующих эпох крайне важно при определении законов развития литературы. Предварительный анализ систем жанров убеждает нас в огромном количестве как развитых, так и неразвитых жанров в древнерусской литературе, где имел место процесс интенсивного спонтанного увеличения числа жанров. Этот процесс продолжался до XVII в. включительно, когда принципы, на которых были основаны средневековые системы жанров, уступили место современным.

Жанры древнерусской литературы составили между собой своеобразную „феодальную иерархию". Были жанры, объединяющие и подчиненные — первичные, существовали жанры и „поджанры". Эту сложную систему жанров, при которой между жанрами существовали своеобразные

„вассальные отношения", удобнее всего разъяснить, рассмотрев самую структуру литературных произведений древней Руси. Литературные произведения XI—XVII вв. имеют в основном „ансамблевое строение". Произведение может состоять из разнородных частей: одни из них могут рассматриваться как самостоятельные или полусамостоятельные произведения и в свою очередь входить в такие объединяющие эти произведения „своды", которые тоже в известной мере могут рассматриваться как своего рода самостоятельные произведения. Вернее, полной самостоятельности нет у большинства произведений древнерусской литературы. Все они входят одно в другое и соединяются между собой.

Житие какого-либо святого имеет, помимо своей основной части, ряд дополнений — описаний его посмертных чудес, составляющих особый жанр, входящий в цикл служб святому и пр. В летопись и хронограф входят отдельные повествования. Сложный конгломерат жанров составляют патерики, прологи, четьи-минеи и т. д.

Обилие жанров и трудность их разграничения заставляла древнерусских авторов и переписчиков рукописей указывать на жанр в заголовках. Точное указание на жанр в заголовках было необходимо, поскольку они были рассчитаны на использование в светских и сакральных целях в определенных внешних условиях. Были, однако, и другие причины, которые диктовали необходимость разграничения жанров — в частности сюжет.

Само собой разумеется, что система жанров в древней Руси не была постоянной, неподвижной. Она менялась исторически. Изучение этих изменений в соотношении и функциях отдельных жанров представляет очень большой интерес.

Начиная с XV века возрастает количество произведений и сборников, предназначавшихся для индивидуального чтения. В результате происходит деформация жанровой системы, и к XVII веку появляются жанры, по типу своему близкие к жанрам нового времени; одновременно сохраняются старые жанры.

Система литературных жанров древней Руси тесно соприкасалась с системой жанров фольклорных. Если система жанров фольклора была системой цельной и законченной, способной в какой-то мере удовлетворять потребностям народа, в массе своей неграмотного, то система жанров литературы древней Руси была неполной. Она дополнялась фольклором. Обе системы находились в тесном взаимодействии. Отсутствие в литературе древней Руси любовной лирики, чисто занимательных жанров и жанров театральных в значительной мере объясняется тем, что потребности в этих жанрах восполнялись фольклором. В XVII в. фольклор отступает из городов и оставляет дома русского боярства. Вот почему в палатах царя и хоромах бояр прежде всего появляются книжная лирика и театр. Записи былин и лирических произведений начинают делаться в XVII в. отчасти потому, что исполнение их в известной среде становится затруднительным, а потребность в них еще сохранилась.

Основная цель доклада — показать важность изучения всей совокупности жанров в каждую данную эпоху литературы как некоторой определенной системы.

А. ПОППЭ (Польша)

ПРЕДАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XI — НАЧАЛА XII ВЕКОВ

Основные положения исследования следующие:

1. Анализ текста произведений о Борисе и Глебе и всего изученного С. А. Бугославским рукописного наследия, а также разбор иконографического материала доказывают несостоятельность гипотез о существовании утерянных житий Бориса и Глеба. Поэтому в противовес предложенным доселе решениям предлагаемая конструкция отвечает на поставленные вопросы на основании известных текстов произведений о Борисе и Глебе.

2. Начало культа Бориса и Глеба, вопреки господствующему мнению, не относится к 20—30-м годам XI в., но принадлежит третьей четверти этого столетия. Предание о трагической судьбе Бориса и Глеба, уходя своими зачатками в 50-е годы, оформилось на рубеже 60-х и 70-х годов XI в. и было зафиксировано чином канонизации 20 мая 1072 г. Воздействующая на формирование этой легенды среда не задавалась целью верного воссоздания минувших событий, подчиняя созидаемую картину своим собственным политическим замыслам в области государства и церкви на Руси. Русское духовенство, продолжая дело, предпринятое при Ярославе Мудром и митрополите Иларионе, учитывало значение создания пантеона местных русских святых. Угрожающие государственному единству Руси возростающие центробежные стремления побуждали также к противодействию средствами нравоучительно-религиозного порядка. Принявшие мученический венец „младшие князья" воздавали должное принципу покорения старшему князю. Одновременно требование справедливого правления старшего князя по отношению к младшим, санкционирующее деяния мстителя безвинно погибших братьев предостерегало князя-сюзерена от злоупотребления властью. Идея вассалитета-сюзеренитета (отмеченная Д. С. Лихачевым) определяет социальную сущность культа Бориса и Глеба и его интенсивную живучесть в последующих столетиях. Это публицистическое острие культа с яркостью отражено уже в древнейшем произведении „*Анонимном сказании о Борисе и Глебе*". 3. *Анонимное сказание* является агиографическим произведением (по византийскому образцу), состоящим из двух тематически и композиционно самостоятельных звеньев: *Сказания страстей* Бориса и Глеба — типичного „страстного" произведения (passiones) одного авторства и *Сказания чудес* Бориса и Глеба, вышедшего из-под пера двух авторов. Мнения об единоличном авторстве (А. Шахматов, Н. Воронин) или 4 авторах *Сказания* (С. Бугославский) следует признать несостоятельными.

Анонимное сказание состоит из трех в разное время написанных частей:

а. Составленное накануне торжественного праздника 1072 г. *Сказание страстей* является документом, необходимым в ходе канонизационных приготовлений. Одновременно оно вырастает из современного ему уклада междукняжеских отношений (триумвират Ярославичей), являясь публицистическим произведением, излагающим политическую и социальную сущность новосоздаваемого культа. Взгляды его автора близки политическим

БИБЛИОТЕКА

воззрениям тогдашних вершителей Киево-печерского монастыря — Феодосия Печерского и Никона Великого.

б. Вскоре после причтения Бориса и Глеба к лику святых в 1072 г. (до 27. XII. 1076 г., вернее всего в 1073 г.) литературной обработке была подвергнута чудотворная деятельность князей-мучеников. Автор принадлежал к духовенству, оппозиционно настроенному к тогдашнему митрополиту — греку Георгию I (ср. явно назидательное — в адрес митрополита — чудо с участием св. Георгия). *Сказание чудес*, содержащее также подробное описание торжества 20 мая 1072 г. было присоединено к *Сказанию страстей* как его продолжение и в этом виде было доступно автору *Чтения о погублении Бориса и Глеба* Нестору и автору первого гимнографического произведения в честь Бориса и Глеба — *Службы св. мученикам.*

в. Торжественнное перенесение мощей 2. V. 1115 г. дало новый толчок к продолжению *Сказания чудес*, дополненного чудом с заключенными при Святополке (канва почерпнута у Нестора) и описанием (неоконченным) самого торжества. Эта последняя часть *Сказания* составлена до 6. IX. 1117 г. и ее автор (еп. переяславский Лазарь, как предполагает Воронин) был панегиристом Владимира Мономаха.

4. *Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба* пера печерского инока Нестора является попыткой построения полного жития обоих святых с использованием метафрастовского агиографического жанра. Основным источником, и притом единственным в отношении биографической канвы, было для Нестора *Анонимное сказание* (без последней своей части). Повторный хронологический анализ ведет к неоспоримому выводу, что литературная деятельность Нестора-агиографа не относится, как указывали некоторые исследователи (С. Бугославский, Л. Черепнин), к началу XII в., но как доказывал А. Шахматов, к 80-м годам XI в. В начале 80-х годов Нестор написал житие Бориса и Глеба, после же до 1088 г. житие Феодосия Печерского. Нестор, выражавший взгляды печерской обители, составляя свой труд в период крамольничества части младших князей против Всеволода Тихого, сильнее подчеркнул принцип покорения „старейшему князю" и сурово осудил подрывавшие политический и социальный лад на Руси княжеские усобицы.

5. Установление зависимости древнейшей *Службы* Борису и Глебу от *Анонимного сказания* и *Несторова Чтения* доказывает, что она была составлена не ранее 80-х годов XI столетия. Итак распространенное в литературе по вопросу мнение, датирующее составление *Службы* на 20-е, 30-е годы XI в. и приписывающее авторство митрополиту Иоанну I, лишено основания. Древнейшее гимнографическое произведение (44 песни), посвященное Борису и Глебу, составлено было ранее 1115 г., ибо около этого времени оно было пополнено дальнейшими 21 песнями (служба в Иванической минее). Автором древнейшей *Службы* мог быть умерший в 1089 г. митрополит Иоанн II Продром.

6. *Летописное сказание* о гибели Бориса и Глеба является переработкой *Анонимного сказания* (зависимость доказана Н. Ильиным, хотя сомнительные выводы второстепенного значения ослабляют основной результат). Летописец стремился придать агиографическому произведению вид исторического показания. Автор *летописной статьи* был также знаком с *Несторовым Чтением*. Составление *летописного сказания* относится

к рубежу 80—90-х годов XI в. с предназначением войти в состав составляемого в то время в Печерском монастыре и завершенного около 1095 г. летописного свода — первого достоверно установленного труда по истории Руси. При составлении свода 90-х годов одновременно под 1072 г. была помещена статья о вышегородском торжестве, изъятая из *Сказания чудес*. В 1116 г. *летописная статья* 6523 г. (сохраненная в первичном виде в новгородской летописи) была дополнена похвалой. Автором последней следует признать редактора *Повести Временных Лет* — выдубицкого игумена Сильвестра, использовавшего для этой цели вторую редакцию *Службы* (ред. Иванической минеи), составленную очевидно в связи с перенесением мощей Бориса и Глеба в новый каменный храм-мавзолей в 1115 г.

На хартиях летописи предание о Борисе и Глебе приобрело черты документального показания бурного эпизода из истории Руси. Так поняло его большинство исследователей XIX—XX вв., усматривая в летописной статье источник житийной обработки темы.

Пересмотр этого мнения позволяет видеть иначе выросшее из агиографической и публицистической основы предание о Борисе и Глебе в его разных литературных трактовках. Следует отсюда прежде всего оценка легенды о Борисе и Глебе как исторического источника и ее места в контексте древнерусской историографии и литературы XI столетия.

М. МУЛИЧ (Югославия)

СЕРБСКОЕ „ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС“ ДО XIV СТОЛЕТИЯ

Radova zavoda za slavensku filologiju, Zagreb, 1963, стр. 117—129.

Сравнительно до недавнего времени памятники древнесербской письменности и литературы оставались предметом изучения почти исключительно историков и лингвистов. Так как Е. Е. Голубинский в свое время приписал всей древней славянской письменности и литературе „церковность“ как основую их характеристику, то и древнесербская литература в глазах передовых сербских литературоведов XIX и начала XX вв. представлялась неполноценным объектом для их исследований и не побуждала большого интереса к себе. Такое отношение к произведениям древнесербской литературы укрепилось также и благодаря мнению А. И. Соболевского, заявившего, что „сербские агиографы для нас не представляют интереса“. А. И. Соболевский, кроме того, считал, что будто бы болгарская литература преимущественно влияла в конце XIV и в последующие столетия на дальнейшее развитие русской литературы, и таким образом отводил для древнесербской литературы весьма незначительную роль.[1] Такие взгляды А. И. Соболевского, очевидно возникшие под влиянием славянофильских воззрений, повторялись и другими авторами. Такое предвзятое отрицание достоинств сербской житийной литературы встречается, например, у К. Ф. Радченко, который в свою очередь считал, что харак-

[1] „Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках“. Речь, читанная на годичном акте Археологического института, 8 мая 1894 г. проф. А. И. Соболевским, Спб., 1894, стр. 10.

терный для славянской житийной и гомилетической литературы XIV—XV столетий стиль, известный под названием „плетение словес", возник в Болгарии во время литературной деятельности патриарха Евфимия.[1] Считая удачными определения приемов этого стиля, представленные нам в докладе Д. С. Лихачева на Московском съезде славистов, мы попытались приложить эти определения при анализе произведений древнесербских писателей: Доментиана, Феодосия, архиепископа Даниила II и его продолжателей. При этом мы учли также результаты исследований М. Н. Сперанского о взаимоотношениях русской и южнославянских литератур, равно как и работы В. А. Мошина, касающиеся этого вопроса. Результатом такого подхода при анализе стиля древнесербских писателей последовал вывод, что сербские писатели уже в XIII и в начале XIV столетий в своих произведениях развили стилистические приемы, характерные для высокого стиля славянской агиографии — „плетение словес". В пользу этого говорят и приведенные в моем докладе примеры, взятые из произведений сербских авторов соответствующей эпохи. Результаты этого анализа говорят и о том, что необходимо пересмотреть и по-новому отнестись к укрепившемуся в науке мнению о первенствующей роли Тырновской школы патриарха Евфимия в деле возникновения стиля „плетения словес" и его распространения в других (сербской и русской) средневековых славянских литературах. Сделанные выводы заставляют нас также более критически посмотреть на вопрос о господствующей роли болгарских книжников и их произведений, вышедших из Тырновского кружка, для русской письменности и литературы в период так называемого „второго южнославянского влияния". Эти выводы, однако, не противоречат общепринятому взгляду на процесс развития и зарождения средневековых славянских литератур вообще и древнесербской в частности. Древнесербская письменность и литература, равно как и русская, развивались как органическое продолжение письменности древнеболгарской. В стилевом же отношении древнесербская литература в период своего возрождения при Неманичах воспользовалась также достижениями древней русской литературы домонгольского периода, которая во время порабощения южных славян византийцами (в XI—XII вв.) не только сохранила традиции древней церковнославянской письменности, но и довела их до более высокого уровня в количественном, равно как и в качественном, отношениях, так что на русской почве славянская трансформация византийского литературного влияния (начатая в Болгарии) достигла более высокой степени своего развития. Находясь под влиянием таких писателей, каковыми были Иларион митрополит киевский и Кирилл Туровский, а также испытывая на себе постоянное воздействие поэтических оборотов библейской литературы и особенно псалмов, сербские агиогиафы и писатели житий запросто, без какого-либо внутреннего плана, „лепили текст на текст" без связи с общим повествованием. Более внимательный анализ показывает, что даже библейские цитаты в этих произведениях функционально связаны с содержанием и, в свою очередь, способствуют общему стремлению к абстрагированию, а заодно с тем содействуют формированию приемов стиля „плетения словес".

---

[1] К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием, Киев 1898, стр. 299.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Е. ГЕОРГИЕВ (България)

Безспорен е приносът на проф. Лихачев в изучаването поетиката на старорускатa литература. Тъй като поетиката на старорускатa литература е сходна с поетиката на старобългарската литература, неговите проучвания на поетиката на старорускатa литература представят принос и в проучването на старобългарската литература.

Системата на жанровете в старорускатa и старобългарската литература се поставя с доклада на проф. Лихачев като нов въпрос изобщо. По доклада имам няколко бележки.

Броят на жанровете в старорускатa литература проф. Лихачев определя на около 100. Това обилие очаква обяснение. Трябва да го търсим, смятам, в широкия обем на старорускатa и старобългарската литература. В старорускатa и старобългарската литература влизат не само художествените произведения, или по-добре не само произведенията с чисто художествени задачи, а всичко писано, цялата писменост. Проф. Лихачев различава литературни и извънлитературни произведения, като включва и двата вида в обема на литературата. Не виждам ясно раздела между едните и другите. Предпочитам да включа всичко в литературата, като обаче изрично отбележа: не бива да навлизаме в старобългарската и старорускатa литература с ония понятия за литература, които сме придобили в сферата на новата литература.

При определението на жанровете в старорускатa и старобългарската литература, мисля, е нужна по-голяма яснота. Жанрово определение твърде често влиза в наслова на старорускoто и старобългарскoто произведение, но трябва ли да го въвеждаме по правило и в литературната теория? Жанрът играе дефиниращa, групиращa и класифициращa роля и ако пресилим детайлирането му, той ще загуби своето най-важно предназначение и смисъл в литературната теория, в системата на литературни определения и понятия.

Развитието на жанровете и жанрообразуването, мисля, също изисква повече яснота след въвеждането на понятието система от жанрове. Възникват наистина нови жанрове или старите се развиват, за да се включат в нови системи, при тяхното проучване обаче трябва да знаем, че ще имаме работа повече с възникване на жанрови разновидности, отколкото с възникване на нови жанрове. При жанровете наблюдаваме известна устойчивост и новите жанрови системи не ще се появят с много нови жанрове.

Проф. Лихачев поставя по-нататък въпроса за взаимоотношението между жанровете на писаната литература и жанровете на народното поетическо творчество. Взаимоотношението в случая не може да се разглежда само като взаимопроникване. Не допълнят ли жанровете на народното поетическо творчество жанровете на писаната литература на Средновековието? Не си ли поделят изобщо жанровете писаната и неписаната литература? Докато в съвременността жанровете на писаната литература и на народно-поетическото творчество се повтарят, както се повтаря (казано условно) и тяхното съдържание, докато съответните

жанрове и от двете области задоволяват една и съща потребност на човека, в Средновековието едните жанрове се отправят към една нужда, другите към друга. Така любовната песен е предоставена само на народното поетическо творчество. Средновековният поет, който иска да изрази любовта си, може да използува само жанр на фолклора.

Е. ГЕОРГИЕВ (България)

Акцента на своя доклад колегата М. Мулич бе поставил върху наблюдения на стилистично-художествените особености на творчеството на няколко видни старосръбски писатели и на тяхното отношение към подобни особености на творчеството на видни староруски и старобългарски писатели. М. Мулич обаче имаше и по-дълбок замисъл: чрез своите заключения в изследваната област да реши въпроси на развитието на старата сръбска литература и на взаимовръзките между старите сръбска, българска и руска литератури, като откъсне разглежданите сръбски писатели от старобългарската литературна традиция, покаже самостоятелност в тяхното развитие или ги свърже с руската литературна традиция.

Своите тези М. Мулич търсеше да аргументира преди всичко с положението, че когато България пада през XI—XII в. под византийска власт, тя не е в състояние да развива създадената литературна традиция. Развиват я русите, които изместват старобългарското влияние в Сърбия.

Решението на Мулич изглежда примамливо. Нямаме право обаче да отричаме „книжовна продукция“ у южните славяни през посочения период. По време на византийското владичество упада само официалният дял на старобългарската литература, понеже слоят, който го култивира, е унищожен или се намира под силно гръцко влияние. Но понеже тоя слой, от друга страна, не възпира развитието на т. нар. народен дял, той се развива стремително. През византийското владичество достигат своя разцвет апокрифната и богомилската книжнина. Поради народностния гнет се появяват патриотични стремежи, които намират интересен литературен израз.

Аз нямам ни най-малко намерение да отричам, че руси и сърби развиват по-нататък усвоената от българите или създадената задружно с тях литературна традиция. Но някои от примерите, които М. Мулич приведе, не ни убедиха в неговата теза. В тези примери, с които Мулич искаше да ни убеди, че „пищно изплетените слова“ били нова поява в сръбската и руската литература, звучи патосът на похвалните слова на Климент Охридски. Както пищният стил, така и съставните прилагателни-епитети и хомилическата каскада, стигаща до стихотворна реч, които Мулич приведе, имат пълно покритие у Климент.

Старобългарската, староруската и старосръбската литератури се развиват, като изхождат от един и същ източник; създават в голяма степен обща традиция, която и трите литератури обогатяват на своя почва, но новите си придобивки бързо и непрекъснато разменят; като поддържат тесен контакт и с византийската литература, която оплодява не само българската литература и другите две литератури чрез нея, но намира към руската и сръбската литератури и преки пътища.

М. МУЛИЧ (Югославия)

Я благодарю выступавших в прениях по поводу моего доклада. Они внимательно прослушали мое чтение и вынесли свое мнение о положениях, находящихся в моем докладе. Самым строгим моим оппонентом выступал проф. Е. Георгиев. С его разрешения я попытаюсь ответить на его возражения его же доводами. Я вполне согласен с профессором Е. Георгиевым в том, что в примерах, приведенных мною в докладе, звучит пафос похвальных слов Климента Охридского. Однако в этом-то и заключается мой основной тезис: „плетение словес" не является, как это до сих пор было принято думать, изобретением исключительно и в первую очередь книжников из круга школы Евфимия Тырновского. Корни этого высокого стиля следует искать гораздо глубже, а время его появления в произведениях славянских писателей следует передвинуть в более ранний период, нежели XIV столетие, точнее — в последнюю его четверть. Таким образом профессор Е. Георгиев лишь подкрепил мои доводы и укрепил меня в моих взглядах на интересующий нас вопрос, за что выношу ему мою глубокую благодарность.

19 септември — 19 сентября — 19 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

Fr. ZAGIBA (Österreich)

DIE ABENDLÄNDISCH-LATEINISCHEN GRUNDLAGEN DER SLAVISCHEN LITERARISCHEN BILDUNG VOR UND WÄHREND DER KYRILLOMETHODIANISCHEN ZEIT

Wiener slavisches Jahrbuch, 1963, S. 86—108.

Schon vor der Ankunft der Brüder Kyrill und Method in Mähren blühte hier — getragen von der kirchlichen Organisation — ein reges kulturelles Leben. Seine Zentren waren die Pfarrschulen, die gemäß der Karolingischen Vorschriften bei größeren Kirchen mit einem Priesterkollegium zur Heranbildung des einheimischen Klerus errichtet worden waren; wir finden solche Schulen in Maria Saal in Karantanien und in Mosapurc (Blatnograd) in Pannonien, und dürfen sie nach den neuesten Ausgrabungen in Mähren auch hier vermuten; denn aus den hier erzogenen Klerikern hatten Kyrill und Method jene Schüler ausgewählt, die sie zur Weihe nach Rom mitnahmen, da sie selber noch nicht Bischöfe waren. Aus ihren Reihen ging auch *Gorazd* hervor, den Method auf seinem Sterbebette zu seinem Nachfolger bestimmte,

da jener „in den lateinischen Büchern gut unterrichtet" war. Ebenso nahmen die Brüder auf ihrer Romreise in Mosapurc 50 Kleriker, die hier ausgebildet worden waren, mit, um auch sie weihen zu lassen.

Die Kleriker wurden an diesen Schulen im Trivium, Quadrivium und in den theologischen Fächern unterrichtet. Das geht nicht nur aus dem kaiserlichen Rundschreiben „Epistola de litteris colendis", sondern auch aus den erhaltenen Fachbibliotheken hervor. Eine solche ist die Büchersammlung des Missionsbischofes *Madalwin*, der unter den Mähren gewirkt hatte. Diese Sammlung umfaßt 56 Bücher theologischen und profanwissenschaftlichen Inhalts, die für den Unterricht notwendig waren. Übrigens standen diese Schulen nicht nur den Theologen, sondern auch den Söhnen des Adels offen, die hier in den Fächern des Triviums und Quadriviums unterwiesen wurden.

Im Rahmen der kirchlichen Organisation und des Schulwesens wurden auch zahlreiche Schriften in lateinischer Sprache verfaßt, die zu den ältesten Quellen der Geschichte der Slaven zählen, so z. B. das Protokoll über die Missionierung der Slaven, bei dem der Patriarch Paulinus II. von Aquileja federführend war, Missionshandbücher und Katechismen, die Epistola des *Candidus*, der unter den Slaven lebte; er nennt sie „idioma carens", weshalb er lateinisch schrieb; ferner das Werk des *Geographus Bavarus* und die „Gonversio Bagoariorum et Carantanorum", die älteste Geschichte der Missionierung unter den Slaven.

Neben diesem lateinischen Schrifttum finden wir schon vor der Ankunft Kyrills und Methods Ansätze zu einer Literatur in slavischer Sprache. Die Übersetzung der Grundgebete (Credo, Pater noster, Ave Maria), Beichtformeln und -gebete (Freisinger Denkmäler I und III) stammen noch aus der iroschottischen Mission; dazu kamen noch Litaneien, das „Kyrie" und die kleine Doxologie, einzelne Psalmen, also Texte, die jungen Kleriker für die Pastorisation kennen mußten und die zugleich auch (wenn wir die Episteln und Evangelien hinzurechen) in der Vormesse verwendet werden konnten. Den Brauch, die Vormesse in der Volkssprache zu feiern, brachten die iroschottischen Missionäre mit.

Verdienst der Brüder Kyrill und Method ist es, durch Differenzierung aus der „lingua barbara" (deren Spuren wir noch im Idiom der Freisinger Denkmäler I und III finden) zur „Lingua liturgica" umgestaltet zu haben. In diese „kirchenslavische" Sprache übersetzten sie auch den Hauptteil der Messe, die „sacratissima misteria" nach einer lateinischen Vorlage. Reste dieser Uebersetzung finden wir in den sog. Kiever Sakramentarfragmenten als deren Vorlage die lateinischen Salzburger Sakramentarfragmente nachgewiesen wurden. Auch in der Vortragspraxis (Akzentneumen) finden wir die Gesangspraxis der römischen Kirche im 9. Jahrhundert wieder. Daher bekamen die Brüder die Bewilligung Roms, slavisch zelebrieren zu dürfen. Auch in der Uebersetzung der Hl. Schrift finden wir den Einfluß der Vulgata, da in den kirchenslavischen Texten Varianten vorkommen, die in der griechischen Version fehlen.

In diese kirchenslavische Sprache übersetzte Method auch Rechtsbücher (Vita Meth., cap. 15: „Tam vero etiam nomocanonem, id est legis regulam... vertit"). Spuren davon finden wir in den slavischen Glossen in einer lateinischen Canonessammlung (Clm 14008).

П. ДИНЕКОВ (България)

ОСОБЕНОСТИ НА БЪЛГАРСКАТА ПУБЛИЦИСТИКА ПРЕЗ IX—XII в.

Славянска филология, V, София, 1963, стр. 289—302.

В развитието на старата българска литература могат да се набележат редица произведения, които имат публицистичен характер. Очевидно касае се за твърде своеобразни форми на публицистиката, възникнали при определени исторически условия, поради което при техния анализ и оценка не бива да изхождаме от нашите съвременни разбирания за характера, задачите и стила на публицистиката. При това ние въвеждаме един литературен термин, който в средновековието не е познат. Употребявайки термина публицистика за старобългарската литература, ние значително стесняваме неговото съдържание, макар че не изменяме основните му особености. И старобългарската публицистика възниква като отражение на актуалните проблеми на епохата, и тя се стреми да доведе идеите, които вълнуват автора и неговото време, до най-широк кръг читатели.

Публицистиката се създава винаги в условията на големи обществени борби и народни движения, при съживяване на обществено-политическата мисъл. Тогава се засилва публицистичната насоченост на литературата, на която се поставят важни обществени задачи. Тук няма да изчерпвам нито всички исторически моменти, които в старата българска литература са намерили отражение в творби с малко или повече публицистичен характер, нито всички произведения, свързани с едно или друго обществено движение. Ще се спра само на началния момент от възникването и развитието на старобългарската публицистика, и то главно с оглед на няколко типични произведения. Целта е по-скоро да поставя въпроса, отколкото да го решавам цялостно и изчерпателно. Защото ако се взрем в развитието на старата българска литература от гледище на публицистиката, ние ще видим в нея историята на българската обществена мисъл, пред погледа ни ще се разкрие голямата борба на идеи, която се извършва в нашето средновековие.

Наченките на старобългарската публицистика трябва да се търсят в периода на дълбокия умствен и мирогледен прелом, който настъпва в славянобългарското общество през втората половина на IX в. във връзка с покръстването и създаването на славянската писменост и просвета. Тоя прелом не минава без големи политически конфликти; той се усложнява и от съществуването на две етнически групи — първобългари и славяни — и две езически култури. За начало на българската публицистика трябва да се вземе сказанието на Черноризец Храбър за буквите. В идейната си насоченост то не е изолирана проява, а е част от твърде големия брой произведения, които отразяват борбата за защита и утвърждаване на славянската писменост и култура. По проблематика и форма сказанието на Черноризец Храбър се сближава с книжовното дело на Кирил и особено с диспута му срещу триезичниците във Венеция. В дълбоката си същност от проблематиката на Черноризец Храбър изхождат и две покъсни творби, възникнали по всяка вероятност през византийското робство — Солунската легенда и Българският апокрифен летопис. Напълно до жанра на публицистиката се доближава беседата на Козма Презвитер

срещу богомилите. При анализа на тия произведения се вижда, че не така лесно могат да се разчупят средновековните литературни форми, не така скоро се стига до ония класически форми, в които се изразява публицистиката в ново време. Старобългарските писатели правят опити да приспособят най-различни средновековни видове творби към публицистичен изказ, към отразяване на идейно-обществените борби и движения.

Разгледаните тук няколко интересни творби, появили се през определен период, близки в идейно и литературно отношение, ни дават основание да обособим в историята на българската средновековна литература публицистиката като самостоен жанр със свои специфични особености. Изследването показва, че се касае не за изолирано явление, а за традиция, която продължава да съществува и през следващите литературни епохи.

Я. С. ЛУРЬЕ (СССР)

О СУДЬБАХ ПЕРЕВОДНОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ В РОССИИ И У ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН В XV—XVI вв.

Славянские литературы. Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов, Москва, 1963, стр. 71—88.

1. Вопрос о своеобразии русской литературы XV—XVII вв. по сравнению с современными ей литературами других европейских народов не раз подымался в науке. В своем докладе на IV Международном съезде славистов Р. Ягодич утверждал даже, что древнерусская литература, опиравшаяся на „культурный идеал, покоящийся только на христианской вере", абсолютно своеобразна и не сопоставима по своему характеру с западными литературами.

2. Сопоставление русской литературы XV—XVI вв. с литературами западнославянских народов обнаруживает важные элементы близости и вместе с тем существенные расхождения между путями развития этих литератур. Вопрос о русско-чешских и русско-польских литературных отношениях до XVII в. мало разрабатывался в филологии; непосредственные связи русской литературы с чешской и польской были в этот период довольно слабыми; в русской литературе этого периода (в отличие от украинской и белорусской) почти нет памятников, переведенных с чешского или польского языка. Но для понимания литературной истории славянских стран существенны не только случаи прямого перехода произведений письменности из одной страны в другую, но и установленные сходства и различия в репертуаре литературных памятников, имевших хождение у западных и восточных славян.

3. В XV веке ряд памятников переводной беллетристики позднего средневековья разными путями проникает в русскую и чешско-польскую литературу — между репертуарами переводной литературы восточных и западных славян обнаруживаются в этот период многие совпадения (роман об Александре Македонском, сказания о Троянской войне, легенда об Индийском царстве священника Иоанна, индоарабские басни Бидпая, беседы царя Соломона с его грубым и остроумным собеседником — Мархолтом или Китоврасом и т. д.). И у западных и у восточных славян

складывается беллетристика, противостоящая религиозной дидактической литературе (наряду с переводными сюжетами, такие оригинальные беллетристические произведения, как русские „Повесть о Дракуле“, „Повесть о Басарге“ и др.).

4. В XVI в. соотношение между русской и западнославянскими светскими литературами резко меняется. На основе сюжетов, появившихся еще в XV веке, в Чехии и Польше развивается новая литература светско-гуманистического характера; рядом с переводными романами об Александре и Троянской войне появляются оригинальные произведения на античные и национально-исторические темы; на основе традиций „Соломона и Мархолта“ и других средневековых памятников складывается западнославянская сатирическая литература и народный театр. В русской литературе XVI века не появляется ни одного нового беллетристического произведения, подобного тем, какие знала литература XV века; в русской рукописной традиции XVI в. не оказывается ни одной рукописи ряда литературных памятников, известных еще в традиции XV века и широко представленных среди рукописей XVII века (нет ни одного списка XVI в. „Повести о Дракуле“, „Сказания об Индийском царстве“, сербской „Александрии“, басен Бидпая — „Стефанита и Ихнилата“ и др.).

5. Резкое расхождение между судьбами русской и западнославянской беллетристики в XVI веке следует на наш взгляд связывать с поражением русских реформационных движений конца XV и XVI века. Церковные деятели не раз выступали против светской художественной литературы и в Чехии, и в Польше, и в Западной Руси (Ф. Скорина), но лишь в Русском государстве им удалось в XVI в. добиться почти полного устранения „неполезных повестей“. Ряд литературных мероприятий иосифлянской церкви XVI в. (создание „Великих Четий Миней“ и других официальных литературных сводов) был связан со стремлением полностью подчинить литературу религиозно-дидактическим целям. Лишь в XVII веке, после начала крестьянской войны и иностранной интервенции, в период формирования общерусского рынка и усиления городских движений, памятники западнославянской беллетристики начали широко проникать на Русь. Но это было уже в иную историческую эпоху, когда сами западнославянские литературы пережили глубокий перелом после наступления контрреформации в Чехии и Польше.

М. ПАНТИЋ (Југославија)

ЈУГОСЛОВЕНСКА КЊИЖЕВНОСТ И УСМЕНА НАРОДНА КЊИЖЕВНОСТ ОД XV ДО XVIII ВЕКА

Циљ је овога саопштења да укаже на проблем који је веома актуелан и од највећег значаја за читаву историју југословенске књижевности, а који, упркос томе, све до данас није на задовољавајући начин решен и који шта више, осим спорадичних и парцијалних покушаја, није ни решаван. То је проблем односâ у које су, кроз векове, долазиле или у којима су трајно бивале, српскохрватска усмена или такозвана народна књижевност и књижевност коју су истовремено писали српскохрватски песници с уметничким претензијама и с више или мање јасно дефини-

саним поетикама. Од правилног решавања тог проблема зависе у пуном смислу речи многи и веома потребни одговори које је историја југословенских књижевности дужна да нађе и које још увек тражи; ти би одговори ближе одредили сâм тренутак рађања наше нове књижевности, у светлим данима ренесансе; они би затим показали елементе из којих је та нова књижевност настала; и они би, најзад, помогли да се пуније и тачније сагледа читав њен каснији развој, све до дана Вука Стефановића Караџића. Како је, међутим, за решење целокупног тог проблема потребно и много простора и још много накнадних истраживања, аутор овога саопштења неговештава само његове основне обрисе и само најбитније смерове у којима би оно имало да се упути. Он на основу многих историјских сведочанстава, познатих одраније или сада први пут саопштених, констатује да се у прошлим вековима по свим нашим приморским градовима, који су једини имали среће и услова да се развијају углавном несметано и да стварају модерну културу, волела и певала такозвана народна песма исте оне врсте и истог оног карактера коју су и какву певали и волели у исто време становници осталих наших крајева. Наши приморски писци из епохе ренесансе, а затим и они из каснијих епоха, не ограђују се од народне књижевности никаквим зидом потцењивања или презира, као што нам је покаткад изгледало. Напротив, они поједине „попијевкиње“ и поједине „зачинке“ — како се народне песме тада зову — бележе и сакупљају, и тако их спасавају од заборава (Петар Хекторовић, Петар Зрински, Андрија Змајевић, Иван Алтести, Иван Алетин, Ђуро Матијашевић, Јозо Бетондић, Ђуро Ферић, Марко Бруеровић и др.); они их уплићу у ткиво својих дела (Марин Држић, Матија Антун Рељковић, Андрија Качић Миошић и др.); они се њима инспиришу и њих подражавају (Џоре Држић, Ханибал Луцић, Никола Наљешковић, Динко Рањина, Јурај Бараковић, Антун Глеђевић, Игњат Ђурђевић и др.); они њихов свет и њихове јунаке, њихове мотиве и њихове изражајне поступке користе за своја уметничка дела (дубровачки петраркисти, Џиво Гундулић, Џоно Палмотић и др.). На основу обимног материјала који је прикупио и који користи, аутор овога саопштења закључује: 1) да су везе између усмене и писане књижевности југословенских народа у временском размаку од XV до XVIII века биле и бројније, и дубље, и присније но што смо досад успели да видимо, и 2) да ћемо поред многобројних, и врло битних, и несумњивих утицаја италијанске књижевности морати и те како да водимо рачуна и о не мање битним, и не мање бројним, и не мање несумњивим утицајима народне књижевности на песнике из ових столећа. Јер инвенција тих песника неће бити само у ономе што остане кад се та два утицаја одузму, него и у ономе што се добије кад се та два утицаја удруже.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Е. ГЕОРГИЕВ (България)

Тезата на Фр. Загиба да се търсят западно-латински елементи в най-ранната славянска литература е правилна. Усвоявайки културното наследство на човечеството, славяните вършат това чрез посредничеството на

византийската и латинската писменост. Не бива обаче да се надценява ролята на западно-латинската писменост в създаването на първата славянска литература, получила правилно названието старобългарска.

Основателите на славянската литература Кирил и Методий изхождат от византийската писмена традиция, до известна степен и от славянската образованост, възникнала в съприкосновение с византийската. Усвояват и езика на българските славяни, сред които живеят и работят в продължение на десетилетия. Във Велика Моравия отиват с готови текстове. Езикът на тия текстове е културният език на българските славяни.

Тепърва от времето на моравската мисия основоположниците на първата славянска литература се опознават със западно-латинската образованост и със славянската култура, която е получила нещо от съприкосновението си с нея. Елементите от тая образованост и култура могат да се промъкнат в преводите и произведенията, създавани от братята и техните ученици и последователи на Запад, както, разбира се, и в преписите на първоначалните текстове. Но едва ли може да се говори за „западно-латински основи“ на старославянската, т. е. на старобългарската литература.

В. ВЕЛЧЕВ (България)

Изказвайки се по доклада на П. Динеков „Основни черти на старобългарската публицистика през XI—XII век“, аз се съгласявам с правилността на задачата, която авторът си е поставил — не да определи публицистичните произведения, което е направено преди него, а да привлече вниманието към публицистиката в старобългарската литература, да направи някои обобщения въз основа на направеното, да издигне някои по-общи въпроси. Към заслугите на автора считам обстоятелството, че той включва и Солунската легенда, чиито публицистичен характер не е изтъкван.

Ще изкажем и някои пожелания, които се налагат от задачата, която докладчикът си е поставил. Според нас следваше да се постави по-определено въпросът за характера на публицистиката като жанр. Казаното от Динеков, че тя се появява в моменти на обществени стълкновения, е доста общо и недостатъчно, когато трябва да се определи един жанр. Не се изтъква важен белег на публицистичните произведения — тяхната определено партийна ориентираност и наситеност. Заслужава да се изкаже и друго пожелание, свързано с формата на публицистичните произведения: такъв подбор на словото, такава организация на фразата, такова разположение на частите, които са подчинени на една основна задача — не толкова да създаде образ, колкото да изгради убеждение у читателя, да повлияе върху волята, върху общественото, социалното мислене и поведение на читателя.

До каква степен при една постановка на въпроса за публицистиката е нужно да се издигнат характерните откъм съдържание и форма критерии за публицистичния жанр, се вижда от следния пример, който ще си позволя да приведа. Известният публикатор и изследовател на Беседата на презвитер Козма против богомилите М. Г. Попруженко правилно определи това произведение откъм жанр като публицистично. В противоречие с това вярно определение обаче, когато се занимава с формата му,

той търси в него елементите на художественост, разбирана като образност, издирва сравнения, олицетворения и пр., вместо да търси онези елементи на формата, които са подчинени на изискването на жанра — не да създаде образ, а да се изгради убеждение у читателя.

Считам, че П. Динеков, правейки постановка на въпроса за публицистиката, трябваше да създаде изглед и към публицистичните произведения от следващи епохи, като поне ги наброи. Независимо от всичко намирам за нужно и навременно поставянето на публицистичния жанр в старобългарската литература, която трябва да се разглежда като словесно изкуство с една или друга насоченост при различните жанрове.

Е. ГЕОРГИЕВ (България)

Жанрът на чистата публицистика у старите ни писатели се среща рядко. В тяхната номенклатура дори липсва термин за публицистичния жанр. Обикновено се срещат произведения от други жанрове, които носят публицистичен характер.

Проф. Динеков разглежда в доклада си малък брой произведения на старобългарската литература с публицистичен характер. Тоя брой би могъл да бъде увеличен съществено.

Въпреки че в доклада се въвежда между произведенията с публицистичен характер Кириловата Защита на славянската писменост във Венеция, за „начало на българската публицистика" се определя Сказанието на Черноризец Храбър за буквите. Един твърде важен етап от развитието на българската литература — етапът, свързан с дейността и борбите на Кирил и Методий и на техните най-близки ученици и сътрудници, поставя началото на тоя жанр. Делото на Кирил и Методий и на техните сподвижници има борчески характер, поради което и книжовната им продукция получава ярък публицистичен характер.

Освен Защитата на славянската писменост публицистичен характер имат и другите прения на Кирил — с иконоборека-патриарх, с мохамеданите по време на сарацинската мисия и с мохамеданите и юдеите по време на хазарската мисия. Имаме същото основание да смятаме, че Кирил е записал тези си прения, каквото имаме и за Защитата на славянската писменост. Тези прения наистина са били записани на гръцки, но с превода на „Кириловите книги", направен от Методий, те се включват в старобългарската литература.

Старобългарската литература се разгъва с нови публицистични идеи и черти на българска земя. Още с появата си тук публицистиката се включва в бурното развитие на страната през епохата. С установяването на феодализма в България се сблъскват стари и нови мирогледни начала. Философското и богословско съдържание на Йоан-Екзарховия „Шестоднев" например, който трябва да покаже как новите идеолози обясняват света, се обагря публицистично.

В очерк за старобългарската публицистика трябва да намерят място първите сборници със смесено съдържание, създадени при непосредственото участие на Симеон, за нуждите на неговия двор и на близкото на двора училище. Особено сборникът, стигнал до нас в руски препис от 1076 г. (наричан Светославов), дава широк път на публицистиката.

Накрая желая да отбележа още една особеност на старобългарската публицистика, струва ми се, неотбелязана от проф. Динеков: нейния успех между читателите. Тоя успех несъмнено се дължи както на характера на съдържанието на публицистичните произведения, изпълнено с въпроси на действителното знание и на живота, така и на достъпността и вълнуващата форма на изложението.

В. Д. КУЗЬМИНА (СССР)

Доклад проф. П. Н. Динекова имеет методологическое значение не только для истории староболгарской, но и древнерусской литературы. Дело в том, что в раннем средневековье литературы наших народов развивались в аналогичных исторических условиях. Принятие христианства, быстрое развитие славянской письменности, рост самосознания народности, гордость своей культурой, борьба с византинизмом — таковы основные общие предпосылки, которые обусловили зарождение и начало формирования публицистики в раннем средневековье в Болгарии и в Древней Руси. Напряженная политическая борьба стала причиной усиленного развития общественной мысли в обеих странах. Это естественно сказалось в широком развитии публицистических элементов в пределах различных жанров средневековой литературы в Болгарии и на Руси.

Ярко выраженная тенденция делает на мой взгляд совершенно правомерным применение термина „публицистика“ к „Сказанию Черноризца Храбра“, но в других произведениях староболгарской литературы имеются лишь элементы публицистики.

У историков древнерусской литературы наличие публицистических элементов в литературе раннего средневековья не вызывает сомнений. В применении к „Повести временных лет“ об этом писали А. А. Шахматов и Д. С. Лихачев. О публицистичности анонимного „Сказания о Борисе и Глебе“ писал С. А. Богуславский, а на настоящем съезде говорил коллега А. Поппе (Польша). Как публицистическое произведение рассматривали „Слово о законе и благодати“ митр. Илариона Н. К. Гудзий и Д. С. Лихачев. Надо думать, что для современников митр. Илариона важнее была политическая основа произведения (похвала Владимиру), чем догматические рассуждения в первой части.

Думается, что в дальнейшем проф. П. Н. Динеков кое-что уточнит в отдельных формулировках. Типологическое сопоставление исследуемых им произведений староболгарской литературы с аналогичными произведениями древнерусской литературы XI—XII вв. (публицистические эпизоды в „Повести временных лет“, в „Сказании о Борисе и Глебе“, „Слово о законе и благодати“ митр. Илариона) поможет шире обосновать и уточнить его интересное и плодотворное исследование о процессе формирования средневековой публицистики в Болгарии.

В драмах на „испанские темы“, менее доступных компетенции цензуры, испанские поэты могли смелее представить свои гуманистические идеалы. Именно в этих драмах они выдвигали особо политически острые проблемы (напр., совершенного государя), изображали на сцене народные движения (напр., „grande revolución“ в „Вел. кн. Московском“, „escándalo plebeyo“ в „Короле без королевства“ Лопе де Вега), клеймили тиранию и разложение придворной верхушки. Обращение к рукописям указанных драм, т. е. к неподцензурному тексту, — подтвердило суждение об особом месте драм на славянские (и на другие „неиспанские“) темы в испанской литературе XVII в. (см. Н. И. Балашов, Рукописи испанских драм о Руси и гуманистическая традиция литературы Испании XVII в. в Известиях Академии наук СССР, Серия литературы и языка, 1964, т. XXIII, № 1).

Поскольку главный источник „Вел. кн. Московского“ (Сообщение... Поссевино—Москеры, Вальядолид, 1606) известен, открывается возможность точного определения, что именно Лопе де Вега внес в драму от себя. Лопе де Вега испытывал симпатию к славянам, усматривая в их борьбе за освобождение от татарского и турецкого ига аналогию с испанской реконкистой. Как гуманист Лопе де Вега решительно отвергал вдохновлявшие иезуитов Поссевино и Москеру политические претензии римской церкви на „обращение“ православных народов в католичество. В „Вел. кн. М.“ поэт даже не упоминает ни о том, что русские не католики, ни о той задаче распространения католицизма на православные страны, с которой был связан пафос книги Поссевино—Москеры. В противоположность Москере Лопе де Вега подходит к русским как к братьям, не занимаясь вопросом о конфессиональных различиях.

Глубоко и правдиво в главных чертах изображая характеры Ивана Грозного, его сыновей, Бориса Годунова, Лопе де Вега в то же время имеет в виду Филиппа II Испанского, мастера по расправам (castigar) и убийцы сына — дона Карлоса. Русский сюжет позволяет Лопе подвергнуть гуманистической критике испанский абсолютизм.

Второе действие „Вел. кн. М.“ выдержано в строго ренессансном духе. Есть известное соответствие между сценами воспитания Димитрия в народной среде и картиной воспитания принца Гарри в „Короле Генрихе IV“ у Шекспира. Лопе де Вега желает русским подлинного централизованного государства (которого не удалось осуществить в Испании XVII в.) с народным правителем во главе. „Голодраный император“ (roto emperador) в драме Лопе де Вега, „подметающий“ (barrer) собственноручно монастырский двор, был прямой противоположностью чопорных монархов вроде Филиппа III, и подобные сцены должны были восхищать демократического зрителя (это доказывается тем, что позже эти сцены были заимствованы и развиты Морето в „Несчастливом Хуане Басилио“).

Драма Лопе де Вега свидетельствует, что не только русские, но и украинцы были хорошо известны в Испании. Поэт вслед Москере исправляет итальянское произношение слова Запорожье (Zazurosso), восходящее к русскому или польскому языку, и пишет в непосредственном соответствии с украинским ударную гласную не „о“, а „i“ — Çaçuriso т. е. Запоріжжя).

„Вел. кн. М.“ сравнивается с другими драмами, в которых Лопе касается католической политики („Новый Свет“, „Тенерифские гуанчи“) и особенно с драмой из венгерской истории „Король без королевства“, на

сходство проблематики которой с проблематикой „Вел. кн. М." обратили внимание еще Менендес и Пелайо.

В докладе показано, как авторы „Преследуемого государя — Несчастливого Хуана Басилио", несмотря на некоторые появляющиеся в этом произведении тенденции приключенческой, новеллистической драмы периода барокко, — продолжают ренессансную традицию Лопе де Вега.

В упомянутой выше статье („Рукописи испанских драм о Руси...") показана живучесть ренессансной традиции в драмах на славянские темы даже в последней четверти XVII в. В таком аспекте подробно рассматривается третья испанская драма XVII в. о Руси — „Русский двойник", созданная, как можно судить по приложенным к ее 1 рукописи цензурным документам, не ранее 1676 г.

* * *

Содержательность обращения Лопе де Вега и других испанских драматургов XVII в. к славянским сюжетам, это не только свидетельство возрастающего общего внимания к славянскому миру и его проблемам, но и специального интереса к бурной общественной жизни восточноевропейских стран (и grande revolución, по определению Лопе де Вега); это также использование возможности на менее доступном контролю цензуры материале постановки острых политических и идеологических вопросов, которыми жили передовые круги Испании XVII века.

M. FRANIČEVIĆ (Jugoslavija)

RITMIČKA OSNOVA U STIHU HRVATSKIH PJESNIKA XV I XVI STOLJEĆA

Iz ovog i prethodnog razdoblja uz neke slobodne stihove sačuvani su i šesterci, sedmerci, nesimetrični osmerci, deseterci, jedanaesterci, tročlani dvanaesterci, četrnaesterci, petnaesterci i šesnaesterci, ali su ipak osnovni stihovi simetrični dvanaesterci i simetrični osmerci.

Ispitujući ritmičku inerciju t. zv. dvostruko rimovanog dvanaesterca koji je jednako udomaćen u svim centrima od Zadra do Dubrovnika došao sam do zaključka da postoje dva tipa ovoga stiha. Jedan je tip kojim pišu pjesnici sa čakavskog područja (Zadar, Split, Hvar), a drugi se javlja u štokavskom Dubrovniku. Analiziravši dvanaesterce Š. Vlahovića Menčetića, Dž. Držića, M. Vetranovića Čavčića, N. Nalješkovića, M. Držića, N. Dimitrovića, A. Sasina, M. Mažibradića, M. Bunića Babulinova, D. Ranjine, D. Zlatarića i F. Lukarevića Burine na jednoj, a P. Zoranića, B. Karnarutića, J. Barakovića, P. Hektorovića, H. Lucića, J. Bartučevića i M. Marula Pečenića na drugoj strani konstatirao sam da dubrovački dvanaesterac, za razliku od hvarskog, splitskog i zadarskog, karakterizira dosljedno provedeno trodijelno fraziranje koje je izrazita dominanta, a kod većine pjesnika čak i konstanta tako da se zapravo radi o četvoročlanom dvanaestercu. Kod čakavaca, međutim, nema dosljedno provedenog trodijelnog fraziranja u više od polovine stihova tako da o četvoročlanosti stiha ne može biti ni govora. Osim toga u čakavskom se stihu osjeća stanovita amfibraško-trohejska tendencija koje u dubrovačkom dva-

naestercu nema ili je mnogo slabije izražena. Dubrovački je stih, dakle, isključivo silabički, a čakavski je silabičko-tonski. Ta razlika nije nastala zbog tonskih svojstava jednog ili drugog narječja, jer je trodijelni stih moguć i u čakavštini, a tonska se tendencija mogla javiti i u strogo silabičkom štokavskom dvanaestercu. Što više, kad bi se čakavski dvanaesterac formirao samo po silabičkom principu, akcenti bi bili slobodnije raspoređeni nego u štokavskom, jer mogu stajati na svim slogovima akcenatske cjeline. A u stvari je obratno. Postoji, dakle, očita tonska tendencija. Kod nekih je pjesnika više naglašena amfibraška (Marul, Baraković) a kod drugih trohejska tendencija (Zoranić, Karuarutić), ali je kod svih stih amfibraško-trohejski kao što je kod Dubrovčana isključivo silabički. Od čakavaca je po trodijelnosti Dubrovčanima najbliži Baraković koji se bavio versifikacijom i Lucić koji im je i inače najbliži, ali se ipak jedan i drugi uklapaju u čakavski tip, kao što se i Džore Držić, kod kojega ima najviše odstupanja (utjecaj narodne poezije i govornog jezika čakavski obojenog), uklapa u dubrovački tip.

I osmerac čakavskih pjesnika zadarskog, splitskog i hvarskog kruga (crkvena prikazanja, J. Baraković, M. Marul Pečenić, H. Lucić, M. Pelegrinović, M. Gazarović) razlikuje se od osmerca Dubrovčana (Vetranović, Nalješković, Sasin, Bobaljević, Ranjina). Istina, ovdje je razlika samo u jačoj ili slabijoj naglašenosti iktusa, jer je jedan i drugi stih silabičkotonski, ali ona je ipak tolika i takva da se može govoriti o dva različita tipa. Čakavski osmerac je ritmički mnogo određeniji, trohejska inercija izrazitija. Neparni slogovi u analiziranim stihovima su u prosjeku 12 puta jače naglašeni od parnih. No i dubrovački se stih može nazvati trohejskim, iako su neparni slogovi tek nešto više od četiri puta naglašeniji od parnih. Ovakav raspored akcenata ni u prvom ni u drugom stihu ne može biti slučajan, jer bi inače razlika u naglašenosti između parnih i neparnih slogova morala biti znatno manja. Osim toga prvi slog je od svih neparnih najslabiji, a u čisto silabičkom stihu to ne bi bilo moguće, što više, on bi morao nositi najviše akcenata. Činjenica da je u čakavskom osmercu u prosjeku trohejska inercija tri puta jača, omogućava nam da bez izuzetka razlikujemo ova dva tipa. Ali nije sve u tome. U čakavskom je osmercu najnaglašeniji četvrti, dok je u Dubrovčana najnaglašeniji treći iktus. U čakavaca je čak i drugi iktus redovito jači od trećeg. Usput napominjem da nam ove analize, npr., nešto govore i o autorstvu *Jeđupke* (bolje: *Jejupke*). One nas, naime, upućuju na Hvaranina Pelegrinovića, jer se po inerciji sve pjesme ove maskerate uklapaju u hvarski čakavski, a ne u dubrovački ritmički okvir.

Й. БАДАЛИЧ (Югославия)

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ — ПРЕДШЕСТВЕННИК ИВАНА Г. ПОСОШКОВА

Труды отдела древнерусской литературы, т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 391—403.

F. ŠVELEC (Jugoslavija)

PRILOG PROUČAVANJU ORIGINALNIH CRTA HRVATSKE RENESANSNE KNJIŽEVNOSTI

U ovom kratkom izvodu želim iznijeti glavne stavove iz svoga referata što sam ga za ovaj kongres pripremio i objavio pod naslovom Prilog proučavanju originalnih crta hrvatske renesansne književnosti. Riječ je o onom dijelu jugoslavenskih književnosti koji se na pomolu novoga vijeka pojavio na priobalnom pojasu Dalmacije, u Dubrovniku, Splitu, Hvaru i Zadru — u gradovima koji ulaze u sastav SR Hrvatske zbog čega se taj dio jugoslavenskih književnosti u užem smislu obično naziva hrvatskom renesansnom književnošću.

Ta je naša literatura bila predmet raznolikih istraživanja. Upozorio bih za sada samo na rezultate onih istraživanja koja su išla za ciljem da utvrde veze između naše i talijanske književnosti. Rezultati su brojni i mogli bi se podijeliti u dvije dosta oprečne grupe: prema jednima, po obimu veoma obilnima, dubrovačko-dalmatinski su se pjesnici ropski povodili za talijanskom književnošću, pa se njihova djela od talijanskih razlikuju uglavnom samo jezikom; prema drugima, obimom svakako neznatnijima, naši su renesansni pjesnici učili i ugledali se u daleko razvijeniju književnost Italije, koja je u ono vrijeme bila učiteljicom kulture svoj Evropi, ali su u svojim najznačajnijim dostignućima izražavali život i probleme svoje sredine.

Ne ulazeći ovdje u ocjenu prvih, zaustavio bih se na drugima i upravo nastavljajući na njih želio bih svojim referatom pružiti skroman prilog proučavanju te problematike.

Hrvatska renesansna književnost započinje pod snažnim dojmom talijanske renesansne literature, ali već na njezinim prvim koracima probijaju se teme iz surove životne stvarnosti u našim krajevima. Rodoljubno antiturski intonirana je l a t i n s k a poezija J. Šižgorića, I. Česmičkoga, T. Andronika i drugih. S rodnim tlom je povezana i h r v a t s k a poezija već u Dž. Držića i još snažnije u M. Vetranovića; konkretne gradske prilike izranjaju iz dramata N. Nalješkovića i M. Držića, da bi se opet u A. Sasina pokazala izrazita antiturska preokupacija. Ali što se više udaljujemo od Dubrovnika prema Splitu, Hvaru i Zadru, nemir pjesnikâ nad sudbinom zemlja, nad sudbinom svojom ličnom, dolazi do izražaja sve jače.

Izvan primorskih gradova, u zaleđu, nakon propasti narodnih država, nikakva književnog rada u užem smislu nije bilo. Narodne mase živjele su u neprestanoj borbi za golo fisičko održanje i jedino što im je preostalo bila je n a r o d n a p j e s m a u kojoj su veličale prošlu slavu što ih je napajala vjerom u pobjedu i opjevavale suvremene uspjehe ili neuspjehe u toj neravnoj borbi. Izraz, zvuk i sadržaj narodne pjesme, što će sve skupa još dugo ostati živo i djelotvorno, prelazio je iz kraja u kraj obavljajući na neki način m u t a t i s m u t a n d i s i funkciju novina u današnjem smislu. S narodnih usta ona se nametnula i našim individualnim pjesnicima u Dubrovniku, Splitu, Hvaru i Zadru, i u spoju sa snažnom renesansnom strujom i poticajem, uz određen izraz naše srednjovjekovne književnosti, zaorala naše nove književne brazde.

Nastala u nekoliko ekonomski i politički nepovezanih gradova, naša je renesansna književnost od Zadra do Dubrovnika bila prožeta dubokim unut-

rašnjim jedinstvom. To se jedinstvo manifestiralo u zajedničkom jeziku s dvanaesteračkim metrom baštinjenim iz narodnog usmenog stvaralaštva, u zajedničkoj srednjovjekovnoj književnoj tradiciji, u zajedničkom naslanjanju na izraz i tematiku narodne pjesme, u zajedničkim književnim uzorima u susjednoj Italiji i u zajedničkoj opasnosti od Turaka koja je zaokupljala najjače duhove naših naroda kroz nekoliko stoljeća.

Pored vlastitog dvanaesteračkog metra duboka povezanost sa rodnim krajem, nad kojim se nadvila opasnost od turskih osvajača, i naslanjanje na narodnu pjesmu, i u izrazu i tematski, ostaju jasno uočljive samostalne crte hrvatske renesansne književnosti.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

D. ZAMFIRESCU (Roumanie)

Je voudrais souligner l'importance qu'a la communication du prof. D. I. Balachov pour les chercheurs roumains.

L'existence d'œuvres littéraires occidentales dont les sujets sont empruntés à l'histoire des peuples de l'Est et du Sud-Est européen constitue un thème susceptible de recevoir des développements amples et pleins de signification. De tels œuvres montrent qu'il n'a pas existé entre l'Occident et l'Est des barrières impénétrables, que, à des degrés et sous des formes divers, il a toujours existé un contact réciproque. Le prof. Balachov nous a présenté quelques exemples éloquents. Je voudrais ajouter d'autres relatifs cette fois à l'histoire de Roumanie. Les luttes héroïques qui, sous le commandement du prince Michel le Brave (Mihai Viteazul) de Valachie (1593—1601) ont permis aux Roumains, grâce à la conjuncture de la politique européenne à la fin du XVI[e] siècle, de recouvrer un instant leur indépendance en secouant la domination ottomane, ont trouvé aussi un écho dans l'œuvre de Lope de Vega et dans un drame populaire italien de Giulio Cesare Croce.

Comme l'a montré l'hispanisant roumain Al. Popescu-Telega (dans son étude Două drame de Lope de Vega interesînd istoria şi literatura românilor, Craiova, 1936) la pièce „El Prodigioso principe transilvano" ou „Prodigioso capitan" reflète les événements orageuses des années 1594—1595 qui semèrent la panique dans l'Empire ottoman, mais en attribuant une partie des hauts faits de Michel le Brave au prince de Transylvanie Sigismund Báthory — son allié. Neamoins, Michel le Brave apparaît dans un portrait mis dans la bouche d'Emir pacha, portrait qui correspond de façon saisissante avec le modèle historique réel. Celui qui avait fourni à Lope de Vega des informations historiques relatives à l'Europe orientale semble avoir été le Jésuite Carillo, le confesseur de Sigismund.

Un écho de la bataille de Călugăreni (1595) où Michel le Brave affronté une armée turque bien supérieure en nombre et conduite par Sinan pacha, on le trouve dans le drame populaire de Giulio Cesare Croce (voyez N. Cartojan, O dramă populară italiană a lui Giulio Cesare Croce despre Sinan Paşa şi vitejiile romîneşti, Bucureşti, 1936).

La communication de prof. Balachov fournit l'occasion aux chercheurs roumains d'élargir le cadre de ce phénomène et d'en mieux saisir la portée

М. БАБОВИЋ (Југославија)

ИЗУЧАВАЊЕ И ПРЕВОЂЕЊЕ „СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ" КОД ЈУГОСЛОВЕНА

Е. ИГЛОИ (Венгрия)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ ИЗ ПОВЕСТИ О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ В ХРОНОГРАФЕ РЕДАКЦИИ 1617 г.

Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest, 1963, стр. 123—146.

В. Д. КУЗЬМИНА (СССР)

М. Н. СПЕРАНСКИЙ КАК СЛАВИСТ

Славянские литературы. Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов, Москва, 1963, стр. 125—151.

Сравнительно-исторический метод исследования в настоящее время привлекает пристальное внимание, как показывают на настоящем V Международном съезде славистов доклады академика Ф. Вольмана и проф. И. Матля и многие доклады на прошлом IV съезде славистов.

С этой точки зрения наибольший интерес сейчас, на мой взгляд, представляют работы М. Н. Сперанского, посвященные двум важным проблемам славистики:

1) связям славянских литератур с византийской в XI—XVII вв. (byzantinoslavica);

2) взаимосвязям славянских литератур в XI—XIX столетиях.

Эти два круга вопросов привлекли внимание М. Н. Сперанского еще смолоду, и он продолжал трудиться в данной области до самой смерти. Многие известные слависты (его учитель И. В. Ягич, Ю. И. Поливка, М. Мурко, Ф. Пастрнек, Л. Стоянович и др.) были его друзьями. Неизданные письма И. В. Ягича 1911 г. из архива М. Н. Сперанского представляют интерес в связи со сравнительной историей славянских литератур. В них идет речь о второй части „Энциклопедии славянской филологии", которая должна была содержать историю средневековых славянских литератур. Для истории чешской славистики несомненно ценный материал представляют 62 письма Ю. И. Поливки М. Н. Сперанскому (1896—1928 гг.), особенно письма 1912 года, в которых автор делится с другом юности размышлениями о славянских параллелях к сказкам бр. Гримм.

Знание культуры южных и западных славян у М. Н. Сперанского было широким и разнообразным. Как показывают его дневники, письма и неизданный этнографический очерк 1897 года, он исходил пешком Далмацию, описывая болгарские и сербские народные гулянья и костюмы, занимался в архивах и музеях Варшавы и Кракова, Загреба и Белграда, Праги и Софии, работал в монастырских библиотеках Болгарии, Сербии, Боснии, бывал на археологических раскопках под Прагой.

Как и его учитель Н. С. Тихонравов, М. Н. Сперанский был убежден, что правильное представление об историко-литературном процессе не может быть составлено на основе изучения лишь литературы господствующих классов. Доныне представляют существенный интерес исследования М. Н. Сперанского по южнославянским апокрифам (чаще всего связанным с богомильством) и публикации демократической повести („Видение Анастасии", „Повесть об убиении Никифора Фоки" или, как ее теперь стали называть, „Повесть о Теофане корчмарице").

М. Н. Сперанский один из первых обратил внимание на чешскую лубочную книжку, сопоставил ее с русским лубком и сделал печатный обзор чешских лубочных книжек в собрании Королевского (ныне Национального) музея в Праге. М. Н. Сперанский отметил, что подобно русским лубочным книжкам, чешские лубочные издания — связующее звено между средневековой повестью, сказкой и песней нового времени.

Кроме печатных работ М. Н. Сперанского по проблемам byzantinoslavica и межславянских связей, я привлекла также некоторые его неизданные статьи по тем же вопросам и литографированный курс „Славянские отношения в русской литературе" (Нежин, 1903—1905, в двух томах; хранится в Библиотеке Государственного Педагогического института имени Н. В. Гоголя в Нежине). В этом курсе М. Н. Сперанский прослеживал связи русской литературы с южно- и западнославянскими на протяжении XI—XIX вв., от так называемых „Святославовых Изборников" до взаимоотношений творчества Пушкина и Мицкевича, значения славянофильства, вопроса о Катранове — прототипе Инсарова в „Накануне" Тургенева.

Насколько мне известно, это была единственная попытка так широко проследить развитие русско-славянских связей на протяжении девяти столетий.

М. Н. Сперанский, как славист, был не только историком литературы. Он работал также по археологии, эпиграфике, палеографии. Еще смолоду он начал синтезировать свои исследования, как показывает его вступительная лекция 1896 года. В ней М. Н. Сперанский впервые подчеркнул взаимный характер связей русской литературы с южнославянскими еще в раннем средневековье.

Благодаря любезному содействию Б. С. Ангелова мне удалось в перерывах между заседаниями съезда побывать в Архиве Болгарской академии наук и познакомиться там с фондами В. Н. Златарского и М. Н. Сперанского. Для темы моего доклада существенный интерес представляет автобиография М. Н. Сперанского, написанная им в 1929 году после избрания его членом-корреспондентом Болгарской академии наук. В ней Сперанский писал, что основной темой его занятий с юности стала „история взаимоотношений славянских литератур и отношения их к русской. Этой темой я занимаюсь преимущественно и в настоящее время" (Архив Болгарской академии наук, ф. 1, № 1064 — Сперански Михаил Несторович, л. 4).

Действительно, с 1910-х годов история межславянских связей и byzantinoslavica стали основными темами исследований М. Н. Сперанского. Его публикации и обобщающие статьи по этим вопросам содержат огромный материал, представляющий существенную ценность для дальнейшей разработки проблем на основе марксистско-ленинской методологии.

Конкретно-историческое раскрытие взаимного характера связей славянских литератур в работах М. Н. Сперанского, его глубокое уважение к тому, что внес каждый отдельный славянский народ в общую сокровищницу культуры, широкий исторический фон, прекрасное знание архивов — доныне являются образцом для исследователей.

D. HEMMERDINGER — 'ΗΛΓΑΔΟΥ (France—Grèce)

ÉTUDE COMPARATIVE DES VERSIONS GRECQUE, LATINE ET SLAVE DE LA VITA ABRAHAMII

BHG, 5, 6 et 7

Le slave (Mosquensis Lenin 7, folios 78r—88v et Sofiensis 297, folios 99v—116r) est beaucoup plus proche de l'original syriaque (ed. Lamy, IV, Malines, 1902, 13—84), de la vieille version latine (ed. A. Lipomanus, II, Venise, 1553, folios 391v—398v et A. Wilmart, Revue Bénédictine 50 (1938), 222—245) et du papyrus grec du Louvre (7404+7405+7407+7408+7408 bis) que les manuscrits grecs en minuscule. K. Wessely ayant présenté dans son édition du papyrus (Wiener Studien II (1889), 178—188) comme une seule colonne la moitié gauche d'une colonne et la moitié droite d'une autre, j'ai séparé et restitué les deux colonnes en question. Or c'est le slave et lui seul qui m'a permis de restituer la colonne dont il ne restait que la moitié gauche. Le slave représente donc l'un des témoins les plus anciens du texte grec.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

О. А. ДЕРЖАВИНА (СССР)

Список русского хронографа, найденный проф. Лайошем Хегедюшем и принадлежащий в настоящее время Дебреценскому университету, очень любопытен. Судя по описанию рукописи, прекрасно выполненному докладчиком, это одно из компилятивных исторических произведений, в большом количестве появлявшихся у нас в XVII в. Их составители черпали материал из ряда источников, широко известных и популярных на Руси. В частности события начала XVII в., как и в данном случае, обычно изображались на основании „Сказания" Авраамия Палицына и „Иного сказания". В ряде списков подобных компиляций, хранящихся в библиотеках Советского Союза, мы находим кроме того отрывки из „Сказания о само-

званце" или, как и в венгерском списке, выдержки из Хронографа 2-ой редакции, в частности — из „Статей о смуте", являющихся здесь самостоятельным произведением. По воле составителей и переписчиков, события в таких компиляциях излагались более или менее подробно, но основные источники, как правило, оставались теми же. В венгерском списке интересны вставки из „Всемирной хроники" Мартина Бельского и из „Хождения Трифона Коробейникова", но подобные вставки попадаются и в русских списках.

Найденный в Венгрии список лишний раз доказывает интерес русских читателей к событиям прошлого и в частности — к эпохе „Великой смуты". То, что список оказался в Венгрии, свидетельствует, что и на Западе интересовались событиями русской истории и бурной эпохой начала XVII в. Было бы интересно выяснить, каким путем попал в Венгрию данный список и кому он принадлежал.

Издание венгерского списка будет ценным вкладом в дело изучения русских исторических памятников.

Палеографическое описание рукописи выполнено докладчиком с предельной тщательностью и дает возможность почти зрительно представить себе рукопись. Вызывает сомнение только гипотеза о личности переписчика. Книги церковных записей являлись ценными документами, которые полагалось сохранять. Вряд ли поп Иван Афанасиев, который вел эти записи, собственноручно отдал книгу метрических записей и приходо-расходную книгу своей церкви на переплет. Переплет сделан, конечно, позже, чем самый список, и всего вероятнее — другим лицом, он не решает вопроса о времени написания рукописи. Что касается сходства почерка в списке и в церковных записях, то оно должно быть тщательно проверено, тем более, что утверждение коллеги Иглои, будто вся книга написана одним лицом, спорно. Снимки с двух страниц рукописи, данные в конце статьи-описания, доказывают обратное, полуустав на стр. 42-й и полуустав, переходящий в скоропись на стр. 43-й, принадлежат разным лицам. О том же говорит таблица строчных и заглавных букв, помещенная в книге статьи[1]. Думается, что вопрос о переписчике или — вернее — переписчиках должен быть пересмотрен и доработен при издании рукописи.

Позволю себе сказать несколько слов о работе коллеги Иглои над образами исторических деятелей конца XVI — начала XVIII в., данными в изучаемом им памятнике[2]. Задача, поставленная исследователем, очень важна: изображение человеческого характера в русской литературе XVII в. приобретает новые черты, происходит, по формулировке Д. С. Лихачева, „открытие человеческого характера", — поэтому изучение каждого памятника данной эпохи с этой точки зрения нужно и ценно. Автор исследования удачно группирует образы памятника, четко показывая, где писатель стоит еще на старых позициях и где в его работе появляются новые черты. Может быть следовало бы в галерею только положительных образов включить и Димитрия-царевича, который в памятниках XVII

[1] Эндре Иглои, Древнерусский хронограф Дебреценского университета, Publicationes Instituti philologiae slavicae universitatis Debreceniensis. Debrecen, 1961.

[2] Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, t. IV, Budapest, 1963, стр. 123—146, Литературные портреты из Повести о Смутном времени в Хронографе редакции 1617 г.

обычно изображается „святым мучеником“. Хотелось бы также, чтобы изображение исторических лиц в данном произведении было глубже сопоставлено с изображением тех же лиц в памятниках XVI века и в более поздних исторических произведениях XVII в. Это дало бы возможность более точно определить место „статей о смуте“ Хронографа 2-й редакции в общем ходе развития русской литературы. Как пример приведу характеристику Бориса Годунова, как она дана в „Повести, како восхити... неправдою престол Борис Годунов“ и в „Статьях о смуте“. Если в первом произведении образ Бориса дан резко отрицательно и пристрастно, автор „Статей о смуте“ стремится обрисовать характер и поведение Бориса более объективно и правдиво.

Очень интересна и статья „Metaphor-symbols in the Old Russian historical tale about „Troubled Times“, помещенная в журнале „Slavica“, т. II, Дебрецен, 1962 г. Она посвящена изучению „метафор-символов“, использованных автором изучаемого произведения, и содержит немало тонких наблюдений и интересных соображений. Вероятно, в своей работе Э. Иглои изучает не только „метафоры-символы“, но и другие художественные приемы, использованные автором произведения (сравнения, эпитеты, олицетворения и пр.). Было бы очень желательно познакомиться с его работой в полном ее виде.

О. А. ДЕРЖАВИНА (СССР)

Доклад В. Д. Кузьминой является результатом ее детального изучения наследства М. Н. Сперанского. Ее сообщение, богатое фактическим материалом, очень ценно для всех занимающихся литературой и языком славянских народов.

Знакомство современных ученых-славистов с деятельностью ученых, ранее работавших в той же области, необходимо. Оно поможет лучше и детальнее изучив уже сделанное, наметить основные проблемы, на которые следует обратить внимание в наше время, установить преемственную связь между достижениями науки о славянстве в XIX и первой половине XX веков и работой славистов наших дней.

Исключительно ценно, что благодаря настойчивости, энергии и трудолюбию В. Д. Кузьминой удалось напечатать две книги из ненапечатанных работ проф. Сперанского, — именно: сборник „Из истории русско-славянских литературных связей“ (Учпедгиз, 1960) и „Рукописные сборники XVIII в.“ (изд. АН СССР, М., 1963). Кроме того, в XIX томе Трудов Отдела древнерусской литературы, посвященном V Международному конгрессу славистов („Русская литература XI—XVIII веков среди славянских литератур“, изд. АН СССР, М.—Л., 1963) ею опубликована статья М. Н. Сперанского „Сербские школьные верши (из истории русско-украинско-сербских связей в начале XVIII в.)“.

Следует пожелать, чтобы такая работа проводилась и над наследием других ученых-славистов.

В. Д. КУЗЬМИНА (СССР)

Почему г-жа Хеммердинг могла бы быть непонятой? (ответ на реплику члена французской делегации: „Cela ne vaut pas la peine de parler francais, m-me: vous ne serez pas comprise").

Все слависты читают „Revue des Études slaves", „Byzantion" и, если не говорят бегло, то читают по-французски и понимают французскую речь.

Доклад г-жи Хеммердинг не вызвал и не мог вызвать прений, потому что сопоставление текстов и выводы на этой основе трудно оспорить без предварительной проверки отбора параллелей. Сам способ сравнения текстов не вызывает сомнений: им пользуются все филологи.

Не представляется чем-то исключительным и вывод г-жи Хеммердинг, что славянская редакция апокрифа „Житие Авраама" древнее византийской и ближе последней к сирийскому протооригиналу.

К аналогичным выводам приходили не раз советские слависты при сравнительно-историческом изучении русских и византийских списков произведений переводной средневековой литературы.

К такому заключению пришел, например, Н. А. Мещерский в своей превосходной монографии об „Истории иудейской войны" Иосифа Флавия. Дополнив и уточнив наблюдения своих предшественников (М. Н. Сперанского, А. Грегуара, П. Паскаля), к аналогичным выводам пришла и я, исследуя взаимоотношения греческих списков сказаний о Дигенисе и русских текстов „Деяния прежних времен храбрых человек" (так называемое „Девгениево деяние", чаще называемое „Le Digénis slave" или „Le Digénis russe").

Славянские списки (иногда поздние по времени) сохраняют нередко черты первоначальной редакции, утраченные в византийской литературе.

Во всяком случае доклад г-жи Хеммердинг, как и доклад проф. И. Матля (на секции „Общие вопросы"), показывает, что западноевропейские медиевисты начинают рассматривать историю славянских литератур как неотъемлемую часть общеевропейской истории литературы. Безвозвратно уходят в прошлое те времена, когда медиевисты могли говорить: „Slavica non leguntur".

23 септември — 23 сентября — 23 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

K. GÜNTHER (DDR)

NEUE DEUTSCHE QUELLEN ZUM ERSTEN RUSSISCHEN THEATER

Zeitschrift für Slawistik, VIII, 1963, S. 664—675.

S. GRACIOTTI (Italia)

L'ORIGINALE ITALIANO DI DUE MANOSCRITTI GLAGOLITICI CROATI *(KVADRIGE DUHOVNE)* DI VEGLIA E DI VIENNA

Roma, 1963, стр. 18.

Среди произведений глаголическо-хорватской литературы очень известным, так что о нем упоминается в школьных учебниках хорватской словесности, является „Квадрига духовна" (Kvadriga Duhovna), работа богословско-юридическо-моральная, сохранившаяся в двух рукописях, в Вене и в Крке, составленных на рубеже XV и XVI веков. Изучением их занимались Милчетич, в 1913 г., в „Hrvatskoj glagoljskoj bibliografiji", и, совсем недавно, в 1960 г., Штефанич в труде „Glogoljski rukopisi otoka Krka".

Колофон венского экземпляра показывает, что он был написан в 1493 г. в Роццо, в Истрии, Симоном Гребло, „глаголяшем", известным так же как переписчик религиозных текстов. Экземпляр из Крка, по Штефаничу, был написан, как явствует из анализа почерка, в той же местности и в то же время, но не тем же переписчиком.

До сих пор не хватало работы по изучению их текстовых соотношений и, в особенности, литературного происхождения обоих списков. Этим последним вопросом особенно и занялся автор этой статьи, которая показывает, что текст глаголическо-хорватских „Квадриг" буквальный перевод итальянского произведения францисканца Николы да Озимо, умершего в начале второй половины XV в. и очень известного в свое время за Адриатическим морем по его широко распространенной книге „Supplementum Summae Pisanellae". — Осветив, основываясь и на новых документальных материалах, малоизвестную сегодня личность и литературную деятельность Николы да Озимо, особенно в отношении его „Quadriga Spirituale" (Духовной Квадриги), автор доказывает что обе глаголические рукописи зависят от единственной старшей хорватской копии, в которой отсутствует четвертая часть произведения и которая в свою очередь происходит от итальянской рукописи, нетождественной ни с одним из сохранившихся итальянских изданий произведения. В часности автор показывает, что оба списка, хотя и принадлежат одной и той же хорватской традиции текста, независимы друг от друга и представляют собой две транскрипции: одна более верная и архаизирующая, другая более обработанная и, возможно, более новая, одного и того же прототипа, возможно, предшествующего на несколько десятилетий времени их редакции.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

В. Д. КУЗЬМИНА (СССР)

Устный доклад коллеги К. Гюнтера значительно шире по материалу по сравнению с его статьей, напечатанной в журнале „Zeitschrift für Slawistik".

Тем больший интерес представляет он для историков начального периода русского театра. Насколько мне известно, ни драматургия Я. Сервоутеса, ни хроника Лёвенклау до сих пор не привлекали внимания русских театроведов и историков литературы.

Открытие К. Гюнтером веймарского списка „Артаксерксова действа", также чрезвычайно интересно, тем более, что последний восполняет пробелы лионского текста, а также дает некоторые разночтения по сравнению с подносным экземпляром пьесы, известным по вологодскому списку.

Нужно пожелать К. Гюнтеру возможно скорее опубликовать материалы по истории голландско-немецких театральных связей во второй половине XVII века и веймарский список „Артаксерксова действа".

Издание последнего тем более интересует советских историков театра, что с 1964 года в Институте мировой литературы им. Горького начинается коллективная работа над монографией по истории начального периода русского театра.

Работа К. Гюнтера показывает, как плодотворна совместная работа славистов разных стран. Ведь К. Гюнтер потому и смог правильно определить веймарский список, охарактеризовать его объем и ценность, что до него А. Мазон и Ф. Кокрон издали лионский, а М. М. Кудрявцев — вологодский список пьесы. Понятно, что при отсутствии этих изданий немецкие археографы обозначали веймарский текст лишь по содержанию, как отрывок пьесы об Эсфири.

Следует пожелать, чтобы и в дальнейшем запутанные и малоисследованные проблемы решались так же удачно усилиями славистов разных стран, как это имело место при издании исследований „Артаксерксова действа".

СЛАВЯНСКИТЕ ЛИТЕРАТУРИ ПРЕЗ XVIII—XIX в.
СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В XVIII—XIX вв.
LES LITTERATURES SLAVES AUX XVIII^{e} ET XIX^{e} SIECLES

17 септември — 17 сентября — 17 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

П. Н. БЕРКОВ (СССР)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА И СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Сб. Русская литература XVIII века и славянские литературы, М.—Л., 1963, 5—39.

До недавнего времени самостоятельной научной проблемы „Взаимоотношения русской и славянских литератур в XVIII в." не существовало, так как предполагалось, что „ученическая" русская литература XVIII в. не интересовалась другими славянскими литературами и сама не представляла интереса для них. На основе историко-соотносительного и сопоставительного анализа фактов международного литературного общения советские ученые доказали, что для русских писателей XVIII в. было характерным самостоятельное критическое отношение к западным литературам и западной культуре (см. суждения Ф. Прокоповича, Ломоносова, Сумарокова, Новикова, Радищева). Наступило время перейти от двусторонних изучений (русско-польских, русско-чешских и т. д.) к „многосторонним" изучениям и попытаться объединить известные в науке факты, наметить круг проблем и разработать методику исследования.

Изучение любой национальной литературы проходит последовательно несколько более или менее обязательных этапов. Начало первого подобного этапа обычно составляют небольшие по объему критические суждения современников о литературных произведениях, появившихся при их жизни. При этом проблема отношения данной национальной литературы к литературам иноязычным проявляется чаще всего в том, что определенному национальному автору придается похвальное определение, состоящее из этнического обозначения и имени какого-либо прославленного иноязычного писателя („итальянский Тибул", „российский Расин" и т. п.). На следующих этапах возникает определенная литературоведческая проблематика и тематика работ в области изучения данной литературы, а к этой тематике присоединяются и вопросы международных связей изучаемой литературы, затем выдвигается проблема „всемирной" (или — всеобщей, мировой) литературы.

Исследование отдельных моментов русского литературного процесса в каждом из этих этапов происходило по ряду причин неравномерно, что не могло не сказаться на решении проблемы „Русская литература XVIII в.

и другие славянские литературы XVIII—XX вв. в их связях и отношениях". Употребляя это выражение, мы разумеем вопрос о соотношении между „восприятием", „влиянием" и национальными традициями.

Понятия „воздействие" и „усвоение", „влияние" и „заимствование" отражают сложный процесс межнациональных литературных контактов, литературного обмена, зависящего, с одной стороны, от степени развития культуры литературно-обменивающихся народов, а с другой — от явлений национальных традиций и новаторства, причем иногда „воспринимающая" литература приобретает впоследствии роль „воздействующей" (для других литератур), имеет большее значение, чем литература-первоисточник (например, Ломоносов в его связях с античными и современными ему европейскими литературами может оказаться „воспринимающим" и „воздействующим", если рассматривать переводы его произведений на славянские языки или на языки народов СССР).

Народы берут в культурах других народов только то, что соответствует их потребностям, необходимо для их развития с тем, чтобы творчески переработать воспринятое и влить его в свою национальную культуру.

Одной из иллюстраций сложности взаимоотношений между русской и славянскими литературами XVIII в. может быть факт перевода на русский язык книги хорватского ученого аббата Мауро Орбини „Storia sul regno degli slavi, hoggi corrottamente detti schiavoni" (Pesaro, 1601), предпринятого около середины 1710 г. в связи с интересом Петра Великого к южным славянам как потенциальным союзникам в его внешнеполитических планах. Незадолго до выхода в свет русского перевода книги М. Орбини в Москве была напечатана „Церковная история" кардинала Чезаря Бароний, называвшаяся в этом издании „Деяния церковныя и гражданския".

С помощью их болгарский иеромонах Паисий Хилендарский, еще ранее задумавший написать книгу по истории родного народа, получил возможность осуществить свое намерение. В 1762 г. он закончил „Историю славено-българскую", которая представляет интерес и как начало новоболгарской литературы, и как памятник общеславянского литературно-идеологического движения середины XVIII в. Особенно важна при изучении отношения труда Паисия к его источникам та идеологическая концепция, которая легла в основу „Истории славяно-болгарской", и ее отношение к указанным русским переводам. Вполне возможно, что труд Паисия, а через него или независимо от него — и книга Орбини, были известны и сербу Йовану Раичу, создавшему „Историю разных славянских народов, наипаче же болгар, хорватов и сербов" (Вена, 1794—1795).

На долю этих двух книг, вышедших из русских типографий и оказавшихся в середине XVIII в. на Балканском полуострове, выпала великая честь послужить побудительным толчком к национальному возрождению болгарской, а также сербской литературы.

Таким образом, русские переводы Орбини и Бароний-Скарги, оказавшиеся важным элементом литературного возрождения болгарского и сербского народов, были обработанными источниками, отвечавшими потребностям русской культуры начала XVIII в. и потому в определенном смысле они являются фактами, если не русской литературы, то русской литературной жизни.

Имеющийся опыт изучения взаимоотношений русской литературы XVIII в. с другими славянскими литературами является достаточным основанием для широкой постановки этой темы.

Прежде всего должны быть поставлены вопросы о том, каковы были сведения у русских о других славянах и у славян о русских, существовали ли в XVIII в. какие-либо отражения славянских литератур в русской и русской в славянских, наличествовали ли какие-либо связи между этими литературами в данное время.

Следующая группа вопросов о литературных связях хронологически относится к XIX—XX вв., когда русская литература XVIII в. перестала быть „современной" и постепенно превратилась в культурное прошлое русского народа. Следует поставить вопрос о вкладе славянских литературоведов в научную разработку истории русской литературы XVIII в.

Z. LIBERA (Polska)

GŁÓWNE PROBLEMY KULTURY I LITERATURY POLSKIEGO OŚWIECENIA W ŚWIETLE OSTATNICH BADAŃ

Z Polskich Studiów Slawistycznych, Warszawa, 1963, II, str. 57—75.

Kultura i literatura polskiego Oświecenia stanowi jeden z problemów zainteresowań współczesnej nauki o literaturze. Oświecenie interesuje bowiem zarówno historyków literatury, historyków życia politycznego i gospodarczego, jak też historyków sztuki i oświaty. Był to okres przełomowy w życiu narodu, albowiem wystąpiły wtedy na widownię idee odrodzenia kraju w duchu społecznego i kulturalnego postępu. Oświecenie w Polsce rozwija się w ścisłym związku z Oświeceniem europejskim. Obserwujemy związki i kontakty kulturalne z Francją, Anglią, Niemcami i Rosją. Ważną rolę w dziele zradykalizowania idei polskiego Oświecenia odegrała pod koniec XVIII wieku rewolucja francuska. Jednakże odrębne warunki historyczne (mniejsze znaczenie żywiołu mieszczańskiego, dramatyczne losy narodu, ważne wydarzenia polityczne, jak konfederacje, rozbiory kraju, próby naprawy, powstanie) sprawiły, że Oświecenie w Polsce ma charakter odrębny i swoisty. Początki wieku Oświecenia przypadają jeszcze na pierwszą połowę XVIII wieku i wiążemy je z działalnością Stanisława Konarskiego, rozwój zaś następuje w drugiej połowie stulecia. Do ważnych cech i przejawów kultury polskiego Oświecenia należą: reforma szkolnictwa, rozwój czasopiśmiennictwa, powstanie publicznej sceny narodowej, osiągnięcia w dziedzinie literatury, która w porównaniu z literaturą wcześniejszą stanowi ogromny postęp pod względem ideowym i artystycznym. Literatura Oświecenia była związana z życiem polskim, była w znacznym stopniu literaturą walczącą z przejawami konserwatyzmu szlacheckiego (sarmatyzm) i ślepym naśladownictwem wzorów obcych. Była to literatura w treści swojej antyfeudalna i ożywiona duchem patriotyzmu. Znamionowała ją tendencja satyryczna, która objawiała się w satyrze, w poemacie heroikomicznym, w komedii, w bajce, w powieści. Satyra stanowiła formę realizmu osiemnastowiecznego. Zarówno literaturę polityczną jak i piękną przenikały idee postępu społecznego i humanitaryzmu. Cechowały je duch racjonalizmu i troska obywatelska. W dziedzinie artystycznej obserwuje się

tendencje klasycystyczne, które jednak nie objawiły się tak jak we Francji w wielkiej tragedii, ale przede wszystkim w trosce o styl, o czysty i jasny język, w kulturze antycznej i w rygorze artystycznym. Poza tym znajduje swe odbicie w literaturze sentymentalizm, który objawia się w przenikającej niektóre utwory uczuciowości, w tematyce i cechach stylistycznych. Można dostrzec również cechy stylu rokokowego występujące w dworskiej ozdobności. Charakterystycznym zjawiskiem kultury Oświecenia był teatr, który przeżywał swój okres rozwoju. Teatr wystawiał głównie sztuki komediowe oparte często na motywach obcych, ale nasycone kolorytem lokalnym i spełniające dzięki temu ważną rolę społeczną, polityczną i artystyczną.

W historii Polski wiek Oświecenia był okresem ogromnego wzrostu kulturalnego, rozwoju świadomości narodowej i kształtowania się nowoczesnej literatury. Idee Oświecenia przetrwały katastrofę państwa, która nastąpiła pod koniec XVIII stulecia, i stały się ważnym czynnikiem utrzymania tradycji narodowej i ducha polskości w dobie niewoli politycznej.

А. Н. РОБИНСОН (СССР)

ИСТОРИОГРАФИЯ СЛАВЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ И ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИЙ

Москва, 1963.

Многочисленные памятники польской, чешской, украинской, русской, болгарской и сербской историографии XVI — XVIII вв. образуют научно-публицистическое и литературное течение историографии славянского возрождения. Это течение занимает промежуточное положение между летописанием и хронографией средневековья и исторической наукой нового времени. Оно формируется в разных славянских странах в различное время по мере вступления этих стран на путь национального и культурного возрождения и созревания в них новых общественных процессов, характеризующих переходный период от феодальной общественно-экономической формации к буржуазной.

Славянская историография приобретает по мере своего развития программно-идеологический характер, она начинает претендовать на ведущую роль в кругу наук и пытается стать основой общественной идеологии, оспаривая традиционные позиции богословия. Историографические идеи о „пользе“ истории для развития общества, об истории как „учительнице“ жизни, о происхождении славянских народов из единого „корня“, об их древней славе и победах над Римом и Византией, об их старинной книжности, о великолепии их языка и многие другие последовательно перемещаются из одной национальной историографии в другую и осознаются историографами разных стран как их общее достояние. Передвижение этих идей из одной страны в другую объясняется конкретными историческими процессами. Общие идейные основы историографии приобретают в каждой славянской стране своеобразную национальную интерпретацию, и благодаря этому каждый историограф выступает в качестве первооткрывателя отечественной истории.

Историографы стремятся подчинить свои сочинения единой национально-патриотической концепции и сосредоточить изложение всей истории своего народа от ее „начала“ до современности в единой „краткой“ книге. Исторические материалы группируются ими по идейно-тематическому принципу и объединяются на основе компилятивно-иллюстративного метода и повествовательного изложения. Фантазия и риторика историографов тесно связаны с идеологическими основами и методами историографии.

Деятельность историографов была обусловлена разработанным ими самими кодексом морально-профессиональных правил. Эти правила не только определяли воззрения и методы работы историографа, но и его взаимоотношения с читателями, слушателями или переписчиками его трудов. Особенно важное значение в этой связи приобретали программно-декларативные обращения историографов к читателям в предисловиях и послесловиях к историографическим сочинениям. Историографы осознавали свой труд как высокую общественно-духовную миссию, направленную к нравственно-политическому воспитанию национального самосознания народа.

Славянская историография отражала своеобразные тенденции общественного развития славянских народов в то противоречивое и бурное время, когда Ренессанс в странах Западной Европы уже миновал, а пестрые взгляды и вкусы барокко сменялись философско-нравоучительными идеями Просвещения. Ускоренный процесс развития восточнославянских, а затем и южнославянских народов привел к тому, что в историографии вместо последовательной смены различных социально-философских идей и литературных форм происходило их смешение и столкновение. Наука и религия, история и проповедь, беллетристика и публицистика вступали в причудливое, с нашей точки зрения, объединение в трудах историографов. Средневековые летописные представления и традиции „священного писания“ сосуществовали и боролись в их трудах с новыми гуманистическими воззрениями.

Выдающимся представителем этого течения историографии был Паисий Хилендарский — основатель идей болгарского возрождения. В „Истории славяноболгарской“ Паисия оригинально сочетались традиции общих историографических представлений с патриотическим пафосом болгарской живой современности. Исследования творчества Паисия до настоящего времени ограничивались либо пределами истории болгарской литературы, либо сопоставлениями отдельных идей писателя с отдельными идеями французских или немецких авторов XVIII в. Историко-типологическое изучение Паисия на фоне славянской, и в особенности русской и украинской историографии позволило определить его место в истории славянских литератур, объяснить происхождение, общий тип и структуру его сочинения.

Исследование историографии славянского возрождения расчленено на четыре раздела в соответствии с теми проблемами, которые выдвигались самими старинными историографами: „Историограф и общество“, „Историограф и читатель“, „Историограф и историография“, „Историограф и история“.

K. GÓRSKI (Polska)

ZASADY OPRACOWANIA APARATU KRYTYCZNEGO DO WYDANIA „DZIEŁ WSZYSTKICH" ADAMA MICKIEWICZA

Z Polskich Studiów Slawistycznych, Warszawa, 1963, II, str. 367—381.

Uwzględniając szczególne warunki, w jakich pojawiały się dzieła Mickiewicza za jego życia (drukowanie wielu utworów bez autoryzacji i kontroli poety, powierzchowna kontrola przez poetę kopii, które były podstawą druku, niechęć poety do robienia korekty własnych dzieł i posługiwanie się obcą pomocą), należy ukształtować aparat krytyczny do dzieł Mickiewicza tak, aby spełniał on następujące zadania:

1. odtworzenie historii kształtowania się tekstu zarówno przed drukiem, jak i po jego ogłoszeniu (zmiany wprowadzane przez autora w kolejnych wydaniach, poprawki rękopiśmienne na egzemplarzach edycji autoryzowanych);
2. podanie i wyróżnienie w sposób widoczny wyboru lekcji, która ma wejść do krytycznie ustalonego tekstu, jeśli wymieniona lekcja różni się od brzmienia tekstu wziętego za podstawę wydania;
3. wydzielenie obcych wtrętów w tekstach ogłoszonych za życia poety i pokazanie drogi, którą owe wtręty przeniknęły do wydań autoryzowanych.

Stosowane dotychczas metody opracowania aparatów krytycznych są nieraz powodem, że owe aparaty są wręcz nieczytelne. Do głównych wad w tym zakresie należą: rozczłonkowywanie materiału dokumentacyjnego, zacierające organiczny związek między zmianami tekstu w poszczególnych jego fragmentach; posługiwanie się konwencjonalnymi znakami, które miałyby zastępować słowny komentarz; umieszczanie aparatów krytycznych w tym samym tomie, co i tekst, skutkiem czego zestawianie materiału dokumentacyjnego w aparacie z tekstem zostaje bardzo utrudnione.

Aby zaradzić tym niewygodom, należy kształtować aparat ze stanowiska technicznego w sposób następujący:

1. drukować aparat krytyczny w osobnym tomie;
2. jeżeli w obrębie danego zdania wariant dotyczy jednego wyrazu, wówczas aparat ogranicza się do podania danego wariantu bez jakiegokolwiek kontekstu, ale jeżeli w zdaniu występuje kilka wariantów związanych ze sobą semantycznie lub fleksyjnie, wówczas trzeba cytować w aparacie szerszy kontekst, który by ów związek organiczny między kilkoma zmiennymi składnikami zdania wyraziście uwypuklił. Odniesienie redakcji wariantowej do tekstu ostatecznego można wtedy ograniczyć do podania pierwszego i ostatniego słowa danego urywka wraz z liczbowaniem wierszy;
3. w zacytowanym jak wyżej kontekście słowa będące wariantem tekstu krytycznego byłoby pożądane wyróżniać graficznie;
4. jeśli uznaliśmy za konieczne wprowadzić emendację na podstawie autografu lub wydania, które nie jest podstawą tekstu krytycznego, jest rzeczą pożądaną wyróżniać graficznie tę lekcję, którą uznaliśmy za źródło emendacji;
5. wszelkie emendacje czy koniektury muszą być opatrzone w aparacie choćby najzwięźlejszym uzasadnieniem naszej decyzji;
6. dla osiągnięcia jak największej czytelności aparatu należy posługiwać się ograniczoną liczbą znaków konwencjonalnych, operować natomiast słownym komentarzem edytora;

7. sygnowanie źródeł winno być zrobione tak, aby jak najmniej obarczało pamięć odbiorcy.

Zastosowanie wymienionych tu zasad w konkretnych wypadkach nastręcza dużo zagadnień szczegółowych, które referat omawia w czterech następujących rozdziałkach: 1. notowanie wariantów stylistyczno-redakcyjnych; 2. warunki i metody wprowadzania koniektur; 3. zagadnienie wariantów ortograficznych; 4. rodzaj i zakres stosowania konwencji graficznych.

W zakończeniu referat wysuwa propozycje dotyczące sposobu sygnowania źródeł, w szczególności wydań dzieł Mickiewicza ogłoszonych za życia poety.

E. REISSNER (DDR)

DIE REZEPTION DER RUSSISCHEN LITERATUR IN DEUTSCHLAND ZWISCHEN 1813 UND 1848 IM SPANNUNGSFELD VON FORTSCHRITT UND REAKTION

Zeitschrift für Slawistik, VIII, 1963, 5, S. 688—696.

In der Periode zwischen Freiheitskriegen und bürgerlicher Revolution zeigt sich deutlich, dass die Rezeption einer nationalen Literatur im Ausland entscheidend von den Klassenwidersprüchen und -spannungen bestimmt wird, die im Aufnahmeland herrschen. War der gemeinsame Kampf des deutschen und des russischen Volkes gegen das napoleonische Joch einer verständnisvollen Annäherung sowie einer Verbreitung und wohlwollenden Aufnahme der russischen Literatur in Deutschland günstig (Karamzin), so wurde die Beziehung zur russischen Kultur im Zeitalter der Heiligen Allianz höchst widerspruchsvoll. Die demokratischen und liberalen Kräfte in Deutschland sahen im zaristischen Russland mit Recht einen Staat, der nicht nur wesentlich dazu beigetragen hatte, dass die deutsche nationale Bewegung gescheitert war, sondern der darüberhinaus eine ständige Bedrohung für freiheitliche Bewegungen in Mittel- und Westeuropa darstellte. Die bei den Liberalen und Demokraten — und damit einem grossen Teil der Intelligenz (mit ihrem maßgeblichen Einfluss auf das Verlagswesen und die Publikationsorgane) — verständliche Feindschaft gegen das zaristische System wurde auf Russland, ja sogar das russische Volk übertragen und beeinflusste in starkem Maße auch das Verhältnis zur russischen Literatur, die man meist in einer Gestalt kennenlernte, die wesentlich durch die russische und die deutsche Zensur mitgeformt war. Zudem hatten die konservativen Übersetzer — etwa aus den baltischen Provinzen Russlands — eine entsprechende Auswahl der zu übertragenden Dichter und Werke vorgenommen.

Während etwa der erzreaktionäre Bulgarin noch zu Lebzeiten vollständig ins Deutsche übertragen wurde, war weder das politische Anliegen der Dekabristen noch ihre literarische Leistung in Deutschland bekannt. A. v. Chamissos Gedicht über den Dekabristen Bestužev sowie seine freie Nachdichtung von Ryleevs Poem „Vojnarovskij" bedeuten wohl ein bemerkenswertes Bekenntnis des deutschen Dichters zur russischen Freiheitsbewegung, sie blieben jedoch ohne Echo in „Deutschland. Erst zur Zeit der Revolution wurde die deutsche Öffentlichkeit durch N. Turgenevs „Russland und die Russen" (1847) und Herzens Schrift über „Die Entwicklung der revolutionären Ideen

in Russland" (1851) über die russische Freiheitsbewegung ausreichend und ohne Entstellungen informiert.

So wird verständlich, warum fortschrittliche deutsche Autoren und Publizisten bei ihrem Eintreten für die Literatur des mächtigen Nachbarlandes auf Schwierigkeiten und Widerstand stiessen, warum das Schaffen namhafter Repräsentanten der russischen Belletristik (Puškin, Lermontov und Gogol') — meist einseitig „ausgewählt" und zudem schlecht übersetzt — vielfach geringschätziger Ablehnung begegnete.

Aber gerade angesichts der Schwierigkeiten, denen sich die Propagierung der russischen Literatur im westlichen Ausland gegenüber sah, muss die Leistung eines Varnhagen von Ense und Wilhelm Wolfsohn, eines Robert Lippert und Jan Peter Jordan umso höher bewertet werden. Die von ihnen repräsentierten positiven Traditionen der deutsch-slavischen Wechselseitigkeit werden von der Slavistik der DDR eingehend erforscht.

G. DUDEK (DDR)

DIE TYPOLOGISCHE OPPOSITION VON DICHTERBILDERN ALS AUSDRUCKSFORM DES GESELLSCHAFTLICHEN ÄSTHETISCHEN IDEALS DER KLASSISCHEN RUSSISCHEN LITERATUR

Zeitschrift für Slawistik, VIII, 1963, 5, S. 407—423.

Mit der Methode der historischen Typologie wird — in Auseinandersetzung mit der idealistisch-geistesgeschichtlichen und positivistisch-empirischen Literaturbetrachtung — der Versuch unternommen, die Gesetzmäßigkeit des literarischen Prozesses als eines Kontinuums einmaliger, originaler, aber durch die gesellschaftliche und literarische Situation determinierter und daher sich in ihren charakteristischen Merkmalen wiederholender literarischer Erscheinungen nachzuweisen.

In der russischen Literatur des 18. und 19. Jahrhunderts tritt die Opposition von Dichterbildern bei der Gestaltung des sozialen ästhetischen Ideals als eine solche sich wiederholende Erscheinung auf. Diese Opposition wird von ihrem ersten Ansatz (Kantemirs 4. Satire) über Lomonosov, Deržavin, Batjuškov, Puškin, Vjazemskij, Raevskij, Ryleev, Lermontov bis zu Nekrasov und Garšin verfolgt. Es wird gezeigt, daß Lomonosovs „Разговор с Анакреоном" das typologische Modell für die bildhafte Verkörperung des gesellschaftlichen Ideals darstellte. Unter typologischem Modell wird — im Unterschied zum Motivbegriff die gültige dichterische Verwirklichung eines bestimmten gesellschaftlichen Anliegens in einer ideell-strukturellen Grundform, die unter ähnlichen objektiven (sozialen, literarischen) und subjektiven (persönlichen, ästhetischen) Voraussetzungen in abgewandelter, aber durchaus originaler Weise wiederholt werden kann, verstanden.

Im russischen Klassizismus des 18. Jahrhunderts (Lomonosov, Deržavin) erscheint die Opposition von intimem und gesellschaftlichem Dichterideal in der Gegenüberstellung des Anakreontikers zum Satiriker bzw. heroisch-patriotischen Hymniker. Sie wird noch im ersten Drittel des 19. Jahrhunderts von einigen Dichtern fortgeführt (Batjuškov „К Дашкову", Raevskij „Певец в темнице", „К друзьям").

Im Sentimentalismus und in der Romantik nimmt diese Opposition die Form des Kontrastes zwischen dem empfindsamen Naturdichter und dem politisch-freiheitlichen bzw. sozial-anklagenden Künstler an. Wir finden sie insbesondere in den programmatischen Werken der Dichter der Dekabristenepoche: Puškins „Вольность", „К Чаадаеву", „Деревня"; Vjazemskijs „Негодование"; Ryleevs „Пустыня, „К Косовскому", „Я ль буду в роковое время", Widmung „A. A. Бестужеву" zu „Войнаровский". Im russischen kritischen Realismus zeigt sich die typologische Opposition der Dichterbilder in der Kontrastierung des „reinen Künstlers" und des sozial engagierten oder revolutionären und des volksverbundenen Schriftstellers. Hierfür beobachten wir bereits erste Ansätze in der späten Lyrik Puškins („Румяный критик мой", „Памятник") und bei Lermontov („Поэт"). Ihre volle Ausprägung erhält diese Opposition in der revolutionär-demokratischen Dichtung seit Mitte der fünfziger Jahre. Sie bleibt dann bis zu den neunziger Jahren des 19. Jahrhunderts vorherrschend. Ihre klarste bildlich-gestaltenhafte Ausformung erfährt sie in Werken Nekrasovs („Муза", „Блажен незлобивый поэт", „Поэт и гражданин", „Элегия") und Garšins („Художники").

Als charakteristische Form für die Gestaltung des gesellschaftlich verantwortlichen Dichterbildes wird in der russischen Literatur der Vers- bzw. Prosadialog („Разговор") entwickelt. Das Modell hierfür lieferte wiederum Lomonosov mit seinem „Разговор с Анакреоном". Diese Form wurde dann von Puškin („Разговор книгопродавца с поэтом"), Lermontov („Журналист, читатель и писатель"), Nekrasov („Поэт и гражданин"), Garšin („Художники"), u. a. weitergeführt und bereichert.

Х. ПОЛЕНАКОВИЧ (Југославија)

КОНСТАНТИН МИЛАДИНОВ КАКО ПРЕВЕДУВАЧ НА „ПРАВОСЛАВНИ ЦРКОВНИ БРАТСТВА" ОД РУСКИ ЈАЗИК НА МАКЕДОНСКИ

Македонски јазик, XIII—XIV, 1962/1963, стр. 17—31 и прилог, стр. 1—41.

За првото книжевно дело на македонскиот поет Константин Миладинов — за преводот на „Православни црковни братства" од Ј. Флеров, Москва, 1858 — досега одвај нешто е кажано.

Од целото дело на Јоан Флеров, кое зафака 200 страни, Миладинов превел само еден дел, уводниот дел, стр. 1—23, во којшта се говори за условите во коишто се оснивале црковни братства во XVI—XVIII век во југозападна Русија со цел да се заштити православието и народноста.

Преводот на К. Миладинов бил напечатен во околу 10.000 примероци и бил растурен во оние области на Македонија (Кукушко) и Бугарија, што биле застрашени од ширењето на унијата. Карактеристиките на преводот се:

По првото прочитување на преводот, лесно може да се види дека тој во најголема мерка задоволува, бидејќи поголемиот дел од преводот е даден во духот на народниот говор на преведувачот (на струшкиот говор). Доколку се однесува до лексиката — и таа е во основата земена од струшкиот говор, но во неа често, би рекол некаде и непотребно, се срекаваат позајмени зборови од оригиналот, русизми, набрзана примени,

често добивајќи завршеток изграден врз база на вообичаениот струшки, а некогаш и без тоа. Големиот број руски зборови во преводот можат да се објаснат со фактот дека К. Миладинов на брзана преведувал. Покрај тоа треба да се води сметка и за фактот дека преведувачот преведувал од еден наполно изработен книжевен јазик на еден што допрва се изградуваше; при тоа треба да се верува дека со примањето голем број русизми преведувачот сакал да ја истакне близината на македонскиот со рускиот јазик.

Од анализата на преводот се гледа:

1. чести се случаи на буквален превод;

2. во преводот се испуштени некои текстови во оригиналот дадени на латински јазик;

3. Во неколку примери оригиналот го дообјаснува со-руски збор; има примери тоа дообјаснување да се дава и со македонски зборови;

4. Кон неки зборови, што би биле недоволно разбирливи за македонскиот читател, преведувачот дава објаснување (коешто често го нема во оригиналот);

5. Наместа во преводот некои партии се дадени во по-стегната форма;

6. Во некои случаи, од политички обзири, испушта некои зборови од оригиналот; односно испушта некои детали што му се чинеле на преведувачот небитни;

7. За да добие преводот поголема разбирливост преведувачот го проширува оригиналот;

8. Во преводот се најдени и три примери со материјални грешки;

9. Низа забелешки од оригиналот преведувачот, сметајќи ги за неважни, не ги презема во преводот;

10. На крајот на анализата се даваат руските позајмици што си нашле место во преводот;

11. Рефератот „Костантин Миладинов како преведувач на „православни црковни братства" од руски јазик на македонски" представува една целина со трудот на авторот на овој реферат, со заглавие: „Рускиот јазичен елемент кај македонскиот поет Константин Миладинов" (Годишен зборник на филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје, книга XV, 1963, 323—335).

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

I. CHITIMIA (Romînia)

Problem poruszony przez prof. Liberę ma wielkie znaczenie dla wewnętrznej periodyzacji wieku Oświecenia. Na podstawie ostatnich badań i studiów do tego, autor podaje rewizji poglądy niektórych badaczy.

Osobiście zgadzam się najzupełniej z odrzuceniem wewnętrznej periodyzacji ustalonej przez Jana Kotta na trzy małe podokresy. Z mojego punktu widzenia, polskie Oświecenie zaczyna okresem przygotowawczym aż do pojawienia się czasopisma Monitor i założenia Teatru Polskiego w Warszawie

w r. 1765. Potem rozwija się pełne i prawdziwe Oświecenie aż do Sejmu Czteroletniego (1788—1792). Moim zdaniem lata sejmu i jego obradowań stanowią punkt zwrotny w dziejach kultury j życia społecznego narodu polskiego. Miasta polskie i chłopstwo uzyskali na krótko pewnie prawa. Magnaci zdradzieccy zemścili się i powalili wszystko na ziemię. W takich warunkach literatura opuściła spokojny ton i stała się na wskroś burzliwa i rewolucyjna. Pojawia się pamflet o ostrych tonach. Gatunek klasyczny typu poematu heroikomicznego, listu lub satyry, to za mało. Poezja ma inne dźwięki i inne kolory, pobudza do walki. Faza końcowa polskiego Oświecenia i jej tez poezja legionowa stanowią jak gdyby katapultę do nowego prądu literackiego, do romantyzmu polskiego. W ten sposób Oświecenie przemienia się powoli i organicznie w nowy prąd o charakterze burzliwym. Nie w sentymentaliźmie lub preromantyźmie stoi początek romantyzmu polskiego, lecz w samym Oświeceniu. Sentymentalizm to moda literacka, ktora nie mogła potrącać z drogi literatury związanej z życiem i dolą narodu polskiego. Romantyzm polski stał się rewolucyjnym i burzliwym nurtem literackim i jego zalążki znajdują się w końcowej fazie Oświecenia.

В. ВЕЛЧЕВ (България)

Като имам пред вид, че в България вниманието на изследователите в последно време и по случай 200-годишнината от историята на Паисий Хилендарски беше насочено повече към самата епоха на родоначалника на Българското Възраждане, отколкото към неговата личност и дело, приветствувам работата на А. Н. Робинсон, който се насочва към самия писател. Работата е ценна и поради това, че в случая се прави успешен опит делото на Паисий Хилендарски да се постави и оцени в рамките на славянското Възраждане — това позволява по-точно да се определи значението му. Типологическият подход позволява родоначалникът на Българското Възраждане да се свърже по-дълбоко и съществено с общоевропейския и славянския исторически процес. В същото време типологическото изследване позволява да се оцени и личната заслуга на Паисия, да се види онова, което го отличава, с което той надраства развитието у едни или други народи.

В изследването на Робинсон би следвало да се обърне еднакво внимание не само към това, което сближава Паисий със славянската историография, но и към онова, което го отличава, към специфичното за него. Считам неизлишно да изкажа и друго пожелание. Наред с общославянските моменти в делото на Паисий би било добре да се държи сметка и за онези моменти, които го свързват с по-близкото му историческо окръжение — например с южнославянското окръжение, — да се потърсят причините за онези особености, които той споделя при разглеждане в такъв план, и пр.

Считам особено важно обстоятелството, че у Паисий не е достатъчно изтъкнато онова, което го откъсва от средновековната мисловност — неговото отношение към личността, към творческата личност, нейната емансипация по отношение на странични сили, схващането ѝ като автономен създател на делата си и пр. Тенденциите към обособяване от общославянския език у Паисий също така заслужават по-голямо внимание. Да се

отрича значението на историографската традиция при формиране идеологията на Паисий не е оправдано и Робинсон с право обръща внимание на този момент. Струва ми се обаче, че в това отношение той допуска известно надценяване — според мене най-същественото в своята идеология Паисий изгражда повече в борба, в полемика с наличната историография, в която са твърде силни средновековните черти.

И с постановките, и с редица нови и съществени констатации, с богатия материал и с методологическата последователност трудът на А. Н. Робинсон ще влезе и ще остане трайно в паисиеведението.

M. GIERGIELEWICZ (USA)

Cenny referat prof. Konrada Górskiego ujawnił szeroką skalę problemów, z którymi borykać się musi współczesna tekstologia. Z jego wywodów rodzi się przekonanie, że autorytatywne wydanie tekstów Mickiewiczowskich bliskie jest realizacji. Zarazem jednak wskazują one na to, że nie jest wskazane zbyt sztywne przykładanie jednakowej miary wydawniczej do wszystkich tekstów. O przyjętych rozwiązaniach rozstrzyga nieraz stosunek pisarzy do własnego tekstu. Byli tacy autorzy, którzy zdawali się lekceważyć zewnętrzne szczegóły techniczne i chętnie pozostawiali wolną rękę osobom trzecim. Wspominano w swoim czasie, że kiedy redaktor „Wiadomości" zwrócił rękopis z prośbą o załączenie znaków przestankowych, poeta odesłał mu skrypt z następującym dopiskiem: „Kochany Mietku. Zasyłam Ci pewną liczbę kropek, przecinków, dwukropków, średników, myślników i pytajników, — rozstaw je według własnego uznania". Inni pisarze, świadomi własnych usterek, polegali na poprawkach wydawcy, udzielając im niejako milczącej aprobaty. Zachodzi pytanie, czy w tego rodzaju przypadkach należy przywracać błędy autorskie, zachowane w rękopisie, po to jedynie, aby je potem w omówieniu wytykać. Są wreszcie pisarze, dla których liczy się każda koma i jota. Dlatego wskazane jest określenie woli autora, ujawniającej się nie tylko w rękopisach, ale i w drukowanych tekstach, korespondencji, rozmowach i innych wypowiedzeniach. Nie wynika stąd, aby wszystkie sądy autorskie należało akceptować; zdarza się niekiedy, że pisarz wyraźnie się myli, utrudniając przez to samemu sobie żywy kontakt z czytelnikami, co zmusza współczesnego wydawcę do kłopotliwych decyzji. Uznając w pełni zasady ogólne tekstologii, która w czasach ostatnich chlubi się rzetelnymi osiągnięciami, trzeba liczyć się z potrzebą dobierania do różnych indywidualności twórczych specjalnego klucza.

К. КУЕВ (България)

Проф. Конрад Гурски е един от най-добрите засега славянски текстолози. Неговият доклад за Адаммицкевичевата „Ода на младостта" в светлината на текстологията, четен преди една година в Софийския университет пред студентите по полска филология, предизвика голям интерес. Въпросите, които сега проф. К. Гурски засяга, също са много интересни. От приведените случаи става ясно, че има редица положения, които могат да бъдат разбрани и изяснени правилно само след щателно текстологи-

ческо проучване. Текстологическата работа често пъти се явява ключ към редица въпроси и положения.

Българската литература в това отношении е бедна. А има много въпроси, които могат да бъдат разяснени само по пътя на текстологическите изследвания. Това важи особено за старата българска литература. През последните 10—15 години у нас се създаде неблагосклонно отношение към този род научна работа, но това е съвсем неправилно. Трябва да се подчертае, че за текстологическите проучвания се изисква специална подготовка.

Ж. ЗЕЛЬДХЕЙИ (Венгрия)

Интересный доклад Е. Рейсснера содержит целый ряд данных, имеющих значение не только с точки зрения русско-немецких, но также и с точки зрения русско-венгерских литературных связей. Первая половина XIX века— это первый этап ознакомления венгерской общественности с русской литературой. В эти годы венгерские переводчики и популяризаторы русской литературы пользовались главным образом немецкими и французскими источниками. На основе немецких статей перепечатали и у нас упомянутые в докладе Е. Рейсснера выступления Булгарина и Греча. Но при посредничестве немецкой литературы появляются у нас и другие, более значительные работы.

Рейсснер говорил о той положительной роли, которую сыграла в Германии книга Герцена „О развитии революционных идей в России". На основе немецкого перевода, после подавления венгерской революции 1848 года, в 1855 году в одной из центральных венгерских газет без подписи автора были напечатаны отрывки из этой работы Герцена. В статье сохранена антифеодальная тенденция оригинала, соответствующая мировоззрению либеральных редакторов газеты, но выпущены те места, которые выходят за рамки их политической программы. Даже в такой форме статья имела большое значение: венгерские читатели впервые получили правильные сведения о русской общественной борьбе, о настоящих ценностях русской литературы, а главным образом о творчестве Пушкина. И этот пример показывает, что при исследовании русско-венгерских литературных связей до 60-х годов необходимо принять во внимание посредствующую роль немецких источников.

К. ЧЪРНУШАНОВ (България)

Чърнушанов заяви, че е следял с особен интерес както самия доклад на Поленакович, така и по-раншните му писания за братя Миладинови, тъй като делото на стружките братя е вдъхновявало българската младеж в Македония в борбата ѝ срещу асимилаторската политика на властниците в стара Югославия. Самият Чърнушанов принадлежал към тая младеж като македонски българин, родом от Прилеп и получил средното и висшето си образование само в сръбски училища — в Скопие и Белград, — а сега е учител по български език в София.

Относно съдържанието на доклада на Поленакович той не е съгласен с твърденията в него: 1) че Константин Миладинов не е казал на какъв

език превежда; 2) че е превеждал на македонски език, различен от българския; 3) че в превода му имало много русизми и малко българизми; 4) че от такива чуждици езикът му е съвсем чист в неговата поезия, т. е. че езикът на Миладиновци не е български.

Всичко това не отговаря на обективната истина. Доказателства:

1. В предисловието на превода си К. Миладинов изрично казва: „Унията, подкопваещем основите от православието, унищожвит и народността; чувствуеш, що кой искрено желает да подкрепит народността, требит да се старает да подържвит православието..." Преводът „очевидна полза приносит особено на тие, кои может да подумает, що унията е неопасна за нас и що пребиваещем към нея, удовлетворяем народна потребност. *Вистина последново име е мило и драго за секого българина.* Но требит и мие, имеещем пред очи просветителите наши Кирила и Методия, да не подвъргаваме на опасност едно добро, за да спечалиме едно друго..." От тоя цитат, както и от други писма на Константин и Димитър Миладинови, които македонския говор наричат български и Македония — Западна България, ясно личи пълното им съзнание, че са българи и че преводът е на български, за българите. — Тук Църнушанов прочете пасажи от тия писма, а спомена и данните на К. Шапкарев.

2. Поленакович не казва кои са тия „малко българизми", а само твърди, че дори и тях ги няма в оригиналната поезия на К. Миладинов, т. е. че в неговия роден стружки говор няма нищо българско. „Аз ще прочета — заяви Църнушанов — пред всички вас, които знаете български, стихотворението „Бисера", за да видите езика на К. Миладинов различава ли се с нещо дори от днешния книжовен български език." След прочитането отново запита: има ли дума, която да не е българска? И колко са провинциализмите? Това е чист български език. Миладинов е знаел добре на какъв език превежда. Следователно той не е някакъв македонски, а български преводач; имал съзнанието, че принадлежи на българския народ и че целият му език е чисто български.

В. ТРАЙКОВ (България)

Животът и делото на братя Миладинови привличат вече цял век вниманието на учените. Един от изследователите в тази област е и проф. Харалампие Поленакович от Скопие. В последния свой труд, представен пред конгреса на славистите в София, проф. Поленакович разглежда един специален въпрос около книжовната дейност на единия от братята: „Константин Миладинов како преведувач на „Православни црковни братства от руски јазик на македонски". Преводът на К. Миладинов е разгледан от историческа, културна и езикова страна.

Проф. Поленакович свързва окончателното прераждане на Димитър Миладинов с едногодишния му престой по сръбските земи. Това в случая трябва да се коригира: от много запазени документи, излезли от ръката на самия Димитър Миладинов, се вижда, че дълги години преди това той е бил вече с ясно изградено народностно съзнание. Още през 1846 г. Дим. Миладинов пише на Виктор Григорович: „... Моите старания за нашия български език и българските народни песни, според Вашата поръка, са ненадминати. Не преставам да продължавам изпълнението на моите обе-

щания към Ваша милост, защото българите спонтанно се стремят към истината.“ Влияние върху Миладинов — това трябва да се изтъкне — са оказали руските учени, а престоят му по сръбските земи само му е дал отличната възможност да види и оцени ролята на просветата на роден език и значението на свободата за всеки народ. И при новите условия в Турската империя, настанали след Хатихумаюна, Димитър Миладинов започва борбата за въвеждането на роден език в училищата, в черквите.

Проф. Поленакович отбелязва, че в превода Константин Миладинов не отбелязва името на езика, на който превежда труда, и че в превода имало малко „бугаризми“. Понеже тази констатация не е подкрепена с никакви примери, не може да се прецени какви ще да са тези „бугаризми“ в говор от средата на XIX в., когато още не е бил създаден литературният български език и разликите между отделните говори са били само диалектични. Що се касае до наименованието на езика, Константин Миладинов не го отбелязва изрично в превода. В същия документ обаче той говори за себе си като за българин. Естествено и езикът на българина няма да бъде някакъв друг, а български. С това наименование го нарича Константин Миладинов в много други документи, излезли от неговата ръка.

За оправдание на тези мои бележки могат да послужат може би думите на самия Димитър Миладинов, писани още през 1846 г. в писмото му до Виктор Григорович: „българите спонтанно се стремят към истината“.

Х. ПОЛЕНАКОВИЌ (Југославија)

Со жалење го констатирам фактот дека другарите дискутанти Црнушанов и Трајков на една чисто научна тема зедоа да ѝ даваат политичка боја.

За да се чита убавата песна на Константин Миладинов „Бисера“ во софијски „изговор“ и со тоа да се рече дека е струшкиот говор исто што и софијскиот, како тоа го стори другарот Црнушанов, — тоа е ненаучно.

Мене ми се добро познати сите изјави на Миладиновци (и на Шапкарев) по разни прашања што се однесуваат за Македонија, македонскиот јазик и нивното патриотско чувство, но сите тие изјави треба да се разгледуваат во склопот на времето кога се кажани, а не како тоа го прават дискутантите.

Впрочем, во текот на слушањето на дискусијата на другарите Црнушанов (и донекаде на Трајков), пред моите очи се јавија пророченските предвидувања на заслужниот македонски родољуб и научник, Крсте Петков Мисирков, речени во овој град пред 60 години, во неговата многу значајна книга „За македонцките работи“ (Софија, 1903):

„... Немат шчо да се зборит за учените македонци во Бугаріа: тиіе іедногласно ке речат, оти ноото течеін'е іет просто апсурд, оти никоі пат немало македонцка народност и сега іа немат; оти македонците сет бугари и пр...“, стр. 82.

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

A. HERMANN (DDR)

S. B. LINDES STUDIENZEIT UND LEHRTÄTIGKEIT IN LEIPZIG

Zeitschrift für Slawistik, VIII, 1963, 5, S. 268—286.

В. ЭРЛИХ (США)

ОБРАЗЫ ПОЭТА И ПОЭЗИИ В СЛАВЯНСКОМ РОМАНТИЗМЕ И НЕОРОМАНТИЗМЕ
(Красинский, Брюсов, Блок)

American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists, The Hague, 1963, p. 79—113.

Основным аспектом символизма была зыбкость границ между литературной биографией и творчеством, стремление превратить жизнь поэта в произведение искусства, а поэзию — в рупор „творимой легенды“ о поэте. В русском символизме этот миф поэта принял две существенно различные формы — „парнасскую“ и „дионисийскую“. Первая установка ярче всего выразилась в творчестве и деятельности Валерия Брюсова, вторая — в поэзии и жизни Александра Блока.

Стержнем брюсовской концепции поэзии была дисциплина, самообладание и „бесстрастность“, которая в известном кредо „Поэту“ доходит до эмоционального аскетизма. Если для поэта переживание лишь „средство для ярко певучих стихов“, эмоциональная непосредственность, „стихийность“ несовместимы с поэтическим призванием.

Проблему человеческой ущербности художника, которая волновала многих писателей эпохи неоромантизма (Т. Манн), поставил с большой остротой на 70 лет раньше польский романтик Сигизмунд Красинский в драме „Небожественная комедия“. Герой ее, поэт-аристократ граф Генрих — жертва эстетического нарциссизма. Но то, что для Красинского является трагической слабостью, для Брюсова — элемент силы, доказательство исключительности, „избранности“ поэта. Этот культ дисциплины, воли, сознательности тесно связан с интеллектуальным пафосом литературной, культуртрегерской и организаторской деятельности Брюсова.

Если Брюсов — поэт культуры и воли, Блок — поэт „стихии“, дионисийского экстаза, „влюбленности“. Лейтмотив Блока как лирика и эссеиста — „музыка“; основной принцип его поэзии — не активное созидание или экспериментаторство, а „пассивное“ слушание „мирового оркестра“, страстная, безудержная отдача самого себя на сожжение иррациональной стихии.

H. RAAB (DDR)

WEGE UND IRRWEGE DER DEUTSCHEN PUŠKINREZEPTION

Славянска филология, IV, София, 1963, стр. 353—373; Zeitschrift für Slawistik, VIII, 1963, S. 309—329.

Von deutscher wie von sowjetischer Seite wurde in den letzten Jahrzehnten mehrfach die Frage nach den komplizierten Bedingungen der deutschen Puškinrezeption gestellt. Übereinstimmung herrscht darüber, daß der bisherige Ertrag des nunmehr 140 Jahre währenden Rezeptionsprozesses nicht der tatsächlichen Bedeutung Puškins entspricht, vor allem, wenn man ihn am Widerhall mißt, den andere Koryphäen der klassischen russischen Literatur in Deutschland gefunden haben. Hier liegt ein Problem von großer Tragweite vor. Ist es doch so, daß Puškin nicht nur einer von vielen in der Reihe der hervorragenden russischen Dichter ist, sondern der größte Dichter seiner Nation schlechthin, wobei dieses Werturteil gerade in seinem Fall die vollgültige Repräsentation einer Nationalkultur meint. Die Frage der deutschen Puškinrezeption berührt deshalb zutiefst das Verhältnis des deutschen Volkes zu den Völkern der Sowjetunion und ist somit von allgemeiner gesellschaftlicher Bedeutung.

Mehr als bisher sollte man sich bei der Untersuchung auch dieses Rezeptionsprozesses von der Erkenntnis leiten lassen, daß nicht alle Schwierigkeiten aus dem Übersetzungsproblem abzuleiten sind. Es gilt, gesellschaftliche Zusammenhänge in größerem Umfang heranzuziehen, so z. B. die klassenmäßig differenzierte Einstellung des deutschen Volkes und seiner Kulturschaffenden zu jenen politisch bedeutsamen Veränderungen, die aus dem rückständigen zaristischen Rußland den führenden Staat des sozialistischen Lagers werden ließen.

Die deutschen Interpreten Ende des 19. Jahrhunderts sahen weder die soziale Problematik im Schaffen Puškins, noch seine realistische Meisterschaft. Vorwiegend galt er als Nachahmer Byrons. Auch die sozialdemokratische Literaturkritik vermochte den echten Puškin nicht zu erkennen. Erst am Vorabend des 1. Weltkrieges kam es in Deutschland zu einer Umorientierung, die eine neue Linie der Puškinrezeption einleitete. Sie zeichnete sich dadurch aus, daß sie gewissermaßen Puškins Bedeutung für die Moderne entdeckte. Überschaut man jedoch ihren Gesamtertrag, so muß man sagen, daß Puškins Schaffen zwar eine hohe Würdigung erhielt, zugleich aber losgelöst von jedem sozialen Bezug mißdeutet wurde, sei es im Sinne einer Idealisierung seines angeblichen „reinen Dichtertums", sei es im Sinne eines wirklichkeitsfeindlichen, nicht selten religiös gefärbten Geschichtsmythos. Diese Linie fand nach 1945 in Westdeutschland ihre Fortsetzung.

Eine positive Linie der deutschen Puškinrezeption, die auf den Traditionen Varnhagens von Ense, auf Äußerungen von Marx, Engels und später auch Rosa Luxemburg anknüpfte und die in starkem Maße der sowjetischen Puškinforschung verpflichtet ist, kam in den 30er Jahren des 20. Jahrhunderts zur Geltung. Ihre Vertreter waren deutsche Antifaschisten, sowohl proletarischer als auch bürgerlicher Herkunft, die als Emigranten in der Sowjetunion, in Prag und anderen Orts das Puškinjubiläum des Jahres 1937 begingen. Nach der Befreiung Deutschlands vom Hitlerfaschismus fand diese Linie in

Ostdeutschland (das Jubiläum 1949) und später in der DDR ihre Fortsetzung. Es gilt allerdings in Zusammenarbeit zwischen der slawistischen Literaturwissenschaft, Organen der Volksbildung und allen kulturpolitisch wirkenden Institutionen die Rezeption endgültig aus dem Stadium einer gewissen Spontaneität herauszuführen. Je schneller dies in der DDR geschieht, um so eher werden auch in Westdeutschland fortschrittliche Kräfte in wachsender Zahl Zugang zum humanistischen, lebensbejahenden und völkerverbindenden Erbe Puškins finden.

Die deutsche Puškinrezeption darf nicht mechanisch mit der deutschen Rezeption der klassischen russischen Literatur schlechthin gleichgesetzt werden. Sie nimmt in wesentlichen Punkten, so z. B. was den Zeitpunkt eines in der deutschen Arbeiterklasse erwachenden Interesses für Puškin betrifft, eine Sonderstellung ein. Um so wichtiger ist ihre spezielle und detaillierte Erforschung.

Ф. Ф. СИЛИЙ (Великобритания)

О ТЕМЕ „КАМЕННОГО ГОСТЯ“ ПУШКИНА

The Slavonic and East European Review, 41, 1963, No. 97, p. 345—367.

Доклад исходил из обсуждения методологических принципов: при неправильной методологии всякое толкование окажется лишь произвольным. А суть правильной методологии — вот какая: В основу всякого толкования должен лечь тщательный анализ текста: грешит неуважением к гению тот, кто сосредоточивает внимание лишь на частях или же заслоняет самый текст материалами, привлеченными извне, чтобы навязать автору собственные понятия, ценности или предположения о том, что должен был иметь в виду такой великий человек.

Ярким примером ошибочного подхода являются ходячие попытки определить характер любви Гуана по одной „искренности его последних слов“. Брать отдельно эти последние слова не то смешно, не то грешно: кто же не знает, что смысл драматической реплики определяется прежде всего психологией данного действующего лица, да еще всем ходом пьесы, а уж никак не одним только непосредственным контекстом?

Но пусть высший и недосягаемый авторитет останется за текстом, можно все-таки ценные указания для более глубокого понимания текста черпать из других сочинений автора, из его биографии в самом широком смысле слова, да из вековых литературных традиций, наследником которых он является. И так начинается статья с характеристики двух основных традиций о любви в европейских литературах; затем уделено некоторое внимание любовной философии пушкинского круга и самого поэта; следует краткий обзор любовной лирики Пушкина и опровержение модного истолкования финала „Евгения Онегина“. Изо всего этого выводится следующее заключение: не найдется поводов ожидать тут [т. е. в „Каменном госте“] героя, перерожденного великой романтической любовью, ни в „классической“ философии любви, восходящей через Вальмона к Овидию, под которой подписывались поэт и разные члены его круга, ни в литературной традиции о Дон Гуане до Гофмана включительно, ни, главное, в творчестве самого Пушкина до „Евгения Онегина“ включительно.

В заключительном подразделе статьи приводятся тематические параллели между „Каменным гостем“ и другими „маленькими трагедиями“: тут опять-таки не обнаружилось общих элементов, говорящих в пользу романтического толкования „Каменного гостя“ — скорее наоборот.

Но ядро статьи составляет разбор текста в поисках ответов на следующие три вопроса: 1) Из слов и поведения действующих лиц что можно заключить о свойствах чувства Гуана к Анне? 2) Из слов и поведения действующих лиц какое получается представление о характере Гуана и, прежде всего, о возможности или вероятности, чтобы он был способен к всепоглощающей, перерождающей любви? 3) Из слов и поведения действующих лиц какое получается представление о личности Анны и, прежде всего, о вероятности, чтобы такая личность внушила опытному Гуану такого рода любовь?

Третий вопрос — наименее затруднительный, но зато и наименее доказательный. Ясно, что Анна — женщина совершенно заурядная. Мысли и поведение у нее — чисто условные... Правда, бесконечны противоречия сердца человеческого! Итак искусный сердцевед не объявит невозможным, чтобы незамечательная Анна вызвала в искушенном, многоопытном Гуане любовь небывалую. Но он заметит, по крайней мере, что, хотя такое явление и возможно, но уж конечно — не из самых вероятных, так что, если оно тут имеется налицо, как же поэт не ощущал надобности подготовлять свою публику к такому восприятию — убеждать ее в правдоподобии такой неожиданности?

Остальные два вопроса гораздо сложнее. Первое дело — определить границы искренности в речах Гуана. Из сличения речей, обращенных к разным действующим лицам, да и речей его с его же поведением, можно заключить, что он искренен сам с собой, да и со всеми, с кем имеет дело, за исключением Анны. Анну ему предстоит покорять, а по Овидиеву кодексу любви любовнику не только можно, но и следует обманывать возлюбленную. Впрочем, это не значит, чтобы было ложно все, что он говорит Анне. По природной непосредственности он предпочтет говорить истину, лишь бы она не мешала его целям; а опытность ему подскажет, что ложь бывает всего убедительнее при значительной примеси истины.

На основании таких критериев речи Гуана в III явлении оказываются сплошь ложными по форме, а отчасти и по сути. Они противоречат то фактам, то одна другой, то тому, что говорил он сам себе в начале явления. Притом поражает не раз в этом явлении кажущаяся грубость обмана, т. е. прозрачность преувеличения или неправды... Зато в IV явлении Гуан напрягает все силы: да так успешно, что вводит в заблуждение не только простодушную Анну, но и множество читателей далеко не простодушных. Впрочем, и тут это Гуан обольщает Анну, а не поэт обманывает публику. Напротив, поэт обходится с нами честно: он показывает мастерство Гуана в „импровизации любовной песни“, дает нам вслушиваться в пленительную силу этой песни, убеждает нас на деле, что такая музыка могла и увлечь стойкую Инезу, и внушить длительную привязанность ветреной Лауре. Но поэт не заставляет нас слушать Гуана ушами обвороженных им женщин, а везде дает нам средства отличить в речах героя элементы подлинного увлечения от элементов коварного расчета.

Наконец от подробного анализа любви Гуана по словам текста статья переходит к более общему анализу его психики. В нем совокупляется

художественное мастерство и солнечный темперамент Моцарта с глубоко затаенными разрушительными стремлениями Сальери. В отличие от испанского прототипа, пушкинский Гуан не одержим чувственностью, а в отличие от мольеровского героя, он не охлажден философией. У него — бойкое воображение и живые чувства. Воображение возжигает его интерес к женщине, игра же чувства, выражающаяся в „любовной песне", пленяет женщину. А за воображением и страстью таятся влечения более мрачные: потребность всячески восторжествовать над сопротивлением и над соперниками, рисковать всем, чтобы всем овладеть, искать себе славы в обесславлении других. Но динамический контрапункт жизненного наслаждения и мрачных стремлений так сложен и богат, что обольщает, ослепляет не только жертв Гуана, но и читателей Пушкина. Музыка любовных речей заслоняет их противоречия и ложь. Вспышки жестокости мелькают, женщина вскрикивает от боли, но в опьянении не обращает внимания: отчаянное прозрение пропадает даром. В Гуане бушуют волнение охотника и наслаждение художника, которые легко принимать за чувства совсем другого рода; а кульминационные экстатические моменты этих страстей немудрено считать каким-то перерождением души. Но разве тут реалист может усмотреть или надеяться на перерождение? Разве такой реалист, как Пушкин, мог тут обмануться?

В. ВЕЛЧЕВ (Болгария)

ТРАГЕДИЯ ГОРДОГО ИСКАНИЯ ПОЗНАНИЯ, СВОБОДЫ И ТВОРЧЕСТВА

(К вопросу об идейной проблематике поэмы М. Ю. Лермонтова „Демон")

Славянска филология, IV, София, 1963, стр. 121—148.

Находя, что вопрос об идейной проблематике поэмы Лермонтова „Демон" недостаточно разработан, автор пытается внести свой вклад в решение этого вопроса. Прослеживая критически историю вопроса, он останавливает свое внимание главным образом на толковании В. Г. Белинского, рассматривающего поэму „Демон" как „с небом гордая вражда". По мнению великого критика, главный ее герой является носителем высокого принципа „вечного обновления, вечного возрождения", он „отрицает для утверждения, разрушает для созидания". В настоящее время очень широко распространен другой взгляд: что в „Демоне" раскрывается крушение индивидуализма, что герой поэмы не может выйти из границ своего эгоцентризма и презрения к людям, что Тамара является жертвой этого его духа, что сам автор развенчивает и отрицает своего героя и т. д.

Отвергая это почти господствующее в современном литературоведении понимание произведения Лермонтова, В. Велчев подчеркивает, что даже и при самом общем взгляде на поэму — на ее образы сами по себе и на ее образную систему — мы не можем не почувствовать, что в ней ставятся важные философские, этические и общественно-политические проблемы. Но в основе всего этого заложена идея познания, свободы и творчества, носителем которой является Демон. Эта идея ставит его в

конфликт с небом, делает его непримиримым врагом бога и его мира рабской покорности: „Я царь познанья и свободы. Я враг небес...“ Она приводит его и к любви и союзу с человеком во имя иного мира, эта идея, наконец, объясняет трагизм его одиночества после крушения его титанической мечты.

Во многих местах поэмы, прямо или косвенно, говорится о познании, свободе, творчестве, об отношении к человеку. Неудовлетворенный тем, что создано и что предоставляется небесным духам и людям, Демон взбунтовался против установленного миропорядка. Зависимость, примиренность, рабская покорность несовместимы с его духом — он не может их принять за счет того „блаженства в раю“, которое есть.

Демон неудовлетворен и той оторванностью от людей, в состояние которой он был поставлен „при сотворении“. После бунта и изгнания, которые претерпел во имя своих стремлений, он оказывается в положении, при котором еще полнее раскрывается трагедия его, как существа, оторванного от всего, неспособного ни к какой творческой деятельности. И с этого момента как раз начинается разгул, вихрь, неудержимое бешенство отрицания, ненасытного рушительства.

Все это однако не относится к окончательной характеристике Демона, не указывает на то, что он зол по природе, чужд каких бы то ни было идеалов и безусловно асоциален и антигуманен. Он враждебен тогдашней, существующей жизни, так как в ней именно свобода угнетается, человеческое начало уничтожается, всякое проявление личности стоит под знаком страха перед богом. Демон не является безоговорочным отрицателем и человека — в своей душе он несет неуклонную вражду только к косным традициям и застою, к регламентированным человеческим чувствам и мыслям, ко всякого рода подчиненности человека. Особенно ярко и выразительно гуманизм Демона проявляется в его глубоком страдании одиночества — безвыходной замкнутости в самом себе и непреодолимой отдаленности от всего: „Жить для себя, скучать собой, /И этой вечною судьбой/ Без торжества, без примиренья“.

И эта трагическая безвыходность в состоянии Демона дает возможность понять всю глубину и значимость того перелома, который совершается в нем при виде Тамары. Впервые нечто земное незлонамеренно привлекло внимание Демона, захватило дух его, растопило его холодное отрицание и презрение к всему. Он воодушевляется надеждами на счастье, на счастье подлинное, незыблемое, долговечное. Тамара, однако, пленяет Демона не только своей внешней красотой. Он видит в ней человеческое существо, у которого зародились зачатки сомнения в правоте существующего, загорелся хотя и робкий порыв к свободе. Это как будто бы делает ее сродной ему, близкой к его не осуществленным до сих пор желаниям. И он охвачен предчувствием, что именно теперь сможет реализовать свои идеалы, во имя которых некогда взбунтовался против бога. Для Демона уже представляется возможным выйти и из своего нынешнего состояния, разбить цепи разобщенности, разорвать завесу творческой бесперспективности, продолжить свое богоборчество по другому пути. И этим путем оказывается любовь к человеческому существу, охватившая его с фатальной неудержимостью.

Весьма показательно, что Демон тем более приближается к Тамаре, чем более отдаляет ее от пошлого, низкого и рабского в жизни и в чело-

веке. Сам Демон освобождает свою любовь к Тамаре от всего обычного, временного, случайного, связывает ее с началом мирознания, видит в ней исполнение высоких предначертаний. Для лермонтовского Демона эта любовь есть союз между небесным началом и земным во имя высшего познания, свободы, творческих дерзаний. Посредством своей любви к Тамаре он разрывает свой индивидуализм, свою самозамкнутость. Демон оказывается способным не только титанически отрицать, но и с неменьшей силой утверждать. Единственное, чего он держится теперь, — это человек, способный, как ему кажется, подняться до степени его возвышенных стремлений, которого он видит в лице Тамары.

Тамаре, однако, по существу, остаются чужды высокие стремления Демона. Из всей его исповеди ее внимание привлекает прежде всего его признание о том, что он является злом природы, бичом людей и, в особенности, — врагом неба. И в то время как в глазах Демона она поставлена на самый высокий пьедестал, в ней как будто пробуждается рабское существо, которое зовет бога, умоляет о спасении.

В этом факте, что Демон и Тамара в конце концов оказываются на различных плоскостях, заключается основа титанического конфликта между ними, непреодолимая взаимоудаленность, неизбежная трагедия в их отношениях. Все это происходит потому, что Демон посредством своей любви стремится продолжить свое богоборчество на более высоком этапе — гуманистически мотивированно и перспективно. А Тамара, наоборот, после получения клятвенного обета Демона об отказе от злых стремлений как будто считает, что своей любовью она участвует в завершении его богоборчества, что исполняет дело примирения его с богом. Умирая от прикосновения Демона, Тамара оказывается непригодной для высокого общения, а Демон остается один, не находя желанного союза. Естественным последствием всего этого является на этот раз приятие Тамары небом. Несмотря на такое завершение, поэт не снижает образ Тамары, который также трагичен: она так сильно скована цепями традиции, установленным порядком вещей, что не имеет сил вырваться из-под его власти.

Оставшись вновь совершенно одиноким, Демон проклинает свою мечту о воспламенении высоких стремлении в людях, о приближении их на этом этапе к себе, об осуществлении иного грезившегося ему мира путем союза с человеческим началом. Сам он, однако, остается верным себе, своему богоборчеству, своей гордой уверенности в правоте своих исконных стремлений к познанию, свободе и творчеству. Многозначительный в идейном отношении является конец в судьбе героев. Если Демон, как носитель гордой вражды „с небом“, как выразитель „вечного ропота человека“, остается верным себе, то Тамара, хоть и не по своей вине, остается среди тех, до которых этот ропот не достигает. Этот контраст снова свидетельствует, что поэт утверждает до конца борьбу Демона за осуществление иного мира и осуждает те условия, которые в данный момент останавливают его реализацию и определяют трагизм обоих героев. Все это говорит о том, что о каком-либо развенчивании героя автором не может быть и речи...

R. OPITZ (DDR)

ETAPPEN IM SCHAFFENSWEG LERMONTOVS. ZUR EVOLUTION DES KONFLIKTS IN SEINER DICHTUNG

Zeitschrift für Slawistik, VIII, 1963, 5, S. 571—582.

Am Beispiel der Entwicklung vor allem des Poems „Mcyri" in Lermontovs Schaffen wird das Verhältnis des Dichters zu seiner Gegenwart untersucht, das von Anfang an oppositionell ist und seine Dichtung zu einer Konfliktdichtung macht. Das allmählich immer tiefere dichterische Erfassen der Wirklichkeit wandelt diesen Konflikt ab.

Bis etwa zum Jahre 1832 herrscht in Lermontovs Dichtung die pauschale Ablehnung der gesamten als schlecht erkannten Welt vor. Allerdings hat diese negierende Tendenz eine große Zahl von lyrischen Varianten: das Motiv der Einsamkeit des fühlenden Menschen in einer gefühllosen Umgebung wird mitunter als Sehnsucht nach der Einsamkeit und sogar nach dem Tode, häufiger jedoch als Trauer über die erzwungene Einsamkeit, als Sehnsucht nach Freiheit und Freundschaft ausgedeutet. Auch das spätromantische Thema des Eindringens der grausamen Welt in das Reich schöner Träume findet sich als eine Variante der Opposition zur Welt überhaupt. Hervorstechend ist Lermontovs Bestreben, seine Unzufriedenheit mit der Welt umfassend zu motivieren. Er sucht auch allmählich nach Kräften, die als Bundesgenossen des lyrischen Helden im Kampf mit der Welt erscheinen könnten; jedoch kommt es durch eine Reihe biografischer Umstände nicht zu der dadurch möglichen Wende in seiner Dichtung.

Als Lermontov 1835 seine dichterische Arbeit wieder aufnimmt, besitzt er reiche Erfahrungen über die Menschen seiner Umgebung. Er lehnt jetzt nicht mehr die Welt schlechthin ab, sondern die Sphäre des Hochades. Andererseits wird die schon in „Vadim" begonnene Kritik des lyrischen Helden fortgesetzt; Lermontov versucht, einzelne seiner Züge auf die Gestalten einfacher Menschen zu übertragen. Beide Seiten des Konflikts werden also sozial konkreter gezeichnet und dadurch abgewandelt. Man muß daher die Zeit von 1835 bis 1837 als eine Übergangsetappe in Lermontovs Schaffen bezeichnen.

Für die letzten Lebensjahre ist eine Verbreiterung der Kritik auf den Adel insgesamt festzustellen. Das lyrische Ich wendet sich von den Interessen des Adels überhaupt ab, spürt aber gleichzeitig die Übermacht dieser feindlichen Kraft. Auch der große einsame Held wird als Teil des Adels erkannt und verliert immer mehr die Sympathien des Autors. Daraus resultiert die ständig wachsende Kritik an Pečorin und Demon, die die insgesamt noch positive Einschätzung dieser Gestalten schon stark beeinträchtigt. Andererseits führen die beiden Kaukasusverbannungen Lermontov in die enge Gemeinschaft mit einer großartigen Natur und starken einfachen Menschen. Lermontov gibt vor allem 1840 und 1841 seiner Liebe zu diesen Menschen immer deutlicheren Ausdruck. Das lyrische Ich ist dadurch nicht mehr auf sich selbst angewiesen. Lermontovs Tragödie besteht darin, daß diese Annäherung an das Volk unter den konkreten historischen und persönlichen Bedingungen nicht schnell genug vor sich geht. In seinen besten Werken der letzten Jahre kommt er jedoch bis dicht an die Gestaltung des Grundkonflikts jener Epoche, an den Konflikt zwischen dem Volk und dem Adel, heran.

K. KREJČÍ (ČSSR)

VELKÁ EPIKA V SLOVANSKÝCH LITERATURÁCH XIX. STOLETÍ

Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha, 1963, str. 213—221.

S. WOLLMAN (ČSSR)

ZÁKLADNÍ PROBLÉMY DRAMATU V SLOVANSKÝCH LITERATURÁCH XVIII — XIX. STOLETÍ

Československé přednášky V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha, 1963, str. 223—232.

ДР. НЕДЕЉКОВИЋ (Југославија)

ТРИ ОДЛИКЕ РУСКЕ РЕАЛИСТИЧКЕ ТЕОРИЈЕ У ПОРЕЂЕЊУ СА ЗАПАДНОЕВРОПСКОМ

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР (СССР)

НАСЛЕДИЕ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Славянские литературы. Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов, 1963, стр. 263—296.

В докладе охарактеризованы те стороны наследия русских революционных демократов, которые обусловили его международное значение и его широкое воздействие на другие славянские литературы, а также прослеживаются основные пути и этапы распространения идей революционных демократов в отдельных славянских странах с 40-х годов XIX до начала XX века.

В середине XIX века вся передовая европейская революционная и литературно-эстетическая мысль испытывала острую нужду в стройном и целостном теоретическом мировоззрении, которое давало бы трезво реалистический, продуманный ответ на основные вопросы жизни и могло бы служить реальной основой для практической революционной деятельности. Из всех демократических мыслителей, бывших современниками К. Маркса и Ф. Энгельса, русские революционные демократы — Белинский, Герцен, Добролюбов, Чернышевский — сделали больше всех для выработки подобного целостного и продуманного, материалистически окрашенного теоретического революционного мировоззрения. Это объясняет их исключительное место в истории демократической общественной мысли XIX века, широкое влияние их наследия на освободительное движение, эстетическую мысль, литературу и критику в славянских странах.

Начиная с сороковых годов XIX века, в культуре и литературе отдельных славянских народов разворачивается процесс формирования на-

циональной демократической мысли и становления реалистического художественного стиля. Усвоение наследия русских революционных демократов, которые были горячими поборниками национальной независимости славянских народов, их свободного развития и братского единения, ускоряло и облегчало этот общий процесс, протекавший неравномерно и имевший в условиях каждой из славянских стран свои особые, индивидуальные черты. На примере русской литературы, творчества Т. Шевченко, И. Франко, польских революционных демократов, С. Марковича, Х. Ботева, И. Вазова и других выдающихся демократических писателей и культурных деятелей славянства в докладе проанализирована плодотворная роль идей русских революционных демократов в развитии славянских литератур XIX — начала XX веков, показано огромное живое значение их наследия для нашей современности.

Т. ГАНЕ (Румыния)

ОБЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РАЗВИТИИ ПЕРЕДОВОЙ РУМЫНСКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ

Romanoslavica, IX, 1963, стр. 291—339.

Вопрос о влиянии революционно-демократической идеологии России на передовое движение в странах Юго-Восточной Европы нашел широкое освещение в ряде работ советских, болгарских и румынских ученых.

Эти исследования охватывают главным образом события и факты чисто исторического порядка, с привлечением общественно-политической и философской мысли, а также явлений культурного взаимодействия вообще.

Поскольку прогрессивные и революционные деятели Румынии были в большинстве и публицистами, литературными критиками, писателями, влияние освободительных идей (самыми яркими представителями которых в середине прошлого века были русские революционные демократы) не могло не отразиться в их творчестве, на их идейно-художественном формировании. По существу, влияние это было своего рода ферментом, животворно стимулировавшим на протяжении десятилетий потенциальные ресурсы румынской литературы в целом, содействовавшим углублению ее демократических тенденций в контакте с богатым художественным опытом русского реалистического искусства и передовой литературно-эстетической мысли.

В то же время сложный процесс воздействия русской литературы и передовых идей русской революционной демократии на румынское общественно-литературное движение второй половины XIX века нельзя рассматривать без привлечения конкретных фактов, связанных с деятельностью представителей болгарской революционной эмиграции данного периода на территории Румынии. Ценный вклад в это дело внесли такие активные борцы и литературные деятели, как Георги (Савва) Раковский, Васил Левский, Любен Каравелов, Христо Ботев, которые благодаря не-

посредственному общению с прогрессивными кругами России явились как бы связующим звеном между русской революционно-демократической идеологией и передовой общественностью Румынии.

В докладе конкретно рассматриваются различные аспекты революционных русско-болгарско-румынских связей, которые во второй половине XIX века выковывались в сходных условиях народно-освободительной борьбы, закладывая прочные традиции передовой общественной и литературно-критической мысли этих народов.

При выявлении наличия общих мотивов и тенденций в творчестве русских и болгарских писателей и литературных критиков того времени, большое внимание уделяется их своеобразию, индивидуальному художественному облику, в зависимости от национальной специфики, от конкретной социально-экономической и политической обстановки, которая в каждой из данных стран ставила по иному ряд общих задач.

После зарождения румынской революционно-демократической мысли в период подготовки событий 1848 года деятельность таких мыслителей и литераторов, как Н. Бэлческу, А. Руссо, Ч. Боллиак, позже А. Одобеску, Б. П. Хаждэу, В. Александри, А. Депарацияну, К. Милле, Т. Деметреску, Н. Бельдичану, вплоть до первых социалистов (К. Доброджану-Геря, Н. П. Зубку-Кодряну и др.), переплетается с аналогичными выступлениями в журналах болгарских революционных эмигрантов, издаваемых в Румынии, находя отклик в передовой русской печати, причем важную роль сыграла герценовская „Вольная типография".

Исходя из ряда достоверных фактов и некоторых довольно обоснованных гипотез, автор доклада приходит к выводу, что научное изучение становления реализма как в румынской, так и в болгарской литературе, а также изучение истории развития передовой эстетической мысли данных литератур невозможно без учета этого благотворного общения и взаимодействия.

Е. П. КИРИЛЮК (СССР)

УКРАЇНСЬКІ ПИСЬМЕННИКИ — РЕВОЛЮЦІЙНІ ДЕМОКРАТИ Й ЛІТЕРАТУРИ ЗАХІДНИХ І ПІВДЕННИХ СЛОВ'ЯНСЬКИХ НАРОДІВ У XIX СТОЛІТТІ

Київ, 1963, 79 стр.

В усіх слов'янських країнах, де в XIX столітті селянство було ще основним класом, революційна селянська демократія відіграла важливу роль в історичному процесі. Революційні демократи найбільш послідовно виступали проти феодалізму, його залишків, проти національного гніту. Революційні демократи були попередниками революційної соціал-демократії, попередниками марксизму-ленінізму. Звідси випливає важливість і актуальність теми про зв'язки українських письменників — революлійних демократів з літературами західно- й південно слов'янських народів у XIX столітті.

Ясна річ, що українські письменники найщільніше були зв'язані з російською та білоруською літературами, але проблема ця великою мірою досліджена в працях багатьох радянських учених.

У своїй доповіді автор спиняється на трьох постатях (Шевченко, Марко Вовчок, Ів. Франко), оскільки творчість Лесі Українки й М. Коцюбинського припадає, головним чином, на початок XX стол., а творчість П. Грабовського в силу політичних обставин (усе життя провів у в'язницях і на засланні) стала відома в зарубіжних слов'янських країнах пізніше.

Основне місце в доповіді приділено Шевченкові, а в розділі про великого поета досліджуються головним чином зв'язки з польською літературою. Підкреслено особливу роль спадщини українського поета в роки підготовки польського січневого визвольного повстання 1863 р., а також праць про Шевченка учасників повстання Гвідо Батталії й Павлина Свенцицького.

Ще більшу роль відіграла спадщина українського поета в розвитку болгарської літератури в добу національно-визвольної боротьби. Доповідач розширив свої попередні дослідження в цій галузі. Першим серед болгар звернув увагу на Шевченка Л. Каравелов у ранній статті 1862 року. Тут він уперше посилається на українського поета, цитуючи його в українському оригіналі. Стаття спрямована проти реакційного слов'янофільства й панславізму. Полеміка з Р. Жинзіфовим пояснюється боротьбою демократичної і ліберальної тенденцій у национально-визвольному та літературному русі. Вияв цієї ж полеміки в рецензії на „Новобългарску сбирку" Р. Жинзіфова.

У доповіді викладено наслідки дослідження ранніх рукописів П. Р. Славейкова, зокрема неопублікованого перекладу балади Шевченка „Тополя", висвітлена роль М. Москова, як популяризатора українського поета в Болгарії.

Досить рано інтерес до спадщини Шевченка виникає в Чехії. Доповідач спиняється на списку чотирьох творів з „Кобзаря", виявлених в архіві В. Ганки. Заслуговує на увагу стаття в газ. „Ліпа слованска" 1848 р., де зреферовано статтю з львівського часопису із згадками про Шевченка.

У Сербії переклади з Шевченка з'являються 1868 р. Сербських письменників особливо вабить тенденційність українського поета. Заслуговує на увагу те, що ця ж тенденційність вабить у Марку Вовчку й хорватського перекладача творів української письменниці (1869).

Ів. Франко ще на початку своєї діяльності став відомий у слов'янському світі. Він не лише знайомив слой'янські народи з українською культурою й навпаки, але й намагався впливати на літературний процес. Позитивно оцінюючи сербський часопис „Стража", Ів. Франко критикував його за те, що в ньому „нема нічого про сербського мужика, робітника... нема нічого про економічний стан сербського народу". Письменник активно виступав у польській і чеській пресі. Він високо оцінював прогресивні, революційні явища в польській літературі (статті про С. Гощинського, М. Конопніцьку, Б. Пруса). Разом із тим Ів. Франко боровся проти декадентства в польській літературі.

В статтях у чеській пресі Ів. Франко виступав проти панславізму, декадентства, спроб „замінити відживший реалізм".

Листуючись із М. Драгомановим, який останні роки життя провів у Болгарії, Ів. Франко пильно стежив за розвитком болгарської культури. Він перекладав болгарські народні пісні, давав високу оцінку визвольним прагненням болгарського народу: „самі болгари ніколи не забували своєї славної минувшини і народної самостійності, ніколи не переставали заявляти сяк чи так своїх прав на свобідне життя і людську гідність". Ів. Франко друкував свої статті в болгарских виданнях.

Ів. Франко вважав, що культурні взаємозв'язки між народами служать справі братерства й миру, що все це за його виразом „збагачує душу цілої нації, присвоюючи їй такі форми і вирази чуття, яких вона не мала досі, будуючи золотий міст між нами і далекими людьми". Великий письменник і учений тільки почав будувати цей золотий міст, а збудовано його в наш час, коли зміцнюється дружба й братерство між усіма слов'янськими народами, між народами соціалістичного табору, взаєморозуміння в боротьбі за мир між усіма народами світу.

Доповідач робить висновки на підставі поданого материалу. Ми не обмежуємось констатацією зв'язків, фактів культурного обміну, а встановлюємо внутрішні закономірності в розвитку всіх слов'янських народів за певної епохи. Велике поширення творів Шевченка, Марка Вовчка, Ів. Франка, певний взаємовплив пояснюється не тільки ступінню обдарованості письменника. Передусім тут важили аналогічні історичні, соціальні й культурні умови в кожній окремій країні.

Великий Шевченко мріяв:

Щоб усі слов'яни стали
Добрими братами,
І синами сонця правди...

Великий Франко вірив у те, що Україна буде вільною в сім'ї вільних народів:

Та прийде час, і ти огнистим видом
Засяєш у народів вольних колі...

Цей час прийшов після Великої Жовтневої соціалістичної революції Не до всіх слов'янських народів воля прийшла в один і той самий час Багато ще зусиль було прикладено, поки утворилася в світи соціалістична система. Вільні, збратані ідеями марксизму-ленінізму народи з глибокою пошаною й вдячністю згадують імена свої кращих синів і дочок.

Створивши сім'ю вільних слов'янських народів, ми стоїмо за мир і дружбу між усіма народами на всіх континентах Землі.

Г. ДИМОВ (България)

ТРАДИЦИИТЕ НА РУСКАТА РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКА ЕСТЕТИКА ВЪВ ФОРМИРАНЕТО И РАЗВИТИЕТО НА БЪЛГАРСКАТА ЛИТЕРАТУРНА КРИТИКА

Славянска филология, IV, 1963, стр. 69—95.

Поради редица обществено-исторически обстоятелства към средата на XIX в. се създават особено благоприятни условия и предпоставки за непосредно общуване на пионерите на българската национална литература с руската художествена и теоретико-естетическа мисъл. Социално-политическите, идейно-теоретическите принципи на руските писатели и мислители се оказват твърде съзвучни с обективните нужди на българския народ, със задачите на формиращата се българска литература. Въздействието на руската материалистическа естетика от 40—70-те години за ускоряване процеса на формиране на българската художествена и критическа мисъл се обуславя и от онзи резонанс, който намира революционно-демократическата идеология сред българското общество през възрожденската епоха.

Исторически обусловената приемственост не намалява национално-самобитния характер на българската художествена и критическа мисъл. С изострено чувство за своеобразието на обществените и художествените потребности на нашия народ българските писатели спират вниманието си върху онези страни, черти, моменти от руската материалистическа естетическа система, които са отговаряли на равнището на тогавашния литературен живот, били са в съзвучие със задачите на общественото и културното развитие. Не трябва да се забравя и обстоятелството, че литературно-естетическите възгледи на българските литературни дейци се развиват в органическо единство с обществено-политическите, нравствено-философските, национално-културните им схващания и принципи.

Дълбока неудовлетвореност от настоящето, непреклонна вяра в бъдещето, непритворни национални, социални и общочовешки терзания тласкат и руските революционни дейци, и българските писатели към всеобхватна активност, за да бъдат разчистени пречките по пътя, който извежда към пълноценна народополезна литература. Онова, което съставя крайъгълния камък в идейно-естетическото верую на руските революционни демократи — че литературата е продукт на обществото и следва да отразява живота на това общество, че тя е могъщ фактор в културно-историческия процес, че в художествени образи и картини тя отрязява всичко онова, което засяга съдбата на човека, че тя има огромни познавателни и възпитателни функции и т. н., — заляга в основата на формиращата се българска литературна критика. Обществено-демократическата същност на естетическите потребности, невъзможността естетическата красота да бъде почувствувана в пълнота в условията на социално и духовно робство, необходимостта от пълна свобода, за да се развиват художествените и етическите ценности — тези и други подобни въпроси, нашироко обосновани от Белински и Чернишевски, ще срещнем засегнати в една или друга форма и степен и в съжденията на Л. Каравелов и Хр. Ботев.

Благодарение на дълбокото сродяване с проблемите и задачите на епохата, както и на творческото използуване традициите на руските революционни демократи българската критика в лицето на П. Р. Славейков, В. Друмев, Н. Бончев, Л. Каравелов, Хр. Ботев поставя някои от основните теоретико-критически и практическо-художествени въпроси, от които е зависело правилното развитие на младата национална литература. Те използуват различни форми, воюват с всички средства, за да разкритикуват и осмеят онези, които не схващали повелите на врамето, робували на остарели идеалистическо-формалистични канони, кога по-нашироко, кога по-лаконично изказват проникновени съждения за националносамобитния и общочовешки характер на литературата, за отношението ѝ към другите форми на познание, за нейната гносеологическа и специфично естетическа същност и т. н. А Хр. Ботев направо изисква от литературата да революционизира съзнанието на хората, да ги мобилизира за премахване на националното и социалното робство. И по този начин той се издига до най-високите върхове, до които се е домогнала естетическата мисъл в домарксовия период, явява се като „предтеча на социалистическия реализъм". За съвременното литературознание представлява особен интерес обстоятелството, че българската литературна критика още в своя начален етап застава на реалистични позиции, възприема най-прогресивните принципи на времето относно характера и значението на изкуството, съобразявайки ги с особеностите и потребностите на националния живот. Тя доказва, от друга страна, историческата целесъобразност да бъдат творчески използувани завоеванията на другите народи за ускоряване на процеса за възмогване на националната художествена и теоретико-критическа мисъл, без с това да се накърни нейната самобитност и конкретна форма на изява.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Г. ЦАНЕВ (България)

Съгласен съм по същество с това, което казаха за интересния доклад на проф. Ерлих другарите проф. Самарин, проф. Берков и проф. Вика. И у нас имаше опит да се въведе за символизма терминът неоромантизъм. Но не намери прием. Символизмът е много разнообразен. В него има и романтични черти. Но за романтизъм като метод, като система от образи и поетични средства не може да се говори. За символизма и другите подобни течения аз съм склонен да приема общото название модернизъм. Но когато се касае за отделни течения, те трябва да се наричат определено: символизъм, експресионизъм и пр. Руският символизъм, за който в същност говори проф. Ерлих, е също така разнообразен. Той съдържа повече от тия две линии, които очерта в него докладчикът. Писателите, които той разглежда, са действително най-интересните. Но според мене има голяма разлика между Брюсов и Блок, от една страна, и Ф. Сологуб и В. Иванов, от друга. Брюсов и особено Блок са се отличавали винаги със склонност към гражданственост, към

етичност. Тая етичност, за която поменава и проф. Ерлих, е много по-широка и по-дълбока — тя е обществено и граждански ангажирана. Гражданската линия у Брюсов и Блок не е намерила място в доклада на проф. Ерлих. А тя е значителна, без нея образът и творчеството на поетите са дадени едностранчиво. Какво значение има тя, вижда се и от влиянието на Брюсов и Блок у нас. Преди войните те са влияли върху нашите поети главно със своя символизъм. След Октомврийската революция те влияят върху своите български ученици с гражданската линия на своето творчество. Брюсов с новите си стихове, след като стана комунист, и Блок с „Двенадцать" послужиха за пример на Хр. Ясенов, Г. Милев, Л. Стоянов, Ем. Попдимитров в тяхното прогресивно развитие към реализъм и социална поезия. Едностранчиво оценява Ерлих Брюсов, когато го определя само като безстрастен. По-рано той наистина е бил такъв. Но след Октомври той написа специално стихотворение „Поэту", в което говори именно, че поетът трябва да бъде страстен, т. е. да има активно отношение към онова, което става в живота. След революцията Брюсов в някои стихотворения спори с известни свои по-раншни естетически позиции. Всичко това е трябвало да се има пред вид.

М. ГУРГУЛОВА (Болгария)

Выступая по докладу В. Велчева „Трагедия гордого искания познания, свободы и творчества", я должна отметить, что он представляется мне весьма интересным. Творчество Лермонтова привлекает внимание не только советских, но и зарубежных литературоведов. Многие стороны его художественного наследия, особенно что касается его общественно-литературных позиций, изучены более или менее тщательно.

Все еще, однако, имеется ряд проблем, требующих дальнейшего исследования. Эти проблемы касаются в основном идейно-художественной специфики поэзии Лермонтова. Их надо ставить для того, чтобы Лермонтов нашел свое подлинное место в истории русской литературы.

Этой цели служит глубоко продуманный доклад профессора Велчева, в котором с особой тщательностью сделан идейно-художественный анализ поэмы „Демон".

Относясь с должным уважением к предыдущим исследователям творчества Лермонтова, выступившим с более или менее стройными концепциями, профессор Велчев выдвигает ряд новых наблюдений над поэмой „Демон" и, в особенности, над ее главным героем.

В основу суждений профессора Велчева легла идея бунта Демона, неприятия и отрицания им установленного миропорядка, а не примирения и раскаяния, как это имеет место в немало исследованиях о Лермонтове. Неприемлемым оказывается для докладчика также то, что Лермонтов осуждает своего героя. Совершенно справедливо Демон рассматривается В. Велчевым как герой, который до конца остается верным себе, своему богоборчеству, своей гордой правоте в своих исконных стремлениях к познанию, свободе и творчеству.

Особенно убедительно разработан докладчиком вопрос о высоком гуманизме лермонтовского героя, который при всей своей враждебности к жалким человеческим страстям и рабскому существованию видит в че-

ловеке нечто сродное себе и преклоняется перед ним. В этой связи докладчик особенно плодотворно анализирует соотношение образов Демона и Тамары, что делается так тщательно впервые.

В конце своего выступления позволю себе сделать некоторые критические замечания.

Во-первых, мне кажется, что поэма „Демон" рассматривается докладчиком несколько оторвано от остального творчества Лермонтова. Вся концепция профессора Велчева насчет поэмы, вся трактовка ее образной системы логически вытекает из всего духа, из всей идейной направленности лермонтовского творчества. Однако, мне кажется, что следовало бы рассматривать поэму „Демон" в более тесной связи с остальными произведениями Лермонтова и, в особенности, с поэмой „Мцыри", „Героем нашего времени" и „Маскарад" или, по крайней мере, указать на некоторые аспекты этой связи.

Во-вторых, профессор Велчев очень бегло говорит об исторической обусловленности лермонтовской поэмы. Здесь надо более подробно указать на особенности общественно-исторической обстановки последекабрьского периода, который нашел художественное выражение в поэме „Демон".

Г. В. КРАСНОВ (СССР)

Доклад В. Велчева важен новым поворотом темы о „Демоне". Действительно, во многих работах образ Демона трактуется односторонне: говорится об отрицательном отношении Лермонтова к герою, о развенчании Демона. У поэта все сложнее. В. Велчев доказывает, что у Демона есть многие мысли Лермонтова. Новым в докладе является анализ образов в связи с развитием сюжета; отчетливо показана эволюция образа Демона. В докладе выделяется значительный для Лермонтова, забытый многими исследователями образ Тамары.

Однако В. Велчев не избежал крайностей. В докладе сняты противоречия Демона, о которых не забывал поэт: „И вновь в душе его проснулся (Старинной ненависти яд", „Я враг небес, я зло природы...", „Что люди"? что их жизнь и труд?) Они прошли, они пройдут..." Эти характеристики даны поэтом п о с л е встречи Демона с Тамарой. Образ Демона по своей природе противоречив. Это ясно сознавал Лермонтов.

В. Велчев не считается с романтизмом поэмы, с романтическими характерами. Он их переводит на язык реальных жизненных отношений, быта, что ведет к непосредственным, упрощенным оценкам. Это особенно сказывается в анализе образа Тамары. Тамара — символ жизни, недосягаемый для Демона. Она не может быть „на стороне Демона" или в каком-то общественном лагере. Не убедили меня рассуждения В. Велчева о последовательном богоборчестве Демона. Известные строки: „Хочу я с небом примириться..." — остались в докладе не прокоментированными.

И все же доклад В. Велчева, несмотря на сделанные замечания, интересен, обстоятелен. Он вносит оригинальные мотивы в изучение Лермонтова.

R. OPITZ (DDR)

Der Vortrag besticht durch die Akzentuierung auf die oft vernachlässigte starke kritische Kraft der Gestalt des Demon sowie durch das Aufwerfen großer philosophischer Probleme. Trotzdem müssen Einwände gemacht werden, die einige Thesen des Vortrags in Frage stellen. Lermontov war im „Demon" nicht bestrebt, einen schlechthin positiven Helden zu gestalten, sondern entsprechend der historischen Situation und der literarischen Tradition die dialektische Widersprüchlichkeit im Zeitgenossen aufzudecken. Daher unterstreicht Lermontov in den letzten Varianten die individualistischen Tendezen seines Helden, der keine Ideale vertritt. Es ist nicht zulässig, Lermontov mit seinem Helden zu identifizieren. Das geht auch aus anderen Werken Lermontovs hervor, die in ungenügender Weise in dem Vortrag berücksichtigt werden. Zum Unterschied von Demon spürte Lermontov durchaus reale Möglichkeiten für einen Ausweg. Vieles von dem hier Gesagten wurde bereits in der Lermontovliteratur (Leušova, Zakrutkin, Sokolov) ausführlich dargelegt; dem Vortrag fehlt eine detaillierte Polemik mit diesen argumentierten Auffassungen.

В. ВЕЛЧЕВ (България)

В заключителното си слово по повод на изказванията по моя доклад, направени от др. Г. Найденова-Стоилова, Г. В. Краснов, М. Гургулова и М. Опитц, мога да кажа следното. Удовлетворен съм от обстоятелството, че моята работа е събудила интерес. Ще обърна внимание на изказаните ми пожелания, които в повечето случаи излизат вън от специалната задача, която в случая съм си поставил. За мене е по-важно, че изказалите се другари в основата си и по същество приемат концепцията по отношение на основната идейна проблема на Лермонтовия „Демон", която концепция опитах да развия и обоснова.

Г. В. КРАСНОВ (СССР)

Попытка Р. Опица определить этапы творческого пути Лермонтова плодотворна. Интересно представлена эволюция лирического героя. Думается, верны общие выводы докладчика о движении героя Лермонтова к народу, к простым людям.

Критические замечания по докладу. Автор „стерилизует" отдельные этапы в творчестве Лермонтова, освобождает их от противоречивых тенденций, порою не считается со сложными исканиями поэта. В первые творческие годы у Лермонтова не только тема обманутых надежд, но и призыв к действию. Поэт ненавидит социальное зло не вообще, а в конкретной „гнусной российской действительности". С другой стороны, на последующих этапах (после 1837 года) в творчестве Лермонтова мотивы тоски и смерти не изчезают. Но они включаются в другой, более зрелый круг философской, политической поэзии Лермонтова. Несколько прямолинейно показаны поэтические связи Лермонтова с народом. Отрицательное

отношение Лермонтова к Демону, к Печорину вряд ли может быть доказано. Доклад В. Велчева о „Демоне“ опровергает аналогичные односторонние суждения.

Е. ГЕОРГИЕВ (България)

Да се проследи развитието, да се проучат особеностите и да се даде оценка на постиженията на по-важните жанрове в славянските литератури е една колкото интересна и полезна, толкова и трудна работа. Огромният материал може да бъде обхванат само в резултат на продължително проучване, изследването на жанровете трябва да бъде положено върху основата на световната литература, в голяма степен и на фолклора. Наблюденията на проф. К. Крейчи върху развитието на поемата у славяните водят до изясняването на ред проблеми, които поставя тоя жанр. Но проучването на това развитие, мисля, не може да не се постави във връзка освен с общоевропейските литературни традиции също така и с развитието на славянските народи.

„Голямата епика“, за която говори проф. Крейчи, винаги е била във връзка с живота на народността, ето защо и съществена нейна черта е народността. Не случайно „Илиада“ у старите гърци е била „библия“ за гръцкия народ, произведение, отразяващо широко живота и борбите му, съдържащо религията и мъдростта му.

Големите стихотворни поетически произведения у славяните са възниквали в определен момент от тяхното развитие и като във фокус са събирали лъчите на народността. Славянската епика или поема-драма възникват и заживяват сред народа тогава, когато се решават важни въпроси на националния живот, когато нуждата да се разкрие тоя живот в неговите големи конфликти или в неговата пълнота представя историческа необходимост.

Както е известно, говорейки за староруския епос „Слово за похода на Игор“, Карл Маркс определя неговия смисъл в призива към руските князе за обединение непосредствено преди нашествието на монголите. Необходимо е било да се очертаят пределите на руската земя, да се види нейната мощ в нейните необятни простори и да се създадат образи на герои, готови за борба с врага. Образите и конфликтите на поемата „Евгений Онегин“ на Пушкин се очертават в атмосферата, в която руският народ набира сили, за да отхвърли отвратителното крепостно робство. Поемите на Адам Мицкевич израстват с израстването на задачите, които стоят за решение пред полския народ, на разгарящия се революционен конфликт, Ноемврийското въстание от 1830—1831 г. Големите поеми на югославските литератури — „Осман“ на Иван Гундулич, „Горски венец“ на Петър Петрович Негош, „Смъртта на Смаил ага Ченгич“ от Иван Мажуранич — изобразяват югославските народи в тяхното върховно напрежение, когато изправят цялата си мощ срещу поробващата варварска Отоманска империя. Пенчо Славейков пише своя величествен епос „Кървава песен“ в едно време, когато българският народ утвърждава свой държавен живот и е нужно да се разкрие неговият неудържим устрем към свободата. Българският народ има нужда от крупни дела в областта на културата, за да се издигне до равнището на европейските народи, от което е изостанал поради петвековното варварско робство.

М. ВЕГНЕР (ГДР)

Мне хотелось бы подчеркнуть, что особенно плодотворной мне кажется та основная мысль в докладе коллеги Фридлендера, что изучение роли наследия русских революционных демократов для культуры славянских народов является важнейшей частью изучения общего вопроса о значении русской революционно-демократической мысли для развития мировой культуры и литературы.

С этой точки зрения обобщение, данное коллегой Фридлендером, представляется очень важной работой, намечавшей дальнейшие пути в разработке этой тематики.

Позволю себе выразить только одно пожелание: вопрос о роли наследия русских революционных демократов в какой-либо национальной культуре ведь всегда является и вопросом о борьбе за это идейное наследство, вопросом о различных позициях в отношении к революционно-демократической мысли. Было бы поэтому очень желательно, чтобы при изучении истории восприятия и переработки идей русских революционных демократов более отчетливо отразилась именно эта борьба за или против революционных демократов, был выявлен противоречивый процесс усвоения творчества революционных демократов.

Доклад коллеги Фридлендера показывает, что разработка этой важной тематики для славянских стран привела уже к первым обобщениям. Но мы пока еще почти не располагаем трудами, в которых систематически излагается судьба наследия русских революционных демократов в Западной Европе. А труд над решением этой задачи не менее важен. Во-первых, мы ведь уже знакомы со многими фактами, которые, например в Германии, свидетельствуют о весьма интенсивном соприкосновении немецкой общественности с идеями революционных демократов. Во-вторых, как раз многие прогрессивные традиции из развития германо-русских отношений обязаны творческой встрече немецких общественных деятелей, писателей и т. д. с идеями революционных демократов. Революционно-демократическая мысль была, например, всегда жива в рядах немецкого рабочего движения (Bebel!), под ее влиянием Johannes K. Becher и другие прогрессивные немецкие писатели смогли найти новый подход к классической русской литературе. Если сегодня русская революционно-демократическая мысль является заметной частью знаний нашей общественности о прошлом Советского Союза, то это также результат осуществления выше названных традиций в нашей республике. Это лишний раз подчеркивает необходимость обобщить богатый материал о судьбе революционно-демократической идеологии в Германии и вообще в неславянских странах.

В. ВЕЛЧЕВ (България)

Оценявайки доклада на др. Г. М. Фридлендер „Наследие русских революционных демократов и его значение для развития славянских литератур“, искам да отбележа радостния факт, че в изследването на славяно-руските литературни взаимоотношения се включва още един съветски литературовед, когото знаем по ценни негови монографии върху тео-

ретични и историко-литературни проблеми. В своята цялост неговият доклад е една интересна и сериозна работа, в която се чувствува перото на добре школуван литературовед, който се налага с уверени и умели постановки на проблемите, с правомерни и съществени обобщения и изводи.

Ние сме напълно съгласни с признанието на автора, че той си е поставил задачата въз основа на познатите факти по занимаващата го материя да направи обобщения и изводи. Тази синтетична задача е напълно оправдана и в неговата работа в основата си е разрешена правилно и успешно.

Тук искаме да обърнем внимание на някои факти от българската литература, които позволяват направените изводи да бъдат по-точни и по-обосновани, а също така и да се извлекат още обобщения. Навярно мястото не е позволило на автора да привлече фактите, че Херценовите издания „Колокол" и „Полярная звезда" са получавани в България, че българи са се срещали с Херцен и под. От принципиално значение обаче е признанието на Ботев, че първата му поетическа школовка е от българската народна героична песен и че тъкмо през нейната призма той е възприел и схванал по-късно поезията на Байрон, Пушкин, Лермонтов и пр. Макар това признание да не се отнася до революционните демократи, то сочи как литературната традиция се възприема през горнилото на собствената литература, живот, личност на поета и пр. И друго. Между онези автори, които възприемат традициите на руските революционни демократи, е и основателят на социализма в България Димитър Благоев. Сам по себе си този факт не означава много. Той обаче добива значение, като се вземе пред вид, че по-късното свързване на Димитър Благоев с работническото движение и социализма в България го довежда до положението да издигне традициите на революционните демократи на идейно по-висок етап — те се вграждат в марксическата идеология. Ще привлека внимание върху още един момент. В началния период на развитието си към руските революционни демократи имат отношение и П. К. Яворов, който като ученик в Пловдив изучава Чернишевски, и особено Пенчо Славейков. Последният притежава между книгите си трактата на Чернишевски „Эстетическое отношение искусства к действительности" с бележки, маркирани върху него. Нещо повече, през 1891 г. Славейков пише стихотворение по случай годишнината от смъртта на Чернишевски. Така в началния период на творчеството си и Пенчо Славейков, и Яворов са за обществено дейно изкуство, което служи на борбите, на живота. По-късно обаче, когато се създават съответни социални предпоставки, когато българската литература взема друга насока на развитие, когато тези поети тръгват в посока към модернизма, традициите на революционните демократи отпадат. Пенчо Славейков дори повежда борба срещу пряко свързаното с обществените борби изкуство, влиза в полемика с Димитър Благоев в това отношение и пр.

И трите приведени случая сочат как усвояването на традициите на революционните демократи се определя в основата си от националните задачи на българската литература, от характера и насоките на нейното развитие, трансформирайки се в различните моменти различно.

П. ГОФФМАНН (ГДР)

Доклад Г. М. Фридлендера очень интересен. Во многих отношениях он дополняет и уточняет доклад В. Б. Эджертона[1], который главным образом изучал творчество Тургенева, Толстого и Достоевского, и при этом, как указано в дискуссии, переоценил значение переводов на западноевропейские языки. Доклад Г. М. Фридлендера дает, по моему мнению, правильные представления о литературных и тем самим и исторических связях русского и других славянских народов.

Но, мне кажется, что все-таки уместно сделать несколько замечаний по проблематике истории революционно-демократического движения в России. В своем докладе Г. М. Фридлендер указал на политическое значение и политическое содержание деятельности революционных демократов, но, по моему мнению, упустил из виду одно важное обстоятельство, к сожалению, до сих пор мало изученное. Русские революционные демократы развивали свои взгляды в борьбе против реакционеров — на что указал Г. М. Фридлендер в напечатанной статье. Там, например, написано: „Русские революционные демократы дали глубокую, разностороннюю критику крепостнической, дворянско-аристократической культуре."[2] Но революционные демократы развивали свое мировоззрение не только в борьбе против реакционеров, но также в спорах с представителями либерального лагеря.

Известны разногласия Добролюбова и Тургенева по поводу рецензии на роман Тургенева „Накануне", написанной Добролюбовым под заглавием „Когда же придет настоящий день?". Также известна критика колебаний А. И. Герцена, сделанная особенно Чернышевским. По моему мнению, большая заслуга революционных демократов в том, что они отошли от либералов. Начало этого отмежевания уже заметно в ранних сочинениях Чернышевского и Добролюбова, как пример можно привести рецензию Добролюбова на седьмой, дополнительный том сочинений А. С. Пушкина[3], вышедший в 1857 году.

Эта мысль мне кажется важной и потому, что либеральные идеи нередко имели большое влияние на национальное освободительное движение второй половины XIX века. Развитие революционно-демократической идеологии — это сложный процесс. Значит упростить этот процесс, если упускать из виду либеральные тенденции, которые, например, можно обнаружить у Герцена до реформы 1861 года[4]. Единственное упоминание о либерализме у Фридлендера — это цитата из книги М. Рыльского[5].

---

[1] Ср. William B. Edgerton, The pentration of ninethenth-century Russian literatur into the other Slavic countries, American contributions to the fifth international congress of Slavists, Sofia, 1963, La Haye 1963, стр. 41—78 (Preprint).

[2] Г. М. Фридлендер, Наследие русских революционных демократов и его значение для развития славянских литератур, „Славянские литературы", Доклады советской делегации, V международный съезд славистов (София, сентябрь 1963), Москва 1963, стр. 266, ср. стр. 269 и др.

[3] Ср. Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, том второй, Москва—Ленинград, 1962, стр. 170 след.

[4] Фридлендер, ук. соч., стр. 278, ср. „Герцен был чужд религиозно-мистических мессианистских взглядов. . ." — это правильно, но о колебаниях Герцена в направление либерализма у Фридлендера ни слово не сказано.

[5] Фридлендер, ук. соч., стр. 272, прим. 8.

Было бы очень интересно изучить, как отразилась борьба русских революционных демократов против представителей либерального лагеря на других славянских народах, как помагала эта борьба русских революционных демократов деятелям других славянских стран в их борьбе против либерализма. Только Г. Димов в своем выступлении мимоходом касался этого вопроса[1].

Д. ЛЕКОВ (България)

Руската революционно-демократическа мисъл, както се посочи и в докладите на другарите Г. М. Фридлендер, Т. Гане, Е. П. Кирилюк и Г. Димов, оказва огромно въздействие в развитието на революционната идеология, литературата и изкуството на славянските и някои неславянски народи. Затова въпросът за значението и мястото на руските революционни демократи във формирането на националната ни култура е бил и остава актуален и за българската общополитическа и културна история, и за нашата фолклористика и естетика. Статиите и проучванията в тази насока не са малко. Правени са опити това въздействие да се разглежда в по-общ или по-конкретен план, да се посочат по-определено и документално елементи и моменти от възгледите на руските революционни демократи в многостранната дейност на българските възрожденски дейци. И докато проблемата за влиянието на руския реализъм върху българската литература, както отбеляза в доклада си др. Г. Димов, е осветлена значително по-обстойно, въпросът за ролята на руската теоретико-естетическа мисъл в зараждането на литературната ни критика и естетика се нуждае от сериозни проучвания. В такъв смисъл, както и с оглед на интересните факти и мисли докладът на Г. Димов е сериозен опит да се направи по-цялостна оценка в това отношение.

Основното проучване на българската предосвобожденска периодика, на творчеството на известни и по-малко известни български книжовници от 60—70-те години на XIX в. дава възможност на докладчика да съпоставя правилно определени техни схващания за изкуството със схващанията на руските революционни демократи. Така, без да подценява национално специфичното, своеобразното в тяхната литературно-критична и писателска дейност, той намира твърде общи моменти във възгледите им за същността и въздействието на литературната творба, на отношението на писателя към съвременността и т. н.

Е. МЕТЕВА (Болгария)

Доклад Г. М. Фридлендера затрагивает одну из самых существенных проблем в выяснении междуславянских литературных связей. Автор ставит себе целью раскрыть, с одной стороны, общие закономерности процесса воздействия русской революционно-демократической мысли на славянские литературы, а, с другой — наметить своеобразие этого процесса в отдель-

[1] Г. Димов, Традициите на руската революционно-демократическа естетика във формирането и развитието на българската литературна критика, София, 1963.

ных славянских странах в зависимости от характера их национального развития. Эта задача придает работе Г. М. Фридлендера обобщающий теоретико-методологический характер, в чем состоит ее основное значение. Автор объясняет процесс литературного воздействия на основе общественных и культурных требований исторического развития славянских стран. Он объясняет широкий резонанс русской революционно-демократической мысли среди славянских народов тем, что она отвечала задаче их национально-освободительного движения, содействовала формированию их революционной и демократической идеологии и стимулировала наметившиеся в их литературном развитии тенденции к реализму. В решении своей задачи Г. М. Фридлендер, обобщая существующие конкретные исследования в советском литературоведении и в отдельных славянских странах, убедительно показывает общие тенденции общественного и литературного резонанса русской революционно-демократической мысли. Однако широта поставленной задачи и недостаточно полное использование существующих научных исследований не позволяет ему определить с одинаковой последовательностью этого резонанса в отдельных славянских странах и наметить творческие результаты, к которым он приводит. В дальнейшем развитии намеченной темы интересно было бы проследить и широкое воздействие Некрасова на славянские литературы, которое автор наверно не затронул, чтобы больше не расширять и без того обширную тематику своего доклада.

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР (СССР)

Разрешите мне поблагодарить всех выступивших здесь по моему докладу. В развернувшихся прениях были, как мне представляется, верно указаны некоторые пути дальнейшей разработки выдвинутых в нем теоретических проблем и сделан ряд интересных фактических дополнений. Особенно ценным для меня было то сочувствие, которое встретили выдвинутые мною общие теоретические положения.

Я стремился в докладе не только охарактеризовать общеславянское значение наследия русских революционных демократов, но и показать те глубокие социально-исторические причины, которыми оно было обусловлено. При этом, естественно, я не мог охватить всех фактов, относящихся к каждой из славянских литератур. Здесь — огромное море материала, частично разработанного, но в еще большей степени подлежащего дальнейшей совместной разработке. Наша общая задача — продолжить и углубить начатые исследования на основе марксистско-ленинской методологии. Это будет способствовать дальнейшему подъему современной социалистической культуры славянских народов.

С. РУСАКИЕВ (България)

Е. П. Кирилюк си е поставил за задача да разкрие значението на украинската класическа литература в развитието на другите славянски литератури и по-специално да посочи как творчеството на Тарас Шевченко, на Марко Вовчок и на Иван Франко се е отразило върху развитието на

полската, чешката и българската литература. Това е една много важна и плодотворна задача. На тази задача Кирилюк прави широка и правилна постановка и това е първото достойнство на неговия доклад.

Важно обстоятелство е и това, че Кирилюк борави с богат и интересен материал. Покрай известните досега факти за рецепцията на Шевченко, Марко Вовчок и Иван Франко в Полша, Чехословакия и България авторът е успял да издири и привлече множество нови архивни материали, да даде по-пълна картина на изследваните литературни връзки, да дойде до нови и съществени научни изводи и заключения.

Особено ценни данни е успял да издири Кирилюк у нас, в България. По-специално привличат внимание материалите, изучени от Кирилюк в дома музей на Славейкови. Тези нови данни дават възможност на изследователя да осветли няколко важни въпроса. На първо място той установява, че П. Р. Славейков е проявявал интерес към творчеството на Шевченко значително по-рано, отколкото досега се смяташе. Интересни наблюдения прави Кирилюк и върху Славейковите преводи из Шевченко.

По пътя на внимателното и грижливо изследване на текстовете Кирилюк установява изданията, от които българските поети-преводачи от XIX в. са се ползували, когато са правили своите преводи. По този начин се осветлява и въпросът за проникването и разпространението на украинската книга в България през миналото столетие.

Интересни и важни съображения изказва Кирилюк и когато разглежда острата полемика на Каравелов с Жинзифов по въпроса за превеждането на Шевченко на български език — полемика, имаща не само литературно, но и обществено-политическо значение.

19 септември — 19 сентября — 19 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

Г. ЦИГЕНГАЙСТ (ГДР)

А. И. ГЕРЦЕН И ГЕРМАНИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

Zeitschrift für Slavistik, VIII, 1963, стр. 696—709.

Одна из первоочередных задач литературоведческой славистики Германской Демократической Республики состоит в том, чтобы всесторонне исследовать вековые гуманистические традиции дружбы, взаимности и сотрудничества между немецким народом и славянскими народами.

Важный этап в сложной истории идейно-культурного приближения немецкого и русского народов XIX столетия связан с именем великого революционного демократа А. И. Герцена. В середине XIX века он сыграл исключительную роль в идейной жизни Германии. Знаменитые книги

Герцена о поражении европейской революции 1848 г. — „С того берега", „Письма из Франции и Италии" — стали составной частью прогрессивной идейной истории Германии XIX века. „Право гражданства" Герцена в истории немецкой литературы в значительной степени основано на его многосторонней деятельности посредника и пропагандиста идейно-литературных достижений русского народа в немецкой общественности. Блестящие книги и статьи Герцена — особенно его классический труд „О развитии революционных идей в России" — оказали сильное влияние на передовую критику в Германии и Австрии 50-х г. XIX века.

Как известно, создание Герценом „Вольной русской типографии" и бесцензурной русской печати — историческое событие общеславянского, и более того, общеевропейского значения. В основании вольной типографии в Лондоне в 1853 г. Герцен видел „дело наиболее практически революционное", какое мог предпринять в это время русский эмигрант.

Крайне интересен неизвестный до сих пор детальный план Герцена организовать уже в 1850 г. русскую типографию в Германии. Этот замечательный новый факт в биографии русского революционера, и вместе с тем в истории русско-немецких культурных связей, нам удалось установить на основе незамеченных материалов в архивах ГДР, Швейцарии и Англии.

Осенью 1850 г. у Герцена возник план основать в Штутгарте — центре Юго-Западной Германии — вольную типографию для печатания русских бесцензурных книг с помощью его тогдашнего близкого друга, известного радикального немецкого поэта Г. Гервега и демократического австрийского публициста А. Колачека. Герцен хотел привлечь к этому делу штутгартского издателя К. Гофмана (Karl Hoffmann) и надеялся найти польских эмигрантов для работы в типографии.

Герцену не удалось осуществить свой замысел в послереволюционной Германии, где свирепствовала феодальная реакция. Но уже намерение Герцена основать в Германии вольную типографию как „батарею против царя" при активном содействии немецких, австрийских и польских демократов является важной вехой в истории дружбы и сотрудничества прогрессивных сил русского, немецкого и польского народов.

N. WEISBEIN (France)

LES DEUX SOURCES DE LA PENSÉE TOLSTOÏENNE: CHRISTIANISME ET SOCIALISME

RÉS, 42, 1963, t. 1—4, p. 154—155.

Tolstoj, vers la fin de sa vie, a pris une attitude de révolté non plus seulement contre l'Eglise, mais aussi contre l'Etat. On peut se demander quel est le mobile qui le pousse alors: s'agit-il simplement d'un sentiment de révolte devant l'injustice sociale et les abus du pouvoir, ou bien cette attitude est-elle imputable à une pensée remontant beaucoup plus loin?

On sait que pour Tolstoj le problème religieux est un problème de valeur absolue, et il est bien certain que ce qui le pousse à s'insurger ainsi contre l'Etat comme contre l'Eglise, c'est bien le sentiment religieux qu'il a

en lui dès le départ. Autrement dit, la source initiale de sa pensée sociale est avant tout religieuse. Il suffit de se reporter à son Journal intime des toutes premières années pour s'en convaincre. Ainsi le 18 mars 1847, il lit le Nakaz de Catherine, et les objections qu'il note dans son journal portent en germe tous les développements de sa pensée ultérieure. En 1852, nous lui voyons noter des Règles de vie et des projets d'action d'inspiration essentiellement chrétienne. Il jette sur le papier des règles fondamentales et tout aussitôt ces règles morales, dont la source première n'est pas à démontrer, sont projetées dans une action qui très vite deviendra essentiellement sociale. Ainsi toute l'action ultérieure de Tolstoj est-elle subordonnée à sa pensée religieuse.

La pensée sociale de Tolstoj découle si bien de sa pensée et de ses convictions religieuses, que dans ses années de maturité et de vieillesse l'écrivain se contentera de penser et d'agir, en marge des grands promoteurs de la pensée sociale du XIXe siècle.

Il est tout à fait d'accord avec Alexandre Herzen en ce qui concerne Robert Owen, semble totalement ignorer Pierre Leroux et ne s'intéresse vraiment à Saint-Simon que très tard, en 1889. Quant à Fourier, il est parfaitement étranger à la pensée de Tolstoj qui ne parle du fouriérisme de 1840 que comme d'une doctrine totalement oubliée et supplantée par celle de Marx.

Des trois grands „réformateurs" russes du XIXe siècle, c'est peut-être Tchernychevskij que Tolstoj semble avoir le mieux connu, encore qu'il ait souvent exprimé son désaccord avec lui. Pour ce qui est de Dobrolioubov et de Pissarev, Tolstoj ne semble s'être intéressé à eux que du point de vue strictement littéraire.

Entre 1890 et 1910 Tolstoj manifeste cependant un grand intérêt pour la théorie de ce qu'il est convenu d'appeler le socialisme scientifique. Il étudie donc attentivement non seulement tout ce qui a trait au marxisme, mais encore lit, le crayon à la main, Le Capital de Marx. Les deux exemplaires de ce livre conservés dans la bibliothèque d'Iasnaïa Poliana (l'édition allemande de 1883 et sa traduction russe de 1898) portent de nombreuses notes marginales. De toutes les opinions émises par Tolstoj sur le fondateur du socialisme scientifique, il apparaît que s'il est d'accord avec Marx pour s'en prendre impitoyablement à toutes les formes du capitalisme et de l'asservissement de l'homme, il ne suit néanmoins pas l'auteur du Capital dans la philosophie matérialiste et sa théorie de la lutte révolutionnaire en tant qu'unique moyen de réorganisation sociale. Les conceptions philosophiques de Marx ne trouvaient pas d'écho en Tolstoj. Dans les Journaux intimes et les Carnets des dernières années de la vie de l'écrivain on trouve de nombreuses notes où Tolstoj exprime nettement son désaccord avec Marx au sujet de rapport de la conscience et de l'être. Ainsi, par exemple, pendant l'été de 1908, Tolstoj peut-il noter: „Marx parle de vie, d'être. Il est vrai que cela paraît le moins sujet au doute, mais pourquoi? Parce que je reconnais, que tous reconnaissent que je s u i s, tout comme un chat, un cheval, un arbre. Mais si nous en arrivons à cette connaissance, moi et tous les autres, c'est parce que, tous, nous ressentons, nous comprenons, nous avons conscience de la même façon. Par conséquent le fondement de tout se trouve être l'unité da la conscience. S'il n'y avait pas unité de conscience, il n'y aurait

pas de vie, pas d'existence. Si bien que le fondement essentiel, ce n'est pas seulement la conscience, mais l'unité collective de cette conscience."

Telle est donc la position du vieux Tolstoj: à la vie, à l'existence matérielle, il oppose la connaissance spirituelle.

Bien plus tard, après ce qu'il est convenu d'appeler sa crise de conscience, il engagera avec Paul Birjukov une correspondance suivie, qui fait précisément ressortir la primauté de la pensée religieuse sur la pensée sociale. Malgré l'apparition en Russie du socialisme scientifique dans les années 70, il n'en restera pas moins vrai que, pour Tolstoj, „le socialisme est l'application du christianisme sur le plan économique", comme il peut l'écrire lui-même. C'est en cela qu'il est révolutionnaire, c'est pour cela qu'il s'en prend aux institutions, car c'est à une véritable révolution qu'il travaille. Une révolution qui n'est ni politique, ni économique, ni sociale. Il veut une révolution par l'esprit, par l'effort constant de l'homme sur lui-même, par l'obéissance quotidienne à la loi donnée par le Christ.

La correspondance échangée avec Birjukov permet d'affirmer que, pour Tolstoj, l'application quotidienne de la loi chrétienne ne peut déboucher que sur le plan social. Si bien qu'on est en mesure d'affirmer qu'il y a dans l'œuvre de Tolstoj une véritable politique du Sermon sur la montagne (Que devons-nous faire? et Le Royaume de Dieu est en vous). Cette insertion de l'éternel dans le temporel aurait eu comme conséquence de résoudre temporellement les problèmes qui nous paraissent insolubles.

R. BÄCHTOLD (Schweiz)

GOGOL' UND SCHILLER — GEMEINSAMKEITEN IN DER GESTALTUNG DES IDEALEN HELDEN

Unter den ewigen literarischen Problemen ist das der Gestaltung des Helden eines der wichtigsten. Durch seine Heldengestalten trägt der grosse Dichter zur Menschenformung bei. Gogol' hat verhältnismässig wenig positive Heldengestalten geschaffen. Der Held im aufklärerisch-rationalistischen Sinn als aseptische Anreicherung aller denkbaren Tugenden war rettungslos überholt, wesentlich auch durch das Schaffen Puškins, der über die Darstellung des Helden als soveršenstva obrazec gespottet hatte. Der „Taras Bul'ba" kann als eine Antwort auf Puškins Frage nach einem neuen positiven Helden aufgefasst werden. Taras Bul'ba ist die Verkörperung des ukrainischen Kosakentums, er vertritt den Volkscharakter in gesteigerter und individualisierter Form. Bei der Ausgestaltung dieses individuellen, und auch mit individuellen Mängeln versehenen Helden hat Gogol' sich vielleicht rückblickend an Schillers Wilhelm Tell erinnert. Auch dieser ist die gesteigerte Verkörperung eines vom Dichter als musterhaft im Sinne des Ursprünglich-Kräftigen, Naturnahen dargestellten Volkes. Bei beiden Helden spielt die Charaktereigenschaft der Unbesonnenheit eine zentrale Rolle („Wär' ich besonnen, hiess' ich nicht der Tell."). Sie dient nicht nur dazu, den Helden im Sinne einer Absage an das Ideal des soveršenstva obrazec zu individualisieren, sondern steigert sich zur „heroischen Unbesonnenheit", die den Helden von seinem Volk nur scheinbar zunächst entfernt, dann aber um so enger geistig mit ihm verbindet. — Die starke Beachtung, welche deutsch-romantisches

literaturtheoretisches Gedankengut in Russland zur Zeit des jungen Gogol' fand, der wichtige Platz, den Gogol' Schiller und gerade auch seinem „Wilhelm Tell" in seinem Literaturgeschichtsbild einräumte, lassen eine Beziehung zwischen den beiden Helden als möglich erscheinen.

ДЖ. МЕРСЕРО (США)

ЛЕРМОНТОВ И БАЛЬЗАК

American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, p. 253—258.

Прозаические произведения Лермонтова служат доказательством перехода русской литературы из периода романтизма в эпоху реализма. История развития его прозы требует рассмотрения вопроса о его отношении к западно-европейским писателям. Удивительно, что до сих пор очень мало было сказано о связи Лермонтова с Бальзаком, которому суждено было оказать такое сильное влияние на русскую прозу тридцатых годов. Хотя мы и признаем существенную разницу между этими двумя писателями и настаиваем на независимом художественном облике каждого из них, цель этой работы состоит в том, чтобы открыть, в каких именно отношениях Лермонтов был обязан французскому автору.

Связь между *Вадимом* Лермонтова и *Les Chouans* Бальзака, хотя на ней и настаивал Томашевский, вызывает сомнение. Однако *La Femme de trente ans*, *Le Père Goriot* и *L'Histoire des treize* оказали значительное влияние на Лермонтова и в *Княгине Лиговской*, и в *Герое нашего времени*. Особую роль играет *La Peau de chagrin*. Эту вещь связывают с *Героем нашего времени* темы, лица и завязки, а также социальные взгляды авторов, отражающиеся в этих произведениях. Есть и другие точки соприкосновения между прозой Лермонтова и рассказами *La Comédie humaine*.

Быстроте развития лермонтовской прозы и значительности его достижений несомненно способствовало то обстоятельство, что в эпоху своей юной литературной деятельности Лермонтов проникся нововведениями Бальзака. Последнее содействовало ему в его освобождении от романтизма и переходе к реализму. Вот почему Бальзак стоит ближе к Лермонтову в его творческой генеалогии, чем Шатобриан или Вальтер Скотт и едва ли дальше, чем Байрон.

М. ГЕРГЕЛЕВИЧ (США)

ПРУС И ГОНЧАРОВ

American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963, p. 122—146.

После восстания 1863 года и последовавшего гонения польской культурной независимости польское общество стало избегать всяких связей с русской литературой и искусством. Однако передовые польские писатели воспротивились опасности культурной изоляции. Это мнение открыто и решительно выражал в печати Болеслав Прус. В его романе

„Кукла“ обнаруживаются точки соприкосновения с тремя романами И. А. Гончарова. Прус сосредоточивается на переходе от романтической мечтательности к трезвому, практическому реализму и считает желательным согласовать оба течения. Такова же тема „Обыкновенной истории“, которая — как и роман Пруса — не лишена юмора. Герой „Куклы“ Вокульский, потерявший энергию под влиянием тяжелых переживаний, временно напоминает и внешним видом, и внутренним бессилием Обломова. Наряду с этими случайными совпадениями более определенное сходство связывает „Куклу“ с последним романом Гончарова „Обрыв“. Изабеллу и Ленцкую и ее отца можно сравнить с такой же парой в начале „Обрыва“, Софьей и Пахотиным. Оба пожилых мужчины представлены как типичные остатки аристократического класса. У их дочерей одинаковые характеры; они отличаются холодным темпераментом, который делает их неспособными к настоящей любви, и лишены ясного представления о других социальных классах. Их влечет к итальянским скрипачам (Милари — Молинари), и эта вспышка кокетства ведет к неприятным последствиям. Вокульский и Райский отправляются в деревню, надеясь найти отдых и покой; вместо того они очутились в омуте запутанных любовных осложнений. Старые хозяйки, скрывавшие романы своей ранней молодости, открывают свои тайны, чтобы помочь молодым людям. Горестные воспоминания Вокульского и Веры связаны с определенными предметами (скала и беседка), которые приходится уничтожить. „Кукла“ так тесно связана с Варшавой и ее жизнью, что полная оригинальность романа не подлежит сомнению. Указанные совпадения относятся главным образом к деталям, но они интересны как признак общего сходства изображаемых обоими писателями социальных процессов и круга их авторских наблюдений.

K. ROSENBAUM (ČSSR)

K IDEOVÝM ZÁKLADOM ŠAFÁRIKOVÝCH DEJÍN SLOVANSKÉHO JAZYKA A LITERATÚRY VŠETKÝCH NÁREČÍ

Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha, 1963, str. 239—245.

P. NOWOTNY (DDR)

WUZNAM SŁOWJANSKEJE WZAJOMNOSĆE ZA WUWIĆE SERBSKEJE LITERATURY A WĚDOMOSĆE WOSEBJE W 2. POŁOJCY 19. LĚTSTOTKA

Zeitschrift für Slawistik, VIII, 1963, 5, S. 211—221.

Awtor wuzběhuje fakt, zo su zdźełani Serbja hižo jara zahe, wot 16. lětstotka sem, přez hłuboke dožiwjenje rěčneho a kulturneho přiwuznistwa z druhimi słowjanskimi ludami k spóznaću swojeje narodneje wosebitosće přišli. Z tohole rěčneho přiwuznistwa nasta po něčim mjenje bóle wurazne přeswědčenje, zo tworja Słowjenjo etnisku zhromadnosć. Tole přeswědčenje abo

začuće mjenuje so w serbskej literaturje „słowjanske wědomje“. Ze zesylnjenjom kontaktow Serbow z druhimi słowjanskimi ludami wosebje w 19. lětstotku a ze systematiskim studijom słowjanskich rěčow rosćeše narodne a słowjanske wědomje serbskeje inteligency, kotraž jo do šěrokich worštow serbskeho luda nošeše wosebje ze swojimi spisami. Jdeja słowjanskeje wzajomnosće sta so w dobje Michała Hórnika w 2. połojcy 19. lětstotka z principom skutkowanja a prócowanja za kulturnu emancipaciju Serbow.

Ze słowjanskeje ideje čerpachu serbscy spisowaćeljo a wědomostnicy přeswědčenje, zo jich prócowanje na polu serbskeje literatury a wědomosće pomha nic jenož jich małemu ludej, ale zo je rozumjene, wobkedźbowane a připóznate tež wot druhich słowjanskich ludow, zo služa wjele narodow wopřijacej wěcy a wulkej mobilizowacej ideji. Tole přeswědčenje sylnješe a pohonješe jich w jich woporniwym dźěle za kulturne wuwiće a duchowne pozběhnjenje serbskeho luda. Hórnikowe zapřijeće słowjanskeje wzajomnosće skutkowaše płódnje na rozwiće serbskeje literatury a wědomosće a měješe pozitiwny wliw na serbske kulturne žiwjenje.

Słowjanska wzajomnosć je basniske a spisowaćelske dźěło Jakuba Barta-Ćišinskeho, Mikławša Andrickeho a druhich po wobsahu a formje w dalokej měrje postajała a formowała, wona ma wulki podźěl na tym, zo docpěštej serbska poezija a proza w 2. połojcy 19. lětsťotka a spočatk 20. lětstotka dotal najwyši wjeršk. Bjez wědomja, zo je Serb dźěl wulkeje swójby słowjanskich narodow, by serbske narodne wědomje, kaž so wotbłyšćuje w žiwjenju a dźěle najwuznamnišich serbskich spisowaćelow a wědomostnikow, mjenje profilowane a mjenje krute napřećo rosćacej germanizaciskej politice tehdyšeje Němskeje było.

L. HEINE (DDR)

ZUR FRAGE DER ENTWICKLUNG DES REALISMUS IN DER SORBISCHEN LITERATUR DES 19. JAHRHUNDERTS

Zeitschrift für Slawistik, VIII, 1963, 5, S. 646—663.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Ю. ДОЛАНСКИЙ (Чехословакия)

Мы с радостью приветствуем новые открытия д-ра Г. Цигенгейста. Ему удалось прекрасно осветить один из важнейших периодов биографии Герцена. Если Герцен первоначально замышлял основать свободную русскую типографию на родине своей матери в Штутгарте, то этот факт мог иметь большое значение также для чешской культуры. Несомненно, что из соседней Германии произведения этого русского революционного демократа проникали в чешские земли гораздо легче, чем из более отдаленных Англии или Франции. Известно, какое значение имел герценовский „Колокол“ для чешских радикальных демократов с конца пятидесятых

годов XIX века. В свете новых открытий коллеги Цигенгейста, мы, чехи, можем тоже сожалеть о том, что план Герцена основать типографию в Штутгарте не осуществился.

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР (СССР)

В связи с докладом Г. Цигенгейста мне хочется приветствовать здесь наших товарищей — славистов Германской Демократической Республики, которые в последние годы очень плодотворно работали над рядом тем, относящихся к истории русской литературы, в частности над творчеством Тургенева и Герцена. Изложенные д-ром Г. Цигенгейстом новые факты о воздействии Герцена на передовую немецкую литературную общественность 50-х годов и о его первой попытке основать с помощью немецких друзей в октябре 1850 г. в Штутгарте вольную русскую типографию очень ценны. Эти факты освещают не только новую, неизвестную нам прежде страницу биографии Герцена, но и важную страницу из истории совместной освободительной борьбы тогдашних прогрессивных демократических сил немецкого и славянских народов, направленной против австрийского, немецкого и русского самодержавия.

Н. И. БАЛАШОВ (СССР)

Я думаю, что никто не станет оспаривать те факты, те цитаты, которые приведены в докладе профессора Вейсбейна. Но доклад, несмотря на свой позитивный характер, в сущности полемичен. Проф. Вейсбейн как будто полемизирует с каким-то невидимым противником. В чем этот полемический дух особенно проявляется? Проф. Вейсбейн берет один из многих планов творчества и деятельности Толстого. Это, конечно, право исследователя, но при условии, что другие планы будут оговорены или что хотя данный план будет взят целиком.

Этика Толстого связана с его эстетикой. Если принять положение, что можно воспринять нечто ценное и защитимое в этических позициях Толстого, то можно подумать соотнести сюда и его эстетику. А известно, что Толстой решительно отрицал Шекспира, Бодлера, отрицал иногда и свое собственное творчество. Если мы примем эстетические взгляды Толстого как нечто неопровержимое, то бы могли. . . согласно с этим отрицанием эстетики Толстого. Но надеюсь, что проф. Вейсбейн никогда не согласится с этим отрицанием Болдера и Толстого. Кроме того, когда философия Толстого особенно сильно смешивается с его творчеством, художественное творчество начинает страдать. Я привожу еще один пример, который, я думаю, особенно нагляден для французского исследователя. Неужели французский исследователь согласится с этой концепцией Наполеона, которая находится в „Войне и мире“? А эта концепция как раз построена на том, о чем мы здесь говорили. . . Следовательно, если принять ведущие этические взгляды Толстого, то нам надо отметить и очевидные противоречия. В истории искусства очень часто великий художник выказывает взгляды, полностью противоречащие его художественному творчеству, но историк искусства не может принять эти взгляды как совместимые с его творчеством.

Я думаю, что если говорится о гениальном произведении Рэмбо Une saison en enfer, в нем можно встретить взгляды совершенно противоречащие его основным взглядам, но не надо брать этих взглядов как какой-то ... изучения творчества Рэмбо ... Поэтому мне кажется, что нельзя итти на рассмотрение этих вопросов по тому же пути, который выбрал проф. Вейсбейн, если этот путь ведет в одну сторону — исследовать отдельный вопрос, в связи с которым находятся основные вопросы творчества Толстого. Изолированно это невозможно сделать. Проф. Вейсбейн пишет например: Ainsi toute l'action ultérieure de Tolstoj est-elle subordonnée à sa pensée religieuse. Можно ли говорить о toute l'action, о совокупности деятельности Толстого? Мне кажется, что с этим нельзя согласиться. Я думаю, что одно рассмотрение в этом положении сразу же необходимо.

И в этом же плане представляется, что надо иметь в виду еще один вопрос—специфический вопрос о соотношении христианства и социализма в России. В творчестве например Достоевского, у него христианские взгляды в значительной мере являются освещением социализма. Для Толстого его высказывания, которые вы привели, не противоречат его точке зрения на социализм. В России эта идея была чрезвычайно сильна и распространена. . . Так что до известной степени для Толстого христианство выступает как освещение социального учения. Эта сторона тоже меняется существенным образом по поводу отношения христианства и социализма и противопоставление применительно Толстого к Достоевскому. Иногда должно было быть своеобразное сопоставление. Эти две категории значительно сложнее, чем они сочетаются у современного человека.

Вот мои примечания к чрезвычайно интересному докладу проф. Вейсбейна, но все-таки этот доклад представляется односторонним в известном отношении. Мне кажется, что не надо говорить о toute l'action, о toute l'oeuvre.

W. B. EDGERTON (USA)

Je voudrais dire quelques mots sur la communication tellement intéressante de M. Weisbein. Je voudrais souligner d'abord le fait, à mon avis, qu'il est impossible de comprendre toute la pensée de Tolstoj et surtout vers l'année 1880 si on ne comprend pas que dans la personnalité de Tolstoj il y a deux traditions révolutionnaires. Tolstoj était dans la tradition révolutionnaire russe presque malgré lui-même. A côté de la tradition catholique et de la tradition orthodoxe il y a aussi la tradition tellement complexe du christianisme, de toutes les sectes protestantes et même ces sectes en Russie, les douchobors, etc. Tout ceci intéressait Tolstoj et si on lit ses lettres et ses œuvres, on voit à quel point il se nourissait de cette tradition complexe révolutionnaire, si l'on peut dire, qui a existé dans l'histoire du christianisme presque dès les premiers siècles. Pendant tous ces siècles, depuis le règne de Constantin, on trouve toujours une nouvelle secte qui paraît et qui essaie de retrouver cette tradition révolutionnaire qui commence par la révolution personnelle de chaque individu, comme point de départ pour un renouvellement de toute la société. On trouve tant de sec-

tes dans bien de pays de l'Occident et même en Russie qui essaient de renouveler, de retrouver cet esprit révolutionnaire qui est au cœur de l'Evangile, qu'on trouve dans les Livres (Saints ?), dans l'Evangile que nous avons reçu.

Je veus donc dire qu'on ne peut comprendre Tolstoj sans comprendre à quel point il se nourrissait de cette double tradition révolutionnaire.

E. METEVA (Болгария)

Толстой один из самых великих, сложных и противоречивых писателей мира. Эта сложность творческого пути писателя не позволяет нам согласиться с весьма односторонним и категорическим выводом докладчика об абсолютной христианской основе мировоззрения Толстого, без учета социальных исканий писателя и их воздействия на его мировоззрение. Н. Вейсбейн говорит о религиозной основе нравственно-этической программы Толстого 1852 г. Но эта программа вызванна в неменьшей степени неудовлетворенностью писателя тем аристократическим образом жизни, которую он наблюдал вокруг себя и которую он сам вел. Подобные программы создавали и некоторые из героев Толстого, как Николенька Иртеньев и Пьер Безухов, близкие в одной или другой степени личности самого автора. Между тем писатель явно показал, что эти нравственно-религиозные правила не в состоянии разрешить социальные запросы жизни. Применяя их в своем отношении к крестьянам, Пьер Безухов не улучшает их жизнь, а, наоборот, приводит к ее ухудшению. В дневниках Толстого начала 50-х годов находится ряд записей, в которых волнующие писателя социальные вопросы существуют совсем независимо от религиозных. Даже после душевного кризиса Толстого, когда он начинает все больше думать о „божественном", его религиозные воззрения не всегда совпадают с догмами христианской религии. Наоборот, писатель иногда приписывает религии свой собственный социальный протест. В 90-х годах Толстой создает свой самый острый социальный роман „Воскресение". В нем автор приводит своего героя к религии, но религия не является для него ни целью, ни источником жизненного поведения, а только спасением от тех острых социальных и нравственных вопросов, в которых он запутался. Поэтому и его произведение носило в себе, несмотря на религиозную концовку, огромный социальный заряд и на практике обслуживало не христианские идеи несопротивленчества, а русское революционное движение.

T. SILIANOVSKA-NOVICOVA (Bulgarie)

L'intéressant rapport de prof. Weisbein a évoqué la nécessité de mentionner quelques résultats, faits par des recherches d'histoire de l'art. Ainsi nous nous permettons de communiquer qu'en 1908 le quotidien bulgare „Kambana" (n° 405 de 6 décembre) fit paraître un article antimonarchique de Tolstoj, qui est resté inconnu jusque ce congrès dans la littérature scientifique, illustré avec une caricature anonyme. Cette caricature d'une grande importance par sa conception artistique et son sujet est digne d'un ana-

lyse spéciale, que nous avons publié dans le Bulletin de L'Institut des arts plastiques de l'Académie bulgare des Sciences, t. VII, 1964, p. 225—233.

Cet article de Lev Tolstoj est la variante bulgare d'un célèbre article de Tolstoj sur l'annexion de Bosnie—Herzégovine par l'Autriche, qui a eu 13 rédactions. Dans la presse bulgare il porte le titre „Sur les événements dans la péninsule balkanique". Cet article n'est pas indiqué chez les bibliographes de l'œuvre complète de Tolstoj. Il commence avec une phrase de Bacounine contre l'existence de l'Etat. Envoyée de „Krasnaja poljana" le 5 décembre 1908 cette variante bulgare a été publiée en même temps avec la variante russe, parue abrégée dans le journal „Golos Moskvi" (n° 281—284 du 4—7 décembre) dont le texte complet n'a été publié qu'en 1917 dans „Posrednik" sous le titre „Comment libérer les peuples de l'esclavage". En 1908 le 28 août a été célébré le 80 anniversaire de Tolstoj et furent publiés l'éminent article de V. I. Lenin „Толстой как зеркало русской революции" dans le journal „Пролетарий" (n° 35 du 11 septembre) et celui de Tolstoj — „Не могу молчать", qui était une protestation décisive contre les oppressions monarchiques. La presse progressiste bulgare de l'époque a souligné l'importance de cet article de Tolstoj par une caricature antimonarchique, aussi d'un intérêt international. Le caricaturiste bulgare Alexandre Božinov a représenté Tolstoj comme le plus puissant personnage politique en Russie, qui faisait ébranler le trône du roi, par une confrontation caractéristique avec le tzar, qui se trouve à côté de ses pieds. Au Musée de Tolstoj à Moscou se trouvent deux autres caricatures sur le même sujet — „Deux rois en Russie—Tolstoj et Nicolas le II", —celle du journal français „Assiette au beurre" (n° 51 en 1901) et l'autre du journal anglais „The Manchester guardian" (du 5 septembre 1908). Toutes les trois caricatures ont une grande importance historique. C'est une documentation précieuse sur le rôle joué par l'écrivain dans la vie politique et sociale, tant à l'intérieur de son pays qu'à l'étranger. C'est pourquoi nous ne pouvons admettre la thèse du prof. Weisbein, pour qui toute action de Tolstoj était subordonnée à sa pensée religieuse. Tolstoj, comme l'a reconnu d'abord le prof. Weisbein lui-même, a pris vers la fin de sa vie une attitude de revolté non seulement contre l'Eglise, mais aussi contre l'Etat. Alors la pensée dominante qui mobilisait toute action politique et sociale de Tolstoj n'est pas le christianisme, mais le socialisme et son nouvel humanisme.

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР (СССР)

Проф. Вейсбейн в своем докладе утверждает, что социальные мотивы и мировоззрения Толстого были подчинены религиозным. Между тем, дело обстоит как раз наоборот: сама религия Толстого была своеобразным выражением его социального идеала.

Проф. Вейсбейн оставил в своем докладе в стороне художественные произведения Толстого, т. е. главную часть его творчества. Но уже в первом произведении Толстого — в его повести „Детство" — мы отчетливо видим именно ту социальную окраску, свойственную его исканиям, которую склонен отрицать проф. Вейсбейн. Николенька Иртеньев вглядывается пытливым, испытующим взором в своего отца, бабушку, старшего брата, учителей, в свою аристократическую родню. И везде

там, где его взор падает на людей из аристократической среды, он замечает фальшь, неискренность, слабость, пустоту, жестокость, равнодушие. Только в дворовой крестьянке своей матери Наталье Савишне Николенька усматривает достоинство настоящего человека.

В своих последующих произведениях Толстой вовлекает в сферу наблюдений каждый раз новые, более широкие пласты жизни. И неизменно при этом он снова и снова сравнивает высшие классы общества с народом, приходя к выводу, что по-настоящему достойно жить и умирать умеют только простые люди из народа: солдаты в „Рубке леса", мужик в рассказе „Три смерти", народные персонажи „Войны и мира".

Таким образом, мы видим, что в основе мировоззрения Толстого лежат вполне конкретные социальные мотивы: постоянно возраставшее у Толстого критическое отношение к миру „господ", преклонение перед человеческим достоинством и нравственными идеалами простого крестьянина. И эти социальные умонастроения, свои крестьянские идеалы Толстой внес не только в свои художественные произведения, но и в свои нравственные, религиозные искания. Не учитывая это, ничего нельзя понять ни в творчестве Толстого, ни в его оригинальной интерпретации христианства, пронизанной крестьянским мировоззрением и направленной против господствующих классов, против неравенства и социального угнетения.

E. HEXELSCHNEIDER (DDR)

Der Vortrag war von sehr großem Interesse und ist sowohl in der Forschungsrichtung wie der Methodologie und den damit erreichten Ergebnissen nur zu begrüßen.

Prof. Bächtold geht von richtigen methodologischen Grundlagen aus, besonders von der These, daß der Schriftsteller mit seiner literarischen Gestalt, dem Helden, auf seine Mitmenschen formend (positiv oder negativ) einwirken kann und muß. Es wird richtig hervorgehoben, daß Gogol' außer in den „Toten Seelen" keine positiven Helden geschaffen hat.

Warum hatte Gogol' Schwierigkeiten, diesen Helden in der Gegenwart seiner Zeit zu finden? Gogol' sah weder in der Provinz („Toten Seelen", „Revisor" u. a.), in den Gutsbesitzern des feudalistischen Rußlands, noch im kapitalistischen Petersburg den idealen Helden. Die Wirklichkeit im Rußland der Gogol'-Zeit war nicht dazu angetan, daß Gogol' seinen Helden finden konnte. Deshalb suchte Gogol' seinen Helden in der heroischen Vergangenheit der Kosaken.

Im Vortrag wurde an einer Stelle (im Widerspruch zu den eingangs gemachten Bemerkungen Prof. Bächtolds) die These aufgestellt, daß der ideale Held Fehler haben müsse. Das erscheint u. E. aber keine Frage der Konstruktion eines chemisch reinen Helden, eines Ritters ohne Furcht und Tadel, zu sein. Entscheidender scheint uns nicht die These vom Held mit oder ohne Fehler zu sein, sondern die Beziehung zwischen Held und Leben, die Frage in wieweit der Schriftsteller es versteht, die Wirklichkeit richtig abzubilden.

Eine Untersuchung über typologische Gemeinsamkeiten oder Ähnlichkeiten zwischen Gogols „Taras Bulba" und Schillers „Wilhelm Tell" darf

sich natürlich nicht nur auf bestimmte charakterliche Unterschiede (oder Gemeinsamkeiten) oder auf Unterschiede in den Verhaltungsweisen beschränken. Wichtiger noch ist die Frage, woher, unter welchen Bedingungen, unter welchen Zeitverhältnissen solche typologischen Gemeinsamkeiten entstehen. U. E. ist ein Grund (sicher nicht der einzige), daß Bulba und Tell Helden der Freiheitsbewegung ihrer Völker sind. Dennoch muß man natürlich die unterschiedlichen Zeitverhältnisse zur Zeit Schiller und Gogol's beachten, außerdem auch die verschiedenen nationalen literarischen Traditionen.

Diese Einwände, die nur auf offengebliebene Probleme und Fragen hinweisen bzw. einige Konkretisierungen bringen sollten, können und sollen in keiner Weise entkräften, daß die Arbeit von Prof. Bächtold nach meiner Meinung außerordentlich wertvoll ist und weitere Untersuchungen dieser Art (vielleicht unter stärkerer Berücksichtigung neuester sowjetischen Arbeiten über Probleme der literarischen Typologie, die in der SU und den anderen Ländern in letzter Zeit erschienen sind) mit Spannung zu erwarten sind.

В. ВЕЛЧЕВ (България)

Докладът на нашия американски колега J. Mersereau „Lermontov and Balzac" заслужава одобрение поради обстоятелството, че той внася нов момент в лермонтоведението. Известно е, че Лермонтов е минал широка литературна школовка — на немската, английската и френската литература. Тази проблема е изследвана и в дореволюционното литературоведение. След Октомврийската революция върху друга методологическа основа тази проблема е изследвана твърде основно в съответните работи на Феодоров и Томашевски. Към заслугите на автора виждам стремежът му да направи във висша степен убедителни своите доказателства относно контакта на Лермонтов с Балзак, полезните усилия да уточни максимално размера и характера на връзката на Лермонтов с Балзак. Обръщат благоприятно вниманието на читателя съпоставките с други произведения, където контактът е по-несъмнен и неоспорим, въпреки че и при тези случаи липсват определени доказателства от текстово естество.

Като признаваме несъмнената заслуга на автора в това, че въвежда още един аспект на отношение на Лермонтов към литературната традиция, не можем да се съгласим с метода на изследването, прилаган от докладчика. Основното и характерното в този метод се състои в разглеждането на контакта между Лермонтов и Балзак изцяло в тясно литературен план. Много по-плодотворен би бил онзи подход, при който литературните връзки се разглеждат в по-широк контекст, схващат се не като влияние на един автор върху друг, а като взаимодействие между тях. В такъв случай се държи сметка за собствените литературни търсения на Лермонтов, за неговите естетически идеали, за онова трансформиране на литературната традиция под знака на тези търсения и идеали, за подчиняването ѝ на тенденциите на собственото литературно, идейно и естетическо развитие.

При такава методологическа постановка в основата на литературната „генеалогия" на Лермонтов ще се окаже руската действителност, нацио-

налните традиции на руската литература, тяхното преосмисляне под знака на собствения личен опит и естетическа позиция на Лермонтов. Това в толкова по-висока степен важи за Лермонтов, който се отличава с такава творческа мощ и ярка самобитност. Това не изключва творчески контакти с Байрон, Шилер, а в случая и с Балзак. Тези контакти обаче играят роля за углъбяване и утвърждаване на самобитното, лермонтовското в творчеството на великия руски поет, а не са негов източник, не се явяват негова „генеалогия".

Л. ЦВЕТКОВ (Болгария)

Сравнительно-литературные темы чуть ли не самые неблагодарные для своих авторов. Путь к ним загромождён массой препятствий биографического, исторического, культурного и социологического характера. Их разработка чревата серьезными опасностями: тут возможны преувеличения роли творческого влияния одного писателя на другого. Основной практический способ доказательств — параллели текстов — порою зиждется на совпадениях, а не на примерах подлинной литературной связи. В итоге легко можно попасть под обстрел горе-критиков: „вы превратили нашего национального гения в подражателя иностранной моды".

Поэтому, я думаю, не следует подходить к докладчику с требованиями самого высокого порядка, как это сделал выступивший передо мной Велчо Велчев. Достаточно на первых порах и того, что г-н Мырсыроу натолкнул наше внимание на возможную связь Лермонтова с Бальзаком, проливающую свет на некоторые моменты ускоренного творческого роста великого русского писателя. Это сделано американским литературоведом внимательно, тонко, эрудированно — с учетом творческой индивидуальности Лермонтова, без крайностей компаративизма.

Но стоит оговорится: задача выполнена только на первых порах. Затем автору придется научно доказать влияние Бальзака на Лермонтова, а это вряд ли возможно при его одностороннем методе чисто текстуальных параллелей. Г-н Мырсыроу в будущем обязан остерегаться допущенных в своей работе ошибок. Нельзя же утверждать зависимость Лермонтова от Бальзака на основании таких общих мест, которые могут фигурировать в творчестве многих писателей. Нельзя же психологическое проникновение Лермонтова в сугубо индивидуальном казусе сводить к соответствующему „источнику" у Бальзака. Это, пожалуй, неизбежные издержки одностороннего метода.

J. KULCZYCKA-SALONI (Polska)

Wykład prof. Giergielewicza podnosi dwa problemy wykraczające swą doniosłością poza paralelę między *Lalką* a powieściami Gonczarowa. Pierwszy dotyczy związków literatury polskiej i rosyjskiej, tylokrotnie konstatowanych, ale bardzo skomplikowanych i wymagających specjalnych metod badania. Drugim jest sprawa metod komparatystycznych, których autor użył badając powieści realistyczne napisane w wieku XIX. Chodzi tu bowiem o sprawę tak trudną jak podobieństwo postaci i sytuacji w utworach pisarzy, któ-

rzy stawiali sobie jako zadanie możliwie najwierniejsze odtworzenie rzeczywistości. Problem więc polega na tym, by w utworach o podobnych motywach fabularnych wyodrębnić podobieństwo, które jest konsekwencją podobnego modelu, analogicznego wycinka życia ludzkiego odtworzonego w dwóch różnych utworach, od podobieństwa będącego wynikiem świadomego lub bezwiednego zapożyczenia literackiego. Niewielu komparatystom udało się dokonać tego rozróżnienia. W zestawieniu *Lalki* i powieści Gonczarowa przeprowadzonym przez prof. Giergielewicza brakuje kilku przesłanek, by uznać dalekie podobieństwo dwóch utworów za coś innego niż podobieństwo losów ludzkich w ogóle, losów zaś ludzi XIX stulecia w szczególności. Brak tu bowiem dowodów szczególnego zainteresowania Prusa Gonczarowem jak mamy dowody jego zainteresowania Dostojewskim lub Tołstojem. Analogie w sytuacjach powieściowych (zniszczenie altany i ruin zamku) są w gruncie rzeczy dalekie, a nawet pozorne, ponieważ ich sprawcy mają zupełnie różne intencje. Bohaterowie Prusa i Turgieniewa reprezentują zupełnie inną postawę życiową, ogólny nastrój utworów jest całkowicie odmienny.

20 септември — 20 сентября — 20 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

J. BLANKOFF (Belgique)

LES HÊROS DE GRIBOEDOV ET DE TURGENEV DANS L'ŒUVRE DE SALTYKOV-ŠČEDRIN

Communications présentées par les slavisants de Belgique au Ve Congrès International de Slavistique, Bruxelles, 1963, p. 5—18.

Le destin littéraire de Ščedrin est à vrai dire assez étrange. De son vivant, il fut un des écrivains démocrates les plus lus, un des rédacteurs des Annales de la Patrie les plus influents, pour devenir victime de l'assoupissement temporaire et du découragement qui frappe les intellectuels radicaux à la fin du siècle. Tous les slavisants connaissent son nom, assez peu étudient son œuvre. Or, il serait erroné de ne voir en Ščedrin que le témoin de son temps, le publiciste, l'idéologue et d'oublier l'écrivain, l'artiste comme on le fait fréquemment.

L'historien de la littérature, préoccupé par les problèmes de métier littéraire et par l'aspect esthétique des choses aurait tort de se détourner de l'œuvre de Ščedrin. Il négligerait ainsi un auteur utilisant des procédés littéraires intéressants et originaux, tels l'introduction de personnages empruntés à d'autres écrivains, surtout à la comédie de Griboedov (Molčalin, Famusov, Zagoreckij, Čackij), à Gogol (Khlestakov, Čičikov, Nozdrev, la Korobočka, Sobakevič, etc.) et à Turgenev (Rudin, Kirsanov, Lavreckij), plus rarement à d'autres écrivains (Alexej Tolstoj, Sukhovo-Kobylin). Le personnage peut

être repris tel quel, sans modification notable de son caractère ou de son rôle. Il souligne alors cocassement par sa présence, par association, l'atmosphère du récit; c'est le cas des héros de Gogol et de leurs héritiers nés de par la fantaisie du satirique. Mais il peut aussi nous apparaître sous un aspect différent de celui que nous lui connaissons. Ščedrin nous montre le héros de Griboedov ou de Turgenev „vingt (ou cinquante) ans après", ayant subi une évolution idéologique qui, dans le cadre historique et sociologique des années 70, a pris une direction un peu inattendue à première vue. Le „potentiel" du héros original s'est réalisé par la volonté de Ščedrin et nous est révélé sous un jour qui le déconsidère évidemment. Cet heureux artifice littéraire prend alors sa pleine valeur polémique et acquiert en même temps une singulière efficacité artistique. Ce procédé vise surtout les libéraux russes des années 60, les „hommes de trop" et les „biens intentionnés". Les héros de Turgenev notamment servent admirablement les intentions du satirique. Rudin par exemple, après avoir occupé une sinécure au „Département de la répartition des richesses" est devenu représentant du zemstvo de Putivl. On sait que La famille Molčalin a fourni la matière d'un chapitre entier du cycle Au milieu de la modération et de l'exactitude. Quant à Čackij, il est chez Ščedrin l'incarnation même des libéraux russes. La satirique se sert avec beaucoup d'esprit et de perspicacité du héros dont les longs monologues lui viennent à point pour l'usage qu'il veut faire du personnage. Molčalin est dépourvu de toute conviction profonde, il „passe sans heurts d'une période historique à l'autre", il ne rêve qu'à obtenir un „certificat de bien pensant délivré par l'agent de quartier", son idéal est de ne se faire remarquer en rien et d'avoir la faveur des autorités...

A travers sa langue ésopique qui rend certaines de ses œuvres difficilement compréhensibles au lecteur non averti, Saltykov nous apparaît à qui sait le lire comme un observateur attentif nous apportant un témoignage précieux sur les grands mouvements qui ont agité la société de son temps, mais il fut aussi artiste et artiste original. Le procédé littéraire que nous avons relevé ici contribue à en apporter la preuve.

J. M. MEIJER (Pays-Bas)

LA ROMAN „BESY" DE DOSTOJEVSKY

Dutch Contributions to the Fifth International Congress of Slavicists, The Hague 1963, p. 125—144.

А. КОВАЧ (Румыния)

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В. Г. БЕЛИНСКОГО В РУМЫНИИ

Romansolavica, IX, 1963, стр. 387—411.

Назвав некоторые основные черты реалистической, материалистической и революционно-демократической эстетики Белинского, автор работы говорит о мировом значении наследия русского критика и на основе имеющихся современных исследований дает общую картину распространения его работ в Болгарии, Югославии, Чехословакии, Германии, Франции, Венгрии и некоторых других странах.

Поскольку поставленная автором тема до сих пор не изучалась специально, ее значение для славистики несомненно. Использование эстетики Белинского передовой румынской критикой является замечательным свидетельством мирового значения наследия русских революционных демократов.

Эстетические и литературные традиции Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова и вообще передсвой русской литературы, наряду с традициями других великих зарубежных литератур, использовались прежде всего представителями направления журнала „Contemporanul" (Современник). В теоретическом плане эти связи прослеживаются прежде всего в критических исследованиях К. Доброджану-Геря, вышедших в последние десятилетия XIX века. Лучшие стороны деятельности Доброджану-Геря связаны с румынским рабочим движением, с марксизмом, а также с расцветом румынской культуры в указанный период. Вместе с тем взгляды румынского критика оформлялись в молодости под непосредственным воздействием русских революционных демократов, эстетика которых оказала благотворное влияние на его литературно-критическую деятельность.

Доброджану-Геря использует теоретическое наследие Белинского прежде всего в борьбе против теории „чистого искусства". Так, например, в статье „Общественные идеалы и искусство" критик сравнивает по значению „великого русского критика Белинского" с Лессингом и говорит о его решающем влиянии на развитие всей русской литературы. Подобно Белинскому Геря утверждает, что личность художника, его симпатии и антипатии неизбежно находят свое выражение в его творчестве, в котором выступают „так или иначе тенденции эпохи, общества, в котором он живет. Значит, искусства без направления быть не может. Нетенденциозного искусства не было, нет и никогда не будет."[1] Передовые общественные тенденции составляют, по мнению обоих критиков, необходимое условие подлинного искусства.

Геря развивает некоторые идеи Белинского, связанные с теорией реализма и материалистическим характером его эстетики. Так, в статье о Тургеневе он выступает против натурализма, постоянно указывает на то, что искусство — это зеркало жизни, но в то же время художественный образ, благодаря содержащемуся в нем обобщению, выше отдельного факта жизни. Выступая по актуальному для того времени вопросу о пессимизме, Геря подвергает критике позитивизм, в частности Тена, которого он в то же время ценил во многих других отношениях.

Говоря об отзывах и статьях о Белинском, появившихся в первые десятилетия XX века, автор уделяет особое внимание печати, находившейся под влиянием Коммунистической партии Румынии, а также демократической печати (напр., статья М. Севастоса в газете „Adevărul literar şi artistic" „Литературная и художественная правда" — 1926, а также отдельные отзывы в специальных работах: Г. К. Никулеску Ideologia literară poporanistă (Литературная идеология попоранизма), 1937, и др.).

Последняя часть работы посвящена характеристике изданий литературно-критических и философских работ Белинского, осуществленных

[1] C. Dobrogeanu-Gherea, Studii critice, ESPLA, 1956, vol. I, pag. 79.

после 23 августа 1944 г., и оценке отзывов и высказываний о Белинском современных румынских критиков и исследователей — высказываний, нашедших свое выражение в многочисленных статьях и работах.

В. В. БОРИСЕНКО, В. В. ИВАШИН (СССР)

РОЛЬ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РАЗВИТИИ РЕАЛИЗМА БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

Минск, 1963, 36 стр.

В докладе рассматриваются преемственные связи виднейших белорусских писателей начала XX века с традициями русской классики.

Белорусская предоктябрьская литература, вступившая в начале нынешнего века на путь ускоренного развития, смогла интенсивно использовать художественные открытия и завоевания русского реализма. Приобщаясь к богатствам русской и мировой поэтической культуры, она не только обогатила свое идейное содержание, но и художественную форму, отмеченную яркими национальными красками. Поэтическое творчество Янки Купалы, Якуба Коласа и Максима Богдановича представляет собою органический сплав национальных традиций с достижениями русского и мирового реализма. И весьма любопытно, что, будучи реалистами, эти поэты обращались к традициям прогрессивного и революционного романтизма, широко использовали романтическую форму искусства.

Под воздействием мастеров русской прозы вырабатывалась национальная форма нашего рассказа, повышалась его повествовательная культура. Прежде чем освоить традиции русского прозаического романа, белорусская литература унаследовала опыт стихотворного реалистического романа и таким образом на своей национальной почве отразила общую закономерность художественного развития.

Белорусские писатели учились у великих художников русского слова, как воплощать жизненную правду, как решать эстетические задачи, исходя из потребностей жизни своего народа. Особенное значение для них имел творческий опыт М. Горького. Эстетические идеи основоположника социалистического реализма были близки творчеству Янки Купалы и Якуба Коласа, импонировали их собственным устремлениям, вызванным к жизни революционной эпохой. И совсем не случайно белорусские писатели обращались главным образом к романтическим произведениям М. Горького, находили в них отзвук своим настроениям и порывам.

Реализм белорусской предоктябрьской литературы был критическим, но он развивался в период массового революционно-демократического и пролетарского движения и вследствие этого приобретал некоторые новые черты, новые тенденции, позволяющие рассматривать его как необходимый и очень важный этап на пути к своей высшей форме. Влияние творчества М. Горького и русской классической литературы вело к усилению демократических и социалистических элементов в национальной культуре белорусского народа и таким образом подготавливало почву для возникновения метода социалистического реализма в нашей литературе.

C. BRYNER (Canada)

GOGOL, DICKENS AND THE REALISTIC NOVEL

Cinquième Congrès International des Slavistes, Université de Montreal, 1963, p. 17-42

The possible influence of one author upon the other, the establishment of priorities and classification into schools, bears little fruit in a study of Gogol and Dickens. Far more intriguing are their parallel qualities which make them so unique and yet so similar. Their originality and similarity reflect the genesis of modern realism when it was still obscurely felt. And the obscurity of their realism has made them among the most controversial nineteenth century writers. Gogol and Dickens criticism is a study in the vagaries of literary criticism and the ephemeral character of realism, while the originality of their work transcends the stereotypes of realism and romanticism.

The controversies which Gogol and Dickens aroused followed very similar lines. The critics contemporaneous to the two authors divided into supporters who praised the reality of their works and detractors who condemned their vulgarity. This was followed by a period in which they were identified with Russian and English nationality. Then the realism versus romanticism debate was renewed as a contest between radicalism and imagination. The extravagances of the first three periods was succeded by one of neglect. This almost coincided with a rejection of Gogol and Dickens as realistic writers. The revival was inspired by a recognition of the great complexity of their works and lives, together with a concentrated study of their lives.

As storytellers in the fabulous sense, in their avoidance of love and sex, as humorists in the farcical sense, and as imaginative writers in the romantic sense they failed as realists. While in their rich and original sensualism they created a distinctive reality of their own both similar and dissimilar to naturalism. As social critics they were successfully realistic.

Critical controversy around the authors showed that genius and radicalism are not measures of realism — as some critics would have it. As far as Gogol and Dickens are concerned, the realistic-romantic conflict within their works is the foundation of a special radicalism of their own placing them in a realm of controversy which their philosophies never could attain.

What synthesis has been attained largely lies outside the realm of the realistic-romantic controversy. It is in Gogol and Dickens as national figures and original stylists.

Д. ВУЧЕНОВ (Југославија)

ГЛАВНЕ ФАЗЕ У РАЗВИТКУ СРПСКОГ РЕАЛИЗМА

Београд, 1963.

P. HOFFMANN (DDR)

PROBLEME DES ÜBERGANGS VON DER AUFKLÄRUNG ZU REVOLUTIONÄRER THEMATIK IM SCHAFFEN A. N. RADIŠČEVS

Zeitschrift für Slawistik, VIII, 1963, S. 424—434.

Um zu einer richtigen Einordnung von Radiščevs Hauptwerk, der „Reise von Petersburg nach Moskau" zu gelangen, das bisher sowohl als liberales Werk der Aufklärung als auch als Aufruf zur Revolution klassifiziert wurde, wird die Frage aufgeworfen, wie weit Radiščevs Schaffen der Literatur der Aufklärung zuzurechnen ist bzw. wodurch es sich von ihr unterscheidet. Radiščevs Werk wird im Zusammenhang mit der „tiranoborčeskaja literatura" der 70-er und 80-er Jahre des 18. Jahrhunderts gesehen, die sich gegen den „bösen" Herrscher wandte. Von dieser Literatur fühlte sich Katharina II. nicht getroffen. Im Unterschied dazu ist Radiščevs Darlegung immer auf bestimmte Vorgänge und Erscheinungen der russischen Wirklichkeit bezogen, wie an vielen Beispielen dargelegt wird. Eine kompositorische Besonderheit der „Reise" ist es, daß wichtige Themen immer wieder aufgegriffen und von einer neuen Seite beleuchtet werden. Dabei zeigt sich deutlich eine Entwicklung von liberalen Ausgangspositionen zu demokratischen und revolutionären Schlußfolgerungen. Als wichtigste werden hervorgehoben: Beim Bestehen der Leibeigenschaft kann es keinen guten Herrn geben, und: Auf dem Thron kann es keinen guten Herrscher geben. Folglich müssen die Verhältnisse geändert werden, eine Änderung ist jedoch nur auf revolutionärem Wege möglich.

Radiščev wollte auch diejenigen Leser, die seinen Gedanken nicht bis zur letzten Konsequenz zu folgen bereit waren, zum Nachdenken zwingen. Daraus ergibt sich die Konzeption des Werkes. Radiščev und sein Werk stehen noch ganz in der Aufklärung, aber die Schlußfolgerungen gehen darüber hinaus. Bezeichnend ist, daß trotz aller Bemühungen liberaler Kräfte Radiščevs „Reise" von reaktionärer Seite stets als ein gefährliches Werk angesehen wurde. Es blieb deshalb auch bis zur Revolution von 1905 in Rußland verboten.

B. KREFT (Jugoslavija)

DOSTOJEVSKI IN UTOPIČNI SOCIALIZAM

Slavistična revija, XIV, 1963, str. 1—24.

Д. ГРИШИН (Австралия)

ДОСТОЕВСКИЙ И СЛАВЯНСТВО

Федор Михайлович Достоевский был не только гениальным писателем, но и мыслителем, которого глубоко волновала судьба России и судьба человечества.

Тот строй, при котором „миллионы людей, прогнанные с пиру людского, толкаясь и давя друг друга в подземной тьме... ищут выхода, чтобы не задохнуться", был неприемлем для Достоевского. „Я никогда не мог понять мысли, — замечает он, — что лишь одна десятая доля людей должна получить высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами остаться во мраке." Он мечтал „о всечеловеческом единении", когда народы будут жить без войн, помогая друг другу.

В мечтах Достоевского отразились не только его надежды на лучшее будущее, но и гнев на тот общественный порядок, при котором „великий народ русский был взращен как зверь, претерпел мучения такие,... каких ни один народ в мире не вытерпел бы", отразилось негодование писателя за „униженного человека", которому „страшно много на земле терпеть, страшно много бед".

Достоевский стремился найти выход из создавшегося положения. Он полагал, что человечество сможет пойти по новому пути, если найдется народ, способный объединить всех и послужить всем. Этим народом, по его мнению, были славяне. Самым могущественным из славянских народов был русский. Следовательно, говоря об отношении Достоевского к славянству, целесообразно сначала выяснить его взгляды на Россию и русских.

Достоевского часто называют националистом и сверхнационалистом. В этом есть доля правды. Он был патриотически настроен с юности, с годами его любовь к России и русским усилилась до крайности.

Почему же Достоевский так любил Россию? Почему он утверждал, что „русская нация—необыкновенное явление в истории всего человечества"? Был ли он просто сверхнационалист? На эти вопросы мы найдем ответ, рассматривая его высказывания о России и русских.

Сравнивая русских с европейцами, Достоевский приходит к выводу, что „в русском характере замечается резкое отличие от европейского, резкая особенность, в нем выступает способность всепримиряемости, всечеловечности. У него инстинкт общечеловечности".

Говоря о русском народе, необходимо отметить, что к русским Достоевский причислял украинцев и белоруссов, полагая, что все три племени настолько сжились в процессе вековой борьбы с общим врагом, настолько смешались, что должны, без всяких различий, иметь одинаковые права и обязанности.

Характеризуя русских, Достоевский считает одной из главных черт этого народа „необыкновенное общечеловеческое стремление, неслыханное и беспримерное между народами". „Величайшее из величайших назначений русских есть служение человечеству, — не России только, не общеславянству только, но всечеловечеству".

В противоположность славянофилам Достоевский не замыкался в национальной ограниченности, замечая, что русским нельзя отказываться от Европы, так как „Европа наше второе отечество, Европа нам почти так же всем дорога, как Россия: в ней есть Афетово племя, а наша идея — объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама".

Как видно, Достоевский был уверен в том, что выполнить великую миссию братского объединения всех народов могли русские. Первым

шагом к выполнению этой миссии, по его мнению, должна была быть помощь славянам в их освобождении.

В конце XIV века турки завоевали Болгарию, Сербию, Боснию, а впоследствии Хорватию. Словакия, Чехия, Словения, Далмация находились под австрийским игом.

Славянские народы упорно боролись за свою независимость. В этой многовековой кровавой борьбе выявилась одна характерная черта: славяне хотели свободы не только для себя, но для всего человечества. С этой точки зрения интересен манифест Пражского всеславянского съезда, который состоялся в 1848 году. На конгрессе обсуждалась проблема объединения славян, в Манифесте конгресса было отмечено, что славяне не стремятся к завоеваниям и угнетению других наций, но что они любят свободу не меньше других и не склонны быть рабами. Конгресс, провозглашая необходимость объединения славян, ставил вопрос о братском объединении народов.

Конгресс показал славянство как прогрессивную и передовую нацию, которая начала борьбу за общечеловеческое единение.

Славяне в борьбе за свободу возлагали все свои надежды на русский народ, который самоотверженно и бескорыстно помогал им. Россия вступала в многочисленные и тяжелые войны с Турцией, спасая восставших славян от поголовного уничтожения. Так, 20 апреля 1876 года вспыхнуло восстание в ряде болгарских сел, но у восставших не было достаточно оружия и восстание, несмотря на отчаянное сопротивление, было подавлено. Начались кровавые расправы.

Достоевский, как друг славянских народов, выступил с резким протестом. Он призывал русский народ помочь славянам, он критиковал противников вооруженного выступления. Война может и должна быть осуждена, если она ведется „не из-за великой и справедливой цели, а из-за каких-нибудь жалких биржевых интересов, из-за новых рынков, нужных эксплуататорам, из-за приобретения новых рабов необходимых обладателям золотых мешков".

Достоевский осудил не только турок, истреблявших болгар, но и те европейские нации, которые молчаливо допустили это страшное истребление. Он требовал объявления Россией войны Турции, призывал русский народ выступить на защиту болгар и сербов, приветствовал русских добровольцев, которые еще до объявления войны, отправились в Сербию, чтобы сражаться с турками.

Рассматривая отношение Европы к славянам, Достоевский приходит к выводу, что в случае беды славяне могут надеяться только на Россию, так как только она способна бескорыстно помочь им. Потому что вся славянская идея для русских есть жертва, „потребность жертвы даже собою за братьев, и чувство добровольного долга сильнейшему из славянских племен заступиться за слабого, с тем, чтоб уровнять его с собой в свободе и политической независимости, тем самым основать впредь великое всеславянское единение... на пользу, любовь и службу всему человечеству, на защиту всех слабых и угнетенных в мире".

Достоевский указал славянству, что „без единящего огромного своего центра России — не бывать славянскому согласию, да и не сохраниться без России славянам, исчезнуть славянам с лица земли вовсе". „Не будь России, великого восточного центра и великой влекущей силы,

единство славян мигом бы развалилось, рассеялось в клочки и даже так, что самая национальность их исчезла бы в европейском океане, как исчезают несколько отдельных капель воды в море." Достоевский требовал, чтобы помощь славянам была бескорыстной, „у России и мысли быть не должно никогда, чтобы расширить на счет славян свою территорию, присоединить их к себе, наделать из их земель губерний", но Россия должна „всегда обнажить меч на тех, которые посягнут на их свободу и национальность". „Служение России славянам теперь еще не окончится, а будет продолжаться в веках."

Достоевский не устает повторять, что славяне должны объединиться для служения человечеству, что придет время, когда Россия „во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству... свое новое и еще неслыханное миром слово, слово это будет сказано во благо и в соединение всего человечества новым братским, всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян".

В статьях, посвященных восточному вопросу, Достоевский выступает не только как друг всех славянских народов, но как гуманист и друг человечества. Он любил славян не как сверхнационалист, а как великий мыслитель, думавший о счастье всего человечества.

Но почему же в таком случае Достоевский заботился об усилении русской армии, требовал завоеваний в Азии, построения стратегических железных дорог? Потому что в условиях ожесточенной борьбы за рынки и колонии только могущественная Россия, по его мнению, могла освободить славян и выполнить свою мировую миссию.

Конечно, сама по себе концепция о народах-мессиях не нова. Избранным народом считали себя евреи. Гегель полагал, что задача объединения всех наций выпала на долю Германии, но у Достоевского было другое. Он требовал от России и славянства жертвенного служения всему человечеству, мечтал о счастье всего человечества.

Во многом Достоевский ошибался: часто смешивал социальные проблемы с религиозными, был несправедлив к некоторым европейским народам, чрезмерно идеализировал русских и преувеличивал значение православия, но все это не должно затенить от нас величие его главной идеи — „единения всечеловеческого".

J. ŚLIZIŃSKI (Polska)

CZESKIE ECHA WYSTĄPIENIA O. BALZERA PRZECIW MOMMSENOWI W R. 1897

ZDZ. SKWARCZYŃSKI (Polska)

„WIADOMOŚCI BRUKOWE" (1816—1822) A PIERWSZY ROSYJSKI ROMANS MORALNO-SATYRYCZNY IWAN WYŻYGIN

П. РУСЕВ (България)

ЛИТЕРАТУРНИТЕ ВЛИЯНИЯ КАТО ШКОЛА ЗА ТВОРЧЕСКОТО ИЗРАСТВАНЕ НА ПИСАТЕЛЯ

За научноизследователската работа в кръга на литературните връзки и взимовъздействия особено значение има въпросът за същността на литературните влияния.

Учените, които прилагат марксистко-ленинския сравнително-исторически метод на изследване, схващат литературните влияния като школа за творческото израстване на писателя.

Тайната на литературните влияния като творческа школа се крие в процеса на художественото възприемане, в процеса на вникване в произведенията, които влияят. Въпросът е из областта на психологията на творчеството. Като вниква в поетическите творби на изучавания любим автор, школуващият млад поет се учи да наблюдава, да възприема и да разбира живота. Това става посредством идеите, които усвоява. Но и пряко — по пътя на образите и нагледите, без посредничеството на абстрактното мислене. Основното във влиянията на един писател върху друг не е в сферата на теоретическата мисъл и чистите, логически изразените идеи. То се намира в тази на непосредственото възприемане и изживяване, на образното виждане и претворяване.

Художествената литература изобщо влияе формиращо върху читателя. Тя подпомага израстването на човешката личност, възпитава мислите, чувствата и волята, всички съставки на психиката. Като хора на изкуството писателите са силно възприемчиви. Прочетените от тях художествени книги моделират психиката им. Литературните влияния дооформяват душевността на израстващия писател, усъвършенствуват необходимите за писателско творчество нейни страни: сетивност и възприемчивост, впечатлителност, внимание, памет, емоционалност, въображение, воля за творчество, умения и навици.

Литературното школуване засяга всички звена на таланта — светопредаването и формите на образно мислене, средствата и похватите на изображение, езика. Най-съществено обаче е, че то оформява и видоизменя художественото виждане на школуващия писател.

Художественото виждане представя възлов момент в онова, което наричаме талант. За писателя е важно най-напред как ще възприема живота, с какви очи ще гледа и с какво сърце ще чувствува, какъв материал от наблюдения, впечатления, преживявания и знания ще насъбере. Въз основа на този материал неговото творческо въображение ще вижда, ще създава, ще твори в една или друга област на литературата и по един или друг творчески начин. От характера и особеностите на художественото виждане зависят много от качествата и недостатъците на творческите постижения. Литературните влияния са плодотворни, когато подпомагат оформяването и усъвършенствуването на творческото виждане на писателя. Не засегнат ли художественото му виждане, те нямат творчески характер и са обикновени подражания и заимствувания.

Произведенията на любимите поети учат школуващия млад поет да наблюдава, да възприема света и да го изживява, но и сам да изгражда във въображението си нагледи, образи, картини, да открива художест-

вени концепции, да създава поезия. Литературните влияния подклаждат огъня на собственото му вдъхновение, развиват творческата мощ на въображението му.

Но литературните влияния играят ролята на творческа школа само ако школуващият сам е творец. Поетическото майсторство се усвоява само върху основата на свой собствен литературнотворчески опит. Творческият характер на влиянията зависи пряко от по-големите творчески възможности на писателя, който следва тяхната художествена школа. Колкото един талант е по-голям и колкото по-бързо увеличава личния си творчески опит, толкова влиянията, които търпи, са по-значителни и по-плодотворни.

Самото школуване на писателя е сложен, вдъхновен творчески процес. Оня, който не притежава талант, който не носи в себе си необходимата природна дарба, не е в състояние да школува, да търпи плодотворни литературни влияния.

Изучаването на влиянията, които един писател е търпял, означава изследване на това, как той е работил върху себе си, за да израсте като творец на оригинални литературни произведения. То означава проучване на неговия творчески растеж и вникване в тайните на художественотворческата му лаборатория. Не ще и съмнение, че това е трудна, мъчна за изучаване област.

М. ПОПОВИЋ (Југославија)

DIE SERBISCHE REVOLUTION

И досада се знало да је Вук Караџић помагао немачком историчару Леополду Ранкеу у раду на књизи „Die serbische Revolution“, значајном историјском делу које ће Европу упознати са српским устанком почетком XIX века. До сада се сматрало да је Вук Ранкеу дао само грађу. Тек недавно, 1960., совјетски историчар С. А. Никитин, упоређујући „Die serbische Revolution“ с Вуковим текстовима о устанку, написао је да би се име Вук Караџић „с пуним правом могло ставити на књигу упоредо с књигом Леополда Ранкеа“.

У доба када се срео са Леополдом Ранкеом Вук је већ био формиран историчар. Он је већ 1819. почео да пише „Српску историју нашега времена“, а неке делове ове књиге објавио је у свом алманаху „Даница“ пре појаве дела „Die serbische Revolution“. Монографија о Милошу Обреновићу, објављена у Будиму 1828., уствари је била други део „Српске историје нашега времена“.

Како показују документи, у време сарадње с Леополдом Ранкеом Вук је имао „Српску историју“ припремљену за штампу на немачком језику. Страх од освете суровог Милоша Обреновића, тадашњег српског кнеза, спречио је Вука да немачку редакцију дела објави у Лајпцигу 1824. године. У „Српској историји“ говорило се наиме похвално о Карађорђу Петровићу, вођи Првог устанка чије је мучко убиство организовао сам Милош. Незадовољан што не може под властитим именом рећи пуну истину о Карађорђу, Вук је тражио начина како да је објави под туђим.

Познанство с Ранкеом дошло му је као поручено. Грађа о којој Ранке у предговору првом издању „Die serbische Revolution“ говори да је добио од Вука, могла је бити само „Српска историја“ на немачком. Ранке је дело нешто прерадио, написао последњу главу и, по договору с Вуком, објавио га под својим именом.

О Вуку Караџићу као коаутору ове књиге говоре многе чињенице: сведочанства савременика, који у књизи „Die serbische Revolution“ препознају Вуково дело, сам Вук Караџић, а нарочито приближна подударност неких делова књиге са објављеним Вуковим текстовима на српскохрватском језику и сличност између сачуваног пописа Вукових поглавља у „Српској историји“ на немачком језику и садржаја на крају првог издања Ранкеове књиге. Најзад, и сам Ранке, у предговору трећем издању дела, пише да је за основу књиге „Die serbische Revolution“ узео предложак који му је уступио Вук Караџић.

У књизи „Die serbische Revolution“ налази се и Вуков текст о Карађорђу Петровићу. Ови Вукови редови представљају нешто окрњено поглавље о вожду, због кога Караџић није смео да објави „Српску историју нашег времена“ и истовремено откривају право Вуково мишљење о вођи првог устанка.

М. ВЕГНЕР (ГДР)

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ГЕРМАН ГЕТТНЕР

Zetschrift für Slawistik, VIII, 1963, S. 709—723.

Общественно-исторический процесс приблизительно по 1830-ый и 1848-ой год в Германии и во второй трети XIX в. в России отличается определенными историко-типологическими схождениями, которые также отражаются в развитии идеологических явлений в обеих странах.

На этой исторической почве возникают историко-типологические аналогии между эстетическими воззрениями русских революционных демократов и эстетическими концепциями в Германии перед 1848-ым годом, аналогии, которые мы проследили в эстетических взглядах Чернышевского и известного немецкого историка литературы и критика Германа Геттнера, одного из виднейших демократических представителей в области эстетической мысли в Германии.

Развитие мировоззрения Чернышевского и Геттнера начинается с творческой критики философии Гегеля. Критику гегелевской философии оба мыслителя ведут с позиции антропологического материализма Людвига Фейербаха с таким результатом, что они познают в диалектическом методе рациональное зерно философии Гегеля и отвергают его конструированную философскую систему с ее отжившими общественно-политическими идеями, хотя Чернышевский и Геттнер из этого выводят разные заключения.

Общим для Чернышевского и для молодого Геттнера являются исходная философская позиция и предмет философской критики. Идейное развитие обоих мыслителей происходит под сильным воздействием материализма Фейербаха и тесно связано с критическим разбором философии

Гегеля. Конечно, для Чернышевского и Геттнера критика гегелевской философии представляется гораздо больше чем простой философский диспут. Оба исходят в споре с Гегелем из потребностей общественной жизни в России и Германии и расширяют философскую полемику с Гегелем в принципиальную борьбу против политической реакции в своих странах, которая старалась обосновать свои охранительные государственные теории и эстетические концепции с помощью консервативных идей гегелевской философии.

Сходные общественные условия борьбы между восходящими демократическими силами и феодально-аристократической реакцией в революционной ситуации шестидесятых годов в России и в эпоху революции 1848-го года в Германии обусловливают, что в теоретических произведениях Чернышевского и Геттнера в этот период на передний план выходят определенные вопросы, которые обоими мыслителями в принципе решаются аналогичным образом.

Прежде всего это касается вопроса об отношении искусства к общественной жизни. Чернышевский и Геттнер решают этот вопрос в материалистическом смысле, причем они стараются раскрыть существо отношений искусства к действительности преимущественно с познавательной стороны. Оба сопоставляют искусство с наукой, показывая, что искусство и наука отражают объективную действительность. Подчеркивая познавательную функцию искусства, оба мыслителя вступают в острую полемику с Гегелем, который ограничивал познавательную роль искусства. Эстетика Чернышевского и эстетические взгляды молодого Геттнера „реабилитируют" жизненную действительность, признавая первичность действительности перед искусством. Возникает вопрос, почему у Чернышевского и Геттнера выдвигается на первый план познавательная функция искусства, иногда даже заслоняя взгляд на эстетическую сущность искусства. Как нам кажется, это прежде всего объясняется общественной позицией Чернышевского и Геттнера, которые выступают в предреволюционной и революционной ситуации как крупные теоретики левого крыла демократического движения, требовавшие правдивого искусства, изображавшие давно переживший свой век „ансиен режим". С другой стороны, подчеркивание познавательной функции искусства является теоретическим обобщением современных литературных процессов, именно бурно развивающегося реализма во всей Европе.

Из совпадающих позиций Чернышевского и Геттнера в основных философских вопросах и из аналогичного отношения к общественным процессам в их странах вытекают дальнейшие схождения в эстетических воззрениях обоих мыслителей. Например, в вопросе о специфике искусства, в вопросе о реализме и т. д.

Наряду с этими схождениями в теоретических взглядах Чернышевского и Геттнера на искусство существуют значительные различия, которые в конце концов объясняются также особенностями общественных процессов в России и в Германии. Чернышевский рассматривает свою революционно-демократическую эстетику сознательно как часть своего революционного мировоззрения. Между тем как Чернышевскому удается освободиться во многих вопросах от влияния антропологического материализма и остаться на уровне боевого материализма, Геттнеру из-за слабости буржуазно-демократического движения в Германии не удается

после 1848-го года, после неудавшейся революции, развить дальше свои революционно-демократические идеи предреволюционных годов. После 1854-го года он работает только в области литературной историографии. Острота его материалистических и социально-критических высказываний значительно ослабляется.

Очевидная параллельность в полемике Геттнера и Чернышевского с Гегелем обозначает, как нам кажется, что критическое преодоление идеалистических взглядов на искусство, в особенности гегелевской эстетики, представляет закономерный этап в процессе формирования революционно-демократической эстетики и литературной критики в России и в Германии между 1840-ым и 1860-ым годами. Эта аналогия в идейном развитии Чернышевского и Геттнера является теоретическим отражением исторически сходной общественной ситуации. Она может быть названа историко-типологической аналогией. Нам кажется еще, что дальнейшие сравнительно-исторические исследования могли бы подтвердить историко-типологические аналогии в эстетическом творчестве русских революционных демократов и в эстетических взглядах Генриха Гейне, Людвига Бёрне, Георга Бюхнера, Георга Гервега и молодого Фридриха Энгельса.

П. Г. ПУСТОВОЙТ (СССР)

ПРОБЛЕМА СЛАВЯНСКОГО ХАРАКТЕРА В МИРОВОЗЗРЕНИИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. И. ГЕРЦЕНА

Москва; 1963, 38 стр.

В работе анализируются многочисленные высказывания А. И. Герцена об исторически сложившихся характерах славян, о влиянии социальных факторов на их развитие; сделана попытка показать, как Герцен-художник изображал в своих произведениях наиболее ярких представителей различных славянских народов. Развенчивая панславистские теории о якобы особых свойствах „славянской души“, Герцен связывал сходные черты в характерах славян с историческими условиями их развития. Так, он исторически объяснял стойкость славян в борьбе за национальную независимость, за свою национальную культуру и язык, их умение при различных политических и государственных устройствах и даже под иноземным гнетом сохранить этнографическую близость.

Герцен показал, как в определенные моменты исторического развития закономерно пробуждалось национальное самосознание славянских народов и обнаруживались более или менее устойчивые черты характеров: свободолюбие, патриотизм, энергия в труде, духовная одаренность. Он проследил, как эти черты совпадали с революционными стремлениями других народов.

В статьях, исследованиях и мемуарах Герцен подчеркивает сильно развитое чувство интернационализма у славян, их восприимчивость к передовым и прогрессивным идеям, их способность перенимать и усваивать все лучшее от других народов, из других культур, накладывая на него в то же время свой специфический национальный отпечаток.

Теоретические рассуждения Герцена о славянах, об их национальных характерах нашли отражение в его произведениях. Так возникли литературные портреты современников Герцена — Н. П. Огарева, В. Г. Белинского, Т. Н. Грановского, выдающихся польских революционеров и деятелей национально-освободительного движения Петра Цехановича, Станислава Ворцеля, Сигизмунда Сераковского, Карла Хоецкого, Иоахима Лелевеля, сербских патриотов — В. Иовановича, Кара-Георгия и других (их портреты анализируются в работе).

V. PINTO (Great Britain)

ELIN PELIN: HUMANIST AND PROSE POET OF SHOPSKO

The Slavonic and East European Review, 41, 1962, No 96, p. 158—181.

H. GRANJARD (France)

LES FRAGMENTS AUTOBIOGRAPHIQUES DU JEUNE HERZEN

RES, XLII, 1963, pp. 142—143.

En 1836 Herzen écrivait à sa fiancée Natalia Zakharina qu'il voulait voir dans tout ce qu'il écrit et écrira des épisodes de la vie de son âme (lettre du 27 avril 1836), donc de l'histoire de son âme, des fragments de ses „Confessions". Son chef-d'œuvre: Былое и думы (écrit de 1852 à 1861) est la plus importante de ces confessions, l'histoire de son âme et de ses idées replacée dans le contexte historique de l'époque. Auparavant, en 1840, il avait entrepris une autre œuvre autobiographique, restée, il est vrai, bien complète à cause de la censure: ses Записки одного молодого человека (publiés en Russie en 1840—1841) qui utilisent d'ailleurs des fragments rédigés pendant les années trente — Herzen fixait dans ces derniers les réactions immédiates de son esprit et de son cœur devant les événements de sa vie. Ces fragments autobiographiques représentent dans toute sa spontanéité, la vie de son âme.

Le tome I de la nouvelle édition „académique" de Herzen (Moscou, 1954) publie quatorze de ces fragments qui n'ont vu le jour qu'après sa mort. Les voici classés dans l'ordre chronologique des événements auxquels ils se rapportent: 1) „Это было 22. октября 1817", souvenir du jour où, âgé de cinq ans, il apprit la naissance de sa cousine Natalia Zakharina (I, pp. 136—138); 2) „Чтоб выразуметь эту исповедь страдальца ..." (I, pp. 329—330) rappelle ses lectures de Rousseau en 1828; 3) „День был душный" (I, pp. 52—55) nous entretient de son amitié pour Ogarev, comme le n° 4) „Не долго продолжалось его одиночество" (I, pp. 317—319); 5) „3. Августа 1833" (I, pp. 56—57) se rapporte au début de son amour pour Ludmila Passek; le n° 6: „О себе" (I, pp. 170—182) évoque l'atmosphère des réunions du groupe d'étudiants amis de Herzen. Dans „Первая встреча" (n° 7, I, pp. 108—122) il lutte contre l'exemple de Gœthe pour sauver son idéalisme schillérien déjà défaillant. D'autres fragments commentent des épisodes de son voyage

en exil et de son séjour à Viatka: nº 8) „Часов в восемь навестил меня...“ (I, pp. 251—256); nº 9: Письмо из провинции (I, pp. 131—133); nº 10) „Вторая встреча“ (I, pp. 123—129). Les notes du nº 11) „Отдельные мысли (I, pp. 134—135) essaient de définir le manichéisme idéaliste dans lequel il se complaisait pendant son exil. К „симпатии“ (nº 12, I, pp. 324—325) rappelle quelques souvenirs d'une amitié féminine de Viatka. Les Записки из записной тетради 1836 г. (nº 13, I, pp. 330—331) se rapportent encore à Viatka, cependant que les Отрывки из дневника 1839 г. (nº 14, I, pp. 332—334) ferment cette première partie de la vie de Herzen: il a épousé Natalia et salue avec transport la naissance de son premier enfant.

Car neuf de ces fragments ou notes ont été écrits de 1834 à 1838, quand il était séparé de sa fiancée. Trois seulement précèdent cet amour (nº 3 et 4. Amitié pour Ogarev, nº 5, dédié à Ludmila Passek), un seul est postérieur à son mariage (nº 14). Tous les autres furent écrits en songeant à la fiancée lointaine, furent inspirés, colorés par son amour pour elle et souvent soumis à sa critique. Cela leur donne leur unité d'inspiration, de ton et de style et les place dans la même ligne que la correspondance entre les deux jeunes gens. L'idéalisme romantique et humanitaire du jeune Herzen, ébranlé depuis 1834 par de durs contacts avec la réalité pendant son emprisonnement fut ravivé par la tonalité piétiste et mystique de cet amour. En sourdine cependant résonnent dans ces effusions son désir insatiable d'action et de gloire, son aspiration à la justice sociale et à la liberté, tout ce qui s'épanouira après son retour à Moscou et fera de lui un tribun politique. La nouvelle chute de Herzen dans l'idéalisme mystique pendant son exil n'est donc que temporaire. Qu'il retrouvera sa route vers la réalité politique et sociale, le caractère plus objectif de ses fragments autobiographiques des années trente nous en donne la certitude.

A. MEYNIEUX (France)

LE RÔLE DE LA CRITIQUE RUSSE DANS L'ÉVOLUTION DE LA LITTÉRATURE RUSSE DES ANNÉES 30 DU XIXe S.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

C. BACKVIS (Belgique)

Le thème que M. Blankoff a traité est extrêmement intéressant et, si je prends la parole, ce n'est pas le moins du monde pour lui adresser des reproches ou des critiques mais pour ajouter à son exposé quelques considérations qui se situent sur un autre plan. Je me propose en effet de présenter quelques constatations qui se situent sur le plan du comparatisme — je tiens à le dire d'emblée: non pas du tout de ce comparatisme qui visait à déceler partout des „influences“ parfois peu ou prou imaginaires, mais de celui, plus intéressant à mes yeux, où on constate que des créateurs qui n'ont pu de

toute évidence avoir aucune connaissance l'un de l'autre sont tombés sur l'idée d'user d'un même procédé littéraire plutôt rare. Dans ces cas en effet, il apparaît qu'en employant le même procédé les différents auteurs appartenant à des cultures et à des moments littéraires différents l'ont fait dans un climat différent également — et de la sorte une comparaison de ce genre peut nous mener à cerner de plus près, avec plus de précision, en quoi réside la spécificité de la manière propre à Ščedrin.

Il est un rapprochement de ce genre qui ce jette immédiatement aux yeux. Stanislaw Wyspiański, un dramaturge polonais de l'époque du symbolisme, dans sa pièce Wyzwolenie a eu l'idée de prendre un personnage du fameux drame de Mickiewicz „Dziady", Konrad — j'ajouterai: un personnage qui déjà dans l'œuvre de Mickiewicz avait connu une évolution compliquée — pour le tirer à nouveau sur la scène. Ce que Wyspiański fait, c'est littéralement d'amener le personnage Konrad à se révolter contre son „père", contre son créateur Mickiewicz, à lui opposer un démenti. Et cela, non pas seulement objectivement — dans le sens que ce qui arrive à Konrad dans la seconde pièce dont il est le héros, mène à l'échec, mais encore et surtout subjectivement: le personnage en arrive à conclure et à proclamer que les „valeurs" que son premier créateur avait déposées en lui étaient illusoires, mensongères; il en veut à son créateur de l'avoir proposé comme un exemple, comme un héros, alors qu'il ne pouvait mener ceux qui auraient confiance en lui qu'à la désillusion et à la déception. Un collègue hispanisant m'a signalé à l'époque que l'on rencontre chez Miguel de Unamuno un traitement assez semblable, évidemment toutes propositions gardées, appliqué au personnage de Cervantès, don Quichotte.

Le parallélisme avec ce qu'a fait Ščedrin et dont M. Blankoff nous a entretenu est frappant. Et il n'est pas besoin de s'étendre longuement sur ce qu'un homme de lettres galicien de 1900 et plus encore un écrivain espagnol n'ont pu connaître le précédent fourni par leur confrère russe.

Ce qui est intéressant maintenant, c'est de constater les différences, extrêmement caractéristiques pour la disparité de climat entre les littératures russe et polonaise. Chez Wyspiański il n'y a pas de place pour le rire, moins encore pour le sourire. L'aventure intellectuelle qu'il nous propose se déroule dans une ambiance de sarcasme tragique, de dénonciation pathétique. Chez Ščedrin aussi sans doute, tout au fond, il doit y avoir eu une bonne dose d'amertume et de douleur quand il arrachait de leur socle traditionnel les héros positifs ou semi-positifs de Griboedov et de Turgenev; mais le vêtement littéraire qu'il a choisi est celui de l'ironie, du comique, de l'inattendu cocasse qui engendre le rire.

Ceci était une comparaison-différenciation touchant le procédé de Ščedrin dont nous a parlé M. Blankoff. Et maintenant en voici une autre dans le sens opposé qui achèvera de situer le phénomène en question. Une autre qui est peut-être plus intéressante encore, en ceci qu'elle constitue comme un écho intérieur, probablement inconscient d'ailleurs, dans les limites mêmes du tableau que Ščedrin nous offre.

Il me frappe que le procédé en question, nous le rencontrons surtout dans les recueils de Ščedrin datant des années 70. Et si nous songeons au tableau de la Russie pétersbourgeoise que Ščedrin présente dans les recueils de la même époque, nous ne pouvons manquer de nous souvenir de ce qu'un élément important de cette fresque, ce sont les „cafés-chantants", les actri-

ces d'opérettes françaises, l'ambiance que je caractériserai par le nom d'Offenbach. Je rappellerai ici que lorsque le cinéma soviétique a consacré un film à l'histoire des „Господа Головлевы" un procédé extrêmement efficace mis en œuvre par le cinéaste avait été de „doubler" la représentation de cette tragédie familiale, sordide, sinistre et déchirante, avec un „accompagnement" musical où passaient et repassaient sans cesse des thèmes de „La Belle Hélène" ou de la „Vie Parisienne" — ce qui trouvait d'ailleurs sa justification formelle dans les pauvres ambitions théâtrales de l'une des jeunes filles, comme on s'en souvient. On peut dire que l'un des „leit-motive" jouant perpétuellement à l'arrière-fond de la „symphonie pétersbourgeoise", de Petersbourg de l'époque Alexandre II, que nous a donnée Ščědrin, ce sont précisément ces flous-flous d'Offenbach. Eh bien, je constate que dans les libretti aussi de Meilhac on rencontre fréquemment ce procédé qui consiste à déclasser des personnages augustes, illustrés, entourés en général du nimbe de l'épopée et du mythe, à les représenter dans des situations burlesques et cocasses. Mais ici, à la différence de ce que nous avons chez Ščedrin, il n'y avait aucun élément de pensée. Le procédé désinvolte était employé uniquement pour déchaîner le rire; au fond on avait un dernier surgeon, à l'époque de Napoléon III, du vieux procédé littéraire de l'„épopée pour rire", du „Virgile travesti" et de tant d'autres œuvres appartenant à l'esthétique traditionnelle. Et ici, pour reprendre l'expression de Pisarev avec plus de justesse, je crois, on avait vraiment des „fleurs d'un humour innocent". Si nous tirons les conclusions de notre comparaison sur ce second plan, nous voyons que l'originalité de Ščedrin tient à avoir introduit la dimension de la pensée, des problèmes d'idées, dans une structure littéraire qui n'avait servi jusqu'alors qu'à provoquer le comique immédiat que suscite toujours le fait de représenter des objets ou des physionomies dans un contexte événementiel qui joue violemment et inopinément avec celui dont nos habitudes de culture faisaient préjuger que ces objets ou ces physionomies se trouvaient entourés.

De la sorte, nous rencontrons d'ailleurs à propos de Ščedrin ce que l'on pourrait appeler une dominante de la littérature du XIX^e siècle, tout au moins de ce qui compte dans la littérature du XIX^e siècle. Ce qui frappe en elle, à tout le moins depuis 1840, c'est combien elle a été axée sur des problèmes d'idées et combien sa passion essentielle, allant parfois jusqu'à une espèce de délire — comme on le voit notamment par l'exemple d'un Pisemskij — a été de dénoncer les hypocrisies, d'arracher les masques, parfois au risque d'arracher en même temps sans l'avoir voulu un lambeau de chair vive et authentique.

Pour finir, je voudrais revenir sur une question qui a été soulevée par mes prédécesseurs dans la discussion. Je crois que M. Blankoff n'avait voulu que constater un fait, une réalité d'évidence — à savoir que Ščedrin est peu connu en dehors des frontières de la Russie et notamment en Occident. Je ne crois pas qu'il ait voulu faire de cette simple constatation un jugement de valeur. Dans le „panthéon" littéraire de la Russie du XIX^e siècle, Saltykov-Ščedrin apparaît comme une figure de second plan — telle est la situation. Par contre, ceux qui le connaissent lui accordent le rang qui lui est dû.

Je veux dire ici pour ma part que Ščedrin doit être situé cette fois non plus comme témoin sur la Russie des années 60 et 70 mais envisagé en tant que créateur à travers tous les temps et tous les espaces, à côté de Lucien et surtout de Swift. Je désire rappeler ici ce qu'Aleksander Brückner

disait de Ščedrin au moment où il l'aborde dans son histoire de la littérature russe — que toutes les sociétés peuvent envier Ščedrin à la Russie de l'époque d'Alexandre II. Ces mots, écrits au début des années 20, non seulement ont conservé toute leur valeur mais semblent encore plus vrais aujourd'hui. Comme un Ščedrin serait nécessaire à notre temps — probablement dans tous les pays! Pour l'Occident en tout cas je n'hésite pas à dire qu'un Ščedrin ressuscité viendrait singulièrement à point et qu'il trouverait une bien abondante matière pour y appliquer ses procédés de satirique, dont l'un des plus curieux a fait l'objet du présent entretien.

А. С. БУШМИН (СССР)

В Советском Союзе научное изучение наследия великого русского сатирика Салтыкова-Щедрина образовало одно из наиболее развитых ответвлений советского литературоведения. В других странах Салтыкова-Щедрина знают и изучают гораздо слабее, нежели таких его литературных современников, как Тургенев, Достоевский, Толстой. Поэтому следует приветствовать тот интерес, который давно уже проявляет наш коллега из Бельгии Жан Бланков к творчеству русского сатирика и который нашел свое новое выражение в докладе на съезде славистов.

Доклад дает краткое и в то же время — насколько это возможно в тесных границах — компетентное освещение той исторической обстановки в России второй половины XIX в., которая сформировала Салтыкова-Щедрина и нашла свое рельефное отражение в сатирическом зеркале его произведений.

Что же касается талантливой художественной интерпретации Салтыковым-Щедриным персонажей Грибоедова и Тургенева, то и этот вопрос, определивший заглавие и составивший конкретную часть содержания доклада, трактован соответственно его действительному значению и с учетом того, что было уже сделано советскими литературоведами. Конечно, в докладе затронут только один из многих художественных аспектов сатиры Салтыкова-Щедрина, но и на этом частном примере докладчик дает почувствовать оригинальность сатирика.

Не вызывает, однако, нашего согласия то место в докладе, где Салтыков-Щедрин, сопоставленный с его великими русскими литературными современниками, назван писателем „второго ранга“. Такой вывод является следствием все еще недостаточного знакомства с творчеством сатирика за пределами его родины. В России Салтыков уже при жизни получил признание как писатель первой величины. Тургенев справедливо говорил, что Салтыков-Щедрин в избранном им роде литературной деятельности, т. е. в области сатиры, выступает фигурой первостепенного значения. Можно предполагать, что дальнейшее развитие международного сотрудничества славистов скажется положительно и на изучении творчества Салтыкова-Щедрина.

Е. МЕТЕВА (България)

Разработената от г. Бланков тема засяга интересен момент от творчеството на Салтиков-Шчедрин. Нейното изясняване повдига редица въпроси, свързани с проблемите за обществената роля на литературата, за традиции и новаторство, за творчески стил и пр. Авторът се е спрял главно върху първата проблема, тъй като тя е свързана най-пряко с творческата практика на Салтиков-Шчедрин. Той добре разкрива умението на писателя да долови потенциалните възможности в характера на известните герои на Тургенев и Грибоедов, да покаже тяхното развитие в нова историческа обстановка и чрез тях да разобличи редица явления на съвременния му обществен живот. Би могло да се пожелае този творчески похват на Салтиков-Шчедрин да се свърже по-тясно с характера и задачите на останалото му творчество през дадения период. Не можем изцяло да се съгласим с автора и когато определя образа на Чацки само като либерал, тъй като той крие в себе си качества на бъдещ революционер декабрист. Поради това би могло да се прояви по-диференцирано отношение и към самия Салтиков-Шчедрин, който доразвива образа на Чацки като консерватор. Интересно би било да се засегне по-широко и въпросът за своеобразието на творческата типизация у Салтиков-Шчедрин в сравнение с тази у Грибоедов и Тургенев, като се свърже с характера на творческата задача, която той си поставя, и със своеобразието на художествения му стил.

Т. НИКОЛЕСКУ (Румыния)

Мне хотелось бы отметить интерес, который представляет тема доклада господина Бланкова, а также интерес, который представляет тот факт, что эта тема разработана зарубежным исследователем, поскольку сам докладчик начал с того, что указал на „странную“ и трудную судьбу произведений Салтыкова-Щедрина вне России, и, в первую очередь, на Западе. Докладчик говорил о том, что русского писателя довольно мало переводили, им мало занимались критики, исследователи.

Ввиду именно такой „трудной“ судьбы Щедрина на Западе мне кажется правомерной вступительная часть доклада, в которой господин Бланков дает основные данные о распространении произведений русского писателя во Франции, Германии, Англии.

Мне хочется сказать, что положение, на которое указывает докладчик, находит свое подтверждение и в истории русско-румынских литературных связей. В Румынии тоже мало переводили Салтыкова-Щедрина в конце XIX и в начале XX в., в то время как русская литература вообще, в первую очередь произведения Толстого, Тургенева, Достоевского, Горького находили широкое распространение. Его еще меньше переводили в так называемый период „между двумя войнами“. И только после 1944 г. румынский читатель познакомился с романом „Господа Головлевы“, многими сказками, „Историей одного города“.

Ставится однако же вопрос, чем можно объяснить эту „трудную“ судьбу русского писателя за рубежом?

Господин Бланков указал на две причины:

а) трудности, связанные с переводом произведений Салтыкова и
б) ошибочное мнение, что его произведения представляют интерес только в публицистическом плане и поэтому могут привлечь внимание только историков идейного движения.

Мне кажется, что можно указать еще на одну причину, которая, по крайней мере для Румынии, подтверждается полностью историческими данными. А именно, я считаю, что одна из главных причин „трудной" судьбы Салтыкова-Щедрина за рубежном коренится в идейной остроте его произведений, которая закрывала ему путь к либеральной и консервативной печати, к буржуазной публике. Но если идейная острота, мощный критический пафос произведений Салтыкова делали их неприемлемыми для буржуазных писателей, критиков, читателей, журналистов, то эта же идейная острота открывала им путь к передовому читателю, к передовой печати. Так например, интересно отметить, что в Румынии в конце XIX в. Щедрина популяризировали в первую очередь журналы, близкие к рабочему движению (Lumea Nova, Contemporalio).

Основная мысль, проводимая в докладе господина Бланкова — это мысль о своеобразии, глубокой оригинальности Салтыкова-Щедрина как художника. Для подтверждения своего положения он анализирует один из самых оригинальных щедринских приемов, а именно использование в его произведениях литературных героев других русских писателей: Грибоедова, Тургенева, Гончарова и т. д.

Мне хочется подчеркнуть как положительную сторону доклада стремление его автора развернуть разработку этого вопроса на историческом и историко-литературном фоне.

Правильно указал докладчик и на политическую функцию этих образов в творчестве Салтыкова. Мне кажется однако же, что следовало бы несколько углубить трактовку вопроса и выявить и историко-литературную полемику, которую, на мой взгляд, ведет при помощи этих образов Салтыков. И в особенности необходимо было проникнуть в эстетическую суть данного приема, показать отличительное, специфическое в нем, по сравнению с Пушкиным и Успенским, с одной стороны, по сравнению с другими сатирическими приемами, использованными самим Щедриным, с другой стороны (например, сравнить с приемами, использованными в „Истории одного города").

Мне кажется, что такой анализ художественного характера указанного докладчиком приема расширит и углубит трактовку вопроса и даст ему возможность проникнуть глубже в суть поставленной в его докладе проблемы.

Мне бы хотелось сделать еще некий устный „post scriptum".

Мне как-то было странно услышать от докладчика, как он называет Салтыкова-Щедрина, и я вполне присоединяюсь к словам, сказанным проф. Бушминым. Мне кажется, что г-н Бланков сам себе противоречит, называя Щедрина второстепенным писателем, после того как он сам говорил о нем как об интересном и оригинальном мастере слова и пытался раскрыть перед нами именно одну из самобытных черт его крупного таланта.

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР (СССР)

Доклад проф. Я. Мейера содержит ряд интересных наблюдений о многообразном освещении в „Бесах“ Достоевского философско-этической проблемы взаимоотношения слова и дела, замысла и исполнения. Интерес к ней, как справедливо отметил докладчик, отразился не только в „Бесах“, но также в „Преступлении и наказании“, „Подростке“, „Братьях Карамазовых“ и был обусловлен тогдашней исторической ситуацией, выдвинувшей перед различными представителями русского общества проблему перехода от „слова“ к „делу“, от теории к практике — проблему, которую каждый из них решал по-своему. Однако для того, чтобы более широко и всесторонне рассмотреть творческую историю „Бесов“, понять противоречивую художественно-идеологическую структуру этого романа, один лишь имманентный анализ его образов, данный в докладе, недостаточен. Для этого нужно обратиться к более широкому историческому изучению „Бесов“ на фоне реальной общественно-политической и идеологической борьбы в Росссии 60-х — 70-х годов. Лишь анализ этой борьбы и ее сложного преломления в „Бесах“ позволяет выяснить до конца не только острые общественно-политические противоречия, но и тесно связанные с ними противоречия художественной мысли Достоевского, отразившиеся в романе. Именно по этому пути идет большинство советских ученых (Евнин, Зунделович и др.) в своих новейших работах о „Бесах“.

Э. КРАГ (Норвегия)

К очень интересному докладу Д. Гришина „Достоевский и славянство“ хотелось бы прибавить следующее.

Все высказывания Достоевского о войне, на основании которых еще в наше время существуют люди, которые его называют „русским империалистом“, надо рассматривать на фоне определенных исторических событий, а именно турецких зверств по отношению к болгарам в 1876 г. На этом фоне — и только на этом фоне — понятны будут статьи его „Не всегда война бич, иногда и спасение. Спасает ли пролитая кровь?“ (Дневник писателя, апр. 1876 г.) и полемика против Толстого „Разговор мой с одним московским знакомым“ и „Сотрясение Левина. Имеет ли расстояние влияние на человеколюбие?“ (там же, июль—август 1877 г.) и другие статьи. К тем же жестокостям он возвращается и в „Братьях Карамазовых“, в разговоре Ивана с Алешей (гл. „Бунт“).

Трудно себе представить ту степень неосведомленности, в которой находилась тогдашняя Западная Европа относительно этих страшных событий. Как известно, только благодаря двум американским журналистам, сведения об этих событиях достигли европейской общественности и вопрос о них был поднят в английском парламенте. Гладстон выпустил свою нашумевшую брошюру „Болгарские ужасы“, и Виктор Гюго поднял свой могучий голос за дело болгар.

Не может быть сомнения в том, что Достоевский в своих статьях о внешней политике и особенно о Восточном вопросе выступал не как „русский империалист“, а как защитник угнетенных — как адвокат человечности наравно с Гладстоном и Виктором Гюго.

Д. ГРИШИН (Австралия)

Рассматривая деятельность Достоевского в революционных кружках, необходимо обратить особое внимание на его статьи, опубликованные в „Дневнике писателя". Анализ их дает возможность понять настроенность Достоевского в юности, осмыслить его деятельность, установить влияние идей утопического социализма на все его творчество. Как видно, Достоевский гордился своим революционным прошлым и стремился как можно больше рассказать современникам и грядущим поколениям о петрашевцах. В статье „Одна из современных фальшей" (1873) Достоевский без всяких оговорок причислил себя к одной из наиболее активных групп революционеров. В статье „За умершего" (1876) он делает замечательное признание о существовании тайных обществ. Оказывается, что у Петрашевского, кроме обычных собраний по пятницам, бывали особые собрания членов тайных обществ. Достоевский пишет, что его брат Михаил не участвовал в „организованном тайном обществе у Петрашевского, ни у Дурова. Тем не менее он бывал на вечерах у Петрашевского". После ареста Михаил не дал следственной комиссии „никаких показаний, которые могли бы компроментировать других, с целью облегчить свою участь". Какими же сведениями располагал М. Достоевский? По всей вероятности Ф. Достоевский, горячо любивший брата, рассказал ему все о деятельности законспирированных тайных обществ, членом которых он был. Сообщение этих сведений следственной комиссии гарантировало бы М. Достоевскому освобождение. За данное предположение говорит и замечание Ф. Достоевского „брат мог бы кое-что сказать, ибо, хоть сам ни в чем не участвовал, но знал о многом".

В статье „Старина о петрашевцах" (1877), запрещенной цензурой, Достоевский дает восторженную характеристику петрашевцам. Он считает их лучшими людьми русского народа.

Анализ статей „Дневника писателя" о петрашевцах дает возможность полагать, что Достоевский остался до конца жизни под влиянием идей молодости. Они наложили мощный отпечаток на все его творчество.

М. ВЕГНЕР (ГДР)

Я прочитал работу коллеги Жегулина с большим интересом и удовлетворением. Почему? Я ведь не открываю тайну, если я напомню о том, что в Западной Европе и в США находятся немало исследователей, в том числе и славистов, которые весьма тенденциозно занимаются творчеством русских революционных демократов. Позволю себе привести только один, но в отрицательном смысле весьма знаменательный пример. Как раз перед Софийским съездом я смог ознакомиться с одной новой книгой — „Историей русской литературы", изданной в конце прошлого года в Западной Германии. Автор этой книги Всеволод Сечкарев находится теперь в США. Я не хочу в связи с этой книгой остановиться на том весьма сомнительном принципе издательской практики, что Сечкарев переиздает свою „Историю..." почти в том же виде, в котором она была опубликована в 1949 году в Западной Германии. Это дело научной репутации автора. Я хочу только сказать, что Сечкарев яростно, враждебно

относится к революционным демократам. Мы находим в этой тенденциозной книге, которая предназначена для широкой западногерманской общественности, мысль, что будто бы революционные демократы старались „истребить“ русскую литературу, расцветшую после Пушкина и Гоголя, что Чернышевский и Добролюбов являлись примитивными материалистами, которые исходили в своей литературно-критической практике из тезисов, как например — „настоящее яблоко лучше яблока в искусстве, потому что его можно съесть“ и т. д. Я думаю, такое освещение роли русских революционных демократов не имеет ничего общего с наукой и должно получить с нашей стороны самый крепкий отпор. Я привел этот пример, чтобы противопоставить интересную статью коллеги Жегулина таким клеветам о революционно-демократической литературной критике.

Самым главным и плодотворным в этой работе мне кажется то, что коллега Жегулин старается выявить большое значение Чернышевского и в особенности его романа „Что делать?“ для развития русской литературы, что он указывает на особую роль этого романа для формирования социалистической литературы.

Конечно, при этом мне хотелось заметить, что было неправильно не видеть того, что социалистическая литература усваивает все богатство классической русской литературы, что в историческом плане она является результатом всего развития литературы 19 века. Повторяю, именно выявление новаторства Чернышевского автором является ценным, интересным достижением коллеги Жегулина. С этой точки зрения, обширная научная литература о Чернышевском обогатится еще одним интересным трудом.

Это мне кажется самым важным и поэтому я не хочу сегодня спорить с коллегой о некоторых, на мой взгляд, неправильных утверждениях. Например, с таким положением как на стр. 487 „Chernyschevsky's heroes are not red people“ или с таким спорным положением на стр. 475 („What to Do?“ is not a great work of art“) и т. д. Я только хочу указать на то, что по моему мнению понимание автором метода социалистического реализма требует основательного пересмотра. Сознаюсь, что у меня сложилось такое впечатление, что коллега Жегулин очень упрощенно понимает то, чем является метод социалистического реализма. У него выходит так, что социалистический реализм — это что-то схематическое, нормативное, что это сумма определенных правил. Ведь коллега находит шесть таких обязательных правил для социалистически-реалистического изображения действительности. И получается так, в конце концов, что читатель его статьи должен сравнивать метод социалистического реализма, например, с нормативной эстетикой Буало.

Хотелось высказать желание, чтобы коллега продумал свою концепцию социалистического реализма и обратил внимание на то, что он не догматическая замкнутость, а творческая широта, которая возникает на основе социалистической идеологии, является обязательным признаком социалистической литературы нашей эпохи.

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР (СССР)

В докладе коллеги М. Вегнера в одинаковой степени привлекают внимание как его исходные методологические положения, касающиеся проблемы типологических аналогий в истории литературы и обществен-

ной мысли, так и конкретные наблюдения и выводы. Сопоставление эстетических идей молодого Германа Геттнера с материалистическими идеями Чернышевского позволило М. Вегнеру убедительно показать близость тех путей, по которым в 1840-е — 1850-е годы совершалось в Германии и в России развитие передовой демократической мысли, перед которой и там и здесь в области эстетики стояли сходные задачи — критика гегелевского идеализма и разработка теории искусства на противоположной, материалистической основе. М. Вегнер, как мне представляется, справедливо подчеркнул историческую закономерность развития тогдашней русской и немецкой демократической мысли в этом — основном — направлении, верно отметив вместе с тем бóльшую революционную последовательность материалистических идей Чернышевского по сравнению с Фейербахом и Геттнером. В добавление к сказанному докладчиком отмечу, что смелые работы молодого Г. Геттнера, направленные против идеалистической эстетики, были замечены в России 1840-х годов и сочувственно встречены передовым русским читателем. В 1849 году и „Отечественных записках" (в качестве рецензии на русский перевод „Эстетики" Гегеля) был напечатан перевод статьи Геттнера „Против спекулятивной эстетики", причем имя автора этой статьи по цензурным причинам осталось неназванным. Поэтому указанный факт ускользнул от внимания позднейших исследователей.

Л. В. ВОРОБЬЕВ (СССР)

Доклад Петра Григорьевича Пустовойта затрагивает необычайно интересную тему, мало разработанную в современной славистике. Но точнее было бы говорить не о некоем едином „славянском характере", а о некоторых общих чертах в национальных характерах славянских наций.

П. Г. Пустовойт не всегда критично оценивает некоторые взгляды Герцена: нет сомнения, что пресловутая „пассивность" когда-то исторически сложилась у некоторых славянских наций, но это не вечная особенность, славяне, совершившие социалистическую революцию, доказали, что они „не ждали толчка извне" и внутри себя обрели силы для социального освобождения.

Очень точно и глубоко П. Г. Пустовойт анализирует взгляд Герцена на „интернационализм" славян и достаточно убедительно подтверждает фактами свои утверждения.

Тема эта перспективна, она обращена в будущее, когда, возможно, цельный „славянский характер" станет уже не плодом мечтаний об единстве, не идеальной фикцией, а объективной реальностью коммунистического общества.

Г. ГЕРМАНОВ (Болгария)

Заслугой П. Г. Пустовойта является то, что он ставит вопрос о характере. Литературоведы так часто говорят о литературных характерах, но как можно установить верность и правдивость литературного характера, не зная глубоко характера, чьим отражением он является. Националь-

ный характер продолжает оставаться живой реальностью и в нашу эпоху, когда различия в духовном складе людей разных наций все более стираются. Здесь, конечно, нельзя терять из вида историческую и классовую обусловленность национального характера.

Я вижу заслугу тов. П. Г. Пустовойта и в том, что он взялся разработать один оставшийся в стороне до сих пор уголок герценовского литературного и идейного наследства. Эта разработка помогает выяснить отношение Герцена к данным проблемам, вносит новые детали в его характеристику писателя, философа и политического деятеля.

Приступая к рассмотрению проблем, П. Г. Пустовойт исходит из установок Ленина о двух этапах в развитии в национальном характере и о двух нациях и двух культурах в классовом обществе, что дает ему возможность в дальнейшем оперировать правильно этими фактами. Благодаря правильному марксистскому подходу к материалу, автор избегает той скользкой почвы, на которую не трудно ступить, разрабатывая такую тему, — хотя и несознательно противопоставить славян другим народам.

Автор вполне прав, считая, что вопрос о характере можно решить только на широкой основе, усилиями не одних литературоведов и лингвистов, но также и историков и этнографов. Уверен, что он случайно не упомянул психологов.

Герценовский взгляд на национальный характер славян нельзя раскрыть по-настоящему, не сравнивая его с противоположными ему взглядами славянофилов и других консервативных или реакционных политических течений в России той эпохи. Автор удачно находит все то, что связывает Герцена с нашей эпохой, с нашими взглядами. Он извлекает самое важное из оценок, которые выдающийся писатель дает характеру различных славянских народов, подчеркивая отсутствие шовинизма и национализма в его взглядах. Наоборот, он опирается на те места, где Герцен рисует портреты замечательных людей, политических борцов и деятелей культуры различных слвянских народов. Одновременно с тем в докладе выяснено отношение Герцена к романским к германским народам, и именно он считает, что живя собственной жизнью, они как и славянские народы, вносят свой вклад в сокровищницу мировой культуры.

П. Г. Пустовойт объективно (но не объективистски) относится и к ошибкам Герцена в оценке характера славян. Разоблачая реакционную политику русского царизма в Польше, Герцен в то же самое время пишет об отсутствии „политической пластичности у поляков". Автор отмечает это, хотя и незначительное отступление от основной позиции, чтобы могла получиться полная картина, без изъятия того, что иным могло бы показаться неуместным. Хорошо то, что авторитет Герцена не подавляет автора доклада, и он, относясь с глубоким уважением к нему, остается верным научной истине.

И с сочувствием и критически относится и к герценовским взглядам на идею о федерации славян.

Аналогию взглядов Герцена со взглядами прогрессивных деятелей других славянских народов следовало бы развернуть шире в докладе.

Считаю также, что можно было бы оговорить, что здесь речь идет не об оценке славянского характера во всей его сложности, а скорее об оценке некоторых самых важных черт, касающихся главным образом социальной и политической жизни и социальных и политических идей славян.

Считаю еще, что доклад выиграл бы от хотя совершенно беглого сопоставления идей Герцена по данному вопросу с идеями других революционных демократов.

А. КОВАЧ (Румыния)

Деятельность Герцена имела огромное значение не только для развития русского освободительного движения, но и революционного движения многих других славянских и неславянских народов. Вокруг Герцена группировались революционеры-эмигранты из таких неславянских стран, как Италия, Венгрия, Румыния и т. д. Поэтому революционные интернационалистические традиции Герцена дороги и нам сегодня.

Доклад П. Г. Пустовойта ставит актуальную, очень нужную для современной науки тему. Он направлен против искажения революционных позиций Герцена в понимании национальных характеров славянских народов, против сближения его взглядов на эти вопросы с националистическими, консервативными позициями славянофилов. Нужно отметить правильное, научное решение проблемы в докладе П. Г. Пустовойта, рассматривающего национальный характер конкретно-исторически, отмечающий ряд характерных черт отдельных славянских народов.

Думается, что П. Г. Пустовойт мог бы расширить разработку некоторых проблем, которые, безусловно, ясны для него, но которые он не счел нужным ввести в работу. В своем устном выступлении П. Г. Пустовойт правильно говорил об отдельных национальных характерах славянских народов, а не о характере вообще. При этом нужно учитывать, что национальный характер всегда связан или с буржуазными, или с социалистическими общественными условиями.

На наш взгляд следовало шире раскрыть историческую ограниченность Герцена — например, в его утверждении, что характер славян во всех государствах и на протяжении всех веков один и тот же.

Повторяю, доклад показался нам очень интересным, решающим сложную тему.

Интересна и тема доклада М. Вегнера — ГДР „Чернышевский и Геттнер". У автора наблюдается стремление к строго научному решению вопросов, умение глубоко проникать в теоретические проблемы. Вместе с тем хочется отметить такое не совсем точное утверждение, по которому Чернышевский и Геттнер критиковали Гегеля с позиций материализма Фейербаха. Не отрицая влияния на Чернышевского Фейербаха, мы, тем не менее, можем смело утверждать, что у русского революционера-демократа был свой материализм, своя, существенно отличающаяся от взглядов немецкого философа эстетическая система.

Что же касается причин исторической ограниченности Геттнера после 1848 года, то их, на наш взгляд, следует искать не только в общественных условиях вообще, но и в личной его классовой ограниченности.

Доклад М. Вегнера обогащает наши представления о развитии мировой эстетической мысли и является поэтому очень полезным.

М. ЦАНЕВА (България)

В своята интересна работа проф. Пинто правилно е схванал и подчертал редица характерни особености на Елин Пелин като художник. Но там, където се опитва да оспори общоприетото у нас становище, че Елин Пелин е критически реалист с ясна представа за обществената роля на писателя, разсъжденията на автора стават твърде неубедителни. В никакъв случай не можем да се съгласим с твърдението му, че като изключим „Напаст божия", в художествено зрелите работи на Елин Пелин от 1901 г. нататък прозвучавали само „понякога" „случайни" социални нотки. Нима могат да се откъснат от „социалния патос" на времето разкази като „Андрешко", „Закъснялата нива", „Престъпление", „На оня свят", „Любов", „На браздата", „Спасова могила" и редица други шедьоври на Елин Пелин? Тъкмо социалните проблеми, вълнуващи умовете и душите на хората, са за писателя оная основа, върху която нарастват и от която се определят човешките отношения, характери и психика. Някъде това може да се скрие дълбоко в художествената тъкан на изображението, но често излиза и на по-преден план. Чисто художественото претворяване на социалните проблеми не притъпява критичното острие на автора. „Социалната мотивировка" в един разказ може и да не бъде пряка и открита, а да се чувствува в общата атмосфера на рисувания живот. Освен това не виждам защо липсата на „социална мотивировка" или по-точно липсата на п р я к а „социална мотивировка" в отделен разказ трябва да ни накара да забравим явното присъствие на такава мотивировка в десетки други Елин Пелинови творби. Големият художник не опростява живота до няколко социални схеми — той го рисува в цялото му разнообразие и богатство. Както на друго място изтъква самият проф. Пинто, разказите на Елин Пелин могат да бъдат правилно оценени само ако се обхванат като цялостен цикъл. Именно този цикъл, обхванат цялостно, ни показва, че богатата галерия от човешки характери, нарисувани от Елин Пелин, възниква върху почвата на едно исторически определено класово общество, където в личните отношения между хората се пречупват социални отношения и конфликти.

Непълно и поради това неточно е предадено и изказването на Елин Пелин за обществената роля на писателя.

Н. КРАВЦОВ (СССР)

Доклад проф. Вученова ставит важный вопрос, который имеет методологическое, теоретическое и историко-литературное значение. В докладе есть ценные мысли, есть богатый материал.

Но с принципами периодизации реализма, которые выдвигает проф. Вученов, никак нельзя согласиться.

Периодизация развития реализма, деление его на фазы, этапы требует определения реализма. А в докладе проф. Вученова (и печатном, и устном) нет такого определения. Мы не знаем, как проф. Вученов понимает реализм. Поэтому неизвестно, что именно делится на фазы.

Если считать реализм особым способом изображения жизни, главные черты которого состоят в раскрытии основных общественных конфликтов (см. В. И. Ленин о Толстом), изображении типических характеров в типи-

ческих обстоятельствах (Ф. Энгельс), изображении жизни в формах самой жизни (Чернышевский), то он отличается от условного и безыдейного искусства. Если реализм есть способ изображения жизни, то фазы его развития должны быть установлены, исходя из:

а) сущности реализма,

б) изменения его характера,

в) совершенствования его как искусства.

Предложенную проф. Вученовым схему принять нельзя, потому что в ней в основу положена не сущность реализма, а только его тематика.

Тематика также характеризует метод, но она не главное. Одну и ту же тему могут разрабатывать и романтик, и реалист. Важно, как они ее разрабатывают.

В делении реализма на три фазы (публицистически-критическую, сельскую-рустикалну, городскую-паланачку) нет единства. В первой фазе была только теория реализма, а художественного реалистического творчества еще не было.

По тематике нельзя определять фазы реализма, потому что:

а) романтики тоже писали на сельские темы, но это не делало их реалистами,

б) модернисты писали о городе, но это тоже не делало их реалистами,

в) первый реалист в сербской литературе — Игнятович — писал о городе, но относится не ко второй, а к первой фазе реализма.

Важен уровень развития реализма. Игнятович писал о городе, а Глишич о селе, но по уровню развития реализма в их творчестве они оба принадлежат к первой фазе реализма.

Сремац и Доманович жили и писали в одно время, но по уровню развития реализма в их творчестве они различны: Сремац ближе к Гоголю, Доманович — к Салтыкову-Щедрину.

Проф. Вученов неправ, когда заявляет, что основания для периодизации могут быть различные. Это неверно. Основание может быть только одно: сущность реализма.

Есть в докладе упрощения. Например, на стр. 112 проф. Вученов пишет: кто происходил из села, критиковал город; кто происходил из города, критиковал село. Дело обстояло сложнее. Радое Доманович критиковал и город, и село.

Только в первой фазе реализма проф. Вученов находит теорию реализма и реалистическую критику. Но они имели место и во второй и в третьей фазах. О реализме писали и критики (Скерлич) и писатели (Веселинович). Огромную роль в разработке теории реализма и его защите сыграл Скерлич.

Проф. Вученов на стр. 109 приводит слова Скерлича о реализме, но не использует их. Скерлич говорит именно о развитии реализма как способа изображения жизни.

В развитии сербского реализма можно выделить несколько фаз. К тому времени, о котором говорит проф. Вученов, можно отнести две фазы: начальную (до средины 90-х годов XIX века) и фазу более зрелого, более полноценного реализма (до 1918 года). Далее идут еще две новые фазы реализма — времени между двумя войнами и современная.

Две первые фазы имеют общие черты, так как и та, и другая — реализм, но имеют и различия.

Первая фаза — начало реализма. В это время реализм еще примитивен, в нем есть и остатки романтизма, и вместе с тем борьба с романтизмом и черты натурализма (описательность, бытовизм). В это время сильно гоголевское влияние. Глубокого анализа жизни и психологического изображения человека еще нет. Социальные проблемы еще не обострены, типизация еще чисто внешняя, жизненные формы нарушаются, господствуют жанры повести и рассказа. Темы еще однообразны, жизнь широко не охватывается.

Вторая фаза — расцвет реализма. Реализм становится более совершенным. Он ведет борьбу с модернизмом, но и испытывает влияние новых течений, например, импрессионизма (Кочич). Он усваивает опыт великих реалистов, особенно Толстого, Чехова и Горького, опыт новой французской литературы. Он углубляет анализ жизни и психологическое изображение человека. Он ставит большие общественные проблемы (Чинико, Кочич, Станкович, Доманович), углубляет типизацию и делает попытки создать роман. Он расширяет свою тематику, широко охватывая самые разнообразные стороны жизни.

Полагаю, что такое выделение двух первых фаз реализма и такая характеристика этих фаз более правильны, нежели то, что предлагает в своем докладе проф. Вученов.

Б. НИЧЕВ (България)

Докладът на проф. Вученов представя интересен опит да се хвърли един синтетичен поглед върху развитието на сръбския реализъм през миналия век и да се даде периодизация на тоя етап от сръбската литература. Проф. Вученов е избрал тематичен принцип за систематизация на огромния и противоречив материал, с който работи. Той обаче не изключва, а, напротив, изтъква възможността и от други критерии за периодизация на сръбския реализъм. Друга една особеност на неговата концепция е, че той разглежда реализма като определена литературна школа, възникнала при исторически сложили се условия и дори на определен терен (в центъра на вниманието му са преди всичко писателите от централна Сърбия), а по-малко като един художествен метод.

Бих искал да кажа няколко думи за сръбския реализъм като художествен метод.

Напоследък все по-определено и по-определено между изследователите на реализма се очертават две концепции: една по-широка, която разглежда реализма като явление, принадлежащо на много и различни епохи, и друга, за която реализмът е конкретно историческо явление, възникнало при определени условия.

Не съм привърженик на оня възглед за реализма, който генерализира тоя метод върху най-различни литературни явления за сметка на други стилове и школи. Но несъмнено е, че реализмът в славянските литератури се явява при специфични условия и има своеобразен характер, че е свързан с търсенето на идеал, че често се явява смесен с други методи на художествено обобщение. Съзнанието за това своеобразие на реализма в славянските литератури започна все по-определено и по-определено да си пробива път в работите на редица изследователи — например в труда

на младия съветски теоретик Г. Гачев. Той бе поставен дори на настоящия конгрес в интересния доклад на югославския литературовед д-р Драган Неделкович.

Именно във връзка с това обстоятелство твърде интересно стои въпросът за началото на реализма и в сръбската литература. Ако разгледаме реализма като метод, а не като една строго ограничена школа, като такова литературно явление, което обобщава най-добрите за своето време резултати от художественото развитие на даден народ, то непременно трябва да потърсим неговите корени и основи преди неговата афирмация като литературна школа. Така стои въпросът, струва ми се, и с реализма в сръбската литература. Още при Негош например, ако вземем движението от „Луча микрокозма" към „Горски виенац", можем да набележим началото на тоя процес. Тук става дума несъмнено не за определен реалистичен израз, а за предварителна обработка на редица елементи на литературен израз, които по-късно реализмът обобщава. Във връзка с последното възниква и интересният въпрос за все още недооценената роля на Любен Каравелов за развитието на сръбския реализъм. Неговото скромно по обем и художествени качества творчество на сръбски се оказва своеобразен възел, който обединява някои основни тенденции и постижения на сръбската литература, възникнали преди или по това време и водещи към реализма от 80-те и 90-те години. С основание Ж. Милисавац пише в доклада си „Значението на сатирата за развоя на сръбския реализъм", че творчеството на Стерия, Яков Игнятович и Змай носи редица елементи, подготвящи и предшествуващи сръбския реализъм от края на 60-те, от 70-те и 80-те години на миналия век. И наистина Стерия разработи и разви такива моменти от изобразителната система на реализма като техниката за създаване на колоритен национално-битов художествен тип в комедията, без който не бихме могли да си представим много образи не само на Нушич, но и на Глишич. Яков Игнятович пък се опита да даде широка картина на бита и нравите в Сант Андрея. Змай от своя страна следеше отблизо обществения живот, превръщаше поезията си в хроника на политическите нрави. Значението на Любен Каравелов в сръбската литература обаче е в това, че успя до голяма степен да обедини някои от тия страни и тенденции на сръбската реалистична и предреалистична литература. Така например, за Яков Игнятович бе характерен стремежът да обхване колкото се може по-широко живота около себе си. Скерлич казваше за него: „Не разглеждайте неговото дело отблизо, то е грубо, нахвърлено, просто, неизкусно, пълно с грешки, които дразнят окото, нестройно и грапаво, че понякога дори не е за четене. Но постъпете с неговото обширно дело така, както се прави със съвременна картина: погледнете го от разстояние и обърнете внимание на цялото. Ще видите, че в него има нещо голямо, изразително, че е работа наистина на художник, който е видял и усещал могъщото и дълбоко движение на живота." На Змай бе чужд един подобен поглед върху света, но той бе развил една друга черта, нехарактерна за Игнятовичевото творчество, но характерна за по-късния сръбски реализъм — пряката обществена ангажираност на изкуството, определената му насоченост към обществени и политически проблеми. Затова пък Л. Каравелов се стремеше да обедини тия две тенденции: да даде и обща картина на живота около себе си (разбира се, от определен зрителен ъгъл), да

преодолее ограничеността на регионализма в сръбската литература и същевременно да създаде едно утилитарно изкуство, почиващо върху определен идеал. И в тоя смисъл неговата повест „Крива ли е съдбата?“ представя възлов момент в търсенията на сръбския реализъм и крачка напред в развитието му.

Н. КРАВЦОВ (СССР)

Методологическое значение вопроса, который служит предметом доклада коллеги Урбана, очень велико. Проф. Урбан рассматривает различные формы отношения национальных литератур: влияние, связи, взаимодействие. Он справедливо иронически говорит о „вливологии“ — увлечении изучением влияний одной литературы на другую, одного писателя на другого.

Но надо отметить, что в последнее время в литературоведении славянских стран наблюдается увлечение связями. Культурные связи славянских народов между собой имели огромное значение: они объединяли народы в освободительной борьбе, содействовали развитию их национальной культуры, ускоряли развитие их литературы, помогали бороться с отрицательными, декадентско-модернистскими влияниями.

Связи были широкими и вызывали взаимодействие славянских литератур друг на друга, то есть вели ко взаимному обогащению литератур. Однако вопрос о связях и взаимодействии литератур должен быть подчинен более общему вопросу — общим закономерностям развития славянских литератур. Связи должны быть поставлены на свое место в развитии литератур. Иначе мы придем к тому, что можно иронически назвать „связеманией“ или „связелогией“ — „встагологией“ (по-чешски).

Проф. Урбан затрагивает вопрос и об историко-литературных закономерностях, но не рассматривает его подробно. А это очень важный вопрос. Он является центром сравнительного изучения литератур. Влияния, связи, взаимодействия лишь помогают проявляться общим закономерностям развития литератур.

Для сравнительного изучения славянских литератур имеет значение то, что славянские народы связаны между собою этническим родством, родством языков, культурной общностью древнего периода их истории, сходной исторической судьбой: они пережили многовековое иноземное порабощение, а сейчас вступили на путь нового социалистического развития. Ранее они, в силу многовекового национального угнетения, отставали в своем развитии от других европейских народов, теперь по уровню исторического развития они обогнали итальянский, турецкий, австрийский народы, под гнетом феодалов которых были ранее.

Все это служит почвой сходного культурного развития славянских народов, в том числе их литературного развития, в котором действуют общие для славянских литератур закономерности.

Чтобы показать их проявление, приведу один пример.

В средине XIX века в славянских литературах широко стали проявляться общие закономерности их развития, так как более сходным стало общественное развитие славянских народов, которые пережили национальное возрождение, и так как возросли культурные связи.

В литературе появились однотипные явления: Некрасов, Шевченко, Ботев, Якшич, Неруда.

На Украине не было поэта пушкинского типа, поэтому Шевченко пришлось выполнять и те творческие задачи, какие должен был выполнить поэт пушкинского типа, и те, какие должен был выполнить поэт некрасовского типа, так как Шевченко выступил уже в новый период литературного развития.

Нарастание освободительного (революционно-демократического или радикально-демократического[1]) движения в славянских странах поставило перед литературой новые важные идейно-художественные задачи. Эти задачи мог выполнить только писатель нового типа. Таким деятелем должен был быть поэт, так как подъем и кипение революционной борьбы и мысли лучше всего выражала поэзия.

Во всех славянских литературах ждали поэта нового типа.

Добролюбов ждал появления поэта с высокими жизненными идеалами. Он писал: „Нет ни малейшего сомнения, что естественный ход жизни произвел бы такого поэта; мы даже можем утверждать это не как предположение или вывод, но как совершившийся факт". Чернышевский видел нового поэта в Некрасове и в письме к нему писал, что такого поэта в России еще не было. Чернышевский просил Некрасова выполнить долг: „быть в поэзии создателем современного нового периода". В украинской литературе поэтом нового типа был Шевченко, как отметили Чернышевский, Добролюбов, Каравелов и Неруда.

В болгарской литературе поэтом нового типа был Ботев. Литературоведы (и советские, и болгарские), увлекаясь изучением связей, обычно пишут о Каравелове и Шевченко. Но типологически надо сопоставлять Шевченко и Ботева, так как Каравелов главным образом прозаик, а не поэт, и так как он несколько отличается от Ботева в идейно-художественном отношении.

Ботев сам страстно ждал поэта нового, революционно-демократического типа. Об этом он говорит в стихотворении „Почему я не поэт" и в фельетоне „Обязанности писателей и журналистов". Но таким поэтом — поэтом нового типа — был сам Ботев.

В Сербии таким поэтом был Джура Якшич.

В Чехии Ян Неруда ясно чувствовал и понимал закономерность, необходимость появления поэта нового типа, какого он видел в Шевченко и Некрасове. В статье о Шевченко Неруда, дав ему высокую оценку, спрашивает: „О каком из наших чешских поэтов мы могли бы сказать подобное?"

На этот вопрос Неруда не мог ответить, так как подобное можно было сказать только о нем самом.

Другой чешский поэт — Ярослав Врхлицкий — сказал о Неруде: „Если Неруда конгениален с кем-либо, то это с русским Некрасовым. Он ближе всех к нему своею горечью и злостью, своею серьезностью социальных и народных размышлений". Врхлицкий подчеркивал, что поэзия Неруды была „чем-то совсем новым и неслыханным".

Друг и соратник Неруды Витезслав Галек в статье „Ян Неруда" („Кветы", 1868) писал: „Ян Неруда принадлежит к замечательнейшим явлениям нашей литературы." Далее он высмеивает тех поэтов и крити-

[1] Радикально-демократическое движение испытывало на себе влияние революционной демократии.

ков, которые в то же время ждали появления „чешского Пушкина“ или „чешского Мицкевича“. Но им на удивление явился... Неруда, то есть поэт иного типа. Это было закономерно, так как поэт пушкинского типа или мицкевического типа уже не мог появиться, потому что наступила новая историческая эпоха.

В Болгарии в это время появился не второй Петко Славейков, а новый поэт — Христо Ботев.

Интересный доклад проф. Урбана был бы еще более интересным и ценным, если бы коллега Урбан установил отношения между такими явлениями, как „влияния“, „связи“, „взаимодействия“, и показал, что они помогают проявляться общим закономерностям литературного развития, которые рождают сходные, однотипные явления в различных литературах. Общие закономерности и однотипные явления служат основным предметом сравнительно-исторического изучения литературы.

21 септември — 21 сентября — 21 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

J. KULCZYCKA-SALONI (Polska)

BOLESŁAW PRUS W OCZACH POTOMNYCH

Z Polskich Studiów Slavistycznych, Warszawa, 1963, str. 153—182.

Bolesław Prus nie znalazł za życia łaski w oczach rodaków: nigdy nie był ceniony tak, jakby tego pragnął i jak na to zasługiwał. Widziano w nim pisarza bardzo nierównego, raczej niewielkiego lotu choć zbyt wygórowanych ambicji, dziwacznego pseudofilozofa i pseudosocjologa, publicysty o wąskich zainteresowaniach, zaplątanego w rozwikływanie drobnych trudności codziennego życia. Co gorsza zaś, kwestionowano jego patriotyzm — sądu tego nie wypowiadano wprost, bo nie pozwalała na to sytuacja prasy polskiej, uciskanej przez carską cenzurę, tkwił on jednak w podtekście wielu współczesnych sądów o pisarzu, wypowiedziany zaś został otwarcie już w dwudziestoleciu przez ludzi, którzy Prusa znali i pamiętali i którzy ten sąd uznali za jedną z największych pomyłekjego pokolenia.

Ta atmosfera niechęci i zastrzeżeń politycznych stała się bezpowrotną przeszłością z chwilą powstania państwa polskiego. Wtedy także ukazała się pierwsza monografia o Prusie będąca w niektórych swych partiach apologią pisarza. Dla nas, którzy widzimy i rozumiemy mądrą troskę Prusa-patrioty o przyszłość narodu, niezrozumiałe jest równie oskarżenie jak obrona.

Ale korektura, którą wnosi historia, nie organicza się tylko do spraw ideologicznych i światopoglądowych. Współcześni stawiali Prusa znacznie niżej niż Sienkiewicza, zarzucając mu, że nie umie komponować powieści, że daje się ponosić dziennikarskiemu zapałowi, że metody „gazeciarskie“ przenosi do twórczości literackiej. Potomni zaś w *Lalce*, w której nikt ze współczesnych

nie dostrzegł rewelacyjnego zwrotu w zakresie techniki narracyjnej, widzą najdoskonalszą, najbardziej europejską powieść polską w. XIX, w jej bohaterze którego współcześni atakowali za brak jednolitości, za brak konsekwencji w postępowaniu, najbardziej posągową i najbardziej reprezentatywną postać polskiej literatury poromantycznej. Bogata literatura naukowa (m. in. *Lalce* i *Faraonowi* poświęcono studia monograficzne) ukazała twórczość Prusa w kontekście jego publicystyki oraz w kontekście współczesnej literatury powieściowej, której był pilnym i krytycznym czytelnikiem. Wczytawszy się w surową, precyzyjną prozę Prusa, wolną od nalotów przejściowych mód literackich, co tak raziło jego współczesnych, dostrzeżono podłoże pracy myślowej, rzetelnego wysiłku intelektualnego, którego współcześni nie zauważyli.

W Polsce Ludowej twórczość Prusa stała się przedmiotem studiów badaczy-marksistów. Dzięki ich pracom ukazany został w pełni realizm Prusa, znaczenie jego dzieł jako bezcennego dokumentu epoki, które tę wartość zachowają mimo ograniczeń Prusa-myśliciela, kształtującego na Spencerze swoje poglądy socjologiczne.

Niespodziewany dla najżarliwszych nawet wielbicieli Prusa był jego sukces teatralny: na scenie ukazały się adaptacje wszystkich powieści oraz wielu nowel i opowiadań. Przyczyn tego sukcesu należy szukać nie tyle w niedostatkach oryginalnej twórczości dramatycznej, co w swoistych cechach pisarstwa Prusa: przede wszystkim w jego oryginalnym humorze oraz umiejętności eksponowania problematyki narodowej i społecznej. Powszechne zainteresowanie publiczności scenicznymi adaptacjami Prusa świadczy, jak pisarz jest bliski polskiemu odbiorcy masowemu.

Nieszczęśliwy był debiut filmowy Prusa: tylko młodzieńcza jego powieść *Dusze w niewoli* doczekała się adaptacji. Miejmy nadzieję, że adaptacja *Faraona* wzbogaci skromniutką kartę dziejów Prusa na ekranie.

H. SEGEL (USA)

MICKIEWICZ AND THE ARABIC QASIDA IN POLAND

American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. The Hague, 1963, p. 279—300.

А. П. СОЛОВЬЕВА (СССР)

УТВЕРЖДЕНИЕ РЕАЛИЗМА В ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Славянские литературы. Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов, Москва, 1963, стр. 175—200.

Исследование этапов развития реализма помогает выявить своеобразие литературного процесса в каждой национальной литературе. В чешской литературе реализм возник в результате закономерного движения литературного процесса. Зарождение черт этого метода, который стал новой ступенью в художественном освоении мира, относится ко второй половине 40-х г. — новому этапу в развитии чешского общества, стоявшего у порога буржуазно-демократической революции.

Возникновение концепции реалистического искусства, программы чешского реализма связано с литературной борьбой и творческой деятельностью маевцев (рубеж 50—60-х гг. — 70-е годы), которые создали вершинные произведения своего времени.

Создание программы реализма и его утверждение в чешской литературе как направления, которое выражало ведущие тенденции и основные перспективы литературного развития XIX в., происходят одновременно. Творцом программы реалистического искусства является Неруда — наиболее талантливый и масштабный художник своего времени, в творчестве которого принципы реализма раскрылись с наибольшей художественной убедительностью. Утверждение реализма принесло в чешскую литературу небывалую широту проблематики, попытку осмыслить и отразить всю сложность современной действительности в ее общественно-политических и семейно-бытовых отношениях, воссоздать богатый духовный мир современного человека в „формах жизни". Однако процесс развития реализма в 60—70-е гг. не стал всеобъемлющим в литературном движении этого времени. Особенности общественно-политического развития страны создавали почву и для развития романтизма, который определил многие эстетические достижения ряда крупнейших художников слова, начавших свой творческий путь в этот период (Чех, Врхлицкий).

Значительных художественных успехов реализм достиг на последующих этапах своего развития (Ирасек, Сташек, Сова, Махар, Безруч, Чапек, Малиржова и др.), все полнее раскрываясь как искусство огромных возможностей, социальных обобщений, творческого полета и высокого эмоционального накала.

Ж. МИЛИСАВАЦ (Југославија)

ЗНАЧАЈ САТИРЕ ЗА РАЗВОЈ РЕАЛИЗМА У СРПСКОЈ КЊИЖЕВНОСТИ

Према досадашњим схватањима, која потичу од поставки познатог историчара српске књижевности Јована Скерлића, датум рођења српског реализма обележио је Светозар Марковић својим чланцима Певање и мишљење (1868) и Реалност у поезији (1870) са својим истомишљеником Љубеном Каравеловом, који је у исто време (1868) објавио реалистичку приповетку Је ли крива судбина?.

Марковић је поставио, нарочито у чланку Реалност у поезији, теоретске основе реалистичког литерарног правца. Од овога времена реализам се развија као школа; од тога тренутка он постаје владајући и општеприхваћени метод и поглед на свет. Међутим, не може се рећи да пре тога код Срба није било реализма, да није било писаца који су и пре овога датума по инстинкту или свесно прихватали реалистички метод.

Такав један писац је Јаков Игњатовић. Већ је Скерлић признао Игњатовићу особине реалистичког писца па га је, да не би кварио постављени шаблон у својој Историји нове српске књижевности, ставио после Светозара Марковића, иако је овај написао свој први реалистички роман, и први роман те врсте уопште у српској књижевности, још 1860. године (Милан Наранџић). Отуда неки савремени историчари књижевности, као Жи-

војин Бошков, сматрају да српски реализам почиње управо од тога времена, дакле читаву деценију пре манифеста Светозара Марковића.

Тачно је то да Јаков Игњатовић, бољим делом свога књижевног стваралаштва, иде у реализам и да је границу ове књижевности померио знатно напред. Међутим, он није био сам. Један од највећих песника српског романтизма, Јован Јовановић Змај, великим делом свога песничког опуса, — није уопште био романтичар. Многе његове песме, чак и лирске, носе јака обележја реалистичке опсервације и третмана, а својим политичким сатирама обележио се до краја као реалистички писац. Стога је од свих тадашњих песника још једино њега Светозар Марковић високо ценио. А Змај је, са своје стране, одмах прихватио идеје Марковића и у своју поезију унео и социјалну ноту. Међутим, те нове Змајеве песме не само да нису боље од његових политичких сатира, него не носе ни изразитија обележја реализма од ових.

Но и пре Игњатовића и Змаја српска књижевност је имала једног реалистичког писца и читаву једну малу литературу коју је овај створио. То је Јован Стерија Поповић, први српски комедиограф и, уз Нушића, највећи српски драмски писац XIX века уопште. Већ 1830, дакле три деценије пре појаве Игњатовићевог Милана Наранџића, он штампа комедију Лажа и паралажа, у којој открива наличје једне мале малограђанске и ћифтинске средине. После ове комедије Стерија пише читав низ других, са истих, реалистичких, позиција. Али док је Јаков Игњатовић прихватио реалистички метод више по осећању ствари и склоности да посматра живот око себе, Стерија је свесно напустио ранији романтичарски и прихватио реалистички метод. У своме делу Роман без романа, писаном у време појаве прве реалистичке сатире, он је изобличио схватања раних романтичара, оличена код нас у стваралаштву романописца авантуристичких дела Милована Видаковића, и извргао руглу њихов књижевни метод. Стерија хоће да говори истину о животу, а да би то могао, он прибегава сатири, јер: „Ко ће забранити шаљивцу истину казати?“, каже он у предговору наведеног дела.

Од Стерије, према томе, тече речица реалистичке књижевности, да се од Игњатовића и Змаја обогати свежим токовима, а од Марковића и Каравелова претвори у моћну и идејно усмерену реку српске реалистичке књижевности.

Елемената реализма има, разуме се, и пре Стерије. Њих има код родоначелника нове српске књижевности Доситеја Обрадовића, у грађанској поезији XVIII века, па чак, ту и тамо, и у народној поезији. Ови елементи се могу узимати у обзир приликом разматрања утицаја на касније стваралаштво, али се реалистичка књижевност не може протезати до њих. Занимљиво је, међутим, да ови елементи увек носе у себи ноту хумора, каткад и сатире.

У српској књижевности грађанске епохе хумористичка и сатирична дела представљала су прву етапу у развојном путу реалистичке књижевности. Највећи писац са почетка тога пута је Јован Стерија Поповић. Писац који доминира на књижевном обзорју код Срба између два рата, дакле уочи пропасти капиталистичке Југославије, јесте комедиограф Бранислав Нушић.

У овим оквирима расла је и развијала се српска реалистичка књижевност грађанске епохе.

Г. В. КРАСНОВ (СССР)

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ 60-Х гг. XIX ВЕКА

Горький, 1963, 45 стр.

В докладе выдвигается ряд положений о своеобразных чертах изображения национального характера, обусловленных литературно-общественным движением 60-х гг. XIX в. в России и Болгарии. Исследуются типологические связи: Лев Толстой и Некрасов, Любен Каравелов и Петко Славейков, раннее творчество Христо Ботева.

Специфика выясняется в структуре народного характера, как он показывается в литературе. В творчестве Толстого и Некрасова он эпичен и символичен (Платон Каратаев, Савелий). Он нередко раскрывается в „коллективном образе" (массовые сцены у того и другого писателя, народное многоголосье). Он соотносится с другими центральными героями произведений (Ерошка и Оленин, Платон Каратаев и Пьер Безухов, странники и герои поэмы „Кому на Руси жить хорошо").

Эти сцепления рождают новый тип взаимодействия характеров, дают выход в другую жизненную и художественную сферу. Они позволяют по-новому взглянуть на проблему положительного героя. Толстовский положительный герой — не революционный демократ и не лишний человек. Это новый положительный герой в русской литературе, воплощающий лучшие черты народного характера. Во-вторых, толстовские произведения позволяют глубже взглянуть на проблему „характер и обстоятельства". Народные характеры в произведениях Толстого не просто „активный фон", оказывающий влияние на главных героев. В них, по мнению писателя, — разгадка тайн человеческого бытия, в них истина, корень жизни. В произведениях Толстого „обстоятельства" дифференцированы (светская и народная, национальная среда), возникает новое эстетическое единство (с равнозначными членами) героя и народа.

Некрасов тяготеет к образам, непосредственно связанным с крестьянской средой. Опора Толстого — герои, выражающие стихию народной жизни, ее непосредственность, цельность, простоту.

И все же толстовское творчество не противоречит некрасовскому. Не случайно В. И. Ленин объяснял социальную почву реализма Толстого стихами Некрасова об „убогой", „бессильной" и „могучей", „обильной" Руси („Лев Толстой как зеркало русской революции"). Некрасов и Толстой правдиво показали мужицкую психологию, ее противоречия. Они нашли новые, близкие друг к другу принципы изображения народа.

Народный характер у того и у другого писателя раскрывает национальные и общечеловеческие идеалы. Эта особенность сближала русских и болгарских писателей.

Славейков прошел школу Пушкина, Лермонтова, Никитина, других поэтов и вышел в 60-е гг. на собственную поэтическую дорогу. В его творчестве еще мало эпических образов, они еще слабо разработаны, но национальные мотивы его лирики во многом соприкасаются с лирикой Некрасова (в зарисовках народного быта, в элегических мотивах, в особенностях лирического героя). И хотя 60-е гг. были периодом формирования национальной болгарской литературы, Каравелов и Славейков уже

Институт за литература БИБЛИОТЕКА

в то время вывели болгарскую литературу на самостоятельную орбиту. Литература вырастала на народной, национальной почве.

Писатели находили национальные типы в народной среде. Национальный герой той и другой литературы — человек, заинтересованный в судьбе народа, выражающий народные интересы. Он более демократичен по своему мироощущению и „социальному происхождению“ в сравнении с героями предшествующей литературы. Критика рабской психологии, покорности сочеталась с изображением активных, деятельных характеров.

В болгарской и русской литературе 60-х гг. можно найти родственные образы (например, образ женщины), мотивы, сюжеты (колыбельные песни, исповедь сына матери — в лирике).

Есть и разница в трактовке названных тем и проблем. Культ героической личности, описания быта и нравов меньше интересовали русскую литературу (это было для нее пройденным этапом), которая поставила ряд новых вопросов, сделала новые эстетические открытия в изображении народной жизни, в создании образа русской женщины, героя, рожденного национальными условиями России.

Художественный опыт той и другой литературы обогащал их взаимно и мировую литературу в целом.

Е. В. ШПИЛЕВАЯ (СССР)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ УКРАИНСКО-БОЛГАРСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ XIX—XX вв.

Киев, 1963, 40 стр.

Изложението в доклада е посветено на проблемата за периодизацията на българо-украинските литературни връзки през втората половина на деветнадесетия и първата половина на двадесетия век — епоха на твърде интензивни политически контакти между народите. След като се изследва развитието на украинско-българските литературни отношения през този период с техните характерни черти, основателно е да се говори за четири главни исторически етапа, които в общи линии съвпадат с главните етапи на политическия и социален живот на двата народа.

Първият етап на украинско-българските литературни връзки (през 50-те и 60-те години на XIX в.) съвпада с възмогването на българската литература, с утвърждаването в нея на политически, социални и естетически идеи. През тези години в демократичната украинска литература (както и в руската) произведенията на Шевченко и Марко Вовчок (както и тези на Пушкин, Гогол, Добролюбов, Писарев и др.) бяха за прогресивните български писатели голяма школа за демократизъм, за революционен хуманизъм, за критически реализъм. Темата за освободителната борба против чуждото робство у южните славяни, особено у българите, прониква през тези години в украинската литература и отразява все повече социално-освободителното движение на народните маси.

За исторически граници на втория период на българо-украинските литературни връзки трябва да се смята освобождението на българския народ (1878—1879) и зараждането на социалноосвободително движение през

следващото десетилетие в България, както и в Украйна, от една страна, и, от друга страна, Първата империалистическа война, която се последва от Октомврийската революция в Русия — събитие от световно историческо значение. Литературните връзки между българския и украинския народ през този период отразяват живия интерес на демократичните писатели към социални сюжети и особено към социализма, борбата между тогавашните враждебни идеологии в литературата, укрепване позициите на реализма във всяка от тези литератури.

След Първата световна война и Октомврийската революция украинско-българските литературни връзки се развиват под знака на пролетарския интернационализъм и борбата за укрепване метода на социалистическия реализъм (третия етап). През тези години (до Втората световна война включително) българският народ възприема съветската литература, в това число и украинската, като отражение на нова социалистическа реалност, като могъщ фактор за пропаганда в борбата срещу монархофашистката диктатура, като едно ново, социалистическо изкуство. В Съветския съюз, особено в Украйна, българската пролетарска литература се създава от писатели-комунисти, емигранти, чийто брой все повече нараства.

Главната особеност на четвъртия етап от българо-украинските литературни връзки, особеност, която произтича от максималното сродство в социално-политическия режим в двете страни, се състои в общността на политическите и социални идеи, затвърдени в двете литератури, в общността на задачите и идеологическата ориентация. Те и двете — украинската и българската — носят на света идеите на социалистическия хуманизъм, идеите за мир, за равенство, за братство, за свобода и щастие на всички народи. Общата борба за комунистическо възпитание е залог за творчески съюз между българската и украинската литература сега и в бъдеще.

Г. ВЕСЕЛИНОВ (България)

АЛЕКО КОНСТАНТИНОВ И СЛАВЯНСТВОТО

Народна просвета, XIX, 1963, 11, стр. 41—50.

Славянските чувства и разбирания на Алеко Константинов заслужават особено внимание.

Обстановката, сред която расте и се възпитава този голям български писател критически реалист, допринася твърде много за освобождаването му от редица обществени предразсъдъци. Свищов, роднят му град, поддържа оживени търговски и културни връзки с Русия, Сърбия, Румъния, Австро-Унгария и други страни. Много от учителите са руски възпитаници, автори на книги, които печатат в славянските културни средища. Голяма роля тук играе не само българската, но и руската книга. Освен руски свищовското читалище притежава и сръбски книги. Домашната среда също помага на бъдещия български писател да добие по-широк поглед към света.

Още незаглъхнала Освободителната война, той заминава за Русия, където през 1885 г. завършва правни науки в Новорусийския универ-

ситет в Одеса. В Габрово, Николаев и Одеса жадно поглъща творчеството на руските писатели, които му оказват огромно въздействие. В Русия прави и първите си литературни опити — стихотворенията „Огледало“ и „Защо?“, сатиричната поема „Песен за Слобод-Маджара и Пламен-теня“.

Една от изявите на неговите славянски чувства и настроения е дейното му участие в живота на дружество „Славянска беседа“. В своите произведения той утвърждава идеята за славянско братство и се бори против неговите врагове, особено срещу омразния монарх Фердинанд — фейлетоните „Миш-маш“, „Херострат II“, „Из миналия живот на „Славянска беседа“ и др. Своето отношение към славянските народи Алеко Константинов разкрива както в обществената си дейност, така и в писмата си и в редица свои художествени произведения. Отношението му към Сърбия и сръбския народ е напълно положително и братско, което личи в неговите пътеписи „До Чикаго и назад“, „До Желюша с говежди вагони“ и др. Той дълбоко ненавижда онези, които се опитват да сеят раздори между двата братски народа. С особена обич се отнася към братския руски народ, което обаче не му пречи свободно да изказва мнението си за самодържавието и неговата политика. Израз на най-голямо внимание към Русия и нейната култура е преди всичко стремежът му да направи достояние на читателя някои от най-хубавите плодове на руския творчески гений, като превежда на български език „Полтава“, „Бахчисарайски фонтан“ и „Цигани“ от Пушкин; „Беглец“ и „Демон“ от Лермонтов; „Руски жени“ и „Кой е строил железния път“ от Некрасов. Твърде интересно е, че Алеко Константинов изгражда главния образ от „Бай Ганю“, рисувайки го и на руска почва, или пък като показва поведението му в политическите отношения между двете страни тогава („Бай Ганю в Русия“). Алеко Константинов е дълбоко възмутен от манталитета на българската буржоазия, чиито герои се водят само от мисълта за облагата, когато става въпрос за отношенията с Русия („Бай Ганю се върна от Европа“, „Разни хора, разни идеали“, „Торжествующая Болгария“, „Смерть оппозиции“, „Материалы для изучения Болгарии“ и др.). Русия в творчеството на Алеко Константинов изпъква с двете си лица — от една страна, нейната култура и нейният народ, а, от друга страна, руското самодържавие. Оттук и различието в патоса — възторг и преклонение или нескрита насмешка и отрицание. Алеко Константинов винаги е хранел най-горещи симпатии и към братския чешки народ. В по-голяма близост с него той влиза след посещението на Прага за изложението през 1891 г., което му дава материали за някои блестящи очерци от „Бай Ганю“, като „Бай Ганю на изложението в Прага“, „Бай Ганю у Иречека“, „Бай Ганю на гости“, „Нравствените принципи на Бай Ганю“. Алеко Константинов се отзовава с възторг за гостоприемството, с което нашите сънародници биват приети на чешка земя. Особено незабравим е образът на Иречек, който изпъква с цялата си голяма духовна осанка.

Славянската идея у Алеко Константинов е неразделна част от неговия демократизъм и хуманизъм, от уважението му към другите народи, към тяхната култура. Любовта си към братските славянски народи той е успял да покаже не само с цялото си поведение на човек и гражданин, но и в блестящи художествени произведения.

E. BAYER (DDR)

DER BEITRAG DER ZEITSCHRIFT „MISĂL“ ZUR FÖRDERUNG DER DEUTSCH-BULGARISCHEN LITERATURBEZIEHUNGEN UM DIE JAHRHUNDERTWENDE

Славянска филология, IV, София, 1963, стр. 273—285.

Н. Е. КРУТИКОВА (СССР)

РУССКИЙ РЕАЛИЗМ И СТАНОВЛЕНИЕ УКРАИНСКОЙ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Киев, 1963, 64 стр.

Духовное взаимодействие наций, их постоянный обмен культурными ценностями принадлежат к мощным факторам литературного прогресса народов.

В этой связи большой интерес представляет изучение того тесного единения и взаимных связей, которые развивались в XIX веке между литературами русского и украинского народов, „столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории“[1]. Лучшие традиции прошлого приобретают закономерное развитие в современной литературе советского народа, поднимаясь на качественно новую и высшую ступень.

На первом этапе становления новой украинской прозы большое значение имело сочувственное внимание передового русского общества к современной жизни, истории и фольклору украинского народа, развитие украинской темы в творчестве русских писателей (К. Рылеев, А. Пушкин, В. Нарежный, О. Сомов и особенно Н. Гоголь).

С приходом в литературу Тараса Шевченко и Марка Вовчка украинская проза обогащается художественными произведениями интернационального значения.

Немалую роль в развитии прозы Марка Вовчка сыграла русская революционно-демократическая эстетика, принципы „гоголевского направления“ русской литературы, в частности требование исследовать социальную природу человека.

Однако тут не было эпигонства и подражательности. В украинской прозе Марка Вовчка наблюдается органическое развитие традиций украинского фольклора, следование шевченковскому направлению. По сравнению с Тургеневым и Григоровичем, ей удается создать новые типы народных героев, в характере которых отмечено сильное чувство протеста и инициативы в борьбе против угнетателей („Інститутка“, „Кармелюк“). Не имеет аналогий в русской литературе и оригинальная стилистическая манера Марка Вовчка, ее образ рассказчицы-крестьянки. Перед нами сложный комплекс взаимодействия национальной традиции с восприятием эстетических достижений русской литературы.

В 60—70 гг. XIX века в обстановке репрессий царизма против украинской культуры, русские революционные демократы последовательно вы-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXV, стр. 74.

ступают в защиту украинского литературного языка и литературы, оказывая тем самым неоценимую поддержку украинским писателям.

В это же время на страницах украинской прессы возникают острые дискуссии о перспективах роста и задачах национальной литературы. Проповеди национальной исключительности и культурной обособленности украинские революционные демократы (И. Франко и др.) противопоставляют принципы реализма и народности, говорят о необходимости ориентации на русскую демократическую литературу.

Побеждает именно эта передовая тенденция. В новых условиях украинская литература проходит стадию, сходную с развитием русской литературы в 30—40-х гг. XIX ст., когда в ней обозначилось решительное преимущество реалистической повести и романа перед другими видами и жанрами художественного творчества. Украинская проза (Ан. Свидницкий, И. Нечуй-Левицкий, П. Мирный) совершает переход от ритмической фольклоризованной прозы к обширному эпическому повествованию. Встает задача создания многопланового романа с развернутыми характеристиками социальных типов, с усложненным психологическим рисунком характеров, сложными описаниями труда, быта и пейзажа, с обширными философскими и лирическими отступлениями. В своих творческих исканиях украинские прозаики во многом опираются на теоретические постулаты и художественную прозу Н. Чернышевского, М. Салтыкова-Щедрина, И. Тургенева, плеяды русских писателей-шестидесятников.

Большое значение для П. Мирного и Ив. Франко приобретает также роман Л. Толстого. Опыт русской литературы не подменяет собственного жизненного и национально-литературного опыта украинских писателей, но помогает им с большей силой обнаружить свои возможности, активнее проявить новаторство в тематике и художественной форме, а также успешно бороться против попыток замкнуть украинскую литературу в рамки бескрылого этнографизма и реакционно-романтической стилизации.

Это приводит к созданию новых духовных ценностей, значение которых выходит за рамки национальной культуры (например, произведения И. Франко на рабочую тему: сборник „Борислав", повести „Boa constictor", „Борислав сміється" и др.). Демократические русские и украинские писатели выступают рядом против самодержавия, крепостничества, пореформенных буржуазных отношений, призывают к единению народных сил, требуют изображения подлинной, неприкрашенной действительности. В этом смысле рядом с Тургеневым, Григоровичем, Некрасовым стоит автор „Народних оповідань", рядом с русскими писателями 60—70-х гг. — П. Мирний и т. д.

Специфической формой литературного взаимодействия является также прямое сотрудничество писателей близких народов. Многие украинские писатели выступают и как авторы русских рассказов, повестей и романов (Г. Квитка, Е. Гребенка, Марко Вовчок, Т. Шевченко и др.), принимая непосредственное участие в процессе созидания русского реализма. Эти писатели, как и русские писатели, украинцы по происхождению (Н. Гоголь, В. Нарежный, О. Сомов и др.), естественно вносят в русскую прозу элементы украинской фольклорной традиции, опыт украинской жизни, образы и художественные средства, имеющие специфический национальный колорит.

Рассматривая параллельно основные этапы украинской и русской прозы XIX века, мы убеждаемся, что национальная фольклорная и лите-

ратурная основа творчества украинских писателей постоянно оплодотворялась опытом русского художественного реализма, что произведения русских романистов и повестеписателей были важным идейно-творческим импульсом в процессе быстрого и успешного формирования украинской реалистической прозы.

В. Й. ШЕВЧУК (СССР)

ОСНОВНІ ПРОБЛЕМИ УКРАЇНСЬКО-ЧЕСЬКИХ ЛІТЕРАТУРНИХ ЗВ'ЯЗКІ В XIX—XX вв.

Київ, 1963, 38 стр.

Спільність історичної долі чеського й українського народів, що в минулому разом з іншими слов'янськими народами перебували „в лоні" самодержавних монархій, духовно єднала Тараса Шевченка з Павлом Шафариком, діячів „Руської трійці" з чеськими будителями, Марка Вовчка з Йозефом Фрічем, Івана Франка з Гавлічком-Боровським і Яном Нерудою, Ольгу Кобилянську з Терезією Турневою, Володимира Гнатюка з Франтішком Ржегоржем. Ідея спільної боротьби за соціальне й національне визволення поневолених слов'янських народів надихала творчість з одного боку Степана Руданського і Михайла Старицького, Павла Грабовського і Лесі Українки, а з другого — Карела Сабіни, Сватоплука Чеха і Бенеша Тржебізького.

В сучасній славістиці знаходимо грунтовне пояснення причин, які викликали інтерес українського письменства до чеської літератури протягом XIX століття. Порівняно менше уваги звертали дослідники на причини зворотного процесу.

З появою радянських і чехословацьких досліджень останніх років, проблема „Шевченко і чехи" в плані історико-літературному може вважатись вичерпаною.[1] Однак теоретичний аспект проблеми (питання ідейно-естетичного впливу Шевченка на деяких чеських поетів) ще вимагає подальшого накопичення порівняльного матеріалу. З тематичного комплексу проблем „Франко і чехи" лишається мало дослідженим питанням про роль сатири Гавлічка-Боровського в художній спадщині Франка.

Потребує розробки тема національно-визвольної боротьби українського народу в творчості чеських радикальних демократів (зокрема, в публіцистиці й драматургії Йозефа Фріча і Карела Сабіни та публіцистиці К. Гавлічка-Боровського).

Вимагає уточнень існуюча система періодизації українсько-чехословацьких літературних взаємин. Зв'язки раннього періоду відродження і зв'язки періоду буржуазної чехословацької республіки займають порівняно менше місце в сфері наукових інтересів радянських і чехословацьких славістів.

---

[1] Ширший виклад проблематики, Посилання на джерела й ілюстративний матеріал, див. у доповіді В. І. Шевчук, Основні проблеми українсько-чеських літературних зв'язків. Вид-во АН УССР, К., 1963, 36 с.

* * *

Сучасні українсько-чехословацькі літературні зв'язки є складовою частиною яскравої історії радянсько-чехословацьких культурних взаємин в наш час. За післявоєнні роки в українських перекладах вийшли кращі твори сучасної і класичної чеської та словацької літератури. Чеському читачеві у перекладах рідною мовою відомі всі визначні твори українського дожовтневого і радянського письменства. Проте основна маса цих перекладів чекає ще критичної оцінки, а визначення місця цих перекладів у сучасному літературному процесіце також проблема, яка жде свого розв'язання. На сьогодні поки що можна говорити про вплив фантастики Карела Чапека на розвиток науково-фантастичного жанру в українській і російській радянській літературі 20—30-х років.

Важливою проблемою сучасних інтернаціональних літературних зв'язків є проблема естетичного ідеалу у взаємодіючих літературах. Ознаки спорідненості цього ідалу в багатьох слов'янських і неслов'янських літературах відчуваються вже досить виразно, а тимчасом проблема його естетичної ємкості, питання його термінологічного визначення поки що окремо не ставились. Літературні собраття Юліуса Фучіка, Олександра Маресьєва, героїв роману „Молода гвардія" і „Повісті полум'яних літ" Довженка, болгарських і югославських партизан, героїв варшавського повстання і французького опору є сьогодні у всіх літературах світу.

Процес формування й утвердження спільного естетичного ідеалу в сучасній прогресивній літературі світу і, зокрема, літературах слов'янських народів — найбільш перспективне явище взаємодії мистецтв нашого часу.

Г. Д. ВЕРВЕС, В. П. ВЕДИНА, Ю. Л. БУЛАХОВСКАЯ (СССР)

УКРАЇНСЬКО-ПОЛЬСЬКІ ЛІТЕРАТУРНІ ВЗАЄМИНИ В XX СТ.

Київ, 1963, 38 стр.

Проблема українсько-польських літературних зв'язків XX ст. не була ще предметом спеціального вивчення ні в Радянському Союзі, ні в демократичній Польщі, хоч і можна було б вказати на цілий ряд принагідних статей і навіть монографічних досліджень, де окремі аспекти проблеми вже висвітлювалися.

Щодо зв'язків української і польської літератур в XX ст., то тут цілі періоди, не говорячи вже про окремі постаті, залишаються під перелогом. Не визначені головні етапи і напрямки, по яких проходило зближення, слабо уявляються форми зв'язків, які побутували протягом останніх 60 років, боротьба напрямків і „шкіл" в межах двох літератур, взаємний обмін тематикою, характер перекладацької практики, теоретичної інтерпретації і т. д.

Тому автори доповіді своє завдання вбачали в тому, щоб, з одного боку, накреслити бодай головні тенденції і напрямки, по яких взаємодіють дві великі слов'янські літератури в XX ст., а з другого, — заохотити до подальшого дослідження цієї важливої проблеми як у нас, так і в демократичній Польщі.

В XX ст. між українською і польською літературами спостерігаємо як історико-типологічні, так і контактні зв'язки, причому в основі зближень по аналогії нерідко лежать причини генетичного ряду і навпаки. Взаємозближення і взаємодії літератур не стирають їх національних особливостей, ось чому на поверхні літературного життя іноді буває просто неможливо збагнути природу того чи іншого факту без дослідження глибинних зв'язків.

Подібності обумовлені спільністю покладеної в основу теми (поетичний герой Лесі Українки і Виспянського, нариси про 1905 р. і „велика проза" М. Коцюбинського, С. Жеромського, В. Реймонта) переплітаються з безпосередніми взаємовпливами і взаємодіями (Стефаник і Оркан, значення радянськоі літератури і критики в становленні революційної літератури в Польщі і т. д.).

Різноманітними є і форми літературних зв'язків, на перше місце з яких висувається переклад як найбільш „мобільний" засіб знайомства, інослов'янська тематика в художніх творах, критичне і наукове осмислення літературних процесів, особисті контакти між письменниками і передусім безпосередня участь в „чужому" літературному процесі (Галан і Тудор — в польській пролетарській прозі, польські письменники Львова в радянській пресі 1939—1941 рр., а поруч з цим — образні аналогії з метою викликати певні ідейно-естетичні асоціації („Contra spem spero" і „На крилах пісень" Лесі Українки), наслідування в новій функції перемання досвіду („Ex oriente" Ю. Тувіма, „Ізнов „Тадеуша" я разгорнув..." у М. Рильського).

Літературні польсько-українські взаємини — плід поодиноких зусиль окремих письменників-ентузіастів в кінці XIX століття і на початку XX — набувають в наш час закономірного характеру, вони покликані до життя прагненням якнайтіснішого спілкування і взаємної поваги та взаємоознайомлення народів соціалістичного табору.

Т. НИКОЛЕСКУ (Румыния)

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ РУССКОГО РОМАНА ДЛЯ РАЗВИТИЯ РУМЫНСКОЙ ПРОЗЫ В КОНЦЕ XIX И В НАЧАЛЕ XX вв.

В конце XIX и в начале XX вв. (примерно 1880—1917) главное место в процессе распространения русской литературы в Румынии занимает роман. Это период, когда румынский читатель знакомится с романами Тургенева, Достоевского, Толстого, когда к русскому роману обращены взоры и интерес виднейших румынских произаиков эпохи, таких, как Дуилиу Замфиреску, Михаил Садовяну, Ливиу Ребряну, Ион Агырбичану и т. д. Распространение русского романа в Румынии было явлением, имевшим широкое значение для румынской литературной жизни, для судеб некоторых из ее главных представителей. Так же как и на Западе, знакомство с произведениями виднейших русских романистов и вообще прозаиков отмечается неоднократно в румынской печати конца XIX и начала XX вв., которая в ряде выступлений приветствует распространение „великих творений, глубоко человечных по своему содержанию, которые за-

служили повсюду, куда ни проникала русская литература, любовь и оценку читающей публики", как пишет газета „Секолул" в 1910 г.

Многочисленные и разнообразные факты, приведенные в сообщении, говорят о значении, которое приобретает русская литература и, в частности, русский роман в этот период в Румынии, подтверждая тем самым слова историка Николая Иорга: „Под влиянием „Записок охотника", „Войны и мира", „Записок из мертвого дома" будут жить и мыслить два поколения. . . "

В опровержение мнения некоторых западных исследователей, приписывающих только известной книге „Русский роман" Э. М. де Вогюэ заслугу „открытия" русской литературы для европейского читателя, включая и румынского, в сообщении развертывается подробная аргументация в пользу тезиса о проникновении русского романа в Румынию еще до появления французского произведения. Указывается на целый ряд исторических и историко-литературных условий, способствовавших вообще распространению русской литературы и, в первую очередь, русского романа в Румынии до появления книги Вогюэ и тем более до ознакомления с ней румынского читателя, а также подчеркивается роль в этом процессе критика Доброджану Геря, развившего интенсивную деятельность, направленную к популяризации русской литературы у нас в стране (переводы, статьи и т. д.).

Русский роман привлек внимание румынской общественности в силу своих идейных и эстетических достоинств. Виднейшие представители румынской литературы отмечают единодушно этот факт.

Распространение русского романа в Румынии имело широкие отголоски в литературной жизни страны, привело к бурным полемическим выступлениям, тесно связанным с важными теоретическими вопросами, о чем говорит, например, история борьбы между защитниками „искусства для искусства" и представителями идейного передового искусства или споры вокруг реализма, в более частном аспекте, споры о крестьянской тематике в литературе, о морали в искусстве. Одновременно следует рассмотреть процесс распространения русского романа в Румынии в тесной связи с развитием румынской прозы и, в первую очередь, румынского романа. Большой шаг вперед, который делает румынский роман начиная с 80-х годов XIX столетия, укрепление и развитие его реалистической ориентации, расширение тематики, обогащение типологии, углубление изображения социальных и психологических процессов связаны в определенной степени с интересом, который проявили лучшие его представители той эпохи (Замфиреску, Садовяну, Славич, Агырбичяну) к произведениям Толстого, Достоевского, Тургенева, стремясь использовать творчески художественные уроки, почерпнутые из произведений русских писателей.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Е. З. ЦЫБЕНКО (СССР)

В докладе проф. Салони собран большой материал о рецепции Болеслава Пруса в Польше. Об этом большом польском художнике много и интересно пишут современные польские исследователи. Несколько ценных работ о Прусе принадлежат и автору доклада. В своей новой работе проф. Кульчицкая-Салони рассматривает многочисленные высказывания о Прусе в нескольких новых аспектах, вводит в обиход современного литературоведения малоизвестные до сих пор статьи и высказывания о писателе. Большой научный материал представляют приведенные в докладе высказывания современников, касающиеся некоторых политических позиций Пруса относительно царской России. Вывод автора доклада о том, что некоторая недооценка творчества Пруса, характерная для его современников, объясняется именно тем, что Прус выглядел в их глаза плохим патриотом, достаточно хорошо аргументирован и представляется убедительным.

Таким образом среди причин недооценки Пруса автор доклада называет две: упреки в непатриотизме и новаторство Пруса как художника, несоответствие его художественной манеры эстетическим взглядам того времени. Представляется, что есть еще и третья очень важная причина, причина объективного характера. Буржуазная польская критика не могла по достоинству оценить реализм Пруса, его критику буржуазной действительности. Не было недостатка в польской критике и в голосах, не принимающих критического изображения Прусом шляхты, сочуственного отношения к народу. Теодор Еске-Холльски, автор работы „Туру і idealy pozytywnej beletrystyki polskiej“ с подобных консервативных позиций критикует Пруса за его осуждение шляхты и за образ крестьянина Слимака в повести „Форпост“. Буржуазная критика того времени в силу ограниченности своей методологии была не в состоянии оценить глубину анализа Прусом жизни общества своего времени. И сам писатель это понимал. После выхода „Карелы“ он с горечью писал о том, что один польский автор написал роман, в котором изобразил общественные отношения и типы нескольких поколений, а критика вместо того, чтобы показать, насколько это автору удалось, рассуждает о том, женятся ли Фига с Маком и Дыра с Мостом.

Несмотря на то, что доклад представляет обзор критики о Прусе, в нем есть собственные авторские выводы и наблюдения, в частности о значении „Куклы“ Пруса в развитии польского романа, о художественном новаторстве Пруса, предвосхищающего Пруста и Конрада. Правда, очевидно следовало бы сказать о том принципиальном различии, которое отличает использование одних и тех же приемов Прусом-реалистом и представителями нереалистических течений.

Автор доклада специально не касается контактов Пруса с русской литературой, но совершенно справедливо отмечает уважительное отношение Пруса к русской литературе. Надо сказать, что русская критика еще при жизни Пруса писала о нем с энтузиазмом, видела в нем большого самобытного польского писателя, близкого многими чертами своего таланта русской литературе.

С. БАЕВА (България)

В доклада „Значай сатире за развой реализма у српской књижевности" Ж. Милисавац излиза с нова теза за началото на реализма в сръбската литература. Според него реализмът в сръбската литература се заражда и утвърждава доста по-рано, отколкото се приемаше досега, в творчеството на големия и оригинален сръбски поет Йован Стерия Попович, разглеждан досега като представител на предромантичния период в развитието на сръбската литература.

Подобно явление имаме и в руската литература. Известно е схващането, че сатиричният жанр, който се появява в руската литература през XVIII в., по времето на класицизма, заема свое оригинално, неповторимо в историческото развитие на литературата място. Именно сатирата е тази, която сближава литературата с действителността, сближава я със социалните проблеми, насища я с реално, жизнено съдържание.

Очевидно творчеството на Йован Стерия Попович има такива белези и създава условия за развитието на реализма в сръбската литература, който обаче поради спецификата на сръбското обществено и историческо развитие се оформя като нов художествен метод доста по-късно.

Ж. Милисавац убедително защищава своята теза, че произведението на Йован Стерия Попович „Роман без роман" бележи началото на реализма в сръбската литература. Ценни са и неговите наблюдения върху реалистическите елементи на сръбското народно творчество от това време. Правилно авторът отбелязва ограничеността на критиката на Йован Стерия Попович и отбелязва тази ограниченост не като „слаба страна" на сатирата му, а като резултат на времето, в което живее и твори забележителният сръбски писател.

Ние бихме желали да обърнем внимание на Ж. Милисавац върху един факт, свързан с развитието на реализма в българската литература. Един от неговите родоначалници в българската литература е Петко Р. Славейков. Подобно на Йован Стерия Попович силата, насоката и талантът на Петко Славейков се състоят в реалистичното виждане на живота. Романтик в историко-патриотичните си произведения, той е реалист в сатиричните.

Към реализма българският писател тръгва най-напред със своите преводни и оригинални басни, а след това с така наречените си „смешни календари" — „Нова мода календар за 1857 г." и „Смешен календар за 1860 г.". Те имали необикновен успех и станали най-популярното четиво в България.

Досега се знаеше, че при съставянето им Славейков се е ползувал от някакъв сръбски образец. В своите спомени П. Кисимов казва, че Славейков съставил този календар още през 1856 г. по подражание на един сръбски календар. Сам Кисимов дал пари за отпечатването на книгата, но не посмял да се подпише като спомоществовател, защото се страхувал от „този пълен с политически остроти и бичувания календар". Опасенията му се оправдали. Славейков бил подложен на гонение от гръцкия владика, българските чорбаджии и турците, на които го представили като бунтовник.

Кой е авторът на този сръбски календар обаче, не се знаеше. По време на командировката си в Югославия миналата година успях да на-

меря този календар в Загребската библиотека: „Новый забавный календар“ от Йован Стерия Попович. Пряко заимствувани от календара на Стерия Попович бяха формата, отделни теми, ситуации и мисли. Всичко останало отразява българската действителност и е образец на най-хубавия за времето литературен български език. Влиянието, което големият сръбски писател е оказал върху основоположника на реализма в българската литература, засяга преди всичко идейната същност на неговото творчество. То е толкова плодотворно, защото съвпада непосредствено с българската действителност. Той помага в стремежа на българския писател да бъде съвременен, да въплъти в своето творчество животрептящите въпроси на съвременния му обществен живот.

Ж. МИЛИСАВАЦ (Југославија)

Необично сам захвалан колегама који су узели учешћа у дискусији о овоме реферату. Нарочито ми је мило што видим да се већи део дискутаната слаже са мном у оцени појаве реализма у српској књижевности и утицаја сатире на стварање и развијање овога књижевног правца.

Мени је драго што сам чуо и друкчија мишљења, која су изнели колеге Мраз и Лалић. Чак сам изненађен што оваквих ограда није било више, јер је утицај Скерлића код нас још увек моћан, а његова периодизација прихваћена од свих просветних фактора и радника у овој области.

Када је реч о периодизацији, ја знам да је тешко унети неке измене, јер је ток реалистичке књижевности од Стерије до Светозара Марковића испрекидан налетима других праваца и утицаја, нарочито појавом набујалог романтизма. Можда је то нарочито потребно за школе, где, ради лакшег прихватања материје, треба ствари упростити. Али ако материја хоће да се третира научно, онда се не може избећи сагледавање веома сложених токова једне литературе. За мене никако није прихватљиво тврђење да се реализам јавља 1870. године и да се, према томе, тих година гаси романтичарска литература. Напротив, као што се реализам јавља знатно раније — како сам покушао да објасним — тако су и трагови романтизма видљиви и много касније, у време када је реализам постао доминантан књижевни правац. И не само то. Код писаца који су свесрдно прихватили реалистички метод покаткад се још веома снажно манифестују црте романтичарске епохе. Јакшићеве социјалне песме, на пример, нису ништа мање романтичне од његових родољубивих песама, иако је он сам мислио да је напустио један и прихватио други књижевни метод. И обрнуто, Змајеве политичке сатире нису ништа мање реалистичне од његових каснијих „реалистичких“ песама, писаних под утицајем манифеста Светозара Марковића.

Код Стерије се — то је истина — осећају утицаји класицистичке школе, али код кога писца се не осећају разни утицаји, који не умањују његов главни значај? А код њега је доминантна припадност реализму, по схватањима, по осећањима, а и по свесним хтењу да људима казује истину о животу.

В. ВЕЛЧЕВ (България)

Изказвайки се върху доклада на др. Г. В. Краснов „Проблема национального характера в русской и болгарской литературах 60-х гг. XIX в.", искам да отбележа със задоволство, че усилията на автора да заостри вниманието към търсенето на националния характер представят несъмнен интерес от гледище на марксистското литературоведение на съвременния му етап. В тази връзка привличат вниманието и извикват положителна оценка редица частични наблюдения върху творчеството на съответните както руски, така и български писатели.

Колкото се отнася до самата постановка на въпроса, струва ми се обаче, че много по-правомерно би било, ако авторът насочеше своето внимание примерно върху творчеството на Херцен, Чернишевски и Некрасов, от една страна, и Каравелов и Ботев, от друга. Тези групи писатели с повече основания могат да бъдат сравнявани — те са свързани с освободителното движение на двете страни, създаващо повече предпоставки за историко-типологическо разглеждане, към което с право се е насочил колегата Краснов. Вън от това между тези групи писатели има и несъмнени контактологични връзки. По този начин материалът се оказва двустранно благоприятен, позволяващ интересни наблюдения и изводи.

Заслужава положително отбелязване и друг момент — с право авторът се бори с компаративистични, а може би и с формалистични елементи в миналото или с остатъци от тях в съвременното българско и съветско литературознание. Но възраженията в известен смисъл са отнесени не „по адресу". Покрай основателния отчасти упрек към някои българоведи (например Г. Цанев в негова обзорна, неизследователска работа) др. Краснов неоправдано визира и автори, които с десетилетия се борят срещу компаративизма и формализма в изследване на българо-руските взаимовръзки, изтъквайки самобитния характер на българската литература.

Ще отбележа и друг момент от доклада на Г. В. Краснов, отнасящ се до повестта на Л. Каравелов „Българи от старо време". Навярно по свой път той е достигнал до разбирането за нейния критически и в същото време утвърдителен патос, което ние приемаме напълно. Това разбиране ние развихме в 1938, а още по-широко в 1946 г., противопоставяйки се на традицията на Б. Пенев. Впрочем този възглед е вече утвърден в българското литературоведение — той е приет например от П. Динеков („Възрожденски писатели"), от Любомир Георгиев и др.

Като оставим настрана общата методологическа постановка, за която говорихме в началото, трябва да признаем, че Г. В. Краснов по редица основни положения на своя доклад е в съзвучие с постиженията на българското литературоведение. При по-основателно сближение с него той би укрепил по-дълбоко редица интересни наблюдения в своя доклад, които представляват несъмнен интерес.

Г. ДИМОВ (България)

Изразявайки искрено задоволство от почина на др. Г. В. Краснов да подхване някои проблеми от българската литература, съгласявайки се с редица постановки в доклада, смятам, че някои изводи и съждения на

автора се нуждаят от уточняване, а други будят сериозни възражения.

Преди всичко за периодизацията, която дава Краснов за българската литература. Процесите през 60-те години са започнали още от края на 40-те години и най-вече след Кримската война. Така че 60-те години не могат да се смятат за нов период, както иска да докаже авторът.

Говорейки за националния характер на българската литература през Възраждането, Краснов почти не засяга въпроса за фолклора, а без тази страна от духовното наследство на народа ни не може да се осветли и проблемата за национално-самобитния облик на формиращата се литература. От друга страна, националният характер не се оформя през 60-те години. Началото на този процес води още от „История славяноболгарская" на Паисий и на неговите следовници. Недопустимо е също така да се отминава без внимание творчеството на В. Друмев и Блъсков, когато се търсят специфично национални черти във възрожденската литература. Не може да не изразим несъгласие и с твърденията на др. Краснов, че досега възрожденските ни писатели, по-специално Славейков и Каравелов, се разглеждали в „едностранчив социологически план, като илюстрация на историческите събития, на идеите на времето". Никой сериозен учен не би опростил дотолкова проблемата за въздействието на руската литература, та да разглежда Каравелов като ученик единствено на Гогол, а Славейков — „ученик и подражател на Никитин, Некрасов". Нуждаят се от по-голямо прецизиране и съжденията за обществените и идейните позиции на Раковски и Каравелов, както и схващанията им за националното и съсловното. Редица още мисли от доклада на др. Краснов говорят за необходимостта от по-обстоятелствено запознаване със специфичните въпроси, които поставят произведенията на българските писатели през епохата на Възраждането.

В. И. ЗЛЫДНЕВ (СССР)

Оживленное обсуждение доклада Г. В. Краснова свидетельствует, с одной стороны, о большом интересе славистов к проблематике сравнительного изучения славянских литератур, а, с другой — указывает на явную неразработанность методологической стороны такого рода исследований.

Вряд ли можно согласиться с теми товарищими, которые предлагали докладчику в целях успешного решения проблемы дополнительно рассмотреть творчество П. Хилендарского, Г. Раковского, В. Друмева или, как говорили другие, больше уделить внимания И. Тургеневу, А. Герцену. Механическое расширение круга имен из болгарской литературы предшествующего периода или русской литературы тех же лет еще не дает нам оснований для научных литературных сопоставлений.

По-моему, главный просчет докладчика состоит в попытке решить проблему лишь на основе синхронного анализа двух литератур периода шестидесятых годов. Такой принцип был бы возможен лишь в том случае, если бы обе литературы развивались равномерно и типологически находились на одной и той же стадии. В данном же случае 60-е годы для болгарской литературы—это этап становления, формирования национальной литературы, первый этап формирования реалистического метода.

В русской же литературе тех лет (докладчик в основу берет творчество Л. Толстого и Н. Некрасова) шел уже последующий этап после натуральной школы; реализм имел крупные завоевания и вступал в новую фазу своего развития. Сравнивать эти неравнозначные величины просто невозможно.

Интересный в своих частных наблюдениях по отдельным литературам, доклад Г. В. Краснова еще раз убеждает нас, что успех сравнительного изучения литератур возможен лишь на основе типологически сходных явлений, когда в их основе лежит не только идейно-тематическая близость, но и историко-литературная общность.

В. ВЕЛЧЕВ (България)

Докладът на Е. В. Шпилевая „Основные этапы украинско-болгарских литературных связей XIX—XX вв." се налага благоприятно на вниманието с няколко свои важни положения. Привлича погледа преди всичко доброто владение на материала и правилната, съвременна методология в изследване на междунационалните литературни взаимовръзки. Особено ценна и плодотворна считам мисълта за това, че при междунационалните литературни контакти не става обезличаване на онази литература, която е влязла в контакт, а, напротив, чрез това тя се утвърждава в собствената си самобитност — при контактите се отразява характерът на литературата, която влиза в едно или друго отношение с друга.

Друга плодотворна идея в доклада на Е. В. Шпилевая е все още недостатъчно оценената в българското литературоведение идея за неравномерното развитие на българската литература, добре развита от известния съветски литературовед Г. Гачев не само върху материала на българската литература. Провеждайки принципа на последователен историзъм, Шпилевая при осветляване на украинско-българските литературни връзки е държала сметка и за специфичните темпове на развитие на тази литература, за неравномерността в тяхното историческо движение и пр.

Най-ценното завоевание в работата на Шпилевая се крие в обстоятелството, че тя е смогнала да обхване богат литературен материал, да му даде на места своя интерпретация и оценка, да периодизира научно обосновано цялостния процес на украинско-българските литературни взаимоотношения и най-важното да се добере до закономерностите, на които са подчинени тези взаимоотношения. Трябва да се добави обаче, че и при периодизацията, и при установяване на закономерностите тя не е избягнала известна категоричност и схематизъм.

Общо работата на Шпилевая е една ценна синтетична работа с интересни интерпретации и оценки и със свое виждане и осмисляне на материала.

С. РУСАКИЕВ (България)

В структурата на Петия славистичен конгрес са включени голям брой доклади върху проблемите на междунационалните литературни отношения. Тези доклади разкриват сложната картина на онзи активен обмен,

който се е извършвал и извършва между славянските литератури, а също така между славянските и неславянските литератури.

Докладът на Е. Шпилевая има за предмет системата на вековните и твърде плодотворни украинско-български литературни отношения. Върху някои моменти от тия отношения тя написа ценни научни изследвания.

След като е издирила редица нови факти, след като е проучила литературните връзки между Украйна и България, Шпилевая прави интересен и плодотворен опит за една научна синтеза, за едно обобщение на извършеното от нея досега. Тя периодизира развитието на украинско-българските отношения, очертава профила на всеки период, предугажда перспективата. Ценна страна в научния доклад на Шпилевая е това, че тя разкрива общото и специфичното в развитието на двете национални литератури, че разкрива ония предпоставки, които правят от украинско-българските литературни връзки една закономерна историческа категория. Много съществен момент в изследването на Шпилевая е това, че тя възприема литературните отношения между Украйна и България като двустранен процес. Не мога да не подчертая по-специалните заслуги на Шпилевая при изясняването на украинско-българските литературни отношения от периода 1917—1944 г. Заслужава да бъде подчертан и утвърден един от основните изводи на Шпилевая, че при всеки етап в украинско-българските литературни отношения една нова, една по-активна революционна тенденция ги извежда на по-високо равнище.

Докладът на Е. В. Шпилевая е важен принос в изучаването на междунационалните литературни отношения.

Е. ГЕОРГИЕВ (България)

Ед. Байер е избрал за тема на своя доклад може би най-важния момент в развитието на немско-българските литературни общувания. Списанието и кръгът „Мисъл“ обединяват писатели, които, имащи благородния стремеж да издигнат българската литература, чието развитие е било затормозено от петвековното турско робство, на равнището на световната литература, търсят да възлязат към върховете на световната литература чрез немската литература, чрез немския език и немската обществена мисъл. За израстването на българската литература са нужни образци и мащаби и такива тези писатели намират в Гьоте, Шилер, Хайне.

Докладът на Ед. Байер представя едно обобщение, в подтекста на което се четат много издирени факти. Не можем да не утвърдим усилията на младия славист да си пробие път през онова изследване на културните връзки от миналото, което разчистваше пътя на империалистическото германско проникване в нашата страна. Търсейки методологията на своето изследване, Ед. Байер носи съзнанието, че „отношението на Германия към славянските народи е било в миналото особено обременено от реакционната политика на немския империализъм“. Може би някои положения в доклада извикват у нас възражения, съществото обаче е, че Ед. Байер поставя въпросите върху една правилна основа. „Славистиката в Германската демократична република — заяви Байер — е призвана и задължена да издирва и изяснява немско-българските литературни връзки върху марксическа основа.“

В. В. ИВАШИН (СССР)

Доклад доктора филологических наук Н. Е. Крутиковой „Русский реализм и становление украинской реалистической прозы" обращает на себя внимание не только тем, что в нем привлечен богатый историко-литературный материал; он интересен прежде всего своей методологической основой. Автор раскрывает процесс становления украинской художественной прозы в свете проблемы реализма. Н. Е. Крутикова убедительно показывает, как, оплодотворяясь художественным опытом русского реализма, украинская проза постепенно приобретала свою идейную и эстетическую зрелость, как во взаимодействии с этим опытом в ней создавалась своя реалистическая традиция.

Такое направление исследования представляется весьма плодотворным. Оно позволяет автору не только установить общность идейно-художественных устремлений крупнейших украинских прозаиков XIX в. с эстетикой русской демократической литературы, но и выяснить роль этих писателей „в большом и сложном процессе созидания русского реализма". В докладе правильно указывается, „что отношения русской и украинской литератур нельзя рассматривать как обычные типологические или „контактные" культурные связи. Мы имеем дело здесь с особым типом взаимодействия, существующим между литературами народов близких, связанных общностью культуры и исторической судьбы. Этот вопрос только поставлен, но он требует углубленной теоретической разработки. Необходимо, чтобы на предстоящем международном съезде славистов больше внимания было уделено методологическим проблемам сравнительного литературоведения, а также вопросам теории социалистического реализма.

Ю. ДОЛАНСКИЙ (Чехословакия)

Все прочитанные доклады об отношении украинской литературы к русской, польской и чехословацкой литературам принесли большое количество ценных стимулов для дальнейшего исследования. Речь идет об обширном комплексе вопросов, часто очень тонких, которые мы сможем решить только в наше время. Я полностью согласен с тем, что тут нельзя ничего утаивать и замалчивать прошлые противоречия, которые проявлялись в отношении украинской литературы к соседним славянским литературам, к литературе русской и польской. Но наше литературоведение с позиций марксизма-ленинизма прекрасно объясняет нам, почему, когда и как эти взаимные отношения были замутнены буржуазным национализмом. При изложении проблемы отношения чешской и словацкой литератур к украинской литературе в прошлом нельзя забывать о том, что украинская литература до Великой Октябрьской социалистической революции развивалась в разных условиях в бывшей царской империи, в Галиции и в Венгрии в Закарпатье. Для нас, чехов и словаков, эти три территории представляли совершенно различные возможности взаимного сотрудничества с украинской литературой. Пришло время, когда мы и в этой области должны будем приступить к всесторонним научным исследованиям.

И. М. ДУЗЬ (СССР)

Я позволю себе обратить еще раз ваше внимание на доклад наших коллег—ученых Советской Украины профессора Г. Д. Вервеса и его соавторов В. Вединой, Ю. Булаховской „Украинско-польские литературные взаимоотношения в XX ст." Постановка и правильное разрешение этой проблемы имеет важное значение в славяноведческой науке. Оно опровергает, с одной стороны, теории украинских буржуазных националистов об исключительности развития украинской литературы и культуры, с другой стороны, опровергает теории польских буржуазных ученых о господствующем значении польской литературы, о ее и только ее влиянии на развитие украинской дооктябрьской и послеоктябрьской литературы.

Ценность работы наших коллег состоит прежде всего в том, что они реалистически, глубоко научно подходят к решению этой важной проблемы. Они говорят о взаимовлиянии, говорят о величии, оригинальности и самобытности и польской, и украинской литератур. Используя большой историко-литературный, литературно-художественный и мемуарный материал, они спокойно, логично и убедительно раскрывают значение братского единения родственных славянских литератур.

К тем немногочисленным примерам, которые содержит доклад, мне хочется присоединить еще одно доказательство плодотворного взаимовлияния украинской и польской литератур.

На наших заседаниях присутствует выдающийся украинский поэт-академик Максим Тадеевич Рыльский. Его жизнь и творчество являются образцом служения народу, родной культуре и литературе. Но разве Максим Рыльский это только украинское явление. Нет, и далеко нет.

Максим Рыльский и польская литература — это уже самостоятельная проблема. Здесь и переводы Адама Мицкевича, отмеченные Государственной премией, и польская тематика в творчестве украинского поэта, и роль Максима Рыльского в идейно-теоретической борьбе польской творческой интеллигенции, в борьбе за торжество методов социалистического реализма, и личные контакты украинского художника и его польских друзей, идейное и художественное богатство их творчества.

А сколько можно привести ярких примеров творческого содружества Максима Рыльского и современных польских поэтов. Ведь Рыльский и Тувим — это солидная научная проблема. Это содружество имеет не частный характер. Это идейное единение борцов-единомышленников, это общность эстетических идеалов и вместе с тем разнообразие стилевых приемов, художественных средств, жанровых разновидностей. Это национальные и вместе с тем интернациональные поэты.

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

В. Н. ВИКЕРИ (США)

ПАРАЛЛЕЛИЗМ В ЛИТЕРАТУРНОМ РАЗВИТИИ БАЙРОНА И ПУШКИНА

Amer. Contributions to the Fifth Intern. Congress of Slavists, The Hague, p. 371—401.

Цель исследования в том, чтобы: 1) осветить несколько по-новому вопрос о влиянии Байрона на Пушкина и 2) связать эту проблему со сложным вопросом о роли классицизма, романтизма и реализма в творчестве обоих поэтов. Это оправдано тем, как мне представляется, что критики склонны приуменьшить значение и продолжительность влияния Байрона на Пушкина и, преувеличивая реалистические элементы в творчестве Пушкина, связать принятие реализма Пушкиным с его мнимым расхождением с Байроном.

Я попытался показать, что: 1) влияние Байрона на Пушкина не состояло из одного только направления, не ограничивалось так называемым „байронизмом"; Байрона нельзя вложить в узкие рамки „байронизма", его нельзя отождествить с „байронизмом"; сам Байрон „преодолел байронизм"; 2) в творческом развитии Байрона и Пушкина, несмотря на существенные различия, было что-то общее, литературное развитие шло у них до известной степени параллельно; 3) литературные традиции, к которым примкнули Байрон и Пушкин, были во многом сходными (Вольтер, Поп, Ариосто, Пульчи и другие); 4) этой общностью литературных традиций и этим параллелизмом в развитии объясняется то, что влияние Байрона не явилось переходным, только этапом на пути Пушкина; 5) так называемые классические, романтические и реалистические элементы так тесно сплетены между собой в творческой деятельности обоих поэтов, что очень трудно их выделить; было бы, однако, несостоятельным упрощением утверждать, что у Пушкина конец южной ссылки отметил и конец влияния Байрона и переход от романтизма к реализму.

I. STARNAWSKI (Polska)

ADAM MICKIEWICZ W POEZJI NARODÓW SŁOWIAŃSKICH

Przedmiotem rozprawy jest Mickiewicz jako postać w wierszach poświęconych poecie. Analizie poddano utwory poświęcone Mickiewiczowi, których w języku polskim zarejestrowano bibliograficznie (do r. 1955!) — 686, a w językach obcych — 99, w tym 62 w językach słowiańskich. Z pewnością nie jest to wszystko. Zebrany materiał pokazuje, że w poezji polskiej na przestrzeni już przeszło stu lat można mówić o trwałości poetyckiego motywu „Mickiewicz", motyw ten w poezji pozostałych Słowian —

niewątpliwie bardziej na tym polu zasłużonych od nie-Słowian — nie rozwija się stale, lecz jedynie w pewnych okresach. Autor wyodrębnia cztery okresy: I — wiersze „przyjaciół Moskali", tj współczesnych poecie Rosjan, II — wiersze Słowian zachodnich i południowych z okresu Wiosny Ludów, III — wiersze z przełomu wieków XIX/XX, głównie, choć nie wyłącznie, czeskie; IV — wiersze nam współczesne, związane często z uroczystościami jubileuszowymi, głównie poetów radzieckich.

W poetyckim kulcie Mickiewicza prym dzierżą Rosjanie, na których ziemi, w gronie młodych poetów rosyjskich Mickiewicz spędził szereg lat. Drugie miejsce przypada Czechom, w których odrodzeniu narodowym dużą rolę odegrała polska poezja romantyczna.

W okresie I Mickiewicz występuje w wierszach najpierw jako przyjaciel młodych poetów. Pierwsze utwory o nim (Kiriejewski, Boratynski) to odpowiednik filomackich wierszy o Adamie. Niebawem dochodzi do głosu motyw „Mickiewicz — poeta". Pod piórem Puszkina jawi się sonet o sonecie, w którym po raz pierwszy w szeregu najwybitniejszych poetów światowej literatury wymieniony jest autor Sonetów Krymskich. Przetwarzany jest motyw wieszcza („poety natchnionego"); Jaenisch — Pawłowa tworzy jedyne w swym rodzaju wiersze o Mickiewiczu jako człowieku ukochanym.

W okresie II otrzymał wizerunek Mickiewicz — żołnierz; szereg utworów poświęcono sprawie wkładu poety do dzieła rozwoju idei wolnościowych. Poeta słowacki Škultéty podobnie jak Niemiec Uhland (zbieżność przypadkowa) widzi w lutni mickiewiczowskiej kontynuację życia narodowego Polski.

Zdobyczą okresu III było upowszechnienie kultu Mickiewicza w poezji wszystkich narodów słowiańskich, zrozumienie jego wielkości przez największych poetów czeskich (Vrchlický) i bułgarskich (Sławejkow), uznanie konstrukcji trzech wieszczów romantycznych z Mickiewiczem na czele, zsolidaryzowanie się z ideami wolnościowymi Dziadów i Pana Tadeusza nawet przez szlachetnych pisarzy rosyjskich.

W okresie IV poeci radzieccy rozwijają żywotny już w poprzednim okresie (u czeskiego poety Svatopluka Čecha) motyw: Mickiewicz—Puszkin. U poetów ukraińskich (Rylski) dochodzi nawet do głosu zestawienie: Mickiewicz—Puszkin—Szewczenko. Rylski uwydatnił trafnie prostotę Pana Tadeusza. Kult rodzimych stron Mickiewicza czy też okolic w których poeta przebywał, dochodzi do głosu w utworach: Bażana, Tanka, Lisowskiego. Zburzony pomnik Mickiewicza opiewa — solidarna z współczesnymi poetami polskimi — serbska poetka, Desanka Maksimowić.

Kult Mickiewicza w poezji narodów słowiańskich miał swe przypływy i odpływy. Były momenty kultu wybujałego i długie lata milczenia. Infiltracja motywu od jednego do drugiego narodu słowiańskiego występowała rzadko. Jak zawsze w badaniach historycznoliterackich, tak i na tym niewielkim odcinku, mamy do czynienia z poezją poszczególnych narodów słowiańskich nie zaś z literaturą słowiańską pojętą jako jedność.

Л. В. ВОРОБЬЕВ (СССР)

РЕВОЛЮЦИОННИЯТ ДЕМОКРАТИЗЪМ И РЕАЛИЗМЪТ В ТВОРЧЕСТВОТО НА КАРАВЕЛОВ

Е. ЛОГИНОВСКАЯ (Румыния)

Следует приветствовать возвращение американского исследователя к сложной и еще не до конца осмысленной теме и, в особенности, угол зрения, под которым автор стремится ее рассмотреть (параллелизм в литературном развитии двух поэтов). Несомненными достижениями в этом смысле можно считать многие положения первой и второй частей работы. Убедительно, хотя отнюдь не ново (что видно даже по приведенным автором цитатам из работ советских исследователей) звучит и содержащаяся в третьей части мысль о том, что Пушкина — автора „Евгения Онегина" — следует сравнивать не с создателем восточных поэм, а с творцом „Дон Жуана". Но, приступая к такому сравнению, В. Викери касается не основных, существенных сторон художественного произведения, а вопросов второстепенных. Это наблюдается как при раскрытии сходства между двумя романами, так и при анализе их различий.

В работе справедливо говорится об общности иронического тона повествования и отдельных функций лирических отступлений, об известном сходстве „онегинской строфы" с итальянской октавой, использованной Байроном в „Дон Жуане", и т. д. Однако все эти частные наблюдения никак не убеждают в том, что можно говорить о серьезном влиянии Байрона на Пушкина в этот период, что делает В. Викери, подменяя здесь вопрос о параллелизме вопросом о влиянии. Если в предыдущий период Пушкин, действительно, писал под влиянием английского поэта, то теперь, следуя внутренней логике развития своего творчества, он переходит к преодолению этого влияния — преодолению байронизма.

Справедливо, что сходный, в общем, процесс перехода к реализму наблюдается и у Байрона, творца „Беппо" и „Дон Жуана". Однако, здесь есть и существенная разница: Байрон именно отходит от „байронизма", вводя в свои реалистические произведения иного, по сути, героя, а Пушкин—в „Цыганах" и особенно в „Евгении Онегине" — преодолевает его изнутри, по-новому рисуя того же байронического героя. Герой-индивидуалист, изображенный реалистичестически, снятый со своего пьедестала и рассмотренный всесторонне, — это уже не создание Байрона, а порождение русской и французской литературы. Одним из первых и наиболее талантливых его создателей является Пушкин, открывший своим Онегиным целую галерею таких героев в русской литературе, получивших затем название „лишних людей".

Такое рассмотрение этого вопроса, характерное для современного марксистского пушкиноведения, отражает объективный ход развития литературного процесса в России и не имеет ничего общего с „догматизмом", о котором говорил В. Викери. То же самое можно сказать и о понятии „реализм", которое уже давно не служит, да по сути никогда и не служило, лучшим пушкиноведам в качестве „ярлычка", а, осмысленное глубоко и всесторонне, помогает им решить многие сложные вопросы — в частности, вопрос о действительном сходстве и подлинных различиях между великим романтиком Байроном (при всем его движении к реализму, нашедшем выражение в последних произведениях) и замеча-

тельным р е а л и с т о м Пушкиным (несмотря на наличие у него романтических поэм и даже — в этом можно согласиться с В. Викери — элементов романтизма в первых главах „Евгения Онегина“).

А. Н. РОБИНСОН (СССР)

Доклад В. Н. Викери представляет научный интерес потому, что он не только развивает исследование „байронической“ темы в творчестве Пушкина, но и вводит эту проблему в круг сравнительно-типологических изучений (без употребления этого термина). Известный в науке вопрос о влиянии Байрона на Пушкина перекрещивается теперь с вопросом об однотипности литературного названия обоих поэтов. При наличии ряда удачных наблюдений и заключений исследование, однако, не имеет прочных методологических основ. Автор считает бесполезным опыты выяснения связей между творчеством поэтов и их мировоззрением (стр. 386). Вследствие этого, во-первых, проблематика работы ограничивается „литературной“ сферой, сводясь преимущественно к установлению приверженности Байрона и Пушкина к общим литературным традициям и вкусам. Во-вторых, оставляя в стороне основные проблемы мировоззрения поэтов и несколько противореча себе, автор при анализе общей литературной тематики поэтов не может избежать оценки отдельных сторон их мировоззрения, говоря об их „умственном кругозоре“, различных сторонах „одного и того же мировоззрения“ (стр. 386), их „здравомыслящем миропонимании“ (стр. 399), признаках „реалистического миропонимания“ и „реалистическом подходе к жизни“ (стр. 400), „общем взгляде“ на явления светской жизни (стр. 392). В этих условиях все то в творчестве обоих поэтов, что не может быть полностью объяснено общностью их источников или влиянием одного поэта на другого, поясняется общими чертами их „характеров“ (например „ноты меланхолии, разочарования, мятежного и гордого индивидуализма“ или „скептическое и ироническое отношение к жизни“ (стр. 383—384). Здесь задачи типологического анализа не могут выйти за пределы психологических и, в конечном счете, идеалистических толкований. Классификация правильно отмеченных автором тематических и эмоциональных сближений у поэтов приобретает характер в известной мере субъективного чередования малозначительных и существенных явлений. Исследование данной весьма интересной проблемы могло бы быть теоретически обогащено и структурно укреплено типологическим сопоставлением творческого пути Байрона и Пушкина, основанном на принципах исторического материализма, вовсе не отрицающего необходимости анализа собственно литературных явлений (или явлений психологии творчества), но требующего при этом внимательного выяснения решающих факторов социальной обстановки, окружавшей обоих поэтов.

СЪВРЕМЕННИ СЛАВЯНСКИ ЛИТЕРАТУРИ — СОВРЕМЕННЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ — LITTÉRATURES SLAVES CONTEMPORAINES

17 септември — 17 сентября — 17 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

Ю. ДОЛАНСКИЙ (Чехословакия)

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ И НЕСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Československé přednášky pro V mezinárodni sjezd slavistů u Sofii, Praha, 1963, str. 155—164.

Все литературы мира подчиняются некоторым общим закономерностям. Эти закономерности касаются каждой национальной литературы как составной части мировой литературы. Общие закономерности мы наблюдаем: I. при возникновении и II. в развитии каждой национальной литературы.

I. Закономерности возникновения литератур. 1) У каждого народа литература — результат его высокого общественного и культурного развития. Для нее необходимо знание письма. Все литературы мира возникли сравнительно поздно и с точки зрения всего развития человечества совсем недавно. 2) У всех народов до возникновения письменности существовало и существует устное народное творчество, которое везде остается в тесной связи с письменной литературой. 3) Большинство европейских литератур нового времени возникло на различных фазах развития феодального строя, когда для них созрели необходимые экономические, политические и культурные условия. Важную роль при этом играло географическое положение страны в соседстве или близости экономически и культурно более развитых стран, а также их языковое и национальное родство. 4) Первым литературным языком в каждой стране был язык господствующих классов. Очень важную роль при этом везде играла церковь, выражающая идеологические интересы господствующего общества. 5) Уже при своем возникновении и начале все европейские литературы нового времени формировались в несколько своеобразных групп на основе родственных генетических черт. Языковое и национальное родство содействовало образованию групп романских, германских, славянских и других литератур. Внутри феодального строя под влиянием господствующей церкви возникла противоположность между т. наз. „западной“ и „восточной“ культурой.

II. Закономерности развития литератур. 1) Первым наиболее значительным явлением во всех литературах является их языковая на-

ционализация. Отечественный, народный язык во всех странах постепенно проникал в литературу, подавлял иностранные литературные языки господствующих классов и сам становился литературным языком, что способствовало демократизации культуры и литературы. 2) Национализация литератур проходила в трех разных группах в зависимости от характера первоначально господствующего литературного языка. Дольше всего удержался иностранный литературный язык там, где он был довольно близок отечественному народному языку (латинский язык в романских странах, церковнославянский язык у восточных и частично у южных славян и т. д.). Гораздо раньше народная речь проникла в литературу там, где первоначальный литературный язык был совершенно чужд народу. Победе отечественного, народного языка в ряде европейских литератур помогло религиозное реформаторское движение в XV и особенно в XVI веке, связанное с борьбой против феодального строя. 3) Все литературы развивались в непосредственной зависимости от общего развития отечественного общества и в связи с международной обстановкой. В классовом обществе все литературы носят классовый характер. 4) Развитие и классовая дифференциация общества везде способствовали демократизации и освобождению литературы от церковной тематики. 5) С течением времени везде стали различаться две основные области словесного творчества: научная литература и т. наз. художественная литература. 6) Вместе с богатой дифференциацией тем развивалась также их различная художественная обработка в разнообразнейших жанрах, в поэзии, прозе и драме. 7) Богатство художественных приемов, дифференциация жанров и художественного изображения во всех национальных литературах развивались из диалектического напряжения между отечественной словесной традицией и между художественными импульсами иностранных литератур. 8) От этого диалектического напряжения зависело и зависит везде также развитие художественного метода, стиля и целых литературных направлений.

В рамках этих общих закономерностей, которым подчинены все литературы, существует бесконечное множество специфических явлений, характерных для каждой национальной литературы в отдельности и для их групп, образовавшихся на основе языкового и национального родства, аналогичного общественного строя, географического соседства и аналогичной исторической судьбы соответствующих стран.

П. ЗАРЕВ (България)

ЕСТЕТИЧЕСКИЯТ ИДЕАЛ — ЯДРО НА ХУДОЖЕСТВЕНИЯ МЕТОД
(Към въпроса за съвременните творчески търсения при социалистическия реализъм)

Сравнителното изучаване на съвременните литературни явления в различните славянски страни често пъти страда откъм дълбочина. Обикновено литературните влияния се виждат предимно в сферата на външните стилно-езикови и жанрови белези, без да се вниква в действителния литературен процес.

Подробна и многостранна разработка на принципните теоретични проблеми на метода, стила, литературните течения ще е от полза за обо-

гатяването и на сравнителните литературни изследвания. Задачата на доклада е да постави един от тия въпроси, и то откъм неговата актуална страна.

Психологията на творчеството, която толкова много сме пренебрегвали, поддържа едно положение: че между обективната реалност, съзерцавана от художника, и непосредните художествени образи не съществува пълно покриване. Всякога има — нееднакво по характера си през различните епохи — досътворяване на първоначално съзерцаваното. Овладени от омаята на една литературна творба, изпитваме чувството, че тя е реален, завършен в себе си свят, който носи духа на времето, типичното за епохата. Но това е само обща истина. Анализът доказва всякога, че образите, родени от непосредни представи и от опит, не се покриват с реалността, която е била съзерцавана. Художествената творба като резултат на творческа дейност е сложна синтеза между субективно и обективно. И в различните случаи — според историческия момент — превес има ту обективното, ту субективното. Дори в творчеството на писатели натуралисти, които се смятат, че рисуват живота „такъв, какъвто е" (tel quel), се натъкваме на особено, специфично художествено оформяне на впечатленията.

Ако научният метод в различните си разновидности при отделните частни науки се стреми непрекъснато към обективност, развива се към все по-голямо усъвършенстуване въз основа на наблюдението и експеримента, като заличава субективните моменти, тъй като се стреми към общи закономерности, то художественият метод е всякога непосредно слят със своята рожба — изкуството. Той „изчезва" в него. Той всякога е „субективната страна", тъй като е не пряко, а видоизменено отношение към действителността, предизвикано от идейни и емоционално-естетически подбуди. Той е идеологически елемент — субективно идеен, субективно естетически, — присъствуващ винаги в образите на изкуството и отсъствуващ от принципите на науката, която се стреми към изследване на обективните закономерности.

Онова, което би трябвало да ни насочва към „ограничаване" на метода от другите художествени явления, е естетическият идеал.

Той, естетическият идеал, израства върху мирогледа на твореца, той обхваща в себе си идейно-политическите, социални, етични и т. н. възгледи на художника, но включва в себе си и преките му хуманистични стремежи, непосредния му усет за прекрасното и грозното в живота. И така влияе върху характера на художественото обобщение. В границите на тази зависимост между естетически идеал и художествено обобщение е изобразяването на човека — идеализиран, емоционално извисен, условен, както при романтизма, или приземен, конкретен, свързан със среда и бит, както при реализма. Характерът на художественото обобщение е от съществено значение за типа изкуство, а то зависи не толкова от умонастроението изобщо, колкото от конкретното отношение към човека.

В отделни случаи социалистическият реализъм се „приближава" до изобразителната система ту на едно, ту на друго направление. И все пак не е просто тяхно продължение, а нов „момент" в развитието на световното изкуство. Причината за това различие е характерът на естетическия идеал, отношението към човека, което пронизва изкуството и оставя дълбок отпечатък върху художественото обобщаване, реалистично

или романтично, с влияния даже от художествени системи на модернистични направления.

Възможностите на социалистическия реализъм за богато вътрешно развитие се крият не само в отношението му на творческа приемственост към средства, похвати и начини на художествено обобщаване, създадени от предходното изкуство, а и в друго. Те произтичат и от обстоятелството, че в наши дни то става все повече и повече световно изкуство. Изкуство, което се обогатява според условията и литературните традиции в различни страни.

Д. МИТРЕВ (Югославия)

ПАТОТ КОН СОВРЕМЕННИОТ РЕАЛИЗАМ

Литературен збор, X, 1963, бр. 2, стр. 1—32.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Н. ДРАГАНОВ (България)

Установяването на закономерностите на литературното развитие, каквато задача си е поставил проф. Ю. Доланski, е извънредно важно. То помага да се изяснят общите проблеми в развитието на световния литературен процес, на славянските и на неславянските литератури, а също и на всяка национална литература. Доланski отбелязва и прехода към новия творчески метод—социалистическия реализъм. Във връзка с това няма да бъде безинтересно да се припомнят някои фактори от политическо и идеологическо естество, без да се пренебрегва спецификата на литературата. 30-те години са особено важни за развитието на художествената литература по пътя на социалистическия реализъм. Епохата се характеризира с изостряне на борбата между фашизма и комунизма, която в началото на десетилетието се прояви ярко в Лайпцигския процес. Борбата на Георги Димитров там през 1933 г., която имаше голямо отражение в целия свят за сплотяване на прогресивните сили, даде възможност на честните творци да осъзнаят съдържанието на това време, да почувстват новия герой — комуниста, — да отворят страниците на произведенията си за острите сблъсквания между двата свята. От това събитие такива изводи за литературата правят писателите в СССР, в България, в Чехословакия и другаде. Въпросите на художествената литература стават част от дейността на Коминтерна, в който от 1935 г. Димитров заема ръководно място. Българският комунист се е интересувал не само от дейността на писателите в отделните страни, но в своите речи, изказвания, статии и пр. провежда ленинските принципи в областта на изкуството. Той изисква литературата да се издигне на висотата на задачите на епохата на тридесетте години и активно да подпомага борбата против фашизма и капитализма. Поставя въпроса за създаването на антифашистки фронт и на художествените творци и по този начин подпомага да бъдат

обхванати широк кръг хора на изкуството. Изисква писателите да се свържат с проблемите на съвременната действителност, в произведенията им да пулсира героизмът на епохата, да изобразят героя комунист, революционер, антифашист. Творчеството им да участвува във великата битка за освобождаването на човечеството, за изграждането на новото социалистическо общество. Димитров се бори за утвърждаването на новата епоха от развитието на литературата — епохата на социалистическия реализъм. По този път на развитие вървят през 30-те години литературите на славянските страни, по него се придвижва и световният литературен процес.

W. BEITZ (DDR)

Ich halte die grundlegende These Prof. Zarews, daß das ästhetische Ideal den Kern der künstlerischen Methode bildet, für fruchtbar. Ich stimme ihm vollkommen darin zu, daß sich die Weltanschauung des Künstlers in seinem Werk vor allem in dem Verhältnis zum Menschen, seinem Menschenbild (koncepcija čeloveka) äußert. Diese These ist für unsere gegenwärtigen Diskussionnen über den Modernismus sehr wichtig. Manche Literaturwissenschaftler sind der Ansicht, daß man schon auf Grund stilistischer Ähnlichkeiten zwischen bestimmten Autoren von einer fruchtbaren Wirkung des Modernismus auf den sozialistischen Realismus sprechen könne. Aber einmal besagen stilistische Ähnlichkeiten noch gar nichts. Und zum anderen ist es in der Regel so, daß ein Autor deshalb modernistischen Einflüssen zugänglich wird, weil er in bestimmten Punkten vom sozialistischen Menschenbild abgerückt ist. Und umgekehrt: dort, wo der modernistische Einfluß wirkt, hat er zerstörerische Auswirkungen auf das sozialistische Menschenbild.

Einige Einwände habe ich gegen die Charakterisierung einiger Werke der sowjetischen Gegenwartsliteratur durch Prof. Zarew. Ich glaube, daß hier nicht genügend das dialektische Verhältnis zur Literatur vor 1953 zum Ausdruck kommt. Meines Erachtens müßte deutlicher sichtbar werden, daß dieses Verhältnis nicht nur durch das „polemičeskoe ottalkivanie" in Bezug auf negative Erscheinungen dieser Literatur bestimmt wird (wobei es auch Überspitzungen gab), sondern zugleich auch durch die Übernahme und Weiterentwicklung ihrer positiven Traditionen.

Ч. ДОБРЕВ (България)

Когато говори за естетическия идеал, проф. П. Зарев отбелязва, че той изразява ново отношение към човека, и в това си твърдение е безусловно прав. Действително, естетическият идеал на новото социалистическо изкуство е съобразен с една методология, която се основава на усвоение, познание и изменение на конкретно-историческата действителност. Тъкмо това обаче повелява от сферите на абстрактните формулировки да се доближим до живите литературни явления и да видим как своеобразно се пречупва нашият естетически идеал.

Преди всичко искам да подчертая, че в съвременната литература се наблюдава активен процес на поставяне на проблеми, на осъзнаване, ос-

мисляне на историческата действителност. И тук не става въпрос само за съществени ходове на мисълта, защото в дилемата Расколников и в съдбата на Чеховата „Вишнева градина“ ние можем да открием гигантските усилия на човешката художествена мисъл.

Въпросът, който поставя в своя доклад проф. Зарев за новия читател, е въпрос и за новия герой. Герой, който разсъждава върху съвременните проблеми и иска да им окаже своето въздействие. В същност една от задачите на Великата пролетарска революция беше тъкмо това освобождаване на човека, не на отделни негови представители, а на цялото общество, в което трябва да има не само маса, а индивидуалности.

В своя доклад проф. Зарев подчертава, че днес в съветската литература се наблюдава един стремеж към приближаване до средния човек, че има известно усилване на „критическото начало“, и аз мисля, че той има основание да твърди това.

Социалистическият реализъм не наследява само традициите на критическия реализъм, макар те да са му особено близки, но и всичко ценно, създадено в развитието на човешката история. Освен това културното равнище на съвременните хора изисква от изкуството и с по-други подходи да пристъпва към действителността. Това ще му помогне да открие неочаквани страни и качества, нови явления, този разрез може да бъде потънък, понякога едностранчив, понякога парадоксален.

И само когато се приближим плътно до нашите съвременници и разкриваме именно техния духовен свят, а в този свят има и толкова съвършенство, романтика, красота, ние можем, струва ми се, да пишем за истинско изкуство — с неговите, нека ги наречем, романтични, реалистични, алегорични прояви. Социалистическото изкуство побеждава! Побеждава не само детската си болест сектантството и догматизма, но то побеждава и като основно световно изкуство от втората половина на XX в.!

В. КОЛЕВСКИ (Болгария)

Социалистический реализм, как и всякий художественный метод, имеет определенные исторические и художественно-познавательные, эстетико-гносеологические корни. Его исторические корни — это борьба рабочего класса и всех трудящихся за победу социализма, за уничтожение позорной для человечества эксплуатации человека человеком.

Отождествление эстетической сущности социалистического реализма с эстетической сущностью реализма, а иногда и натурализма является одной из причин ограниченного понимания социалистического реализма в прошлом, когда ряд произведений, правдивых, реалистических, высокоидейных, но построенных романтическими или другими средствами выражения, недооценивались или вовсе отвергались, как произведения, чуждые социалистическому реализму. К сожалению, это понимание не преодолено целиком и до сих пор.

Оно проявляется в какой-то мере и в докладе проф. Д. Митрева. Автор рассматривает социалистический реализм как одну из форм „современного реализма“, как простое продолжение, как эволюцию реализма XIX века. Он рассматривает как „современных реалистов“ Шолохова и Леонова, Хемингуэя и Стейнбека, Моравию и Витторини, Сартра и Камю. Мы вполне

согласны с его защитой реализма от нападок псевдоноваторов, присоединяемся к этой защите. Но необходимо итти дальше, необходимо разграничить социалистический реализм от критического реализма, от неореализма и пр. Социалистический реализм это не простая эволюция реализма. Это качественно новый художественный метод.

Чтобы определить эстетическую сущность художественного метода, необходимо иметь в виду не только и не столько внешне формальные его черты — выразительные средства, например, а прежде всего — характер эстетического идеала, особенности художественного обобщения в широком смысле этого понятия, как единство формы и содержания художественного образа, соответствующего своему прототипу в жизни, т. е. — иметь в виду соотношение искусства с самой действительностью. В таком случае окажется, что сомнения некоторых литераторов о богатстве выразительных возможностей социалистического реализма окажутся напрасными.

Что касается художественных принципов обобщения, стилей, жанров, выразительных средств, посредством которых можно правдиво, реалистично передать эту коммунистическую правду мира, то необходимо сказать следующее: социалистический реализм как художественный метод унаследовал от литературы и искусства прошлого все демократическое и прогрессивное, все эстетически ценное, абсорбирует и развивает эстетические завоевания прошлого. Социалистический реализм является шагом вперед в развитии мирового искусства.

М. НИКОЛОВ (България)

В своя доклад проф. П. Зарев прави ценни усилия да постави проблемата за съвременните творчески търсения в литературата на социалистическия реализъм на широка теоретическа основа. Той развива убедително гледище за природата на художествения метод, за естетическия идеал като ядро, сърцевина на метода.

Един от големите въпроси, които докладът на проф. Зарев поставя, е този за отношението на социалистическия реализъм към другите художествени методи и по-специално към модернистичните художествени направления в началото на века.

В отделните европейски и славянски литератури наблюдаваме едно характерно явление. Крупни писатели, които започват своя творчески път в редовете на модернистични школи и течения, постепенно установяват контакти с марксизма и се присъединяват към революционното изкуство през 20-те години, към антифашисткия културен фронт през 30-те години. Известен е примерът с бившия футурист Маяковски в Русия, с бившите експресионисти Й. Бехер, Б. Брехт в Германия, с привърженика на сюрреализма в Чехия Витеслав Незвал и пр. В България аналогичен е случаят с поета Гео Милев и неговия литературен кръг. Бившият проповедник на символизма и по-късно на експресионизма написа най-изразителната поема за антифашисткото въстание в България през септември 1923 г. и заплати за това с живота си.

Единствено правилният подход при разглеждане зрелите художествени творби на такива автори, например на поемата „Септември“ на Гео Милев, е подходът, който се съобразява с диалектическата сложност на нейната

художествена структура. От една страна, поемата „Септември“ е отрицание на предишните формалистични похвати, на самоцелното експериментаторство в експресионизма, тъй като художествената експресия в поемата е далеч от каквото и да е самозадоволяващо се разрушение на граматиката и езика, характерно за мнозина експресионисти. Но това отрицание е диалектическо, тоест то не просто отрича, а преосмисля на нова основа предишните елементи от формата на експресионизма. Следи от тая форма са запазени в поемата, преобразувани са в ново художествено единство. Своеобразието в художествения строеж на поемата не може да се разбере, без да се изясни взаимовръзката между социалистическия реалист и експресиониста Гео Милев. Ето защо и самата поема представлява нещо съвсем особено, неповторимо явление в българската поезия, особено ако я съпоставим с произведенията на други поети, отразили въстанието, но свързани с други художествени школи, изразили други естетически предпочитания и предразположения.

Г. МАРКОВ (България)

Докладът на Димитър Митрев „Пътят към съвременния реализъм“ предизвиква у нас подчертан интерес. В него авторът ясно и категорично утвърждава принципите на реалистическото изкуство, сочи неизчерпаемите му възможности. Опирайки се върху изследванията на авторитетни историци и критици, той показва, че опитите да се създаде съвременно изкуство върху антиреалистична основа остават безплодни и предварително обречени на неуспех. Абстрактността, субективизмът и декадентщината влизат в противоречие с вътрешните закони на художественото творчество, разрушават самия художествен образ и затова върху тяхната основа не могат да се създадат трайни и значими естетически ценности.

Съвременният реализъм може да иде по-напред от предишния, може да преодолее неговата ограниченост само когато застане на нова идейна позиция, на позицията на диалектическия материализъм, трансформиран в естетически подход към действителността.

Игнорирайки ролята на светогледа, Д. Митрев не само остава до описанието на фактите, но и разглежда съвременния реализъм като някаква твърде обща, абстрактна надидеологическа категория. Той включва в него явления от различен характер, писатели с различни и дори противоположни идейни позиции и в крайна сметка с различни художествени методи. Наред с Шолохов се поставя П. Сартър или Стайнбек, наред с Л. Леонов — Ернст Хемингуей или Албер Камю. Няма съмнение, че по отношение на стила, на някои художествени похвати и дори някои моменти в естетическото виждане между тия писатели съществува нещо общо, което е характерна черта на съвременния реализъм. Но безспорно е също така, че реализмът на Шолохов и Леонов е качествено различен от реализма на Сартър, Хемингуей, Стайнбек и др. Д. Митрев недооценява и не подчертава този факт, той разтваря социалистическия реализъм в общото понятие съвременен реализъм, поставя тежестта върху стиловите особености, без да прониква по-дълбоко в същността на художествения метод. По този начин неговият интересен и верен в много отношения доклад губи откъм дълбочина и убедителност.

На днешното следобедно заседание чухме и друг един доклад за съвременните естетически търсения — доклада на Пантелей Зарев „Естетическият идеал — ядро на художествения метод". В него е прокарана убедителната и плодотворна концепция, че всеки художествен метод се ражда закономерно от обективните обществени условия, но получава плът и кръв, конкретност и реалност в зависимост от определен естетически идеал. Изследванията на съвременния реализъм тогава ще бъдат резултатни, когато излизаме именно от такава концепция — да търсим естетическия идеал, който лежи в основата на реалистичното творчество, да обясняваме качествено новите особености с новия естетически идеал.

18 септември — 18 сентября — 18 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

М. НОВИКОВ (Румыния)

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА И СОВРЕМЕННЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Romanoslavica, IX, 1963, стр. 229—265.

Сравнительное изучение современных славянских литератур облегчается тем, что начиная с XIX века в их развитии замечаются сходные черты. За исключением России все славянские литературы развивались в XIX веке под воздействием национального освободительного движения, под сильным влиянием русской литературы. Романтизм возник в этих литературах как выражение протеста, а разоблачающий пафос критического реализма особенно подчеркивался. Благодаря этим условиям в славянских литературах создалась благоприятная почва для восприятия новых эстетических идеалов, утверждаемых революционной борьбой пролетариата. После Великой Октябрьской революции в славянских странах начало бурно развиваться литературное течение, находящееся под непосредственным влиянием коммунистических партий. Но возросла и идеологическая агрессивность буржуазии. Тем не менее почти во всех славянских литературах социалистический реализм как самостоятельное литературное движение возник до второй мировой войны. Послевоенные революционные преобразования создали благоприятные условия для обобщения метода социалистического реализма. Социалистический реализм стал ведущим художественным методом всех славянских литератур. Поэтому эстетические проблемы современных славянских литератур это и эстетические проблемы социалистического реализма.

Из этих проблем главной является проблема героя, проблема художественного выявления героического как специфической черты социалистической эпохи. Идея о том, что в настоящее время в социалистических странах литература преимущественно отражает будничный героизм

обыкновенного человека, является неправильной, ибо героическое всегда необыкновенно. В свое время критический реализм выступил против романтического, провиденциального понимания героического и эта критика была подхвачена революционным пролетариатом. Люди не делятся на героев и негероев, а в нашу революционную эпоху любой обыкновенный человек может стать героем, но для этого он должен совершить необыкновенные поступки. Опыт литературы социалистического реализма, советской литературы, а также и других славянских и неславянских (например румынской) литератур подтверждает эту закономерность.

Развиваясь на основе пролетарской литературы, зародившейся в Европе во второй половине XIX века, освоив все прогрессивное литературное наследство, социалистический реализм в литературе становился в различных странах самостоятельным литературным течением лишь постольку, поскольку не отмежевывался от других литературных течений — от современных ему модернистских течений, а также от критического реализма, несмотря на то, что реалистическое наследие XIX века было полностью унаследовано социалистическим реализмом. Главная отличительная черта социалистического реализма с эстетической точки зрения состоит в том, что художники этого направления стремятся к наиболее полному отображению человеческой красоты, освобожденной социалистической революцией, стремятся донести до читателя одно из важнейших истин нашей эпохи: как победа социалистических отношений с необходимостью ведет к реабилитации человеческой красоты, как в условиях социалистического общества осуществляется очищение человека от всех нечеловеческих черт и пороков, которые зародились в его душе в результате длительного господства буржуазных отношений, буржуазной идеологии и морали. Здесь проходит главная линия разграничения социалистического реализма от всех остальных литературных течений.

Точка зрения, утверждающая, что литература социалистического реализма в настоящую эпоху удовлетворяется простым воспроизведением жизни, так как сама жизнь высока и полна прекрасных примеров, не соответствует тем эстетическим идеалам, которые утверждались социалистическим реализмом за все более чем полувековое его развитие. Художественно служить борьбе за полную победу социализма на земле — значит искать в социалистической действительности и затем утверждать все, что показывает безусловное превосходство — экономическое, политическое, моральное, эстетическое — социализма, то есть всячески подчеркивать красоту новой жизни, ее свежесть, то, как она вызывает и поддерживает творческие порывы, как способствует многостороннему и гармоничному расцвету личности.

Наша эпоха — это эпоха великой проверки. Год за годом социалистическое общество все убедительнее доказывает свое превосходство в соревновании с капиталистической системой. Литература социалистического реализма участвует в этом состязании, с большой силой раскрывая — при помощи самых удачных, самых убедительных и, значит, самых героических примеров — великое возрождение человеческой натуры под благодатным воздействием социализма и коммунизма.

Ф. БУРИАНЕК (Чехословакия)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЧЕШСКОЙ МАРКСИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha, 1963, str. 267—276.

О марксистской критике как теоретически зрелой, систематически развиваемой и активно влияющей на развитие литературы составной части чешской литературной критики можно говорить только начиная с 20-х и 30-х годов XX века. У нее были свои предшественники, но ее прогрессивное развитие связано с решением вопросов социалистического искусства в Чехословакии после первой мировой войны, а именно с программой т. наз. пролетарского искусства. Эта программа была теоретически формулирована в статье Йиржи Волькера „Пролетарское искусство" (Вар 1922); в ней содержались постулаты революционности, тенденциозности (партийности), коллективизма, оптимизма и реализма. На фоне пролетарского искусства выделялся, с одной стороны, суженный подход к поэзии как к непосредственному орудию революционной агитации (С. К. Нейман) и, с другой стороны, более широкий подход, включающий в социалистическую литературу также чистую лирическую мечту, выявляющую нравственную и эстетическую черты, присущие новому мировоззрению (Иосиф Гора). Даже и воинственный защитник принципа партийности и последовательных классовых взглядов С. К. Нейман позднее выразил мнение о том, что „пролетарской литературе нельзя ни продиктовать, ни извлечь для нее из теории (vyteoretizovat) какие-либо материи или формы". Формирующаяся почти одновременно с тем авангардистская группа Девятьсил (Devětsil) — К. Тейге, В. Незвал — является с точки зрения своих теоретических взглядов также сторонником революции, марксизма, но в отличие от пролетарского искусства она подчеркивала в одностороннем порядке эмоциональную и имажинистскую стороны поэзии, эстетическую функцию литературы и даже хотела искусство лишить идеологической окраски. Придавая особое значение неизбежному революционному изменению формы, новому художественному выражению и форме, она вносила в проблематику социалистического искусства внимание к специфике искусства, проповедовала полное развитие индивидуальности художника.

В 30-е годы марксистская критика, расправляясь с ошибками и одлед-носторонностью авангардистского поэтизма (Э. Уркс и Б. Вацлавек — посний даже в форме самокритики), возвращалась к вопросу общественной функции искусства. Этому содействовала общественная обстановка с обострenными классовыми противоречиями, импульсы со стороны международного движения пролетарской литературы (совещание в Харькове) и возрастающий уровень теоретической марксистской мысли. Проблемы социалистического искусства освещались в полемических дискуссиях о сюрреализме, представлявшем авангардистское течение, а также о социалистическом реализме. Марксистская критика, в первую очередь Курт Конрад и Бедржих Вацлавек, указала противоречия, а также идеалистические и субъективистские элементы в теории сюрреализма и отвергла авангардистские теории о т. наз. дифференциации революционной мысли в деструктивное

и конструктивное течения, отвергла острую грань между логикой и эмоциональностью, между смысловой и эмоциональной сторонами речи, между содержанием и формой. К. Конрад и Б. Вацлавек определили также свое недогматическое понимание социалистического реализма как высшего синтеза пролетарского и авангардистского течений. По их мнению, социалистический реализм не только воспроизводит действительность, но оформляет ее при помощи эмоционального сокращения, выражает ее сущность при помощи формы и постигает ее направленность. Такой подход подчеркивал направление к человеку во всей ширине его натуры (Конрад). Даже в полемических спорах с авангардистскими теориями выступления этих критиков (напр. Юлия Фучика) не были сектантские, в них проявлялось стремление к объединению в антифашистском фронте всех прогрессивных писателей. По-новому они решали также проблему подхода к национальной культуре и традиции (Ю. Фучик).

К. ГЕНОВ (България)

РОМАНТИКА И РОМАНТИЧЕН ТИП ХУДОЖЕСТВЕНО ОБОБЩЕНИЕ В ПРОЛЕТАРСКАТА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКО-РЕАЛИСТИЧНАТА ЛИТЕРАТУРА

Известия на Института за литература, кн. XIV и XV, София, 1963, стр. 23–45.

Историческите факти дават сериозни основания да се твърди, че изобщо съществуват два основни типа поетическо творчество — реалистичен и романтичен, — отговарящи на двете основни склонности на човека при естетическото усвояване и изменение на действителността. Реалистичността и романтичността ние също приемаме като всеобщи естетически категории. Изхождайки от тези най-общи теоретични принципи, ние смятаме, че появата на социалистическия реализъм се предшествува от пролетарско-революционната литература, чийто главен художествен метод е романтичният тип художествено обобщение върху основата на комунистическото светоотношение (в широк смисъл на думата). Пролетарската литература се явява подготвителен етап в зараждането на социалистическия реализъм.

Комунистическата идеология действително предизвиква появата на социалистическия реализъм, но не автоматически: това се извършва посредством битието на „новия човек“ — на революционния пролетарий като реално съществуващ в живота, в революционната практика, в социалистическото строителство. Изобщо методът на социалистическия реализъм като принцип на естетическо усвояване и изменение на действителността се явява отражение на особеностите и закономерностите, които характеризират идейно-социалния и морално-психологически свят на класосъзнателния пролетариат в съответна жизнено-историческа обстановка. Образно казано, преди методът на социалистическия реализъм да създаде образа на класосъзнателния пролетарий — исторически положителния герой на нашата епоха, — този пролетарий чрез своето битие и естетическо реагиране на света вече потенциално е създал чертите на метода на социалистическия реализъм.

Истинското начало на социалистическия реализъм следва да се търси в онзи момент, когато писателят започва да твори образи конкретно-исторически, когато възсъздава живота и борбата на революционния пролетариат в типична за него жизнено-историческа обстановка. Сега в известна степен „утопичната“ романтика на пролетарската литература получава по-реален, „земен“ характер, свързва се органически с конкретно-историческата перспектива на живота. От признак с определящо за метода на пролетарския писател значение сега романтичното се превръща преди всичко в характерна черта в образа на пролетария (и светоотношението на самия писател) и по такъв начин се „включва“ като органическа съставка в социалистическореалистичния метод. Образът на положителния герой се „разкрива“ от самосебе си и сам за себе си „говори“, изграждайки се върху принципа на диалектическото единство в изображението на типични характери при типични обстоятелства. Тук се „прекъсва“ действието на романтичния естетически принцип на „субективно“ привнасяне фантастично-мечтателен елемент във вътрешната структура на художествения образ.

Разбира се, както ни убеждават фактите на литературната история, между романтичния и реалистичния тип художествено обобщение няма и не може да има „непреодолима“ граница. По наше убеждение при проучването на тази основно важна проблема литературоведите биха достигнали до много по-значителни резултати, ако в своите изследвания си служеха със сравнително-историческия метод върху основата на марксистко-ленинската методология, ако се стремяха към по-определено разграничаване на категориите художествен метод и тип художествено обобщение, романтичност и романтика, както и към по-диференциран подход към типовете художествено обобщение, основани на различни светоотношения и естетически идеали.

Изложените теоретични възгледи и заключения авторът на доклада извежда въз основа на съответни наблюдения и литературен анализ на български (Д. И. Полянов, Г. Кирков, Хр. Смирненски), руски (М. Горки, Ал. Блок, Вл. Маяковски, Ал. Гастев, Ал. Безименски), чешки (Ст. К. Нойман, Ир. Волкер) художници на словото.

Г. ЦАНЕВ (България)

НЯКОИ ПРОБЛЕМИ НА БЪЛГАРСКИЯ ИСТОРИЧЕСКИ РОМАН МЕЖДУ ДВЕТЕ СВЕТОВНИ ВОЙНИ

Списание на БАН, 1963, кн. 3, стр. 3—19.

Основната проблема, характерна за литературата след Първата световна война и свързана с новото художническо съзнание, е изображението на народа, на масата. Една сложна проблема, тясно преплетена с проблемите за героичната личност, за положителния герой, от една страна, и за отношението между личност и народ, между отделния човек и колектива, от друга. Това са въпроси средищни в естетическите схващания на ония писатели, които се стремяха да останат верни на прогресивния

дух на своята съвременност. Вниманието към масата, колектива — ето най-новаторската черта на литературата след Първата световна война. Епохата след Октомврийската революция промени съзнанието на ония творци в изкуството и литературата, които почувствуваха новото, което тая епоха донесе. Преди всичко те разбраха, че истинският творец на историята са народните маси. Значителната роля на отделната личност като субективен фактор не се отрича, но нейният успех зависи от идейното единство между нея и народните маси. Писателят също така става изразител на техните чувства, мисли, идеали.

Въпросът за отношението между личност и народ се поставя в българската литература отдавна, но се разрешава радикално, в духа на колективизма едва след Първата световна война под влиянието на Октомврийската революция. Смирненски пръв в нашата поезия въплъти с висока художественост принципите на колективизма и изрази в поетични образи схващането за народа като творец на историята и съзнанието на поета като част, слята идейно, емоционално, нравствено с едно велико народно цяло.

Решението на проблемата за народа като герой в художественото творчество и на всички други проблеми, свързани с нея, се вижда най-добре в романите, които имат за обект войната и съвременните социални движения. Но в българската литература тая проблема най-напред и особено подчертано е решена в историческия роман, който — по редица обективни причини — получи широко развитие между двете световни войни. Най-хубавият исторически роман от това време е „Ден последен — ден господен“ (1931—1934) от Ст. Загорчинов. В него народът е представен не само като потисната маса, но и като активна борческа сила, която движи историята. Въвеждането в литературата на тоя нов колективен герой като социален фактор е нов момент в развитието на българския роман. Главният герой на романа Момчил, бивш отрок, станал войвода на хусарска дружина — това е положителният герой, какъвто изискваше новото време на антифашистката борба, само че пренесен в далечното минало, съобразен с духа на това минало. Такъв герой, който се бори против феодалния строй и мечтае за „царство без цар, без боляри и без отроци“, можеше да бъде открит и обрисуван само под внушението на Октомврийската революция и на революционните събития у нас след войната. Момчил е образ, създаден от реализма, но окрилен и поетически издигнат от полета на прогресивната романтика. Тоя образ е едно от най-значителните завоевания на българската литература.

Въплъщение на героичното е главният герой и в повестта на Л. Стоянов „Мехмед Синап“ (1935). Като Момчил и той произлиза от народа и се бори против социалното робство. Особено напрегнат момент на отношенията между личност и народ представя романът на О. Василев „Хайдутин майка не храни“ (1937). Хайдутинът Страхил изживява тежка драма — вътрешна борба между дълг към народа и копнеж по мирно лично щастие — за да се върне отново при дружината и да стане пак защитник на народа. Така е разрешена проблемата и в романа на Кр. Велков „Водител“ (1940). Неговият герой Ивайло, водач на селско въстание, борец против болярите, е издигнат от народа до царския престол. Но скоро разбира, че не му е мястото в двореца и тръгва да се бори отново като войвода на своя народ против чуждите нашественици.

Народ и героична личност са в идейно и емоционално единство. Така е решена основната проблема и в четирите романа.

Тия исторически романи имат и друга една обща черта (която притежават и най-добрите социални романи от същия период) — дълбока връзка с прогресивните тенденции на съвременността — с антифашистката борба. Естетическият идеал, който прозира в тях, е героичният подвиг на народа и на отделната личност. Постигнатото в историческия роман между двете световни войни — в който постепенно се формира методът на социалистическия реализъм — е една наследена плодотворна почва, соковете от която подхраниха развитието и разцвета на историческия роман и изобщо на романа след Девети септември 1944 г.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

А. С. БУШМИН (СССР)

Доклад проф. М. Новикова оставляет общее благоприятное впечатление стремлением автора развить понимание социалистического реализма как искусства. Разделяя пафос докладчика в защите эстетической специфики литературы социалистического реализма, вместе с тем приходится признать, что порой это стремление переходит за свои разумные пределы. В частности, это нашло выражение в тезисе: „В странах, в которых победил социализм, литературе нет необходимости принимать на себя и задачи других областей идеологической борьбы." В контексте доклада прямой смысл этого тезиса смягчен более тонким предшествующим и последующим движением мысли проф. Новикова, но сама приведенная формулировка не является достаточно удачной и вполне соответствующей убеждениям автора, который, как это и вытекает из его доклада, отстаивает марксистское понимание общественной роли искусства. Более правильным было бы считать, что литературе социалистического реализма подвластна вся безграничная сфера интеллектуальной жизни; свою эстетическую специфику она утверждает не сокращением этой сферы до узко эстетических задач, а эстетическим освоением идеологических задач на всем их пространстве.

А. Бушмин поддержал и развил суждение проф. М. Новикова о том, что „иногда в высказываниях некоторых критиков как реакция против догматической узости проявляется и тенденция к такому расширению сферы социалистического реализма, при которой охватывая все, он перестает существовать как таковой".

По поводу доклада Кр. Генова „Романтика и романтический тип художественного обобщения в пролетарской и социалистическо-реалистической литературе", выдвинувшего идею о „двухэтапном" развитии социалистического реализма (движение от революционного романтизма к социалистическому реализму), А. Бушмин заметил, что хотя такой путь действительно характерен для ряда писателей, все же не следует придавать ему значение общей закономерности, к чему склоняется докладчик.

Эта „двухэтапность“ вовсе не характерна в советской литературе для таких, например, ранних представителей социалистического реализма, как М. Горький, Серафимович, Демьян Бедный.

М. ЗАГРАДКА (Чехословакия)

Вполне разделяя пафос проф. Новикова и проф. Бушмина, направленный против расширения понятия социалистического реализма до бесконечности и против тенденций „дегероизации“ литературы, я не могу не высказать некоторые замечания по поводу их выступлений. Мне представляется категория героического идеала неотъемлемой составной частью эстетики социалистического реализма. Идеал писателя воплощается в литературе прежде всего в образах положительных героев. Подчеркивая слова „прежде всего“, я хочу дополнить тезис проф. Новикова (ср. Романославика, 9, 1963, стр. 239), ибо считаю, что есть и другие пути для выражения этого идеала, не менее выразительные и емкие, напр. героическое в образе эпохи, путем эпизодических персонажей или даже образом массы, героическое субъективное, выражающееся прямо в публицистических и лирических отступлениях автора, где дается отношение его к своим персонажам — положительным героям, отрицательным персонажам, но и к „негероям“, к обыкновенным людям, которые, конечно, потенциональные герои, но которые могут и не стремиться к героическому подвигу, не становясь, однако, таким образом, отрицательными персонажами. Эти широкие возможности воплощения героического идеала в литературе соц. реализма дают нам основание думать, что наличие на первом плане „негероя“ еще не равняется тенденции к „дегероизации“ литературы. Героическое может реализоваться в таком случае путем критики „негероического“, путем противопоставления „не-героя“ героической эпохе или даже лишь путем сопоставления „негероя“ с героическим; если речь идет об их форме, то путем иронизации рассказчика-„негероя“ или непосредственно невысказанной и оставленной для „доработки“ читателю иронизации „негероя“ в самораскрытии его и т. д. О „дегероизации“ уместно говорить, по моему мнению, лишь в таких случаях, когда героический идеал не высказан и не предполагается и невозможна его „доработка“ читателем, когда автор отождествляется с рассказчиком-„негероем“, не противопоставляя ему в заметной мере положительные жизненные тенденции или не давая читателю возможность „доработки“. Суть дела, следовательно, в позиции автора, в активном его стремлении к воплощению героического. В литературе соц. реализма всегда останется важным путем воплощения героического положительный герой, но нельзя исключать из нее и „негероя“ (как это делают критики, с пренебрежением отклоняя те книги, на первом плане которых оказались „хлюпики“). Исключение „негероя“ из литературы соц. реализма без учтения общей идейной направленности произведения и авторского идеала обедняло бы ее и препятствовало бы тому, чтобы социалистическому реализму была подвластна вся сфера жизни.

А. КОВАЧ (Румыния)

Замечательной характерной чертой V Международного съезда является то, что вопросы социалистического реализма занимают в его работе центральное место. Сегодня понятие слависта связывается уже не только с проблемами изучения языка и истории славянских народов, как это часто бывало в прошлом, но и с изучением самых важных, современных проблем культуры этих народов.

На настоящем съезде был поднят ряд интересных вопросов социалистического реализма. В докладе академика Т. Павлова интересным и важным показалось нам обоснование объективного характера художественного метода. На съезде наблюдается очень плодотворная тенденция к учету, при разработке проблем социалистического реализма, его художественной практики, к обобщению закономерностей творчества писателей, воплощающих в своих произведениях социалистический идеал. Если это меньше делалось в докладе академика Т. Павлова, то в сообщениях, прочитанных на секциях, это осуществляется в значительной мере (напр., у П. Зарева, Кр. Генова и др.).

В меньшей мере, на наш взгляд, учитываются достижения современной эстетической мысли. Так, некоторые товарищи не опираются на научное понятие художественного метода в марксистско-ленинской эстетике. В связи с этим мы хотели бы высказать несколько соображений о докладе Кр. Генова „Романтика и романтический тип обобщения в пролетарской литературе и в литературе социалистического реализма".

Тов. Кр. Генов считает, что наряду с понятием художественного метода наука должна пользоваться и термином „тип художественного обобщения", утверждая при этом, что существуют два „вечных" типа художественного обобщения, а именно романтический и реалистический. На наш взгляд введение в науку этого нового понятия является излишним и в его основе лежит недоразумение. Понятие художественного метода и предполагает, в первую очередь, определенный тип художественного обобщения, это является его сущностью, хотя оно и включает в себя другие элементы, например, определенную степень индивидуализации. Принципы создания образа — центрального элемента произведения искусства — т. е. определенная степень обобщения и индивидуализации, выражение определенных эстетических идеалов. При этом единство общего и индивидуального наиболее полно осуществляется в реалистическом искусстве.

Романтический художественный метод связан не с одним только периодом истории литературы — факт, который правильно отмечается тов. Геновым. В русской литературе, например, романтизм играет большую роль не только в начале, но и в конце XIX века, в творчестве молодого Горького и других писателей. Романтический метод имеет свои общие черты; вместе с тем, он существенно различается у различных писателей различных стран и эпох, он историчен.

В связи с проблемами социалистического реализма нам хотелось бы сказать несколько слов и о докладе нашего соотечественника проф. М. Новикова. Мы согласны с некоторыми основными положениями доклада — с концепцией М. Новикова относительно социалистического реализма и его соотношения с другими современными методами, о возрастающей роли

искусства в жизни человека социалистического общества, об огромном значении изображения положительного героя, героических фактов в произведениях наших современных писателей. В этом смысле мы согласны с высказываниями некоторых выступавших товарищей и прежде всего с тов. Бушминым. Но аргументация тов. Новикова кажется нам не всегда убедительной и верной. Так, например, на наш взгляд, нельзя сводить предмет или цель искусства к изображению прекрасного. В докладе отождествляются эстетические категории прекрасного и эстетического. В этом вопросе еще много предрассудков — так, многие утверждают, что в древнегреческом искусстве изображалась только красота. Но если это в какой-то степени верно в отношении скульптуры, то предметом греческой трагедии, например, являлись не только прекрасные, но и трагические, комические и другие явления жизни (напр., трагедии Софокла и Эврипида, комедии Аристотеля).

Человек будущего коммунистического общества захочет не только любоваться красотой, но и смеяться, восхищаться возвышенным, у него будет и чувство трагического. Поэтому положение о том, что в нашу эпоху изображение прекрасного (а не всего интересного для человека) является единственной задачей искусства, нам кажется односторонним, сужающим сферу искусства.

В связи с понятием героического, как нам кажется, термин „исключительный" не соответствует сущности дела, поскольку героизм может быть и является в наше время часто массовым, народным.

Нам кажется также, что нецелесообразно говорить о социалистическом реализме только как о методе, не упоминая о нем как о течении. Правильнее говорить о различных течениях социалистического реализма в различных странах и в различные эпохи.

Г. ЮНГЕР (ГДР)

Творческая дискуссия на съезде показала, что надо подчеркнуть закономерную связь между старым и новым реализмом. В некоторых книгах по истории русской литературы, распространенных в западных странах, этот факт фактически оспаривается. Чаще всего или признается и высоко оцениваются классическая литература и литература социалистического реализма (например Томас Манн, который написал об Überlieferungsscdichtigkeit — сплоченности традиций в русской литературе), или искажаются и классическая литература, и литература социалистического реализма (например Сечкарев, который из всей русской литературы признает крупным художником лишь Пушкина, „единственного бойца в дремучем лесу").

Противники литературы социалистического реализма, например, выступают против изображения положительного героя. Но общеизвестно, что еще классики реализма стояли за утверждение человеческой красоты, за утверждение прекрасного в жизни и в искусстве. И в этом отношении писатели социалистического реализма, стремящиеся изображать положительного героя, продолжают традиции классиков. Нельзя разработать существенные черты литературы социалистического реализма, ее новаторство, когда игнорируется эта закономерная связь, выражающаяся во многих отношениях и принципах.

J. DVOŘÁK (ČSSR)

Česká marxistická literární kritika je mj. kvalitativním přehodnocením pokrokových tradic české demokratické kritiky 19. století, reprezentované K. Havlíčkem, K. Sabinou, J. Nerudou, Vít. Hálkem, Ot. Hostinským. Výrazem organického rozvinutí této linie v kritice marxistické je dílo Zd. Nejedlého. Nezávazný relativismus a krize kritérií společenských věd za kapitalismu byl v české marxistické kritice překonáván požadavkem syntetismu, jejž do české kritiky podnětně vnesl F. X. Šalda. Tento syntetismus byl ovšem nyní důsledně pojat v duchu vědeckého socialismu. Zvlášť důležitý byl vztah marxistické kritiky k proletářskému internacionalismu (St. K. Neumann) a ke kulturnímu dědictví minulosti, jenž především zásluhou rozsáhlé činnosti Zd. Nejedlého a vystoupením Wolkrovým na počátku let dvacátých nabyl charakteru skutečně leninského. Byl to účinný prostředek, jak čelit nihilistickým koncepcím, majícím obdobu např. v Lefu nebo Rappu.

Bylo na prospěch české marxistické kritice, že ji koncem let třicátých do značné míry určovali pracovníci, jimž byl cizí byrokratismus a administrování. I St. K. Neumann, který se nikdy nevyhýbal přímočarému radikálnímu řešení, s rozhořčením odmítal — jak dosvědčuje jeho korespondence s B. Václavkem — byrokratické řešení ideologických otázek a sporů v naší kultuře. Blok socialistických realistů zrušil nezdravou izolaci slovesných pracovníků a sjednocoval je v duchu perspektivy vybudování socialismu, ponechávaje přitom členům veškerou nutnou svobodu tvůrčí práce, kladl důraz ne na účast při podepisování manifestů, nýbrž na samu literární tvorbu. Václavek, Konrad, Urx, Fučík, Štoll a jiní představitelé české marxistické kritiky chápali kolektiv spjatý společnou myšlenkou a prodchnutý úsilím o společnou práci jako jedinou záruku vytvoření skutečné osobnosti, svobodné od deformujícího vlivu individualismu a peněžních vztahů kapitalismu.

Smyslem marxistické literární vědy není zastírat diference uvnitř Bloku socialistických spisovatelů. Avšak dělící čára probíhala mezi sílící protifašistickou frontou se stranickým jádrem na jedné straně a nacionalistickou reakcí, jež měla své spojence v aktivistických skupinách agrárníků a některých bojovných katolíků. I mezi nimi Blok rozlišoval: útočně vystupoval proti katolíkům, pokud fašizovali, ale pokoušel se najít mezi katolíky ty, které by snad bylo možno získat, pro spolupráci, obdobně jak tomu bylo v některých jiných zemích, např. ve Francii. Rozdíly mezi pojetím Bloku u Neumanna a Václavka tkvěly především v rozdílném chápání šíře tohoto svazku, za jehož vedoucí sílu oba považovali komunisticky orientované spisovatele a kritiky. Ač vývoj dal v některých případech za pravdu Neumannovi, pokud důrazně upozorňoval na ideologickou neujasněnost některých avantgardistů, počítaných automaticky k levici, pak rozhodně v době kolem Mnichova byl plně oprávněný Václavkův boj o každý talent demokratické kultury. Václavkovo široké pojetí Bloku organizovaného bez sektářství a generačních přehrad mělo své hluboké opodstatnění a je podnětem i dnešní kulturní politice.

Marxistická kritika, protože byla vzdálena metodologickému izolacionismu strukturalistů, nesetrvávala u popisu a rozborů, nýbrž dospívala odtud k zhodnocení, zasahujíc do vývoje spisovatelů a vtahujíc je do společenských bojů. Tato kritika vyhrála svou bitvu o českou socialistickou literaturu také proto, že našla koncem 30. let vyšší prostotu; zbavovala se jisté

těžkopádnosti v logické argumentaci, našla oproštěný lidový výraz i živý styl schopný vyjádřit složité vztahy překvapivě jasně, srozumitelně a bezpečně. Tím a svou schopností podat z ideových pozic analýzu estetických hodnot konkrétních literárních děl, analýzu, jež se dříve zanedbávala, takže byla téměř výsadou strukturalistů, tím vším zvyšovala marxistická kritika 30. let svou autoritu jak v soudružských diskusích, tak v polemikách s nepřáteli. Byla dílem skutečných osobností. Dospěla tvorbou k realitě.

С. А. ШЕРЛАИМОВА (СССР)

Знаменательно, что на V МСС вопросы развития марксистской критики занимают гораздо большее место, чем на предыдущем съезде. Изучение наследия критиков-марксистов поможет глубже понять литературный процесс прошлых лет и найти ответы на многие вопросы, о которых мы спорим сегодня.

В чешской критике 20—30-х годов выступала целая плеяда критиков-марксистов, деятельность которых способствовала расцвету чешской социалистической литературы и созданию единого фронта литературы против фашизма. Проф. Бурианек подчеркивал, что формирование чешской марксистской критики относится ко времени после Октябрьской революции и что в предыдущий период о предшественниках марксистской критики можно говорить лишь условно и очень скромно. Это совершенно справедливо. Но мне хотелось бы обратить внимание и на другую сторону вопроса: марксистская критика возникла как новый, высший этап в развитии эстетической мысли вообще, она вобрала в себя лучшие традиции всей прогрессивной и демократической критики. Эта преемственная связь обусловила высокий профессиональный уровень даже первых опытов марксистской критики в Чехии и многие ее особенности.

Существенно и то, что первыми теоретиками пролетарского искусства выступили в Чехии крупные поэты — Нейман, Волькер, Гора. Может быть, поэтому в этой программе, при всей ее ограниченности, не было узкого догматизма и сразу же был выдвинут принцип высокой эстетической требовательности.

В 30-е годы чешские критики-марксисты разрабатывают стройную эстетическую систему нового искусства — концепцию социалистического реализма. На новом теоретическом уровне были развиты основные положения программы пролетарского искусства при освобождении от ограниченности этой программы. Иным было отношение концепции социалистического реализма к авангардистской эстетике. Критики-марксисты использовали некоторые частные моменты, разработанные авангардистскими теоретиками, но закономерностью развития марксистской эстетики была решительная критика основных ошибочных положений авангардизма и их преодоление, как и преодоление схем вульгарного социологизма. Это принципиальное различие в отношении марксистской критики 30-х годов к программе пролетарской литературы, с одной стороны, и к авангардистским концепциям — с другой — всегда следует иметь в виду.

К. КУЕВ (България)

Когато се говори за появата на историческия роман у нас, трябва да се има пред вид един много по-сложен комплекс от фактори. Освен обществено-историческата обстановка тук важна роля играе и състоянието на нашата историография между двете световни войни. А този именно фактор проф. Г. Цанев е изпуснал.

Авторите на историческите романи са под силното влияние на историческите трудове. От тях те черпят не само фактически материал, но до известна степен усвояват и интерпретацията на историческите явления. А това води към една или друга идеология, към едно или друго художествено изображение на историческата действителност.

Искам да обърна внимание и на друго едно обстоятелство във връзка с доклада на проф. Г. Цанев. Мисълта за връзката между личното и общественото щастие е изказана още от полския поет Адам Мицкевич в неговата поема „Конрад Валенрод".

Ф. БУРИАНЕК (Чехословакия)

Чешская марксистская литературная критика 20-х и 30-х годов решала творчески и на высоком теоретическом уровне сложные вопросы социалистического искусства. Прежде всего своим объяснением отношений между социалистическим реализмом и т. наз. художественным авангардизмом она содействовала недогматическому пониманию путей развития и возможностей социалистического искусства. Определенную заслугу надо признать также за теоретиками авангардистских течений. Более последовательное применение этого опыта могло предотвратить многие ошибки в послевоенном развитии литературы. Деятельность чешской марксистской литературной критики 20-х и 30-х годов остается в широких кругах мировых специалистов все еще мало известным и неиспользованным вкладом в развитие марксистской теории искусства в целом.

19 септември — 19 сентября — 19 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

G. WARM (DDR)

ZUR ENTSTEHUNG, ENTWICKLUNG UND ZUM WESEN DER ROMANEPOPÖE DES SOZIALISTISCHEN REALISMUS

Zeitschrift für Slawistik, VIII, 1963, S. 594—606.

A. HIERSCHE (DDR)

DIE INTERPRETATION DES HELDEN DES RUSSISCHEN GEGENWARTSROMANS IN WESTDEUTSCHLAND

Zeitschrift für Slawistik, VIII, 1963, S. 607—620.

М. ДРОЗДА, И. ФРАНЕК, ЗД. МАТГАУЗЕР (Чехословакия)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТОД

Československé prednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha, 1963, str. 253—375.

Социалистический реализм основан на качественно новом включении человека, как объекта и субъекта искусства в жизненный процесс. Для социалистического реализма марксистское мировоззрение является предпосылкой художественного анализа человека и мира. Сущность социалистического реализма необходимо изучать основательно и с исторической последовательностью. Если мы называем социалистический реализм художественным методом, то под понятием „художественный метод" мы понимаем аналог предмета искусства.

Маяковский, Твардовский, Леонов и Шолохов являются представительными фигурами советской литературы, в творчестве которых метод социалистического реализма не ставится под сомнение. Это максимально контрастные авторы.

Страстное стремление Маяковского очеловечить мир диктует поэту последовательную метафору „человек-мир". В отличие от более статической старой поэтики, в которой образ, как частичная картина действительности, обычно только постепенно распространяет сферу своего действия, Маяковский посредством своей основной страстной метафоры овладевает положением человека в мире так же, как и революционным изменением мира, как-то нетерпеливо и сразу. Очень часто это совершается через призму судьбы поэзии, потому что метафора „человек-мир" нередко выступает в форме метафоры „поэт-мир". Следовательно, образность Маяковского является анализирующей и обнажающей, однако она не приводит к разложению мира, так как она включена в процесс революции и имеет реалистическую функцию. Мир поэзии Маяковского охватывает весь простор между землей и небом, между прошлым и завтрашним. Маяковский — поэт размаха человеческой личности, которая сознательно претворяет самое себя вместе с преобразованием объективной действительности.

Подобно этому также и Леонов создает прозу комплексного видения мира, где между индивидуумом и миром существует прямая связь идеи и опосредствованная связь символов. Герои Леонова борются за слияние человека с историей, за утверждение внутренней необходимости, ведущей к сознанию целостности мира, которая является не только объектом эпики, но и эстетической мерой. Человек леоновской прозы не замыкается в себе, напротив, он овладевает целым миром при помощи символического

значения образов, эпизодов и действия. Действие, возникающее в далеком прошлом, остается открытым и для будущего. Следовательно, и для Леонова характерна субъективность своего рода, в виде лирико-философической активности рассказчика, который совмещает функцию объективного повествователя и функцию оценивающую и организующую. Субъективность автора проявляется посредством комментария и в выразительных композиционных приемах.

Творчество Твардовского является как бы не выражением, а только образом мира. Этот образ, однако, основан на само собой разумеющейся гармонии между рассказчиком и эпическим героем. Это не поэзия обнаженная или метафорическая. Это поэзия определенной части мира, типизацией которой достигается слияние ее с целым миром и перспектива действия открывается в бесконечность времени и пространства. Это поэзия вероятной, субъективно не трансформированной детали, хронологического хода, эпической полноты и уравновешенности. Партнером эпического героя не являются другие герои, но сам исторический процесс, в котором историческое самоутверждение человека не дано как факт, но только как возможность. Несмотря на то, что Твардовский во многом противоположен Маяковскому, тем не менее он также является эпиком действительности, творящей поэзию, стремление к самоутверждению человека, единства мира и человека.

Также Шолохов изображает борьбу человека за слияние с историей без помощи метафорического и символического видения. Классическая типизация ведет к самому широкому обобщению судьбы человека. Это судьба трагическая, в которой борьба за „человечность“ проходит через трагическое овеществление; человек, стоящий в раздвоенном мире, оценивается с точки зрения будущего, с точки зрения идеала коммунистического человека, цельного в самом себе, в согласии с единством мира. Из раздвоенности мира рождается диалектика индивидуального и общественного, которая является основой авторской композиции. Индивидуальное трагично, но не лишено смысла. Противоположность личного и общественного остра́, но в идейном плане обе линии отождествляются, человек овеществляется в сверхличной реальности.

Хотя речь идет о разных типах художников, для всех них характерна устремленность к „очеловечению“ мира, к расцвету человеческой субъективности (дана ли она как поэтический субъект или как эпический объект), к масштабам не ограниченного пространством и временем соединения прошлого с будущим, к выражению и отражению неделимого единства мира. Противоположность художников не абсолютна, каждый содержит потенциально тип другого, при этом социалистический реализм допускает максимальное количество вариантов в индивидуальных стилях. Социалистический реализм как художественный метод является эстетическо-гносеологическим принципом современной эпохи социалистического искусства.

В. ШОПТЕРЯНУ (Румыния)

ИЗ ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА М. ГОРЬКОГО В РУМЫНИИ

Romanoslavica, IX, 1963, стр. 361—385.

В настоящей статье на основе материалов периодической печати рассматривается судьба наследия Горького в Румынии с начала XX века до наших дней.

Творчество М. Горького вызывает к себе пристальное внимание румынской общественности. Этот интерес был подготовлен тем признанием, которое завоевала себе в Румынии русская реалистическая литература, получившая широкое распространение в нашей стране в конце XIX и начале XX века.

Гуманистический пафос и острая социальная направленность творчества Горького, унаследованные им от русской классической литературы, были созвучны и румынской литературе, в которой мотив социальной ответственности перед народом находит в тот период все более широкий отклик. В то же время новый, революционный дух произведений Горького заставляет румынскую критику говорить о новаторском характере творчества молодого писателя, о том, что его появление в литературе подобно настоящей революции. Буржуазная критика уже с первых шагов стремится замаскировать революционный дух горьковских произведений. Новаторство Горького она хочет видеть лишь в введении им в литературу образов босяков и бродяг, называя его „поэтом босячества", „великим бродягой".

Революция 1905 года окончательно подрывает миф о „великом бродяге". Имя Горького на страницах румынской печати прочно связывается с русским революционно-освободительным движением. В то же время те же материалы показывают, как румынская буржуазия пытается дать свой последний „бой" за Горького, представить его „апостолом свободы" в либерально-буржуазном духе, пытается путем фальсификации, извращений его произведений обезвредить имя великого писателя, которое для румынского читателя было мерилом оценки русских событий 1905 года.

1906—1908 гг. отмечаются обострением борьбы вокруг имени пролетарского писателя. По мере того как растет ненависть буржуазии, растет и крепнет любовь к Горькому передовой части румынского общества и прежде всего рабочего класса.

Повесть „Мать", явившаяся „зеркалом русской революции", стала для румынского рабочего класса — по словам ее переводчиков — неиссякаемым источником науки борьбы против „одной из самых презреннейших олигархий мира".

Накануне первой мировой войны и во время войны румынская передовая общественность видит в Горьком борца за мир и демократию. Его творчество способствует развитию демократических идей в румынском обществе. Постановка в 1915 году горьковской „На дне" (впервые она была поставлена в 1904 году) стала важным событием в литературной жизни Румынии. „На дне" оказалась в центре борьбы, которая велась в среде

румынских критиков за создание передового и новаторского искусства против „чистого искусства".

Высокую оценку творчества Горького дает в 20-е годы Г. Ибрэиляну — один из виднейших румынских критиков. Эта оценка имела тем большее значение, что в эти годы усиливаются нападки на Горького со стороны буржуазной прессы. В то же время Коммунистическая партия ведет большую работу по развитию литературы, которая отражала бы интересы рабочего класса, была бы связана с его борьбой. Произведения Горького являлись высоким образцом такой литературы.

В 30-е годы обращение к имени великого писателя часто служило для передовых румынских деятелей поводом для того, чтобы сказать правду о строительстве социализма в Советском Союзе, о культурных достижениях советского народа, о литературе социалистического реализма.

После освобождения нашей страны от фашистского ига — 23 августа 1944 года — имя Горького стало одним из самых популярных в Румынии.

На страницах румынских газет и журналов после освобождения появляются многочисленные работы о Горьком: это и анализ отдельных произведений писателя, и статьи, в которых делается попытка проследить эволюцию идейно-творческого пути Горького, дать правильное освещение отдельных этапов его творчества. Наряду с многочисленными статьями появляется ряд более крупных работ, посвященных социалистическому реализму, в которых дается освещение роли и места Горького в этой литературе.

А. ТОДОРОВ (България)

ВРЪЗКИТЕ НА НЯКОИ БЪЛГАРСКИ КРИТИЧЕСКИ РЕАЛИСТИ СЪС СОЦИАЛИЗМА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАТА ЛИТЕРАТУРА

Литературен фронт, бр. 40, 3 окт. 1963.

M. NAG (Norwegen)

VAPCAROV UND MAJAKOVSKIJ

Scandoslavica, 1963, S. 53—69.

Das, was Vapcarov bei Majakovskij beeindrucken musste, war die Einheit zwischen Leben und Lehre, zwischen Idee und Ausdruck, zwischen innerer Vision und äusserer Manifestation, zwischen Wille und Fähigkeit.

Vapcarov ist in seiner Form, in seinem Ausdruck im Vergleich mit Majakovskij mehr verdichtet, mehr scheu zurückhaltend — beinahe männlich verschlossen. Aber das mehr spartanische, beinahe puritanische Element, welches dadurch in das Bild kommt, hat, verglichen mit Majakovskij, einen eigentümlich zarten, aber gleichzeitig starkwirkenden Charm: die künstlerische „Bescheidenheit" wird nicht zur Schwäche, zur Manifestation mangelnder Kraft, sondern im Gegenteil zur Manifestation dessen, was gerade s e i n, Vapcarovs, Beitrag zur Lyrik ist, das heisst, „Bescheidenheit" wird zur Stärke.

Wir haben uns jetzt dem Hintergrund des Begriffes „episch" bei Vapcarov genähert, welcher, paradox genug, ein Kernbegriff bei diesem augenscheinlich lyrischen Dichtertyp ist. Das epische Element liegt in seinem fundamentalen Verständnis für das Zusammenhang, der zurück- und vorwärtsweist. Zu leben ist etwas Episches, zu kämpfen ist episch: *Borbata, kakto kazvat, e epična.*

Die Anschauung vom Epischen bildet sowohl die Grundlage für Vapcarovs Lebensphilosophie als auch für seine Todesphilosophie und ist die Erklärung dafür, warum seine Haltung so ausserordentlich optimistisch ist, sein Glauben unantastbar und stählern: *Kakvo tuk znači n'akakva si ličnost!*

Das Epische schafft den Abstand, welcher dem Sinnlosen Sinn gibt, der bewirkt, das sein Opfer — sein Tod — nicht vergebens ist, sondern im Gegenteil ein Katalysator, eine epische Handlung — in der (nach seiner Meinung) echten, historisch gesehen, schöpferischen Bedeutung des Begriffes „episch": *V bor'bata šte bădem pak săs tebe, narode moj, zaštoto te običahme!*

In diesem Licht gesehen, werden seine einfachen Abschiedsworte an das Leben ewig monumental — in ihrer meisterhaften Kompression, in ihrer geläuterten Erkenntnis und in ihrer beinahe magischen Strahlungskraft: *Borbata e bezmilostno žestoka,* wie sein letztes Gedicht heisst.

Indem wir die „Gebirgs"-Metapher bei Vapcarov in Vergleich zur „Schiffs"-Metapher bei Majakovskij setzen, glauben wir, um so deutlicher eine für beide charakteristische Tendenz hervorheben zu können.

Vapcarov erreichte auf seine Weise, mit Hilfe seiner Wirkungsmittel, ausgehend von seiner Persönlichkeit, dieselben oder ähnliche, hohe Ziele, wie sie Majakovskij erstrebte. Den Kampf für das neue und das Revolutionäre, dem Majakovskij sein Leben weihte, setzte Vapcarov in einer Epoche fort, da der Kampf gegen den Faschismus der entscheidende Faktor dafür war, dem Neuen den Weg zu bahnen.

Und in diesem Kampf wurde Vapcarov reif, sowohl als Künstler als auch als Kämpfer. Sowohl seine Liebe als auch sein Leben vollendeten sich in und durch diesen Kampf. Die Liebe, die so grenzenlos stark war, dass er nach dem Tod zu seiner Frau zurückkehren wollte, *kato nečakan i daleče gostenin,* wie er es in dem Gedicht *Proštalno* ausdrückte, und zu dem Leben, *kojto toj taka gorešto običaše,* wie, sein jüngerer Bruder, Boris Vapcarov, sagt.

Vapcarov und Majakovskij — das „Gebirge" und das „Schiff" — trafen sich in ihrer Zielsetzung: einem Streben nach einer besseren, einer schöneren, einer edleren, einer mehr menschlichen Zukunft, — *života po-hubav, života po-mădăr,* wie Vapcarov in dem Gedicht *V'ara* sagt.

В. И. ЗЛЫДНЕВ (СССР)

К ИСТОРИИ РУССКО-БОЛГАРСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ XX ВЕКА

Славянские литературы. Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов, Москва, 1963, стр. 226—262.

На протяжении длительного времени русско-болгарские литературные связи носили двусторонний характер, способствуя взаимообогащению литератур. Формы связей и их характер изменялись в зависимости от общественно-политических, культурных событий и развития самого литературного процесса. Однако всегда литературные связи составляли часть идейных и общественно-культурных связей двух народов.

С начала XX века, в связи с образованием разных литературных течений в Болгарии, воздействие русской литературы на болгарскую усложняется. Каждое литературное течение в соответствии со своими идейно-эстетическими принципами избирает в русской литературе тех авторов или те идеи и художественные приемы, которые в большей степени соответствуют его внутренним особенностям.

Качественно новые явления в характере связей возникают после 1918 года в связи с новыми политическими событиями и дальнейшим обособлением литературных течений, а также в связи с возникновением советской литературы. На первом этапе (в первой половине 20 годов) к ней проявляют наибольший интерес болгарские революционные писатели, обращаясь главным образом к поэзии и критике. Русская классика ими используется лишь в ее революционной части. Писатели-реалисты общедемократического направления широко используют гуманистические идеи и реалистические принципы русских писателей прошлого. По мере роста советской литературы (с конца 20-х — начала 30-х гг.) они обращаются и к советским поэтам и прозаикам. На эволюцию болгарских символистов, происходившую в результате внутренних закономерностей литературного процесса, не малую роль оказывал пример А. Блока и В. Брюсова, принявших русскую революцию. Это содействовало ускоренному процессу распада болгарского символизма как самостоятельного литературного течения.

Наиболее активными пропагандистами и популяризаторами русской классики и советской литературы в период 20—30-х гг. были болгарские революционные писатели, периодические издания коммунистов и антифашистов. Их обращение к русскому классическому наследию способствовало переоценке своего национального прошлого и играло важную роль в развитии и обобщении реалистических форм искусства.

В начале 30-х годов воздействие советской литературы распространяется и на писателей-реалистов общедемократической направленности. На этой почве происходит сближение пролетарских писателей и писателей антифашистов, что способствовало укреплению прогрессивного лагеря и развитию всей национальной литературы.

Русско-болгарские литературные связи межвоенных лет, играя важную общественно-политическую роль, содействовали обогащению болгарской реалистической литературы, становлению (в 20-е годы), а затем и развитию (в 30-е годы) литературы социалистического реализма. Они помогали

укреплению дружбы народов и созданию идейно-художественного единства, которое так характерно для болгарских и советских писателей на современном этапе.

С. РУСАКИЕВ (България)

ЗНАЧЕНИЕТО НА ОКТОМВРИЙСКАТА РЕВОЛЮЦИЯ И НА РУСКАТА СЪВЕТСКА ЛИТЕРАТУРА ЗА РАЗВИТИЕТО НА ПОЛОЖИТЕЛНИЯ ГЕРОЙ В БЪЛГАРСКАТА ЛИТЕРАТУРА (1918—1944)

Славянска филология, IV, София, 1963, стр. 25—48.

В доклада се прави опит да се разкрие появата и развитието на новия положителен герой в българската литература, а също така да се определи ролята на дореволюционния Горки, на Октомврийската революция и на съветската литература от 20-те и 30-те години в неговото израстване като мъжествен борец в името на социалистическия идеал.

Генезисът на новия положителен герой се отнася към 90-те години на миналото столетие, когато в България започва да се формира работническа класа, когато социалдемократическата партия начело с Благоев я повежда към нейната историческа цел. В доклада се поддържа и обосновава гледището, че положителният герой в творчеството на първите пролетарски поети и писатели отначало е страдалец, но постепенно израства като устремена фигура, като революционер. Най-ярко чертите на този герой през 90-те години и в началото на века се проявяват в творчеството на Кирков и Полянов. Техният творчески метод от този етап на нашето развитие е революционният романтизъм. При художественото оформяване на положителния герой в нашата литература особено голямо значение има примерът на ранния Горки. Той въздействува на нашите художници с революционния си романтизъм, а по-късно ги насочва към нов тип реалистично виждане и усвояване на действителността.

Авторът на доклада прави опит да разкрие мощния отглас на Октомврийската революция в България. Наред с това върху конкретен материал се оценява ролята на съветската литература в нашето пролетарско литературно движение. Отразявайки нашата действителност, учейки се от идейния и художествения опит на съветската литература, Димитър Полянов и Христо Смирненски стават основоположници на социалистическия реализъм в нашата литература. Положителният герой в тяхното творчество придобива нови черти, неговата структура като художествен образ се променя. Методът на социалистическия реализъм намира своята проява и в поемата на Гео Милев „Септември". Гео Милев също се ползува от опита на съветската литература при художественото решение на проблемата за положителния герой.

Успоредно със социалистическия реализъм в нашата пролетарска литература от 20-те години се продължава линията на революционния романтизъм. Сега тя минава през творчеството на Ясенов, Ламар, Разцветников, Фурнаджиев, Каралийчев, Хрелков, Кюлявков. Революционният ро-

мантизъм на тия поети отразява мечтата за ония, които ще завършат делото на падналите в борбата септемврийци.

През 30-те години нашата пролетарско-революционна и антифашистка литература в условията на започналия се подем на революционното движение навлиза във фазата на нов разцвет. Подвигът на Георги Димитров на Лайпцигския процес също придобива голямо значение при художественото отразяване на героизма на работническата класа. През 30-те години съветската литература добива широка популярност в България.

Положителният герой показва своите нови черти в творчеството на Караславов, който освен от родната литературна традиция се учи твърде много от Горки и от други съветски писатели. Новият герой у него ние срещаме в „Селкор" и в други творби. Горкиевата традиция при показване на новия герой ние долавяме и в „Село Борово" на К. Велков. Творчеството на Радевски, Вапцаров, В. Андреев маркира възходящата линия и все по-голямото възмъжаване на този герой, показан чрез метода на социалистическия реализъм. Тези поети също се учат активно от опита на Горки, Маяковски, Есенин, Демян Бедни и др. Революционният романтизъм през 30-години се представя от Николай Хрелков, Младен Исаев, Богдан Овесянин и др. Революционно-романтичната линия в нашата литература се подхранва от съветски поети като А. Блок, С. Есенин, В. Брюсов, Е. Багрицки и др.

Методът на социалистическия реализъм постепенно става главна магистрала в нашето литературно развитие. Той обаче не обхваща изведнъж целия литературен процес. Революционният романтизъм като художествена форма остава да съществува и да се развива в рамките на пролетарското литературно движение.

В доклада е показано как се мени структурата на положителния герой като художествен образ, как се изяснява неговият естетически идеал.

О. БАРТОШ (Чехословакия)

О ГРОТЕСКНОЙ САТИРЕ В СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ XX ВЕКА

Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha, 1963, str. 261—266.

В первой части доклада изложено определение гротеска как эстетической категории, особого вида комизма, особого способа изображения действительности различными учеными (Ю. Борев, Ю. Манн, В. Кайзер, Г. Р. Тамарин). Гротеск является очень сложной категорией, в которой много общего с трагикомизмом. Кайзер различает два типа гротеска: фантастический гротеск ужаса и сатирический гротеск. В XX веке типический представитель первого — Ф. Кафка и второго — Я. Гашек. Черты обоих типов гротеска соединяются в творчестве современного польского писателя Сл. Мрожека. Типологическому сравнению Кафки, Гашека и Мрожека посвящена полностью вторая часть доклада.[1]

---

[1] Смотри: О. Бартош, Гашек и Мрожек (Несколько заметок о гротеске), Slavica Pragensia VII, Universita Karlova 1965.

Из рассмотренного в докладе литературного материала вытекает, что гротескные элементы в искусстве крепнут всегда в эпоху общественных кризисов и революционных переворотов. Фантастический гротеск по большей части наполнен ужасами отчужденного мира, его герой является пассивной жертвой бесчеловечных условий. Сатирический гротеск (гротескная сатира) выдвигает причины алиенации в классовом обществе, активно борется против них беспощадным издевательством. Это играет большую роль именнно в передовой и социалистической сатире славянских литератур XX века (Маяковский, Гашек, Галчински, Минков и др.). Крупная сатира отмечается обыкновенно усиленной концентрацией гротескных элементов, фантастическое гиперболическое преувеличение является ее могучим средством борьбы против абсурда всего старого и отжившего.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISSCUSSIONS

W. BEITZ (DDR)

Ich halte den Vortrag der tschechoslowakischen Kollegen für einen interessanten Versuch, Wesen und künstlerische Möglichkeiten der Methode des sozialistischen Realismus näher zu bestimmen. Jedoch bin ich mit einigen grundlegenden Thesen nicht einverstanden. Das betrifft vor allem die These von der angeblich fruchtbaren Wirkung des Modernismus auf den sozialistischen Realismus. Ich bin der Meinung, daß diese These durch den realen Gang der sozialistischen Literaturentwicklung widerlegt wird. Kann es eine Gemeinsamkeit geben zwischen der Methode des sozialistischen Realismus, die auf dem zutiefst humanistischen sozialistischen Menschenbild beruht, und dem Modernismus, für den die zersetzende Skepsis, die Verzweiflung, die Preisgabe des Humanismus, ja, der menschenfeindliche Zynismus kennzeichnend sind?

Im Referat wird unter anderem das Schaffen Majakowskis als Beispiel angeführt. Aber gerade Majakowskis Entwicklung zeigt doch, daß modernistische Darstellungsmittel n i c h t geeignet sind, die neue sozialistische Wirklichkeit adäquat wiederzugeben. Es gibt z. B. in der Metaphorik Majakowskis tiefgehende Veränderungen. Je weiter sich der Dichter entwickelt, je mehr er in die neue Wirklichkeit hineinwuchs, desto mehr t r e n n t e er sich (wie sowjetische Arbeiten deutlich bewiesen haben) von Bildern und Metaphern seiner Frühzeit, desto mehr reinigte er seine dichterische Sprache von modernistischen Überresten. Das wird z. B. bei einem Vergleich des Poems „V. I. Lenin" mit früheren Poemen deutlich sichtbar.

А. С. БУШМИН (СССР)

Проблема художественного многообразия разрабатывается в докладе М. Дрозды, И. Франека, З. Маттаузера „Социалистический реализм как художественный метод советской литературы" на хорошем теоретическом уровне. Избранные для анализа контрастные творческие индивидуаль-

ности — Маяковский и Твардовский (в поэзии), Леонов и Шолохов (в прозе) — действительно характеризуют социалистический реализм как искусство максимальной широты индивидуальных стилей. Совершенно справедливо также суждение о том, что методу социалистического реализма присуще широкое понимание литературной преемственности, что его отношение к литературному наследию не исключает использования достижений нереалистических течений, достижений, творчески преобразующихся в реализме и выступающих в нем в новой, реалистической функции. Однако, по нашему убеждению, этим вовсе не отменяется вопрос о сравнительной ценности тех или иных художественных традиций, вопрос, который, по-видимому, не признается докладчиками существенным, поскольку они его не затрагивают.

Советские художники слова, при всем разнообразии их индивидуальных тяготений к тем или иным предшественникам, связаны прежде всего с традициями классического реализма. И это относится к творчеству не только Шолохова и Твардовского, что отмечается в докладе, но и Леонова и даже Маяковского, если иметь в виду его позднейшие произведения, а не только те ранние, которые преимущественно остановили внимание докладчиков и на основани которых его литературные связи ограничены авангардистскими течениями.

Поэтому, признавая доклад ценным по общей постановке темы и освещению ее отдельных аспектов, не можем разделить наблюдающейся в нем тенденции генетически связывать некоторые существенные новаторские художественные особенности литературы социалистического реализма с модернистскими течениями XX века. Излишне акцентируя ассимилирование социалистическим реализмом „достижений" нереалистических течений, авторы недостаточно осветили творчество новых форм собственно на почве реализма в его самостоятельном историческом движении и развитии.

Э. МИРОВА-ФЛОРИН (ГДР)

Я полностью соглашаюсь с исходным положением доклада о том, что теория социалистического реализма не должна определять вневременные художественные приемы, как и с тем, что эта теория не может ограничиться только общими идеологическими основами.

Ставя в докладе вопрос, что же объединяет произведения социалистического реализма, они обращаются к рассмотрению таких „контрастных типов", как Леонов и Шолохов, Маяковский и Твардовский.

Исходя из марксистского положения — социалистическое общество восстанавливает связь человека с миром, освобождает от трагического одиночества, — докладчики делают вывод о сближении в условиях социализма этих „контрастных типов" писателей, обозначенных условно „человек-мир" и „мир-человек".

Происходит ли в действительности сближение этих типов в социалистическую эпоху? Думается, нет. Более того, существовавшие в досоциалистическую эпоху контрастные типы писателей, о которых очень метко писал Алексей Максимович Горький в очерке „Н. Лесков", становятся более контрастными, более полярными.

Таких поэтов, как Маяковский и Твардовский, сближает нечто большее, чем принадлежность к одному из типов, которые диалектически будто бы сближаются.

Основным эстетическим критерием, основной исходной точкой при изучении общих признаков метода является общий эстетический идеал. Весь человек, его внутренняя цельность, богатство и сложная простота натуры лежат в основе всех произведений социалистического реализма, и нельзя ограничиваться лишь связями его с миром.

Я не хочу сказать, что в докладе есть что-то противоречащее этому общеизвестному положению. Но в докладе, и с этим я не могу согласиться, это положение не сделано исходной точкой.

Кроме того, на мой взгляд, в докладе допущены две методологические ошибки.

1) Закономерные явления советской литературы соотносятся не только с советской действительностью, но и с тем, что докладчики называют „домашним эстетическим опытом". Это не только усложняет решение проблемы, но даже уводит от верного решения.

2) Игнорируется исторический подход к явлениям советской литературы.

История становления русской советской литературы изобилует примерами того, как художественное освоение новой солиалистической действительности шло вместе с утверждением в художественной практике нового эстетического идеала и от него зависело. Приведу два примера: Горький и Маяковский.

Максим Горький, уже в начале века связавший свою судьбу с борьбой за социалистическую революцию, автор „Матери", продолжал в течение долгих лет „болеть" проблемой нормативного героя, идеала нового человечества, Человека.

Опыт Октября и первых лет советской власти заставляет его заново пересмотреть свое представление о Человеке, найти еще более глубокое решение, прийти к воплощению его в образе Ленина в 1924 году.

Вспомним, что очерку „В. И. Ленин" предшествовали „Заметки из дневника. Воспоминания" и „Рассказы 1922—1924 гг.", которые следует рассматривать как прощание с прежним представлением о гуманизме, о том, что является истинным богатством человека, прощанием с „пестрыми", отчасти любимыми им людьми.

Удивительно, что в том же году и Владимир Маяковский в совсем непохожем на горьковский портрете Ленина также впервые с такой полнотой воплощает в художественной форме свой идеал Человека. И также предшествует этому поэма „Про это", трагическое прощание с прежним человеком „Облака в штанах".

Так шли сложным, подчас мучительно сложным, путем к художественному освоению эстетического идеала „первооткрыватели" метода. Их последователям было и будет легче, но для каждого художника — это всегда процесс исканий и всегда подвиг.

Г. ЮНГЕР (ГДР)

В докладе очень интересные наблюдения и обобщения о творчестве отдельных писателей, в частности по разным композиционным планам Леонова и по различному подходу к художественному средству символа со стороны Леонова и Шолохова.

Авторы, поставившие вопрос об общности в творческом методе четырех крупных советских писателей, к сожалению, не стараются дать удовлетворительный ответ. Затрагиваются, например, вопросы перспектив у отдельных писателей, а не разрабатывается общность в изображении перспектив. А только тогда получается необходимое отграничение от буржуазных писателей-модернистов.

Утверждается тезис, будто бы социалистический реализм пользуется формальными открытиями модернистских направлений. Тезис не выводится из анализа. Приводится лишь один пример: Леонов и символ. Символ — это не открытие символистов. Кроме того, есть разные символы: для символистов символ — сущность мира, никем не познаваемая, т. е. выражение мистицизма, а символы Блока в поэме „Двенадцать" уже не те символы. Здесь они отражают реальную действительность, хотя и в романтическом плане. Вопрос отношений социалистического реализма к традиции и модернизму можно решить лишь конкретным историческими анализом.

И. ФРАНЕК (Чехословакия)

В своем выступлении я поблагодарил за множество полезных замечаний, обратил внимание на спорные взгляды, к которым необходимо еще раз вернуться, и в заключение я в принципе отверг дискуссию о проблемах, которых наш доклад не касался, например, проблемы партийности. Реферат не был исчерпывающим и не касался вопросов уже выясненных.

Не думаю, что из доклада следует судить о разделении советской литературы на две линии, но и такое мнение естественно допустимо и никакой обязательной иерархии художественных ценностей не существует.

Далее обращаю внимание на некоторые не исследованные проблемы (или их аспекты) у Шолохова, например, связь Шолохова с модернизмом, его трагизм, весь диапазон его отношений к Гоголю и т. п. Точно также я отстаиваю высказанное мнение, что герои Шолохова идут от одной крайности в другую.

Главной проблемой, однако, я считаю вопрос историзма и исторического исследования социалистического реализма. Вкратце я обращаю ваше внимание на то, что в Чехословакии советская литература принималась всегда в широком диапазоне: Бедный, Маяковский, Пастернак, Ахматова; Шолохов, Горький, Пильняк, Бабель и др. Сейчас, однако, мы не можем теоретически дать ответ на вопрос, какая разница между социалистическим реализмом и социалистической литературой, каково отношение социалистического реализма и символизма, футуризма и иных направлений. Полагаю, что социалистический реализм был вначале направлением, потом единственно разрешенным официальным направлением, потом этот термин стал синонимом советской литературы и, наконец, социалистической литературы. После Двадцатого съезда КПСС существуют следующие взгляды на социалистический реализм: 1) он не существует, 2) это одно из многих направлений, 3) это основное, самое важное литературное (художественное) направление нашего времени, 4) это только синоним социалистической литературы, 5) это метод социалистической литературы, причем: а) понятие метода остается невыясненным, б) он связан с попыткой объяснить понятие метода, 6) социалистический реализм понимается

как метод основного эстетическо-гносеологического подхода к действительности, это стиль времени, культурное наименование эпохи, художественное название первой стадии социалистической культуры.

ЗД. МАТГАУЗЕР (Чехословакия)

В дискуссии допускались некоторые замены понятий, запутывающие проблематику вместо того, чтобы ее выяснить. Так как эти замены нередко встречаются в области истории и критики литературы и разговор о них может нести обобщающий характер, то я хочу обратить на них ваше внимание.

Во-первых, нельзя смешивать авангардистское, „левое" социалистическое искусство с модернизмом в пейоративном смысле данного слова (безыдейный формализм).

Во-вторых, отношение литературы социалистического реализма к модернизму — особая проблематика, в которую может войти также вопрос о том, способна ли литература социалистического реализма в полемике с модернизмом отбирать у него определенные приемы, превращать их, приводить к реалистической функции, отвечать на известные приемы модернизма своими, контрастными, реалистическими приемами, которые в то же время сохраняют (например, в творчестве Маяковского) более или менее внешнее сходство со своими модернистскими антиподами и т. д.

В-третьих, литературно-критический вопрос о программе „социалистического реализма без границ" (тов. Новиков говорил о „вавилонской башне"!) нельзя заменять литературно-историческим вопросом о фактическом объеме литературы социалистического реализма на определенном исторически-конкретном этапе. Мы стоим не за какую-нибудь вневременную, отвлеченную литературно-критическую программу, — нас интересует литературно-исторический вопрос о фактических реалистических завоеваниях социалистической литературы, расширяющих границы советской литературы. И не советской литературы „вообще", но именно как литературы социалистического реализма. Дело в том, что вместе с огромным сегодняшним ростом разнообразия социалистического реализма мы ищем одновременно рост его новой внутренней спаянности, интеграции! Разве это не вопрос огромной важности? Причем тут „вавилонская башня"?

В-четвертых, структурное сопоставление двух явлений нельзя заменять их причинной связью. Из контрастного сопоставления символа у Леонова и у символистов нельзя делать такой вывод, как будто Леонов выводится из символистов!

В-пятых, нельзя заменять традицию формальными рамками. С тем, что социалистический реализм является простым продолжением русского классического реализма, вряд ли можно согласиться. Нужно выявлять, что́ конкретно делается, напр., у Маяковского с пушкинской образностью, с лермонтовской романтичностью, с некрасовской публицистичностью . . .

Если я уделил в своем выступлении много места методологии нашего литературоведческого мышления и неосознанным заменам, которые мы часто допускаем при работе с понятиями, то это не самодовлеющие

рассуждения: их целью является убрать с дороги предрассудки, которые часто приводят литературоведов к схоластическим спорам там, где живая действительность социалистической литературы и искусства ставит ежедневно новые и новые проблемы и требует новаторского подхода для их марксистского решения.

М. ЗАГРАДКА (Чехословакия)

Я с большим интересом познакомился с докладом т. Шоптерьяну о восприятии творчества М. Горького в Румынии. В нем приводятся весьма интересные факты, но делаются и важные выводы о роли творчества Горького в формировании прогрессивной мысли (не только литературы) в Румынии. Как видно из исследований румынских, итальянских, немецких и чешских горьковедов и, наверно, также славистов других стран, роль творчества Горького, как основоположника литературы социалистического реализма, в разных странах имеет много общего, хотя, конечно, „домашний" общественный и литературный контекст был всегда решающим фактором для широты и форм восприятия Горького в той или другой стране. По моему мнению, слависты-горьковеды ряда стран находятся ныне в заключительной стадии сбора богатого фактического материала, который необходим для выявления общих закономерностей в восприятии творчества Горького за рубежом Советского Союза. Считаю весьма важной задачей объединить силы советских и зарубежных славистов для создания капитального труда „Горький за рубежом", в котором отражалось бы все общее и специфически национальное в рецепции творчества Горького в европейских странах. Труд этот помог бы нам, наверно, объяснить ряд проблем, связанных с формированием литературы социалистического реализма вообще.

Предлагаю создать международную редколлегию такого издания, созвать ее в ближайшее время с тем, чтобы развернуть работу и к следующему конгрессу дать уже некоторые результаты.

С. РУСАКИЕВ (България)

В изнесеното от Мартин Наг има безспорно твърде верни долавяния и убедителни заключения, които не могат да не бъдат приети като плодотворен принос в изучаването на въпроса за отношението на Вапцаров към Маяковски.

Основната мисъл на Наг — да се търси индивидуално неповторимото у Вапцаров при наличието на неговия активен интерес към новаторската поезия на Маяковски — е правилна и плодотворна. Правилно е и твърдението на Наг, че Маяковски помага на Вапцаров да отрази по собствен път явленията от нашата действителност, да отключи с по-голяма сила своите творчески възможности, да дойде до свои напълно самобитни художествени открития.

Съпоставителната характеристика, която Наг прави на двамата поети, издава доброто разбиране на тяхното творчество. Индивидуалното и общото у Вапцаров и Маяковски е доловено и подчертано с верен усет. Би могло, разбира се, при съпоставителното разглеждане на двамата

поети да се разгледат някои по-специални въпроси — за метода, за положителния герой, за естетическия идеал, за художествената експресивност на техния стил и др.

Трябва да се подчертае, че вярната методологическа позиция, която е заел Мартин Наг при разглежданата проблема, несъмнено ще го доведе до по-съществени научни резултати особено при една по-широка трактовка на изследваната материя.

Не можем да не изразим нашата радост от активния интерес на Мартин Наг към славянските литератури и в частност към българската литература, от неговата дейност в норвежко-българското дружество в Осло.

Г. ШАУМАН (ГДР)

Параллели и взаимоотношения между Маяковским и Вапцаровым, на которые указывает в своем докладе М. Наг, поражают своеобразностью и свежестью. Я не хочу судить о том, насколько они исчерпывают данную проблематику.

Главное различие между Вапцаровым и Маяковским он видит, выражая это образно, символически — в различии двух метафор: образа „лодки“ у Маяковского, образа „горы“ у Вапцарова. Несомненно, что таким образом можно, хотя в известной мере в упрощенном виде, охарактеризовать поэта. Что касается Маяковского, то правильно, что метафора „лодки“ в связи с другими образами играет важную роль в его творчестве. „Люди — лодки“ . . . начинается поэма „Вл. И. Ленин“. Динамичность этого образа проходит в разных соотношениях через всю поэму.

Но другой вопрос это отождествление этой метафоры Маяковского с его творчеством. Наг ставит риторический вопрос: „Может быть, что „любовная лодка“ является той метафорой, которая включает самым простым и широким образом то, чем был Маяковский, за что он боролся?“ (68).

Конечно, метафоричность Маяковского характеризуется просторной ассоциативностью. Но в этом случае, как нам кажется, метафора *лодки* в поэме о Ленине и метафора „любовная лодка“ из предсмертного письма Маяковского имеют различное конкретное содержание, которое исходит из контекста. „Любовная лодка“ как метафорическое самовыражение Маяковского — это сужение значения поэта — его жизни и творчества. Подчеркиваю: мы очень высоко ценим стремление тов. Нага дать читателям на Западе неискаженную картину поэта-революционера Маяковского, но в том случае у него получалось субъективно отчужденное представление о Маяковском, может быть даже против его собственной целеустановки.

Еще одно замечание, тоже связанное с этой проблематикой. В другом месте статьи речь идет о *„беззащитности“* Маяковского. Цитирую: „Ведь Маяковский стоял в центре своего века, своего времени, — без компромисса искренен, даже *беззащитен* в своей откровенности.“ Это по крайней мере может вызвать недоразумение. Он, Маяковский, был искренним, откровенным, партийным поэтом. Да, у него были в свое время и враги. Но никогда он не был беззащитным человеком. Его страстно любили и защищали советские люди, в особенности молодежь.

По-нашему такая формулировка даже опасна. Ведь из этого вытекает представление, как будто бы Маяковский стал жертвой того общества, в котором он жил и боролся. Ведь, начиная с Якобсона, который в 1930 г. в статье „О поколении, растратившем своих поэтов" сконструировал связь между революцией и смертью поэта, сплошь до наших дней большинство буржуазных исследователей старается доказать противоречие Маяковского социалистическому обществу, т. е. советскому государству. Разными нечестными способами они фальсифицируют творчество Маяковского, идейное содержание его поэзии и драматургии и даже исторические факты. Указываю только на книги Т. Струве (США), Рюле (ФГР), Слонима (Англия) и Леттенбауэра, который в своей „Russische Literaturgeschichte, 2. Aufl., Wiesbaden . . . 1958,S.263) вопреки историческим фактам пишет, что цензура не разрешала постановки сатирических пьес Маяковского и что вследствие этого Маяковский застрелился.

Чтобы не было никаких недоразумений: тов. Наг наш союзник в борьбе за настоящего Маяковского. Своими замечаниями я хотел помочь ему вести эту борьбу еще действеннее и успешнее.

С. РУСАКИЕВ (България)

Докладът на Злиднев представя добре осмислена синтеза на направеното в областта на руско-българските литературни връзки от XX в., на неговите собствени изучавания върху различни моменти от тия литературни връзки. Добре изяснява Злиднев историческите предпоставки, които правят контактите между българската и съветската литература закономерни и плодотворни. На самата същност на явленията съответствува твърдението на Злиднев, че изучаването на междунационалните литературни отношения и в частност изучаването на българо-съветските литературни взаимности често страдат от някои типични слабости — частните изследвания невинаги довеждат до необходимите теоретични положения или пък теоретическите изследвания по въпросните проблеми невинаги държат сметка за самобитното, за специфичното на отделните литератури. Българо-съветските литературни отношения са поприще, в което са работили и работят редица български и съветски литературоведи. Докладчикът се е постарал да даде представа за постиженията и слабостите на българските и съветските изследователи, съдейки за тях от висотата на съвременната теоретична мисъл. Важен момент в изследването на Злиднев е и това, че той разглежда литературните отношения като двустранен процес, че поставя въпроса за рецепцията на българската литература в Съветския съюз. Главният интерес на Злиднев е насочен към въпроса за обществената и идейно-творческата роля на руската и съветската литература в България. Злиднев прави свой принос, като разкрива отношението на българските писатели към Русия, към Октомрийската революция, към съветската литература, към отделни нейни представители. При изясняването на тези проблеми Злиднев привлича нови факти, издирени и осветлени от него. Ценен е и опитът на Злиднев да подчертае своеобразието на нашите писатели при възприемането на рус-

ката и съветската литература. Приносът на Злиднев представя нова крачка напред в изучаване на богатите и интересни активни и плодотворни българо-съветски литературни отношения.

ЗД. УРБАН (Чехословакия)

Бих искал да се върна с две бележки към теоретическата част на ценния доклад на В. И. Злиднев, понеже смятам, че е важна не само за изучаване на руско-българските литературни връзки, но и за изучаване на междуславянските литературни отношения въобще. Преди всичко бих искал да подчертая правилността на критиката на Злиднев във връзка със събиране на факти без теоретическо обобщаване — такива работи имаше немалко, те бяха в известен смисъл и необходими, но сега вече е крайно време да преминем към нов етап, към дълбок и всестранен анализ на материала; само така сравнителното изучаване може да допринася за изясняването на литературния процес не само с понякога съвсем дребни бележки, но с теоретически и методологически значителни постановки. Второто, на което бих искал да обърна внимание, е фактът, че изследванията на литературните връзки досега с твърде малко изключения се занимават с миналото, преди всичко с XIX в.; тук има, разбира се, много важни въпроси, които трябва да решим, но смятам за погрешно, че пренебрегваме съвременността, понеже тъкмо тя чувствително разшири обсега и значението на културното сътрудничество между славянските народи и им даде качествено нова, социалистическа основа.

А. С. БУШМИН (СССР)

В докладе О. Бартоша „О гротескной сатире в славянских литературах XX столетия" предпринята попытка доказать, что гротеск составляет главную специфическую черту сатиры вообще и сатиры современной в особенности. В гротеске прежде всего усматривает докладчик силу сатиры в социалистическом реализме и с гротеском связывает перспективы ее развития. Хотя такое толкование роли гротеска в сатире является довольно распространенным, оно, на наш взгляд, не может быть признано основательным. Факты, характеризующие эволюцию гротеска в истории сатиры (от Рабле, Свифта — к Диккенсу, Гоголю, Салтыкову-Щедрину) и роль гротеска в современной реалистической литературе вообще и, в частности, в сатире, свидетельствуют, что в ходе времени сатира, не порывая с гротеском, все более обогащала и совершенствовала свой художественный арсенал, включая в него разнообразные формы, приемы и средства реалистического искусства. Так, Гоголь и Щедрин поставили на службу социальной сатире все богатейшие художественные достижения критического реализма и прежде всего метод психологического анализа, сохранив и гротеск на нравах, существенный и весьма эффективный, но все же подчиненный способ изображения. И в современной сатире (если говорить о реализме, а не о модернизме, где роль гротеска нередко гипертрофируется) приемы художественной трактовки человека и окружающего его мира все более утончаются и усложняются. В этих условиях понима-

ние „гротескности“в качестве доминирующей особенности сатирического искусства может быть оправдано лишь применительно к отдельным случаям, но оно не может претендовать на всеобщее значение.

Что же касается тех споров о гротеске в сатире, которые велись советскими литературоведами, то сущность их формулирована в докладе не совсем точно. В этих спорах никто не отрицал законности и эффективности гротеска ни в искусстве вообще, ни в сатире в особенности. Все признавали этот бесспорный факт. Расходились лишь в ответах на вопрос: является ли гротеск главной специфической чертой сатирической поэтики? И, как показывает наша сегодняшняя дискуссия, — научная полемика по этому вопросу имеет свой смысл.

О. БАРТОШ (Чехословакия)

Дискуссия по моему докладу возникла частично из недоразумения и частично из незнания напечатанного доклада (Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha, 1963, 261 – 266). Вчера я обратил внимание на главные теоретические вопросы гротеска и типологического сравнения творчества Гашека, Кафки и Мрожека. Товарищу Новикову из Румынии кажется мое понимание гротескной сатиры и гротеска самоцельным. Прошу его обратить внимание на мой анализ рассказов Св. Минкова и Сл. Мрожека (стр. 265—6). Мрожек например борется против мелкобуржуазного национализма, догматизма, подозрительности, против равнодушия к судьбе человека, народа, человечества, мира, которое является большой опасностью для современной цивилизации.

В дальнейшем я хочу ответить на яркое, но иногда непонятное выступление тов. Бушмина из Ленинграда, который утверждает, что в СССР вообще не было никакой дискуссии об удобности формы гротеска для социалистической сатиры. Может быть, я не выразился точно — это была не дискуссия, а полемика. Тов. Бушмин опубликовал в „Литературной газете“ от 7 января 1965 г. статью О художественном преувеличении, в которой он защищает принцип правдоподобия как основной закон реалистического искусства, он критически относится к гротеску, утверждая, что сатира может существовать без гиперболы, без деформации действительности. Подобные взгляды он отстаивает и сейчас, хотя они были на конкретном материале и убедительно опровергнуты Ю. Боревым в книге О комическом (Москва 1957, стр. 198—206).

Тов. Бушмин осуждает мое более широкое понимание гротеска, утверждая авторитетно, что гротеск является одним только поэтическим образом. По его словам никто не приказывает сатире, может ли она пользоваться гротеском или нет, однако одновременно он утверждает, что гротеск — это опасная фигура, которой надо осторожно пользоваться. Из этих противоречий вытекает, что полемика Ю. Борева в защиту гротеска была оправданной и что тов. Бушмин должен свои взгляды подвергнуть пересмотру. В своем докладе я не хотел представлять гротеск как средство от всех болезней современной сатиры. И я убежден, что сатира может существовать без гротескной деформации действительности, однако я не знаю — и тов. Бушмин тоже не назвал — ни одного выдающегося автора 20-го века, сатира которого лишена элементов гротеска.

По словам Мрожека — слона в зоопарке трудно заменить тремя тысячами кроликов. И в литературе имеются определенные критерии. Рядом с гениями Маяковского, Гашека, Галчинского и др. нет сатирика, пользующегося столь же большим успехом и всемирной известностью, который совсем исключил бы из своих произведений гротеск.

В заключение мне хочется подчеркнуть, что обязанностью исследователей в области славянских литератур 20-го века является не повторение давно известных истин, а обобщение поисков современной литературы и, таким образом, творческая помощь литературной практике. У нас, конечно, разные литературные и исследовательские традиции, однако общее творческое марксистское мышление должно нас объединять.

20 септември — 20 сентября — 20 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

Г. ШАУМАН (ГДР)

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ ГЕРОЕ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОМЕДИЙ МАЯКОВСКОГО „КЛОП“ И „БАНЯ“)

Zeitschrift für Slawistik, VIII, 1963, стр. 452—467.

Мне хочется высказать некоторые мысли о роли и значении положительного героя в сатирической комедии, обобщая опыт драматургии Маяковского. Нет спора о том, что наличие положительных персонажей в сатирических комедиях социалистического реализма явление совершенно естественное и законное. Их наличие (в сатирической комедии) углубляет идейное содержание, является выражением изменений в соотношении общественных сил в борьбе старого с новым в нашем социалистическом строе. О различных аспектах этого вопроса писали Я. Эльсберг („Вопросы теории сатиры“, М., 1957) и специально насчет Маяковского, M. Mikuláš ek („Пути развития советской комедии 1925—1934 годов“, 1962), с интересной и плодотворной работой которого я мог ознакомиться, к сожалению, только после окончания своей статьи для „Zeitschrift für Slawistik“. Что касается принципиальных положений Эльсберга и Mikuláška, то я совершенно согласен с ними.

Яркое своеобразие и оригинальность сатирического и драматического творчества Маяковского общеизвестны. Это своеобразие, конечно, и определяет трактовку положительных героев в комедиях „Клоп“ и „Баня“. Тем не менее интересен вопрос о том, в чем состоит то о б щ е е, что ценно и полезно для развития социалистической сатирической комедии.

Несмотря на переплетение различных элементов — драматических, лирических, героических, — комедии Маяковского все-таки являются по сути с а т и р и ч е с к и м и, то есть в центре постановки вопроса нахо-

дятся общественное зло и его представители. Цель сатирического изображения — их осмеяние и преодоление. Поэтому важно, что введение положительных персонажей в сатирическую комедию не должно привести к затушевыванию существа сатирической пьесы. Напротив, положительные образы должны в силу контрастного эффекта способствовать усиливанию сатирического разоблачения отрицательных персонажей (хотя, конечно, этим не исчерпывается их функция).

Традиционное саморазоблачение отрицательных персонажей дополняется их активным разоблачением положительными героями. Насчет этого Mikulášek указывает на их роль в „Бане", где они, „сталкиваясь с Победоносиком, как бы провоцируют его на саморазоблачение" (121). Особенно важно это относительно „фосфорической женщины".

Положительные герои в комедиях „Клоп" и „Баня" очень разнообразны. Разнообразность одна сама убедительно говорит о том, что сатирическая задача никак не ограничивает возможностей драматурга создать дифференцированный образ положительного героя. Его предположением является исторически-конкретное постижение действительности, художественное чутье, чтобы модифицировать активность и действенность положительных персонажей в данной среде в зависимости от содержания и сюжета пьесы. Таким образом получается некоторая типология положительных героев в сатирической комедии, которую можно в известной мере и обобщать.

В комедиях Маяковского мы встречаем три основных типа положительных персонажей, действующих в сатирически изображенной среде:

1. Положительные персонажи, которые почти не оказывают влияния на ход действия, но своим присутствием способствуют более глубокому пониманию общественной действительности и особенно направленности общественного развития (например: молодой рабочий, изобретатель, слесарь в комедии „Клоп").

2. Положительные персонажи, которые в столкновении с отрицательными персонажами активно определяют ход действия: их действиями раскрывается логика общественного развития. К таким персонажам принадлежат напр. Чудаков, Велосипедкин в комедии „Баня". Эти персонажи убеждают зрителя-читателя особенно тем, что они относительно мало говорят, зато они работают и действуют. Такие типы, несмотря на их значение как носителей прогресса и нового, нарисованы отчасти и комически, с теплой иронией и юмором.

Качественное и количественное усиливание положительных персонажей в комедии „Баня" в сравнении с комедией „Клоп" наглядно доказывает зависимость этого факта от задач обеих пьес: „Клоп" это комедия мещанина и его разоблачения. Разоблачение получается как-то законно: историческое развитие и противопоставление с миром будущего делают очевидным яркое несоответствие Присыпкина общественному строю социализма-коммунизма. В отличие от этой комедии „Баня" — и осуждение, и утверждение в своей реальной диалектике. „Баня" бьет по бюрократизму — „Баня" агитирует за горизонт". Историческое развитие в конце 20-х и начале 30-х годов определяется творческими усилиями простых советских людей. Убеждение в необходимой, трудной, но неудержимой перемене действительности определяет содержание и все художественные приемы и средства.

3. Третий тип положительного героя — это „фосфорическая женщина". Мне хочется назвать ее программным образом. В известном смысле она является „рупором" автора. Она, хотя и вмешивается в действие, в первую очередь выражает моральную программу социалистического общества. Кроме ее роли в главном конфликте, которая вполне мотивирует ее появление, оно совсем законное выражение авторской субъективности, без которой немыслима реалистическая сатира. Партийность социалистического сатирика выражается разным образом, при этом и прямым путем. Поэтому мы видим в понятии „рупор автора" ничего дискредитирующего и второстепенного. Она, как нам кажется, представляет собой современное модифицированное продолжение типа резонера из классической комедии, например, Чацкого. Новое качество этого типа получается в результате исторического прогресса. И здесь расширяется пафос утверждения, наступательность и партийность определяют моральный облик героя.

Аналогичное, соответствующее другой структуре комедии „Клоп" явление — это коллективный образ людей будущего, 1979 года (в обоих случаях мы имеем дело с „оживленными тенденциями"). Оптимистическая картина будущего во второй части комедии воплощается через многогранное отражение разных людей. Они имеют свои функции в развитии действия. Каждый по себе из этих лиц представляет только ту или другую сторону нового общества, все вместе взятые, однако, они образуют что-то вроде коллективного героя. В драматическом смысле больше нет индивидуальных противников, Присыпкин является противоречием к обществу в целом.

Конечно, нельзя сказать, что положительный герой в сатирической комедии социалистического реализма необходим, нельзя канонизировать его наличие. Но без сомнения сатирическое изображение нашей действительности во многих случаях требует и с политической, и с эстетической точки зрения положительного героя.

Любимым принципом изображения для Маяковского является переплетение общественного пафоса с иронией. Этим драматург Маяковский достигает годности положительных героев для сатирической комедии. Такое отчуждение пафоса не лишает общественного авторитета положительного героя, как можно это констатировать на образах Чудакова или Велосипедкина. Получается романтично-патетический размах, который органически входит в художественную ткань комедии.

Живость и жизненность положительных образов в комедиях Маяковского доказывают, что подобные персонажи в сатирических комедиях не нуждаются в такой подробной и многосторонней характеристике, как положительные герои в других жанрах. Уже сам протест против отрицательных явлений в достаточной мере характеризует положительный образ. Этим создается возможность введения персонажей, которые относительно слабо определяют ход действия. Поэтому такие критические мнения, будто бы удельный вес отдельных положительных персонажей слишком маленький, неточны и не исходят из специфики жанра.

Актуальность темы — роли и специфики положительных героев в сатирической комедии — мы видим в двойном смысле. С одной стороны, для социалистической сатиры очень важно глубокое изучение художест-

венного наследства, образцовых произведений. Маяковский по-нашему мнению создал пока непревзойденные сатирические пьесы.

С другой стороны, замечается в буржуазной критике и театральной жизни тенденция или не досмотреть положительного героя, или даже обесценивать или фальсифицировать его. Парадоксальность такого метода особенно ярко видна в трактовке комедии „Клоп" на сценах Западной Европы, напр., во Франции или в Западной Германии, где Присыпкин превращался в положительного героя. В свое время Паперный дал отпор подобным попыткам (ср. „К вопросу о Присыпкине," Вопр. лит., 5/1959,... 29). В результате этого получается сконструированная, искаженная картина революционной драматургии Маяковского. После ампутации положительного героя и при одностороннем рассматривании и абстрактной оценке формальных особенностей комедии даже выдают Маяковского за предвестника Jonesco, как это сделал немецкий критик, который хотел доказать прямую преемственность гротескно-абсурдной пьесы „Пешеходы воздуха" от „Бани" Маяковского („Textes hente", 2/63).

Д. Ф. МАРКОВ (СССР)

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ЛИТЕРАТУРАХ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН (К ВОПРОСУ ОБ ОБЩИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ПРОЦЕССА)

Славянские литературы. Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов, Москва, 1963, стр. 352—376.

Социалистический реализм — явление мирового порядка, он привлекает внимание многих литературоведов. Разработка теории нового творческого метода и его истории в мировой литературе — одна из самых актуальных задач современной литературной науки.

В настоящее время уже выполнена большая работа по изучению проблемы формирования и развития социалистического реализма в отдельных странах, в частности в славянских. Опираясь на результаты этих исследований, автор доклада делает попытку охарактеризовать некоторые общие закономерности процесса становления нового искусства.

Выход на историческую арену рабочего класса, развитие социалистического движения, деятельность марксистских партий в славянских странах — такова та новая историческая действительность, с которой связано рождение литератур социалистического реализма. Процесс этот протекал по-разному в специфической общественной обстановке каждой страны, имел свои конкретно-национальные формы; вместе с тем для него характерны многие общие черты.

Формирование социалистического реализма в литературах южных и западных славян отражало реально развивавшуюся борьбу народных масс за осуществление социалистических идеалов. И потому понятен глубокий интерес передовой литературной общественности разных стран к Октябрьской революции; большую роль в их творческом развитии сыграла западноевропейская революционная литература и в особенности литература советская.

Развитие социалистических литератур связано с утверждением в них коммунистической партийности. Это был длительный, постепенный, исторически развивающийся процесс — от иногда упрощенного, узкого понимания эстетических возможностей коммунистической партийности до утверждения ее единства с народностью.

Течения пролетарской литературы составляют главное русло процесса формирования социалистического реализма. Но этот последний развивался не как некая замкнутая в себе область творчества, а как синтез всех подлинно художественных завоеваний, осуществленный на основе социалистической идейности. Поэтому нельзя исключать из указанного процесса положительное значение опыта художников, принадлежавших к другим литературным течениям XX в.

Критический реализм в XX веке менял свой прежний облик, приобретал новые черты. Он выступал как один из истоков социалистического реализма не в самом общем плане преемственности традиций, в каком социалистическая литература вообще наследует все достижения искусства прошлого, а как непосредственный участник эстетического осмысления хотя бы некоторых сторон новой социальной действительности.

Говоря о генезисе социалистического реализма, нельзя не принимать во внимание так называемые авангардистские течения 20-х годов, такие, например, как „поэтизм" в Чехословакии, группа „Звротница" и некоторые другие объединения в Польше. При оценке этих течений необходимо иметь в виду противоречивость их идейно-эстетической платформы: в деятельности художников-авангардистов мы обнаруживаем черты субъективистско-эстетского плана; вместе с тем видим и черты, связывающие этих художников с революционной литературой эпохи.

Конкретные факты литературного развития Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии убедительно показывают, что на ранних этапах социалистических литератур широкое распространение имели революционно-романтические формы. Революционный романтизм возникал на новой социально-общественной основе, и это обусловливало и его эстетическую новизну. Мы наблюдаем постепенный переход от романтизма к реализму как отражение живого процесса постепенного эстетического освоения новой социальной действительности. Реализм утверждался как доминирующая форма художественного обобщения.

На начальных стадиях развития социалистических литератур, как правило, всюду главенствуют поэтические жанры, что, очевидно, связано, наряду с другими причинами, и с характерным для многих художников той эпохи романтическим восприятием действительности, в котором обычно сильно выражен субъективно-эмоциональный элемент.

Названные черты общности явлений, обусловленные сходством социально-исторических условий отдельных стран, проявлялись в самых разнообразных формах, и это разнообразие, в свою очередь, выступало как общая особенность всех национальных литератур.

Г. ЮНГЕР (ГДР)

А. ТОЛСТОЙ И РОМАН-ЭПОПЕЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Zeitschrift für Slawistik, VIII, 1963, S. 434—451.

Роман-эпопея является потребностью нашей эры, XX века, времени движения народных масс, времени могучих классовых битв, времени перехода от капиталистического строя к социализму. Изображение такого времени в большом плане требует отражения стремлений народа и убедительного показа характера и масштаба исторического развития, ибо в нашем столетии народ не только стал героем истории, он стоял во главе всех значительных исторических движений. Оказалось уже невозможным создать энциклопедию жизни, изображая в произведении лишь одного человека как центрального героя или лишь немногочисленных людей, не зависимых от народа и не связанных с судьбой народа. Поэтому в таких произведениях советской литературы, как в „Жизни Клима Самгина" Горького, в „Тихом Доне" Шолохова, как и в трилогии А. Толстого „Хождение по мукам", народ стал, так сказать, вторым героем, коллективным центральным образом рядом с Климом Самгиным, Григорием Мелеховым и индивидуальными героями Толстого.

Как видно, роман-эпопея как жанр, который дает возможность показать большие исторические события, создать целый образ времени и изображать народ в широком плане, не появился случайно, лишь по доброй воле отдельных писателей, а представляет закономерное явление художественной литературы, вызванное самой жизнью общества.

Роман-эпопея как жанр, который дает возможность отражать стремления народа в полной мере, соответствует сущности эпического, обоснованного представителями классической эстетики. Гегель, например, считает, что содержание и форма эпического составляют прошедшее действие, событие, показанные в обширности обстоятельств и богатств отношений, изображаются в связи с тотальным миром нации, в связи с эпохой. В произведениях названных трех классиков советской литературы наиболее полно выражаются признаки такого эпоса.

К сожалению, не все слависты признают этот неоспоримый факт. Некоторые критики даже не считают названные произведения крупными художественными произведениями. Критики романа-эпопеи говорят, что в книгах Горького, Шолохова и А. Толстого исторические события и философские рассуждения оттесняют действие романа. Вследствие того, говорит один из них, мы имеем дело не с романом, а с отчетом о революции. Решить этот спор можно только конкретным анализом произведений. Анализ романа-трилогии А. Толстого „Хождение по мукам", например, ясно показывает, что автор — крупный мастер эпического искусства. Он как раз искусно переплетает изображение исторических событий и публицистических отступлений с основной сюжетной линией. В начале романа „Сестры" и в начале романа „Восемнадцатый год" Толстой, например, еще не развивает сюжетную линию, а на немногих страницах передает атмосферу времени, изображая жизнь будто бы глазами героев. Читатель знакомится с миром героев, хотя он их еще не знает. Толстой изображает и исторические события всегда в прямой связи с основной сюжетной линией произведения.

Как раз в этом выражается эпическое мастерство Толстого. Так же обстоит дело и с философией. „Философия“ прямо вытекает из действия романа, развивается по логике, отраженной в произведении жизни. Можно не соглашаться с содержанием философии Толстого, а нельзя упрекать писателя в недостаточном соединении ее с художественной тканью произведения. Толстой как раз в этом отношении крупный мастер, что еще в свое время отметил Ромэн Роллан.

Аргументы критиков романа-эпопеи необоснованы. Они не видят возможностей и закономерностей эпического творчества, они оценивают большие эпические произведения по абстрактным тезисам буржуазной теории романа, которая не признает роман-эпопею особым жанром.

Названные произведения Горького, Шолохова и Толстого нельзя стеснить в схему традиционных форм романа. Так же как нельзя оценить роман по признакам и особенностям рассказа, так и нельзя оценить роман-эпопею по масштабу романа. А это фактически практика некоторых критиков, которые в романе-эпопее видят только „перечисление событий“, „надутый материал“ или только „отчет о революции“. Они оказываются неспособными рассмотреть произведения в целом, они видят только отдельные части и выдают их за целое.

Горький, Шолохов и Толстой и как авторы романов-эпопей являются новаторами, в отдельном художественном произведении они охватили всю эпоху и судьбу всего народа. Их заслуга состоит в том, что эпоха революции и время перехода к новому обществу сопровождается прогрессом в художественном развитии человечества.

Z. PEŠAT (ČSSR)

KE GENEZI SOCIALISTICKÉHO REALISMU V ČESKÉ LITERATUŘE

Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha, 1963, str. 247—252.

Při utváření a vývoji české socialistické literatury i při vzniku socialistického realismu se výrazně uplatňují některé specifické znaky. Nejvýznamnější je ten, že na utváření socialistické literatury v Československu měly od samého jejího začátku ve dvacátých letech výrazný podíl tzv. moderní směry, které někdy souhrnně označujeme jako směry avantgardní. I v ČSR vznik socialistické literatury byl svázán s revoluční vlnou po světové válce a s vlivem Říjnové revoluce. Tehdy se zrodil široký proud literatury hlásící se k revolučnímu boji proletariátu. Tento proud proletářské literatury zahrnoval již tehdy velmi výrazné tvůrčí individuality, takže rázem zaujal určující postavení v literatuře. Postupně se v jeho rámci vyhranila i koncepce, kterou představoval zejména Karel Teige. V době opadu revoluční vlny, kolem r. 1924, kdy proletářská literatura zaměřená na bezprostřední revoluční úkoly se s celkovou stabilizací vládnoucí společnosti ocitla v krizi, se jeho program proletářské literatury vyhranil a vnitřně přetvořil v tzv. poetismus a konstruktivismus. Podstatné přitom je, že poetismus a konstruktivismus neznamenaly ústup od revolučního pojetí skutečnosti, že obě tendence představovaly dvě od sebe neodtržitelné stránky plánu na socialistickou přestavbu světa. Zatímco konstruktivismus znamenal jeho racionální, funkční prvek a v tom

smyslu našel uplatnění zejména v architektuře, užitém umění, apod., poetismus měl představovat jeho vyvažující pól — prvek sensibility, citovosti a lyrismu. Racionálně řízená a budovaná socialistická společnost je tak doplňována uměním, které přináší zábavu, fantazii a radost. Tato teorie vyvíjející se v úzkém kontaktu s avantgardními snahami v řadě evropských zemí, má některé slabiny (oddělení racionální složky lidského vědomí od složky emotivní a citové), má však i své výrazné přednosti: Především snahu o nové umění, které by odpovídalo nové etapě lidstva a které by se vyrovnalo s proměnami lidské psychiky, jak ji přinesl vývoj společnosti a rozvoj techniky (film). Vyznačuje se úsilím o výrazné setření hranic mezi uměním a lidovou zábavou, popřením estétské představy o kráse, zrušením privilegovaného postavení umění a uměleckého tvůrce. Jejím znakem je dále odpor k metafysice, spiritualismu a individualismu, snaha sblížit všechny druhy uměleckého projevu.

To pokud jde o teorii; avšak poetismus byl také tvůrčí praxí. I zde je jeho přínos významný: uvolnil po vzoru G. Apollinairea logickou výstavbu básně, objevil asociativní postupy, rozpoutal tvůrčí fantazii, vytvořil novou obraznost, objevil nové vyjadřovací možnosti české literatury, pošinul ji směrem k senzibilitě novodobého člověka. Je tedy zřejmé, že na utváření české socialistické literatury ve dvacátých letech se výrazně podílely obě tehdejší hlavní tendence — proletářská literatura i poetismus. Z toho ovšem vyplývá, že každá historická koncepce vzniku české socialistické literatury, která by jej chtěla omezovat jen na jeden program, by prakticky znamenala značné zúžení bohatosti a mnohotvárnosti této literatury ve dvacátých letech. Toho si byli dobře vědomi i sami průkopníci socialistického realismu v ČSR. Jestliže nechtěli sektářsky zúžit jeho základnu, snažili-li se naopak učinit socialistický realismus přitažlivý i pro ostatní pokrokové umělce, a bez toho by úsilí o socialistický realismus v buržoazních podmínkách ztratilo jakýkoliv smysl, museli vycházet ve svém programu z této rozvinuté socialistické literatury dvacátých let. Tak se po řadě zásadních diskusí na konci dvacátých let, kdy poetistické tendence do značné míry vyčerpaly své možnosti a kdy se zároveň ukázalo, že obnovení principů proletářské literatury v duchu charkovské konference proletářských spisovatelů nesmírně zužuje tvůrčí možnosti revoluční literatury, objevila ještě před sjezdem sovětských spisovatelů myšlenka tzv. syntetismu, která obsahovala od samého počátku snahu o tvůrčí využití obou hlavních proudů dosavadního socialistického umění — proletářské literatury i poetismu. Tak se prakticky již na začátku třicátých let, na základě analýzy domácích podmínek, vytvářejí v kritických a teoretických statích K. Konrada, B. Václavka, E. Urxe aj. podmínky pro organické utváření socialistického realismu v české literatuře.

B. PATERNU (Jugoslavija)

NASTANEK TEORIJE REALIZMA V SLOVENSKI KNJIŽEVNOSTI

Slavistična revija, 1963, str. 153—180.

Razprava obravnava razvoj teorije realizma v slovenski književnosti 19. stoletja, osredotoči pa se na problem njenega „klasičnega jedra", na novo raziskavo estetsko teoretičnih osnov Levstikove (1831—87) literarne kritike.

Notranjo strukturo Levstikovega koncepta je potrebno preučiti z dveh vidikov: kakšen je bil kritikov pogled na osnovne konstitutivne elemente umetnine in kakšen njegov nazor o razmerju med pesniško in objektivno resničnostjo. L. je dosledno zagovarjal uravnovešeno aktiviteto vseh bisvenih sestavin umetniške tvornosti. Nobeni sestavini, pa naj je šlo za čustvo, domišljijo, razum, idejo ali izraz, ni dopuščal popolne osamosvojitve, temveč se je zavzemal za njihovo notranjo integriteto. Podobno razmerje je vzpostavljal med pesniško in objektivno resničnostjo, namreč razmerje, ki je predstavljalo sintezo med subjektivnimi in objektivnimi principi oblikovanja, med individualnim in tipičnim, med izrazom ter odrazom. Uveljavljal je mnenje, naj bo umetnina skladen in enoten organizem vseh bistvenih elementov pesniške tvornosti ter izraz neokrnjene, celotne in suvereno kritične osebnosti ustvarjalca, ki se kljub svoji posebni naravi še ni odtrgal od stvarnosti in njene pregledne tipičnosti. Zaradi Levstikovega izrazito antropocentričnega pogleda na ustroj umetnine so se vsi ti pogledi najbolj nazorno pokazali v njegovi teoriji karakterja.

Prav zaradi takega idejno estetskega reda znotraj L. teženj po zbližanju književnosti in življenja uvrščam njegov koncept v meje klasičnega realizma, v meje tiste realistične estetike, ki še ni pristajala na osamosvojitev posameznih elementov leposlovnega dela, na razpustitev klasične integritete v različne možne smeri: p. pr. v aktualistično tendenčno, v deskriptivno, v naturalistično, v izrazito psihologistično ali v formalistično smer. Koncept klasičnega realizma je v glavnem ustrezal tistemu stanju človekove biti in zavesti 19. stol., ko sta bili na stopnji bolj ali manj konkretnega uveljavljanja svojih kritičnih teženj in idealov, skratka, na tisti stopnji uresničevanja, ki še ni bilo tako daleč, da bi se znašlo pred nerazrešljivimi protislovji. Šele te so človeka postavile v skrajne situacije, od anarhične revolte pa vse do razosebljene podreditve stvarnosti. Za L. uporom zoper rastoči proces alienacije je deloval še nenačeti liberalni demokratizem.

Raziskava notranje geneze Levstikovega koncepta pokaže, da se je oblikoval ob tradicionalni klasični estetiki, zlasti še ob Lessingu. Toda njegovo teorijo je L. sprostil mnogih izrazito klasicističnih in filozofsko metafizičnih postavk ter jo prilagodil svojim realističnim težnjam, pa tudi stanju takratne slovenske književnosti. Vidni so še nekateri drugi vplivi (Ramler-Batteux, Jean Paul, Goethe, Schiller, Börne, Herbart, R. Zimmermann, Wienbarg, ruski realizem, Celestin itd.)

Nastajanje teorije realizma na osnovah starejše klasične estetike in še posebej ob Lessingu ni bil značilen samo za slovensko literarno kritiko. Zadnje poglavje razprave je posvečeno prav temu evropskemu problemu, posebno na nemških in ruskih tleh, deloma pa tudi pri Francozih (Jean Paul, Herbart, Zimmermann, Wienbarg, Vischer, Belinski, Černiševski, Dobroljubov, Balzac, Taine). Realistična misel si je tudi v velikih literaturah iskala opore pri klasiki, zlasti v njenih težnjah po celovitem, skladnem ustvarjalnem postopku in po notranje uravnovešeni strukturi leposlovne umetnine. Kolikor pa je te, sicer svobodno prevzete in sodobnemu književnemu razvoju prilagojene principe zoževala ali opuščala, se je oddaljevala od teorije „klasičnega realizma“ in omogočala njen razpada.

Levstikov primer prav zaradi svoje preproste, enotne in nezdiferencirane podobe tega pojava, podobe, ki je bila plod manj razvitih literarnih ter družbenih razmer, zelo nazorno opozarja na problem vezi med teorijo realizma in starejšo klasično estetiko.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

А. Р. ВОЛКОВ (СССР)

Славянское литературоведение идет к установлению межнациональных закономерностей, имеющих значение для общего литературоведения. Подобные работы доложены, напр., Ю. Доланским, П. Волынским, С. Вольманом, К. Крейчи, О. Бартошем и — сегодня — Д. Марковым. Проф. Марков убедительно прослеживает сходство развития революционно-романтической поэзии в славянских литературах. Подобные явления наблюдались и в драматургии славянских и неславянских стран, входящих ныне в социалистический лагерь.

Драматургические системы Маяковского, Брехта, Вишневского, Хикмета, Вышни, Буриана сходны, так как представляют сочетание близких художественных принципов. Исходный принцип — агитационность — „театр, служи коммунистической пропаганде". Осознание необходимости найти эквивалентную новому содержанию форму порождало художественное экспериментирование. Стремление воздействовать на зрителя вызвало введение авторски-лирического начала для создания театра активного зрительного соучастия. Это театр сценической двупланности, обобщенности и лаконизма всех структурных компонентов, тропизма, условной фантастики. Приподнятой экспрессивной тональности соответствуют патетико-героические и сатирические жанры, сочетание прозы и стихов, применение внелитературных средств воздействия. Новаторство сочеталось с использованием традиций, осовремениванием „вечных" сюжетов и образов, освоением жанрово-стилистического опыта прошлого — от древнегреческого и народного театра до литературы просвещения. Осознанность творческих поисков подтверждается высказываниями Маяковского, Брехта, Незвала, Хикмета, Буриана.

На наш взгляд, можно говорить о наличии международных типологических схождений при становлении драматургии социалистического реализма и о наличии внутри ее направления, которое можно было бы назвать революционно-романтическим, агитационно-романтическим или маяковско-брехтовским.

Г. ДИМОВ (България)

В дългогодишните си занимания с въпросите, свързани с генезиса на социалистическия реализъм в българската литература, Д. Марков се е домогнал до интересни наблюдения и убедителни изводи. Той надмогна някои догматични схващания по отношение на характера на социалистическореалистическия метод у поети като Хр. Смирненски, долови съотношението на реализма и романтизма в развитието на пролетарската литература и т. н. Върху явления и от другите славянски литератури сега той извежда закономерността за неизбежния процес на преминаване от романтизъм към реализъм у първите представители на социалистическореалистическата литература, като обикновено се използуват черти и елементи, свойствени на други литературни течения.

Смятам, че ако Д. Марков бе разширил наблюденията си над писатели, които идват след Смирненски и при всичкото им своеобразие вървят в неговото русло, той несъмнено би установил и други черти, похвати, средства, използувани от предходни литературни течения при претворяване на жизнени явления от позициите на социалистическия реализъм. От друга страна, процесът от романтизъм към реализъм у Смирненски не завършва през целия период на творчеството му, двете форми на художествено обобщение — революционно-романтичната и реалистичната — вървят успоредно. При поетите, които възпяха Септемврийското въстание, наблюдаваме интересно своеобразие на форми и стилове при отразяване на новия естетически идеал. Особен интерес в това отношение представлява революционната поема „Септември" на Гео Милев. Застанал на революционни позиции, поетът изпълва с ново съдържание много от стилно-формалните художествени средства на литературата на експресионизма, подчинява ги на новия си обществен и естетически идеал. Примерът на Гео Милев поставя сериозно проблемата доколко и в каква насока могат да бъдат използувани формите и похватите на предходната поетическа практика, на някои модернистични течения, за да се вплътни ново жизнено и идейно съдържание. Той ни дава богат материал да решим въпроса за съотношението на социалистическия реализъм към другите творчески методи.

А. ТОДОРОВ (Болгария)

С большим интересом я прочитал доклад известного советского литературоведа, знатока и исследователя болгарской литературы Дмитрия Маркова. Его имя и творчество у нас широко известны, он автор ряда статей о нашей литературе, хорошей книги о нашей лирике первой четверти нашего века и т. д. Это глубокое и богатое познание нашего литературного развития дало ему возможность решить поставленный им вопрос в докладе на основании, кроме других славянских литератур, также и болгарской литературы.

Бесспорно, что когда мы говорим о социалистическом реализме в наших странах, очень важно решить вопрос, когда этот художественный метод появился, установить, так сказать, дату его рождения. Все вы знаете, что этот вопрос очень дискуссионный и в советской критике, и в других славянских и неславянских странах. Встречаются критики, наши коллеги, которые думают, что еще старые пролетарские поэты 19-го столетия, — а, как известно, они существовали еще в годы Маркса и Энгельса — были зачинателями социалистического реализма, или что в их творчестве уже были заметны основные или первоначальные черты нового метода.

Такой спор идет и у нас с утверждением некоторых товарищей, что мы должны искать черты социалистического реализма еще у Полянова, проявившего свой талант пролетарского поэта в последнее десятилетие прошлого века. Но в большинстве наши литературоведы принимают, что Полянов и другие пролетарские поэты его эпохи — выразители первой стадии социалистической литературы, пролетарско-революционной, и что основоположником социалистического реализма в болгарской литературе является Христо Смирненски, поэт начала двадцатых годов нашего века.

Эта правильная позиция, которая поддерживается в докладе тов. Маркова.

Я рад, что позиция советского литературоведа совпадает с позицией большинства болгарских литературоведов.

Тов. Марков не остановился только на этом вопросе. Он идет дальше и ищет основную закономерность становления социалистического реализма. Его позиция, что эта закономерность — дорога от революционного романтизма к социалистическому реализму. Для него метод старой пролетарской поэзии, как поэзии Полянова, — романтизм. И еще тов. Марков говорит, что у самого Смирненского видно развитие от романтизма к социалистическому реализму; даже вообще в части целого, всежизненного творчества Смирненского он видит проявление романтизма как художественного метода.

Мое мнение, что основная мысль Маркова правильна — Смирненский не раз использует романтические приемы обобщения действительности. Только я думаю, что это у него не является методом, что это — романтика как черта социалистического реализма. Иначе мы должны принять, что у Смирненского два художественных метода, а это не будет точно.

Скажу несколько слов и по вопросу об авангардизме, затронутому в докладе Маркова. У него правильная мысль искать истоки социалистического реализма не только в критическом реализме, а также и в других направлениях старой литературы. Мое замечание только о том, что авангардизм показан тов. Марковым очень положительно (несмотря на его критические заметки), что он не показал авангардизм как форму декадентской литературы.

Очень важна мысль тов. Маркова о борьбе литературы социалистического реализма за художественное усвоение общественной действительности более широко, не только ее самых передовых политических форм. По этой линии в докладе сделан глубокий и верный анализ развития нашей болгарской литературы.

Самое важное в докладе — это положительная попытка автора поставить литературные вопросы на широкую основу всех литератур западных и южных славян. Это дало автору возможность установить основные закономерности литературного развития в связи с плодотворным влиянием советской литературы.

Доклад тов. Маркова имеет правдиво-научный характер. Есть в этом докладе о чем поспорить, но бесспорно одно, что этот доклад сделан на верной основе нашего марксистско-ленинского литературоведения.

С. А. ШЕРЛАИМОВА (СССР)

Всецело поддерживая основной пафос доклада И. Брабца и З. Пешата, утверждающего высокие достижения чешской социалистической литературы 20—30 гг., я хотела бы высказать некоторые замечания по двум вопросам, затронутым докладчиками.

В докладе говорится о влиянии русского пролеткульта на чешскую программу пролетарской литературы начала 20-х годов. Какое-то влияние здесь действительно было, но его никак нельзя преувеличивать. На эту программу большее воздействие оказали статьи Луначарского, Горького, Брюсова. Чешским марксистским теоретикам была органически чужда глубоко ошибочная идея пролеткульта о создании пролетарского искус-

ства в лаборатории, в отрыве от масс, от борьбы партии. Но интересная особенность — это пролеткультовское решение вопроса об отношении искусства к действительности, к революционной борьбе было повторено в программе чешского поэтизма, которая провозглашала создание искусства будущего лабораторным путем, в полной изоляции от общественной жизни. А выступления авангардистов против поэзии Неймана напоминали нападки теоретиков пролеткульта на Маяковского, произведения которого они объявляли газетными агитками, противопоставляя им некий чистый пролетарский лиризм. Но дело, в конечном счете, не в том, в какой конкретной форме проявлялись те или иные ошибки, а в том, что закономерностью движения вперед было их преодоление.

В докладе говорится о синтетическом характере чешской социалистической литературы 30-х годов. Это бесспорно в том смысле, что в лагерь социалистической литературы пришли тогда представители различных течений, в том числе авангардисты. Поэмы Незвала „Эдисон", „Сигнал времени" и др., романы Ванчуры 30-х годов явились крупным вкладом в развитие социалистической литературы. Однако было бы неверно, на мой взгляд, на основании формальной принадлежности этих писателей к авангардистским группировкам рассматривать названные произведения как вклад авангардизма. Конкретный анализ показывает, что они были созданы в результате отказа от канонов авангардистской эстетики. Объединение социалистических писателей в 30-е годы происходило на основе преодоления сектантской ограниченности, на основе верности высоким принципам гражданственности, идейности, жизненной правды.

Z. PEŠAT (ČSSR)

K diskusi o referátu bych zdůraznil jednu věc: Při výkladu geneze socialistického realismu mi nešlo o to, zvažovat jakou měrou se jedna i druhá tendence — proletářská literatura a poetismus — podílela na jeho utváření. Podstatné je to, že pojetí socialistického realismu v ČSR mělo od samého počátku charakter syntézy, že se v ní počítalo s oběma složkami a že českou literární avantgardu nelze vykazovat za hranice socialistického umění.

Dále bych se chtěl ještě poznámkou vrátit k včerejší diskusi o referátu českých rusistů Drozdy, Fraňka a Mathausera, k otázce socialistického realismu v sovětské literatuře. Chtěl bych podepřít jejich zdůraznění individuálních rysů, jakých nabyla koncepce socialistického realismu u jednotlivých spisovatelů. Tento přístup pokládám za velmi důležitý právě ve chvíli, kdy potíráme následky dogmatismu v literární vědě. Z tohoto hlediska mě nemohla uspokojit diskuse k jejich referátu. Mám na mysli zejména způsob operování pojmem modernismus, který tu byl přečasto pojímán jako nálepka, která nahrazovala konkrétní historickou analýzu jevů. Taková analýza jestli se nemýlím, je jednou z hlavních zásad marxismu-leninismu. Co je to vůbec modernismus? Vždyť co autor pod tento pojem zahrnuje, to je zcela jiná poetika a hlavně zcela různé pojetí světa. Jak je vůbec možné tak různorodé jevy zahrnovat pod tak vágní pojem?

V diskusi bylo také řečeno, že socialistický realismus nemůže čerpat určité postupy z literatury americké, že jde o dvě různé skutečnosti, že

obsah je natolik svázán s formou, že jakékoliv přejímání i jednotlivých postupů vede jen k omylům. Zase jsme u určitých falešných představ, které na jedné straně nemístně zdůrazňují ideologický charakter u jevů třídně bezpříznakových, aby v hlavním toto hledisko opustily a nahradily je hlediskem geografickým. Cožpak pro marxistu existuje americká literatura vnitřně nediferencovaná? Cožpak není jeho první povinností rozeznávat v ní progresívní a retardační tendence? Myslím, že by i sekce současné literatury měla podstatněji napomáhat k překonávání dogmatismu, než tomu v diskusích dosud bylo.

21 септември — 21 сентября — 21 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

M. BOBROWNICKA (Polska)

DRAMATY KAROLA ČAPKA NA SCENACH POLSKICH

Pamiętnik Słowiański, t. XIII, 1963.

W historii polskich teatrów można wyróżnić dwa okresy zainteresowania dramatami Čapka: w latach 20-tych i w drugiej połowie lat 50-tych. W pierwszym najżywsze dyskusje budził dramat RUR (Warszawa 1922, Kraków 1924 i Poznań 1929), w drugim Matka (Zielona Góra 1955, Gdynia, Katowice i Warszawa 1956, Grudziądz 1961).

Spory budził sens ideowy RUR, który można rozumieć jako bunt robotów-proletariuszy i zniszczenie świata kapitalistycznego, albo jako dramat technicyzacji i protest przeciw panowaniu maszyny nad człowiekiem. W zależności od interpretacji sztuki różne też były zarzuty stawiane autorowi. Staranne inscenizacje nie budziły zastrzeżeń.

Wystawienie Sprawy Makropulos (Łódź 1926, Poznań i Wilno 1928) dało okazję do analizy warsztatu dramaturgicznego Čapka, przy czym zaznaczyły się skrajnie przeciwne stanowiska: od oskarżeń o pogoń za sensacją i efektami — aż po wysokie uznanie dla nowatorstwa formy.

Rozbójnik (Kraków 1936) oceniony był pozytywnie, ale nie wywołał silniejszego echa.

W okresie międzywojennym pozycja Čapka — dramaturga została już ustalona. Jego rolę w rozwoju dramatu zestawiano nawet z rolą Pirandella.

Dyskusja nad Matką była szczególnie żywa. Polemika Matki z nieżyjącymi o sens ich śmierci wydawała się niezwykle aktualna, a jej finał odczytywany był różnie, co wywoływało rozmaite koncepcje reżyserskie i aktorskie. Jeśli sztukę rozumieć jako przezwyciężenie przez Čapka pacyfizmu w chwili zagrożenia kraju i wezwanie do obronnej walki, to Matka staje się postacią heroiczną, odnoszącą zwycięstwo nad własnym uczuciem i poświęcającą swoje dziecko w imię wyższych celów. Jeżeli jednak przyjąć, iż racja jest do końca po stronie Matki, to finał jest wyrazem jej klęski i rezygnacji,

mamy więc do czynienia z zupełnie innym rodzajem tragizmu. W polskich inscenizacjach reprezentowane były obie te koncepcje.

Wznowienie Rozbójnika (Szczecin 1956, Warszawa 1958) nie przyniosło ciekawszych wypowiedzi, dopiero powrót RUR (Warszawa 1959) wywołał falę dyskusji na temat: technika a humanizm.

Białej zarazy nie wystawił żaden z polskich teatrów, ale dramat ten grany był w Krakowie (1959) przez słowacki Teatr Narodowy z Bratysławy.

Drugi okres recepcji Čapka na scenach polskich udowodnił dużą żywotność jego dramatów, które dają ponadto reżyserom duże możliwości w zakresie rozwiązań inscenizacyjnych.

СТ. СУБОТИН (Југославија)

ХЕНРИК СЈЕНКЈЕВИЧ У СРПСКОЈ И ХРВАТСКОЈ КЊИЖЕВНОЈ КРИТИЦИ И ПУБЛИЦИСТИЦИ

Прилози за књижевност, језик, историји и фолклор, књ. XXIX, св. 1—2, 1963 с. 209—220.

E. WEISS (DDR)

ZU DER ROLLE JOHANNES R. BECHERS BEI DER PFLEGE DER DEUTSCH-SOWJETISCHEN LITERATURBEZIEHUNGEN IN DEN ZWANZIGER JAHREN

Zeitschrift für Slawistik, VIII 1963, S. 348—372.

Eingangs wird die besondere Prädestiniertheit Bechers für die Pflege der deutsch-sowjetischen Literaturbeziehungen herausgearbeitet, die ihn schon gegen Mitte der zwanziger Jahre zum Fürsprecher einer engen Verbindung und Zusammenarbeit zwischen den sowjetischen und fortschrittlichen deutschen Schriftstellern werden ließ. Die Erkenntnis des Vorbildcharakters der Sowjetliteratur schloß bei ihm eine weitgehende Herausfindung der entscheidenden, zum sozialistischen Realismus führenden Entwicklungstendenz ein. Es wird dargelegt, wie Becher seit Anfang der zwanziger Jahre die Lehren aus dem Leben und Werk Gor'kijs für die deutschen Schriftsteller zu ziehen bemüht war, wobei er vor allem an die Volksverbundenheit und die künstlerische Methode des großen sowjetischen Schriftstellers anknüpfte. Im folgenden werden die Beziehungen Bechers zu sowjetischen Dichtern und Prosaschriftstellern, darunter auch zu sowjetukrainischen Literaturschaffenden, behandelt und sein Beitrag zur Verbreitung der Sowjetliteratur in Deutschland gewürdigt, wobei besonders auf seine Nachdichtungen der Werke Majakovskijs und Bednyjs eingegangen wird. Das Referat verfolgt ferner die außerordentlich engen Beziehungen Bechers zur sowjetischen Literaturpolitik und Literaturtheorie, die sich nicht zuletzt aus seiner führenden Stellung im Bund proletarisch-revolutionärer Schriftsteller Deutschlands und in der Internationalen Vereinigung revolutionärer Schriftsteller ergaben. Nachgewiesen werden die Kenntnis und Auswertung einer Reihe von Grundsatzdokumenten der sowjetischen Literaturpolitik und Literaturtheorie, was sich auf

die Ausarbeitung der literaturpolitischen und literaturtheoretischen Konzeption der proletarisch-revolutionären Schriftsteller Deutschlands günstig auswirkte. Das betrifft vornehmlich die fortschreitende Klärung des Prinzips der Parteilichkeit in seiner Übereinstimmung mit objektiver Wahrheit und schöpferischer Freiheit, der Gestaltungsprinzipien des sozialistischen Realismus sowie der Frage der Hauptkader und Bündnispartner der sozialistischen Literatur.

Im Referat werden auch Bechers Verdienste bei der Unterstützung der Sowjetunion und der sowjetischen Literaturentwicklung gewürdigt, so zum Beispiel sein aktives Mitwirken bei der Künstlerhilfe für die Hungernden Rußlands, sein unentwegtes Auftreten gegen den drohenden imperialistischen Überfall auf die UdSSR, die Propagierung ihrer Errungenschaften in seinen Dichtungen, Reden und Schriften, seine erfolgreichen Bemühungen um die Rezeption der sozialistischen deutschen Literatur in der Sowjetunion sowie sein bedeutender Beitrag als Dichter, Literaturtheoretiker und Literaturpolitiker zur Entwicklung der von der Sowjetliteratur angeführten internationalen revolutionären Literatur, was in der UdSSR hoch eingeschätzt wurde.

A. FLAKER (Jugoslavija)

„NEPOZNAT NETKO"
O jednoj analognoj pojavi u ruskoj i hrvatskoj književnosti 20. stoljeća

Radovi Zavoda za slavensku filologiju, br. 5, Zagreb, 1963.

U posljednje vrijeme sve je izrazitija orijentacija poredbenoga istraživanja slavenskih književnosti na proučavanje t. zv. „povijesno-tipoloških analogija" koje se, izvan neposrednih kontaktnih veza, pojavljuju u književnohistorijskom procesu različitih nacionalnih književnosti. Medju takve analogne pojave spada i ona što je nalazimo u „ratnoj lirici" Miroslava Krleže s jedne strane, i predrevolucionarnoj poeziji Vladimira Majakovskoga s druge strane. Svodi se ona na odredjenu podudarnost u nastajanju i značenju likova „Naredbodavca svega" (Povelitel' vsego) u Majakovskoga i „Nepoznatog Nekog", odnosno kasnije „Velikog meštra sviju hulja", u Miroslava Krleže. Ta podudarnst tumači se nekim očiglednim srodnostima u prvoj fazi stilskoga razvitka dvojice pjesnika koji se bore protiv dotadašnjih pjesničkih kanona svojih nacionalnih književnosti, obojica u povijesnoj situaciji oko prvoga svjetskoga rata. Ona se očituje u srodnoj metaforici i načinu razvijanja i realiziranja metafora koje označuju pretežno gradsko kretanje i svojom logikom zahtijevaju, konačno, i označivanje subjekta toga, naoko kaotičnoga kretanja u „razdrtom" gradskom svijetu. Taj subjekt kretanja izrasta, upravo u vrijeme rata, do vizija suvremenoga zbivanja kojim ravnaju neke nespoznate snage, a upravo se one personificiraju u likovima sotonskim i „neodredjenim", uz istovremeno „bogoboraštvo" dvaju pjesnika.

Ova podudarnost, medjutim, nije karakteristična samo za pjesnike koje analiziramo. Srodne ćemo pojave personifikacija subjekata kretanja, pa i u srodnim metaforičkim nizovima, pronaći u, manje možda izrazitim, ali

takodjer značajnim za vrijeme o kojemu je riječ, oblicima i u djelima Maksima Gorkoga (Gorod Želtogo D'javola), poeziji Aleksandra Bloka i Valerija Brjusova, prozi i dramama Leonida Andrejeva, a srodne motive i osobine književnih struktura zapazit ćemo i u hrvatskoj književnosti — ponajprije u Matoševoj „Mori", zatim u novelama Frana Galovića, a srodan osjećaj zbivanja u svijetu oko sebe izriče i A. B. Šimić koji o tome govori i u svojim kritičkim bilješkama.

Genetski, u povijesnom smislu, dadu se ove stilske pojave povezati s promjenama koje se zbivaju u pjesničkom osjećaju svijeta na prelazu u drugu fazu dezintegracije realizma, koja je na Zapadu dobila uglavnom ime ekspresionističke, a koja nastaje u vrijeme ciklusa imperijalističkih ratova, uoči socijalističke revolucije u ruskim zemljama, odnosno revolucionarne plime u zemljama bivše habsburške monarhije i drugdje u Evropi. U to vrijeme svijet je morao pjesnicima izgledati kaotičnim, razdrtim, besmislenim, a namjesto svrgnutoga već boga, ovim je kaosom morao pokretati — „Nepoznat Netko". Tek je oktobarska revolucija uveliko riješila sazrele suprotnosti unutar toga svijeta i interpretirala ih povijesnim primjerom proleterske revolucije. Zbog toga se i likovi „neodredjenih" pokretača zbivanja u djelima obaju pjesnika poslije revolucije osmišljavaju ili objektiviraju. Iz „Naredbodavca svega" razvija se groteskni i plakatni Wilson u poemi „150 000 000", a zatim je kao personificirani „kapitalizam" potpuno ismijan u poemi o „Lenjinu", dok se u Krleže „Nepoznat Netko" objektivizira u novelističkoj Kraljevićevoj viziji „Velikoga meštra sviju huljа". Likovi „neodredjenih" subjekata kretanja nestaju, uostalom, u tom razdoblju i u drugih pjesnika književnosti o kojima je riječ. Razumije se, razrada ovoga problema ne može biti potpuna, a da se ne obrade srodne pojave i u drugim, neslavenskim, evropskim književnostima razdoblja oko prvog svjetskog rata i prije toga.

L. DOBOSSY (Mad'arsko)

ČESKO-MAD'ARSKÉ LITERÁRNÍ VZTAHY VE XX. STOLETÍ

Studia Slavica Akademiae scientiarum Hungaricae, IX, 1963, str. 273—282.

Studium dějin česko-mad'arských kulturních a literárních styků ve XX. století vyžaduje objasnění několika složitých metodických otázek. Především je nutné si uvědomit, že ze dvou literatur jedna je slovanská a druhá neslovanská; z toho jednoduchého konstatování vyplývá již celá řada důležitých následků. Druhá určující okolnost je ta, že nás zajímají vzájemné vztahy české a mad'arské literatury za podmínek trojího politického zřízení v poměrně krátkém období. Je zřejmé, že pokusy o vybudování kulturních a literárních styků se také podle toho měnily: slábly nebo silněly.

Za Rakousko-uherské monarchie zásada „divide et impera" pronikla také do literárního života: národy členských států namísto vzájemné úcty a spolupráce se různým způsobem nenáviděly. V této situaci se literární díla dostávala ke čtenářům druhého národa jenom dík horlivosti toho-kterého překladatele. — V období mezi dvěma válkami, následkem odlišného politického zřízení obou států, stupňoval se zdrženlivý postoj úředních kruhů. Naproti tomu se však také projevilo více indviduálních podnětů v tom směru,

aby se obě literatury — česká a mad'arská — k sobě přibližovaly. — Po osvobození obou národů i na poli kulturních a literárních styků zvítězila postupně koncepce vzájemné úcty a plodné spolupráce. Rok od roku v rostoucím počtu a se silnícím vlivem se překládají díla, jež vedou k poznávání historické pravdy a snaží se vyhubit předsudky minulosti.

Tento nový vývoj česko-mad'arských literárních styků upozorňuje i na to, že jsou jisté historické situace, kdy stejný ideologický záměr může být silnějším činitelem ve vývoji sousedních literatur než jazykové nebo etnické příbuzenství.

T. DĄBEK—WIRGOWA (Polska)

GŁÓWNE ZAGADNIENIA STOSUNKÓW LITERACKICH BUŁGARSKO-POLSKICH W PIERWSZYCH DZIESIĄTKACH XX WIEKU

Z Polskich Studiów Slawistycznych, Warszawa, 1963, str. 251—285.

Х. ЧАЙКА (Полша)

БЪЛГАРСКАТА ЛИТЕРАТУРА В ПОЛША ДО I СВЕТОВНА ВОЙНА

Pamiętnik Słowiański, t. XIII, 1963.

Истински интерес към българските въпроси се проявява в Полша едва през XIX в., въпреки че началото на полско-българските културни връзки датира още от походите на Владислав Варненчик. Обаче значителната териториална отдалеченост е причина сведенията за България да се черпят особено през първата половина на XIX в. от чужди източници, предимно руски. До 1878 г. полският печат помества главно общи сведения за България. Тия материали често имат противоречив характер. Например българското население в средата на миналия век веднъж се посочва като 1,5 милиона, друг път като 5 милиона. Голяма роля в полско-българските културни връзки изиграват полските емигранти, пребиваващи в България след 1848 и 1863 г.

След освобождението на България интересът към младата държава се увеличава. Излизат даже няколко книги за България, като „Съвременна България“ и „Година на превратите“ от Й. Гжегожевски, „България“ на Холубович и „Съвременна България“ от Козицки. По това време в полския печат започват да се появяват имената на Ив. Вазов, Пенчо Славейков, К. Величков, А. Константинов, Ст. Михайловски. Сведения за тях дават хора, които са имали непосредствени контакти с България, като Б. Грабовски, П. Сопочко, Й. Гжегожевски и др. Те се опитват да определят характера на българската литература, да дадат оценка на художествената ѝ стойност. Някои виждат в нея само песимистични черти, липса на положителни и реални сюжети, надценяват чуждите влияния (Романчук).

Най-ярко се очертава образът на Ив. Вазов. Първите бележки за него се появяват още през 80-те години на миналия век, в които се дава висока оценка на неговото творчество. Едновременно със статиите, посветени на поета, излизат и преводи на неговата поезия. В тоя период са преведени 19 негови стихотворения (някои от тях само отчасти). Някои преводи се отличават с изящна форма, с вярно предадено на полски език съдържание, запазват ритъма и мелодията на българския стих (например „Борът", „Нощ" в превода на Сопочко). До края на XIX в. се превежда почти изключително поезията на Вазов, от началото на нашия век поезията отстъпва постепенно място на прозата на Вазов. Избора на произведенията на Вазов определят политическите условия на поляците, които по това време се борят за своята независимост.

Най-голяма роля изиграва в Полша романът „Под игото", преведен от Хелена Сопочко и печатан през 1895—1896 г. Книгата е била издадена много старателно на хубава хартия с илюстрации и коментари. Произведението е снабдено с обширен предговор от преводачката с биографични данни за писателя, тя дава обяснения за произхода на творбата, за голямата популярност на Вазовото дело в България и извън нейните граници.

Романът е бил приет възторжено в Полша особено от страна на младежта. Известен е фактът, че гимназистите в Плоцк са чакали ред да прочетат тая книга, а по белите полета на произведението са се появявали бележки: „Браво, Огнянов!" „Да живее България!" и т. н. Романът спечелва голяма популярност в Полша поради свободолюбивите си идеи, поради реализма, демократизма, живописните описания на родната природа, на местния колорит и хубавата си форма. До I световна война Вазов е най-известният и най-четеният български писател в Полша. Превеждат се на полски „Казаларската царица" (1904); „Избрани произведения" (1904); „Светослав Тертер" (1911). Освен това излизат редица преводи на разкази от Вазов, поместени във вестници и списания. Някои разкази са били печатани едновременно в две или три списания („Д-р Андрозов").

Втори по популярност български писател в Полша е Петко Тодоров. Неговите „Идилии", писани в проза, започват да се появяват по страниците на нашия печат през 1904 г. Превежда ги Й. Анцова. Тя събира през 1912 г. печатаните произведения, превежда нови и издава отделна книга „Избрани идилии". В предговора към книгата преводачката оценява идилиите на Тодоров като истински перли на поетичното вдъхновение. Според Анцова всичките му творби се отличават с богатство на въображението и ненаситен стремеж към нещо по-хубаво, по-висше и по-благородно. Тя е възхитена от богатата символика на писателя. Вижда в неговото лице най-големия представител на модернистичното течение в българската литература. Такава висока оценка на творчеството му дават и рецензентите. (Същата година излизат 5 рецензии.) Те виждат в идилиите на Тодоров любов към народа, към родния Балкан, специфичен колорит, високохудожествена форма, хубав стил.

Трето място по популярност заема Пенчо Славейков. Интересът към неговото творчество се пробужда едва след смъртта му, когато полският печат помества цяла редица некролози. Авторите на некролозите го наричат най-големия поет на млада България. След първите бележки изли-

зат по-обширни статии и очерци, посветени на живота и творчеството на поета, първите преводи на неговите стихотворения и фрагменти от „Кървава песен“.

Мъчно може да се установи популярността на другите български писатели в Полша. Неколкократно по страниците на полския печат се появява името на Ст. Михайловски, К. Величков, К. Христов. Те обаче не са изиграли такава роля, както Вазов, Тодоров и Пенчо Славейков.

Ж. МЛАДЕНОВИЋ (Југославија)

ЈОВАН СКЕРЛИЋ И БУГАРИ

Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, књ. XXIX, св. 1—2, 1963, с. 157—185.

Као студент Велике школе у Београду, под утицајем марксизма и идеја Светозара Марковића о балканској конфедерацији, Јован Скерлић је био за то да се из разговора између српских и бугарских студената маја 1896. у Софији искључи питање Македоније. На његов захтев, Јанко Сакзов му је 30. септембра 1897. јавио да је Бакалов спреман да напише чланак за „Раднички календар“, али је желео да зна да ли да пише о борби српске и бугарске буржоазије око Македоније или о правима радничких маса. Скерлић је свакако био за ову другу тему.

Када су септембра 1904. одржани у Београду Први конгрес југословенске (то јест јужнословенске омладине) и састанак југословенских књижевника и публициста, Скерлић је сматрао да је идеја балканског савеза почела да јача. Он је тада писао да је јединство најбољи пут за балканске народе.

После састанка југословенских књижевника и публициста априла 1905. у Загребу, Скерлић је поверовао да је настало доба заједничког рада са Бугарима и да ће књижевност моћи да поправи оно што су рђави политичари годинама кварили. Он је одушевљено писао о извештају Величка Јорданова о савременој бугарској књижевности, који је прочитан на I конгресу југословенских књижевника и публициста новембра 1905. у Београду.

„Српски књижевни гласник“, који је Скерлић уређивао, упознавао је своје читаоце са бугарским књижевним приликама. У чланку Политичка књижевност Скерлић је хвалио преводилачку активност код Бугара, а у чланку Културни напредак Бугарске залагао се за јачи рад на упознавању са Бугарима и хвалио њихове културне установе. „Блгарска сбирка“ Стефана Бопчева приказивала је скоро сваку свеску „Српског књижевног гласника“, задржавајући се нарочито на Скерлићевим чланцима. У новембарској свесци за 1905. она је објавила превод његовог чланка Српска књижевност у 1904. години.

Скерлић је учествовао на II конгресу југословенских књижевника и публициста августа 1906. у Софији, на коме је организован њихов савез. Он је хвалио правила Савеза, због тога што су била прожета федералистичким идејама. У монографији Омладина и њена књижевност, написаној у време одржавања југословенских конгреса, Скерлић је обратио

велику пажњу на везе између Срба и Бугара, а нарочито на рад Љубена Каравелова међу Србима. Поводом превода приповедака Елина Пелина на српски писао је о сродности душа српског и бугарског сељака. „Бугарска сбирка" донела је похвалну оцену о Омладини, а часопис „Мисл" објавио је један одломак из ње са подужим осврtом на Скерлићев књижевни рад.

Иако га је после анексије Босне и Херцеговине обузело патриотско расположење, Скерлић је у монографији Српска књижевност у XVIII веку указа о на потребу проучавања српске и бугарске прошлости као целине. „Бугарска сбирка" је констатовала да је ова књига драгоцена и да њен писац заслужује не само похвалу него и угледање.

Када је као члан Главног одбора за пропаганду био задужен да се старао зближењу са Бугарима, Скерлић је предложио 22. новембра 1909. да се у Софији консултују људи наклоњени Србима и одређен је да ради тога отпутује у Бугарску.

Скерлић је одржавао живе везе са бугарским књижевним историчаром Бојаном Пеневом, који је, на његову молбу, написао за „Српски књижевни гласник" чланак Доситеј Обрадовић код Бугара, у коме је највећи део посвећен српском утицају на бугарски препород. Приказујући пету свеску Скерлићевих Писаца и књига, Илија Бопчев је у њој нарочито похвалио чланак Србија, њена култура и њена књижевност.

Изабран 1. априла 1912. за народног посланика, Скерлић је ушао у дневну политичку борбу. Он је усвојио програм странке самосталних радикала, којој је припадао — јачање снаге и угледа Србије, али се и даље залагао за српско-бугарско зближење.

Иако га је за време балканског рата 1912. године обузело јако национално расположење, Скерлић је одлучно био против српско-бугарског рата, а после српске победе у томе рату био је оправдано забринут због нестабилности усамљене Србије. Он није дочекао трагичне последице српско-бугарског сукоба, јер је умро 3. маја 1914. „Бугарска сбирка" донела је белешку пуну похвала о преминулом Скерлићу.

З. ЮФУ, Л. ФОТИАДЕ, Д. ЗАВЕРА (Румъния)

РАЗПРОСТРАНЕНИЕ НА НОВАТА БЪЛГАРСКА ЛИТЕРАТУРА В РУМЪНИЯ ПРЕДИ И СЛЕД 1944 г.[1]

Romanoslavica, IX, 1963, стр. 447—482.

До 1944 г. в културните отношения между българи и румъни можем да набележим четири периода. Първият обхваща времето от X до XVII в. През този период влиянието на българската култура върху румънската е значително. Славянският (среднобългарски) език е бил използуван в румънското богослужение, а след основаването на румънските княжества през XIV в. той става официален език на канцеларията и на

[1] Златка Юфу и Думитру Завера, Разпространение на българската литература в Румъния до 1944 г., Romanoslavica, IX, 1963, стр. 447—482; Лаура Баз-Фотиаде, Българската литература в Румъния след 23 август 1944 г. (статията ще излезе в сп. „Romanoslavica").

културата изобщо. Вторият период обхваща годините на Възраждането и по-точно от 1800 до 1877 г. Поради различните политически и икономически условия, при които се намират двете страни в това време, капиталистическите отношения в румънските княжества се развиват много по-бързо, а едновременно с това се развива и националната им култура. Тя оказва несъмнено влияние върху многобройната българска емиграция, намираща се тук, из средата на която израстват през епохата на Възраждането първите и най-значителни представители на новата българска художествена литература и на публицистиката: Софроний Врачански, Петър Берон, Г. С. Раковски, Любен Каравелов, Христо Ботев, Д. Войников, В. Друмев, Ив. Вазов и още други с по-малка известност — Дим. Попски, Г. Пешаков, Великсин, Петър Протич и др. Тази литература обаче остава непозната на румънския читател, тъй като почти нищо от нея не е било преведено дотогава на румънски език.

Третият период обхваща годините от Освобождението до Първата световна война. Литературните връзки между румъни и българи от този период са съвършено непроучени. От материала, събран досега от нас, става ясно, че до 1918 г. на румънски език е преведено само едно литературно произведение — „Под игото“ от Иван Вазов, — и то в съкратен вид. В този период обаче в румънския печат излизат ред статии върху българската литература, писани от румъни и българи: Йон Богдан, Илие Бърбулеску, П. Константинеску-Яш, К. Кръстев, Ив. Гешев и др.

Между двете световни войни, четвъртия период, критическите материали върху българската литература и преводите от нея се увеличават. П. Константинеску-Яш продължава да пише на теми върху румъно-българските исторически и културни връзки; Илие Бърбулеску издава книгата „Istoria literaturii şi gramatica lb. bulg“. Ал. Йордан, В. Келару публикуват значителен брой статии за писатели от епохата на Възраждането, за развитието на българския театър и т. н. Най-активни дейци за разпространението на българската литература в Румъния в този период са Д. Н. Минчев и В. Христу с многобройните си статии върху българската литература и публицистика, както и с преводите си. Изобщо след Първата световна война интересът към българската литература в Румъния расте заедно с гласовете за сближение между двата народа. Броят на преводите се умножава, обаче той далеч не дава пълна представа за българската литература до 1944 г. Преведените произведения са сравнително малко и в много случаи случайно подбрани. Те не могат да дадат ясна представа на румънския читател за богатството и постиженията на българската демократична и пролетарска литература. Преводаческата дейност е била предоставена на частната инициатива. Публикуваните критични материали я представят непълно и едностранчиво. На много места има допуснати и грешки от фактическо и идейно естество.

С освобождението на нашите страни от фашистко робство се поставиха основите на интензивна замяна на културните ценности и се усили сътрудничеството и взаимното опознаване между двата народа.

След 23 август 1944 г. българската литература е широко обнародвана в нашата страна и още от началото ще подчертаем, че преводите не се правят вече случайно, хаотично и безразборно, а, напротив, систематически, като се има пред вид да се представят не само класиците, но и най-младите съвременни писатели, а пък, от друга страна, се има пред

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

А. Р. ВОЛКОВ (СССР)

Ця важлива репретентативна зустріч славістів світу має організаційну ваду — тематичну розпорошеність, що видно й на прикладі цього засідання.

В цікавій доповіді колеги Бобровницької осмислено матеріал, який не був у науковому обігові. К. Чапек складний письменник-філософ, якого досліджують у багатьох країнах. Його твори являють філософські етюди в яскравій художній формі. Письменник здебільшого ухиляється від прямого авторського розв'язання питань, що їх він підіймає. Або релятивістськи припускає кілька нібито однаково слушних розв'язань. Дає змогу читачеві чи глядачеві самому дійти до висновків. А ці можливі висновки дуже різні. Не менше суперечок можуть викликати жанрово-стилістичні шукання Чапека.

Отже слід було чекати на широке обговорення доповіді. Цього не сталося. Присутні на з'їзді чапекознавці розпорошені по різних секціях і засіданнях. Вони не мали змоги вчасно ознайомитися з текстом. Доповідь стояла в оточенні інших, тематично з нею не споріднених. Певно, слід на засіданнях ставити взаємозв'язані доповіді за заздалегідь виробленою проблематикою. Якщо паралельно з доповіддю Бобровницької було б заслухано автора грунтовної монографії про Чапека в Болгарії Н. Драганова, відповідні виступи чеських, словацьких, українських, російських, американських чапекознавців, це дало б можливість намітити закономірності міжнародного засвоєння чапеківського доробку. Подібна організація перетворила б кожне засідання на маленький міжнародний симпозіум. Було б досягнуто основну мету міжнародних наукових зустрічей — обмін думками й вироблення спільних поглядів.

Доповіді колег Кота й Бобровницької свідчать і про потребу залучити до обговорення питань драматургії, поряд із літературознавцями й театрознавців.

Н. ДРАГАНОВ (България)

Изказването на доц. Бобровницка за отношението на полската общественост към драматургията на Карел Чапек ни дава възможност да отбележим известни страни от постановките на българска сцена. „РУР“ на сцената в Русе в началото на 20-те години е изолирано явление. Но когато настъпват напрегнатите и тревожни дни около хитлеристката агресия в навечерието на Втората световна война, нашият театър се обръща към антифашистката драма на чешкия писател „Майка“, играна под изразителното заглавие „Епохата, в която живеем“. Някои моменти на пиесата са приближени до борческо-революционната българска действителност. Дават я три театъра — Пловдивският, Бургаският и Хасковският— и се играе в много градове и села в Южна България в началото на 1939 г. През този период „Майка“ е най-борческата драма на нашия театър, която спечелва симпатията на зрителите и ги вълнува дълбоко.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

А. Р. ВОЛКОВ (СССР)

Ця важлива репретентативна зустріч славістів світу має організаційну ваду — тематичну розпорошеність, що видно й на прикладі цього засідання.

В цікавій доповіді колеги Бобровницької осмислено матеріал, який не був у науковому обігові. К. Чапек складний письменник-філософ, якого досліджують у багатьох країнах. Його твори являють філософські етюди в яскравій художній формі. Письменник здебільшого ухиляється від прямого авторського розв'язання питань, що їх він підіймає. Або релятивістськи припускає кілька нібито однаково слушних розв'язань. Дає змогу читачеві чи глядачеві самому дійти до висновків. А ці можливі висновки дуже різні. Не менше суперечок можуть викликати жанрово-стилістичні шукання Чапека.

Отже слід було чекати на широке обговорення доповіді. Цього не сталося. Присутні на з'їзді чапекознавці розпорошені по різних секціях і засіданнях. Вони не мали змоги вчасно ознайомитися з текстом. Доповідь стояла в оточенні інших, тематично з нею не споріднених. Певно, слід на засіданнях ставити взаємозв'язані доповіді за заздалегідь виробленою проблематикою. Якщо паралельно з доповіддю Бобровницької було б заслухано автора грунтовної монографії про Чапека в Болгарії Н. Драганова, відповідні виступи чеських, словацьких, українських, російських, американських чапекознавців, це дало б можливість намітити закономірності міжнародного засвоєння чапеківського доробку. Подібна організація перетворила б кожне засідання на маленький міжнародний симпозіум. Було б досягнуто основну мету міжнародних наукових зустрічей — обмін думками й вироблення спільних поглядів.

Доповіді колег Кота й Бобровницької свідчать і про потребу залучити до обговорення питань драматургії, поряд із літературознавцями й театрознавців.

Н. ДРАГАНОВ (България)

Изказването на доц. Бобровницка за отношението на полската общественост към драматургията на Карел Чапек ни дава възможност да отбележим известни страни от постановките на българска сцена. „РУР“ на сцената в Русе в началото на 20-те години е изолирано явление. Но когато настъпват напрегнатите и тревожни дни около хитлеристката агресия в навечерието на Втората световна война, нашият театър се обръща към антифашистката драма на чешкия писател „Майка“, играна под изразителното заглавие „Епохата, в която живеем“. Някои моменти на пиесата са приближени до борческо-революционната българска действителност. Дават я три театъра — Пловдивският, Бургаският и Хасковският— и се играе в много градове и села в Южна България в началото на 1939 г. През този период „Майка“ е най-борческата драма на нашия театър, която спечелва симпатията на зрителите и ги вълнува дълбоко.

Тя участвува заедно с българските трудещи се в борбата против фашизма и хитлеризма. При представянето на „Майка“ в Ямбол например на 16. III. 1939 г. — един ден след окупацията на Чехословакия — се случва следното: в най-напрегнатия момент от спектакъла на сцената от салона изскача фашистки офицер с пистолет в ръка, който забранява продължаването на играта, защото това била комунистическа пиеса. Само намесата на публиката, която го изхвърля навън, дава възможност артистите да продължат и завършат представлението. Публиката се явява в защита на Чапек, на неговия народ и родина. Но още същата нощ театърът е трябвало да напусне града, за да се спаси от преследване. В Карнобат полицията посреща театъра още на гарата и му забранява да остане в града, защото с „Майка“ правел комунистическа пропаганда. Не един са случаите, когато комунистите и прогресивната общественост у нас са искали тези театри да играят пред зрителите именно „Майка“, за да използуват словото на Чапек за антифашистката борба. Много скоро полицията и фашистката власт разбират въздействието на драмата, преследват театрите, които я играят, и след окупацията на Чехословакия от хитлеристите я забраняват окончателно.

М. ПИШУТ (Чехословакия)

Проф. М. Пишут (ЧССР) пополнил доклад М. Бобровницкой, подчеркнув значение пьесы „Мать“ для философского развития К. Чапка. В этой пьесе К. Чапек обосновал этически неизбежность борьбы против насилия даже оружием. Доклад М. Бобровницкой, по мнению М. Пишута, должен был затронуть также взаимоотношения между развитием чешской и польской пьесами в период между первой и второй мировыми войнами.

Е. ГЕОРГИЕВ (България)

В отношенията между българи и сърби миналото е натрупало твърде много заблуди, твърде много недоразумения. И те безспорно са обслужвали и обслужват буржоазния национализъм, шовинизма, били са причина и за изостряне на отношенията между братските народи. Тяхното разчистване открива възможности за нови решения, внася искреност, толкова необходима за разбирателството и дружеската работа във всички области. Разбира се, че само правдата може да бъде здрава основа за изграждането на добросъседски, братски отношения, каквито трябва да бъдат отношенията между българи и сърби.

И ние я търсехме в доклада на д-р Младенович. Тя звучеше, когато той разкриваше възгледите на Скерлич, докато той върви по пътя на Светозар Маркович. Скерлич например — изнесе д-р Младенович — бил уверен, че след дълъг период на вражда и ненавист литературата можела да лекува онова, което лошите политици години са тровили. За него историята на българи и сърби „тече паралелно и не е възможно да се проучват едната без другата“. В книгата си „Сръбската литература в XVIII в.“ Скерлич изтъква нуждата да се изучава сръбското и българското минало като цяло. Д-р Младенович цитира градивните думи на

сръбския литературен историк: „Потомците ще ни се смеят, че сърби и българи, които са тъй близки по кръв, чието минало е не само сходно, но и задружно, остават чужди, далечни и непознати едни на други."

Разкриването отношението на Скерлич към Каравелов, когото Скерлич врежда между творците на сръбския реализъм, също ни изправи на фронта на правдата. С това си отношение към големия български писател и общественик Скерлич се издига като маяк в мрака на сръбския шовинизъм, който по-късно не допуща вече българския писател в сръбската литература.

Йован Скерлич не остава докрай на очертаните позиции. Успехите на сръбската националистическа политика го увличат. Известно е, че и големите личности са се заблуждавали. Но нали задача на науката е да установи истината? Ползата от нея в отношенията между народите е тъй голяма, че не трябва да скъпим своите усилия, за да я покажем. Стойността на доклада на д-р Младенович ние виждаме в оная правда, която разкрива.

Ж. МЛАДЕНОВИЋ (Југославија)

Захваљујем професору Е. Георгијеву и колеги Коневу на пажњи коју су ми указали узимајући учешћа у дискусији поводом мога реферата. Међутим, замерке колеге Конева сматрам неоправданим са следећих разлога.

Прво, мој задатак је био да осветлим став Јована Скерлића према Бугарима и према Македонији, која је била спорна између српских и бугарских властодржаца. Уколико је Скерлић, у време када је припадао социјалистичком покрету, имао везе са бугарским социјалистима, ја сам на то скренуо пажњу. На везама између Скерлића и Стефана Бончева морао сам се дуже задржати, јер су оне биле врло живе и, доприносећи српско-бугарском зближењу, прогресивне.

Друго, напредност Скерлићевих погледа на српско-бугарске односе и ограниченост када је реч о македонском питању, јасно сам показао изношењем ставова представника српске социјалистичке странке о истим питањима. При томе не само да нисам поистоветио Скерлићеве погледе са погледима представника српске буржоазије, већ сам јасно указао на то да се Скерлић супротставио неким њеним погледима у својим чланцима и у скупштинским говорима.

Треће, тачно је да се нисам задржавао на ставу бугарског социјалистичког покрета према македонском питању, сем онолико колико је о томе писао Скерлићев „Српски књижевни гласник". Тако сам поступао због тога што намерно нисам желео да улазим у оцену става браће Бугара према ономе што је ометало наше зближење уколико се то није непосредно тицало Скерлића и његових идеја.

Четврто, на односима између Скерлића и Пенева задржао сам се онолико колико сам сматрао да је потребно; дубље улажење у анализу идејно-естетичких погледа ове двојице књижевних историчара одвело би ме изван оквира теме.

Као што је то лепо истакао у своме говору поводом мога реферата професор Георгијев, извесне заблуде из прошлости нису потпуно нестале

ни из схватања савременика. Ја сам настојао да укажем на позитивне идеје и заблуде код Скерлића и његових једномишљеника и противника у Србији, а на бугарским је колегама да то учине код својих људи, јер, како мудро каже једна изрека — свако треба да почисти најпре пред својом кућом.

23 септември — 23 сентября — 23 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

N. IVANIŠIN (Jugoslavija)

LIK RUSKOG VOJNIKA U HRVATSKOJ LIRICI

Zadarska revija, 1963, XII, 2, s. 117—124.

U ovom kratkom izvodu iz referata koji sam održao na Internacionalnom kongresu slavista u Sofiji u septembru 1963. godine prikazat ću u kratkim crtama zbirku pjesama publiciranu godine 1904. u Zadru. Naslov zbirke jest „Život za cara", autor je hrvatski književnik-pjesnik Milan Begović (1873—1948). Pomenuta zbirka „Život za cara" svojevrstan je literarni odraz važnih historijskih dogadjaja na početku XX stoljeća, zapravo rusko-japanskog rata 1904—1905. godine. Ti dogadjaji vjerojatno su nadahnuli pjesnika Begovića koji je opijevajući ih htio ujedno ugoditi čitalačkoj publici koja je bila umorna od interesantnih, ali zamornih literarnih borbi u razdoblju hrvatske moderne (1895—1903).

U Begovićevoj zbirci objavljeno je osamnaest soneta, napisanih po talijanskoj, Petrarkinoj ritmičkoj shemi. U njima je, u lirskoj formi soneta, epski ispričana zgoda iz života običnog ruskog vojnika koji se godine 1904. borio i poginuo na mandžurskom ratištu. Ta zbirka, u suštini, na svoj način predstavlja lirsko (sonet)—epsku (priča o pogibiji vojnika) strukturu, u kojoj se od početka do kraja isprepliću lirski i epski elementi.

Iz Begovićeve zbirke jasno proizlazi da je autor čitao „Rat i mir" L. N. Tolstoja, posebno onaj dio u kojem se prikazuje smrt Platona Karatajeva, „Sevastopoljske priče", a najvjerojatniji poticaj za pisanje mogla je dati autoru Tolstojeva brošura „Na ljudskoj klaonici" koja je publicirana u srpsko-hrvatskom prijevodu godine 1904.

Begovićeva inspiracija u zbirci „Život za cara" isključivo je literarna. Kolikogod se on mogao nadahnuti Tolstojem, toliko se inspirirao i iz ondašnje hrvatske publicistike koja je u ono vrijeme opširno izvještavala o rusko-japanskom ratu. Jasno se iz zbirke osjeća da Begović nije ni bio u ratu ni doživio atmosferu bojišta o kojem piše, ali on nastoji s više manje uspjeha da se uživi u ono što svojim sonetima želi da kaže. Njegov ruski vojnik katkad djeluje kao literarni kliše. Taj vojnik stoji prestravljen pred zagonetkom „svete Moskve", on se u duhu onog vremena sa strahopočitanjem klanja pred ruskim carem koji je u zbirci prikazan kao nadnaravno biće.

U nekim sonetima naprotiv taj je vojnik realistički prikazan i kao živ čovjek. Odlazeći na bojište on ne razmišlja ni o caru ni o domovini nego o rodnoj kući i djevojci koje je napustio, on je sposoban da doživljava osebujni ruski pejzaž. U vojničkom stroju, medjutim, on potiskuje svoja intimna doživljavanja i poslušno izvršava do kraja svoj vojnički dug.

Zbirka „Život za cara" u idejnom smislu izražava raspoloženja znatnog dijela hrvatske i jugoslavenske inteligencije početkom ovog stoljeća koja je u vrijeme rusko-japanskog rata strasno željela pobjedu ruskog oružja. Begović je u svojoj zbirci iako ne uvijek jednakom umjetničkom snagom izrazio i reakcionarna stremljenja ondašnje hrvatske inteligencije koja je u ondašnjoj Rusiji vidjela samo moćnu slavensku silu sa carem na njenom čelu. Postojao je, medjutim, i drugi dio inteligencije koja je naslućiva'a nešto i o revolucionarnoj Rusiji pa je takva stremljenja izrazio hrvatski piejsnik S. S. Kranjčević u svojoj pjesmi „Vizija".

O kompleksnom značenju te pjesme referirao je na četvrtom kongresu slavista u Moskvi profesor E. Štampar. Referirajući o Begovićevoj zbirci poslije članka profesora Štampara htio sam samo da upozorim da su se krupni historijski dogadjaji u Rusiji godine 1904—1905. odrazili u hrvatskoj lirici u svoj njihovoj kompleksnosti.

V. FRANČIĆ (Polska)

WYSPIAŃSKI WŚRÓD SŁOWEŃCÓW

1. Promieniowanie wpływów polskich na Słowiańszczyznę południową a więc i Słowenię było najsilniejsze w dziedzinie twórczości naukowej i literackiej. Oddziaływanie to zaczyna się w pierwszej dziedzinie w początkach XIX w., zapoczątkowane na odcinku naukowych badań słowianoznawczych głównie przez Warszawskie Towarzystwo Naukowe (ks. A. Sapieha, ks. M. Bobrowski, A. Kucharski a szczególnie E. Korytke, zbieracza słoweńskich pieśni ludowych a następnie przez Słoweńca M. Czopa. W drugim okresie ruchu polonofilskiego (od Mickiewicza do Sienkiewicza — 1884) poza przekładami z Mickiewicza, Niemcewicza, Czajkowskiego wpływ polski zaznaczył się także w technice pisania dzieł Fr. S. Finżgara — na wzór Sienkiewicza, M. Prelesnika — M. Konopnickiej, a później za czasów Młodej Polski na J. Murna Aleksandrowa — Mickiewicza.

W okresie międzywojennym nasilenie zainteresowania dorobkiem kulturalnym Polaków uwidacznia się zarówno w znacznie zwiększonej liczbie przekładów z polskiego na język słoweński, jak i na ich jakości, skutkiem tego, iż zwiększa się liczba tłumaczy spośród ludzi pióra, autorów czasem wybitnych (np. Francè Bevk, Tine Debeljak, J. A. Glonar, F. Gradišnjik, Uroš Krajger, L. Lenard, Rudolf i Vojeslav Molè, I. Prijatelj, A. Slodnjak, Francè Vodnik). Po drugiej wojnie światowej oprócz wznowionych wydań dawnych przekładów ukazują się i nowe tłumaczenia z nowszej i najnowszej literatury polskiej Dušana Ludvika, Uroša Krajgera, Lojzy Krakara, Tone Pavčeka, Rozki Štefanowej i i.

2. Pierwszą wzmiankę o Stanisławie Wyspiańskim jako poecie Młodej Polski spotykamy w artykule pt. „Moderna poljska lirika", w centralnym czasopiśmie słoweńskim, poświęconym literaturze i oświacie, „Ljubljanski Zvon"

(1901, z. 6, s. 403 i n., z. 7, s. 453 i n.). Nazwisko Wyspiańskiego wymienił autor art. A. Mazanowski z Krakowa, w części, w której jest mowa o artyźmie wiersza najnowszej poezji polskiej i to łącznie z Janem Kasprowiczem i Kaz. Tetmajerem. W tym to miesięczniku głównie ukazywały się artykuły na temat polskiej literatury, pisane przez Polaków (R. Zawiliński o Korytce, A. Mazanowski o polskich nowelistach, J. Magiera o dramatach Anczyca, Stein o Słowackim) a także przekłady i prace o literaturze polskiej Słoweńców (m. i. Fr. Miklošiča — Mickiewicza, V. Molè — Mickiewicza, Słowackiego, Krasińskiego, Konopnickiej).

3. Następna wiadomość to nekrolog St. Wyspiańskiego w „Ljubljanskim Zvonie" (1908, z. I, s. 63) z początkiem r. 1908 pióra Cvetka Golara, znanego pisarza — poety i dramaturga, wyrosłego z kręgu słoweńskiej „Moderny". W swym wspomnieniu pośmiertnym, poświęconym zmarłemu poecie polskiemu, określa on Wyspiańskiego jako „twórcę nowych idei", „syntezę cierpień najnowszej polskiej generacji", podkreśla nowość idei jego utworów dramatycznych a szczególnie „Wesela" i „Wyzwolenia". Autor, wykazujący zgłębienie twórczości wielkiego pobratymca z Północy, kończy swój nekrolog ustępem o Wyspiańskim-malarzu.

4. W następnym roku w tymże „Ljubljanskim Zvonie" (1909, z. 6, s. 334 i n.) ukazuje się praca Tadeusza St. Grabowskiego pt. „Krakovsko gledišče", w której charakteryzuje osiągnięcia dyrektorów sceny krakowskiej: Pawlikowskiego, Kotarbińskiego i Solskiego, ale według niego właściwie dopiero nieśmiertelny duch Stan. Wyspiańskiego odrodził nie tylko teatr krakowski, ale i w ogóle teatr polski. W studium tym, poświęconym twórczości Wyspiańskiego, daje autor doskonałą i wszechstronną oraz z wielkim znawstwem nakreśloną charakterystykę jego utworów dramatycznych oraz analizę ich treści formy. Studium to przełożył na język słoweński, podobnie jak i cytowane wyjątki z Meleagra, Barbary Radziwiłłówny, „Nocy Listopadowej" znany poeta słoweński, „saputnik Moderny", Vojslav Molè. Te jedyne w języku słoweńskim przekłady z Wyspiańskiego jak i następne z r. 1922 (Lj. Zv. 1922, z. 11, s. 672 i n., z. 12, s. 740 i n.), podobnie jak jego przekłady z Mickiewicza, Słowackiego, Krasińskiego i Konopnickiej jak i z francuskiego, włoskiego i norweskiego, odznaczają się doskonałością formy, i wszystkimi właściwościami twórczości tego słoweńskiego poety-estety, tego arystokraty ducha.

5. Wspomniane tłumaczenia z r. 1922 ukazały się w cytowanym „Ljubljanskim Zvonie" wwykwintnym eseju p. t. „Z warszawskich zapisków", przedstawiających czytelnikowi słoweńskiemu nowy pogląd Wyspiańskiego na „Noc" 29 listopada" a analizując i zbliżając jej treść Słoweńcom wskazuje na trzy przeplatające się, a zasadnicze w twórczości dramatycznej Wyspiańskiego elementy: poetycki, muzyczny i malarski.

6. W r. 1935 w „Slovanskim svetu" (nr 1) ukazuje się artykuł podpisany kryptonimem „mr", zatytułowany Dramat Wyspiańskiego „Wesele", który w sposób przystępny wprowadza czytelnika w złożoną fakturę Wesela oraz porównuje Wyspiańskiego i Sienkiewicza.

7. Z okazji trzydziestej rocznicy śmierci Wyspiańskiego Słowenia złożyła mu hołd w ljubljanskim czasopiśmie „Življenje in svet" (1939, z. 8, s. 180. Artykuł ten napisał znany w Słowenii literat-erudyta Anton Debeljak wykazując doskonałe zrozumienie dramatów Wyspiańskiego a szczególnie „Warszawianki", „Nocy Listopadowej" i „Wesela", które zajmują się zagadnieniam narodowymi.

Đ. ŽIVANOVIĆ (Jugoslavija)

POLONOFILSTVO KOD SRBA I HRVATA U PRVOJ POLOVINI XIX VEKA KAO OSNOVA POJAČANOM INTERESOVANJU ZA POLJSKU KNJIŽEVNOST

Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, књ. 29, Београд, 1963, св. I и II, с. 83—86.

Tokom prve polovine XIX veka možemo zapaziti u književnosti Srba i Hrvata veliko interesovanje za Poljake, poljsku kulturu, nauku i književnost. To je čudno, s obzirom da poljske države tada nema. Težak položaj Poljaka izazivao je sažaljenje i veće interesovanje. Tome su pomogli mnogi Poljaci rastureni po celoj Evropi, pa i kod nas.

Već od početka veka bilo je više pojedinačnih susreta. Polonofilstvo se, međutim, može bolje posmatrati u vezi s pojedinim književnim krugovima.

Najraniji je bečki krug. U Beču od 1813. g. Davidović i Frušić izdaju Novine serbske. Od te godine je tu i Vuk Karadžić. Ima i drugih. Mentor ove grupe književnika je Jernej Kopitar. On veoma ceni poljsku nauku i književnost, a često je u vezi s poljskom grupom okupljenom oko grofa J. M. Osolinjskog, čuvenog mecene i direktora bečke dvorske biblioteke. Ta bečka srpska grupa primala je polonofilstvo od Kopitara. Zato će novine imati mnogo priloga o Poljacima i poljskoj nauci.

Dvadesetih godina se formira novosadska grupa. Godine 1825. Georgije Magarašević pokreće tu Letopis. To je već od prvoga broja časopis slovenski. I to polonofilski obojen. To je bilo svakako pod uticajem P. J. Šafarika, koji je u Novom Sadu direktor i profesor gimnazije od 1819—1833. On tu mnogo radi, tu se izgraduje u naučnika. Njegovo polonofilstvo će se prenositi i na ostale književnike ove grupe.

I peštanski krug je bio zadojen polonofilskim duhom. Tu je delovao Kolar i propagovao slovensku uzajamnost. Srbi su te ideje primali, dodajući tome i ideju o slovenskoj ravnopravnosti. Stoga su postajali polonofili, jer ih je dirala sudbina porobljenih Poljaka.

I zagrebačka, tzv. ilirska grupa Ljudevita Gaja bila je polonofilski raspoložena, jer su Hrvati često svoju sudbinu upoređivali sa sudbinom Poljaka. Osim toga, i oni su se vaspitavali kod propovednika slovenske uzajamnosti i ravnopravnosti, najviše kod Kolara i Štura.

Najsnažnije se pak polonofilstvo pokazivalo u kneževini Srbiji tridesetih i četrdesetih godina. Bilo je to u vezi s akcijom vođa poljske emigracije A. Čartoriskog. On je u političkim borbama u Srbiji našao vrlo pogodno tle za intervenciju. Pomažući ustavobranitelje protiv kneza Mihaila, štićenika Rusije, on ih je povezao sa zapadnim silama i time Srbiju uveo prvi put u sferu interesovanja Zapada. Poljski agent je stalno prisutan u Beogradu i veoma je uticajna ličnost. Takva politička orijentacija dovela je i do većeg interesovanja za poljsku nauku i književnost. Listovi i časopisi u Srbiji puni su priloga o Poljskoj i Poljacima, a biće i dosta prevoda iz poljske nauke i književnosti.

Najzad, na razvoj polonofilstva među Srbima i Hrvatima uticali su mnogo i oni mladi ljudi koji su se školovali najčešće na licejima u Slovačkoj i otud donosili polonofilsku orijentaciju.

U novinama i listovima kod Srba i Hrvata vrlo često se i najnevažnije vesti uzimaju iz poljskih listova i časopisa. Ta se veza svuda može konstatovati. A to je najbolji dokaz da je polonofilstvo imalo duboke korene u raspoloženju naših ljudi.

Interesovanje Srba i Hrvata za poljsku nauku i književnost i česti prevodi iz ovih došli su kao posledica opšteg polonofilskog talasa koji se među njima širio od početka XIX veka, da dode do kulminacije četrdesetih godina. Naglo se prekinuo, ali samo za kratko vreme, potresom iz 1848/9. godine, kada su se pri kraju Srbi i Hrvati našli s Poljacima na suprotnim frontovima.

S. MARKOVIĆ (ГФР)

MEĐURATNI „MODERNIZAM" ILI EKSPRESIONIZAM U SRPSKOJ KNJIŽEVNOSTI

Opera slavica IV — Slawistische Studien zum V. Internationalen Slawistenkongreß in Sofia 1963, Göttingen, 1963, str. 143—149.

U jugoslovenskoj književnoistorijskoj terminologiji često se upotrebljava naziv „međuratni modernizam" ili samo „modernizam" u srpskoj književnosti. Pod time se podrazumeva jedan vid razvoja književnosti posle prvog svetskog rata u beogradskom književnom krugu. Sadržinu ovoga pojma omedio je donekle Milan Bogdanović u svome članku „Slom posleratnog modernizma". Po Bogdanoviću, interesovanja pisaca i grupa, koji bi unekoliko činili ovaj pokret, kretala su se pretežno u traženju forme i izraza, kako bi dali specifičnu sadržinu novoga vremena koje osećaju u sebi, i ispoljili su se kao raznorodna literarna strujanja.

Najizrazitije delovanje u ovim kretanjima imala je beogradska „Grupa umetnika", oko koje su se okupili Sibe Miličić, Stanislav Vinaver, Rastko Petrović, Miloš Crnjanski i drugi. Oglašavali su se kao „Alpha — beogradska literarna zajednica". Najznačajnije knjige pripadnika ove grupe štampane su u „Biblioteci Albatros". Između ostalih objavljena je i knjiga Stanislava Vinavera „Gromobran Svemira" u kojoj se nalazi „Manifest ekspresionističke škole".

Većina beogradskih „modernista" bili su u početku saradnici Micićevog ekspresionističkog časopisa „Zenit". Kasnije su saradivali u „Kritici" i sami pokrenuli revije „Putevi" i „Svedočanstva". Osim Vinaverovog „Manifesta ekspresionističke škole" i programskih napisa Ljubomira Micića u prvim brojevima revije „Zenit", teoretske poglede na književnost i ukazivanje na bitne odlike modernog stvaralaštva koje usvajaju davali su gotovo svi pripadnici „Grupe umetnika", a posebno su interesantni napisi Todora Manojlovića, Siba Miličića i Miloša Crnjanskog. Njihovi stavovi su bliski osnovnim postavkama ekspresionističkih manifesta koji su se pojavljivali u nemačkim avangardističkim časopisima od 1910. do 1925. godine. Osnovna im je deviza da postoji društveni uzrok savremenog rastrzanja čovekove svesti, ali oni nemaju tačno određen cilj ni društveni, ni poetski. Rat je u središtu svih uzročnika čovekovog rastrzanja koji u nespokojstvu bežı od sebe, svoje realnosti i socijalne određenosti. Osnovni smisao pesnikovog traženja je da nađe način kojim bi mogao da poetski izrazi svoje nespokojstvo i time utiče

na preporod čoveka. To je očita bliskost sa ekspresionističkim shvatanjima i nastojanjima pisaca u Zagrebu („Kokot", „Juriš", „Vijavica") i Ljubljani („Trije labodje"), a isto tako i sa evropskim ekspresionistima. Iako se javljaju u vreme kada se evropski ekspresionizam nalazi na zalasku, beogradski nosioci ekspresionističkih ideja svojim shvatanjima literature su snažno delovali na tokove naše književnosti. Oni su stvorili i nekoliko vrednih literarnih dela.

Pri obradi ove značajne literarne pojave u istoriji srpske književnosti izmedu dva svetska rata, koja se do sada označavala neodredenim pojmom „modernizam", treba upotrebljavati naziv srpski ili beogradski ekspresionizam. S obzirom na odlike pokreta, koje su vrlo bliske sa pojavama u drugim jugoslovenskim književnostima i u svetskoj književnosti, time bi bila i terminološki označena povezanost nacionalnog literarnog razvoja u Srbiji sa opštim književnim kretanjima kod ostalih jugoslovenskih naroda i u svetu.

Й. ВАН ДЕР ЕНГ (Голландия)

ПОЭТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ У БАБЕЛЯ

Описание пейсажа или окружающей среды у Бабеля отличается употреблением метафорических рядов. Эти ряды входят в состав его новеллы как взрывчатые куски. Они не находят себе твердой опоры в контексте: явления, описанные в переносном смысле, не обозначаются и словом в прямом значении. Кроме того отдельные зрительные представления метафорического ряда почти не соотнесены в пространственном или причинном отношениях. Они как будто вытесняют друг друга. На каждом моменте ряда сосредоточивается внимание как на самоцельном зрительном представлении. Сосредоточенное внимание усиливается экзотичностью, фееричностью и гиперболизацией языка. Но вместе с тем нарядность и отрывочность представлений мешают наглядности. Читатель тянется за образом, как новый неожиданный образ уже возникает и затушевывает предыдущий. Следовательно, ни отдельные зрительные представления, ни ряд их не создают иллюзии внешнего мира: реалистическая мотивировка при вводе мотивов отходит на задний план и особенные тематические задания определяют ввод статических элементов описания. Они воспринимаются как сложные, иногда противоречивые эмоциональные сигналы, косвенно вскрывающие настроение рассказчика. Рассказчик как будто влагает в них эмоциональную энергию, которой он сознательно избегает в своем протокольном докладе о событийной части. Но при всей протокольной точности, сухо и сжато рассказанные потрясающие факты набираются эмоциональной энергией зрительных метафор и в свою очередь меняют более или менее эмоциональную окраску отделных метафорических представлений, дополняют их новыми оттенками страха, иронии и т. д. О меняющейся композиционной функции описания города и в связи с этим о меняющемся тематическом значении этого отрезка, а также о соответствующих художественных и стилистических эффектах говорится в анализе новеллы: Солнце Италии.

W. BEITZ (DDR)

DIE MENSCHENBILDNERISCHE KRAFT DER SOWJETLITERATUR

Zeitschrift für Slawistik, VIII (1963), S. 743—788.

Mit der zunehmenden gegenseitigen Annäherung der Länder des sozialistischen Lagers, ihrer wachsenden Zusammenarbeit auf wirtschaftlichem Gebiet und der Herausbildung einer neuartigen sozialistischen Kultursphäre wird die Frage der internationalen Wirkung und Wechselwirkung der einzelnen sozialistischen Nationalliteraturen zu einem erstrangigen Aufgabengebiet der Literaturwissenschaft. Dabei geht es nicht nur um die Registrierung der Fakten, welche die internationale Verbreitung und Wirkung einzelner Werke und Autoren veranschaulichen, sondern auch darum, deren Wirkungsmöglichkeiten und internationalen Rang allseitig zu begründen und zur Geltung zu bringen. Die Lösung dieser Aufgabe erfordert eine engere Verbindung der Literaturwissenschaft mit der Soziologie. Bei der Erarbeitung methodologischer Grundlagen sind die jüngsten Arbeiten und Forschungsvorhaben der sowjetischen Wissenschaftler, insbesondere die Analyse der Entwicklung der Literaturen der Sowjetvölker als einheitlichem Prozeß, eine unentbehrliche Hilfe.

Beispiele aus der klassischen russischen und sowjetischen wie auch aus der deutschen Literatur zeigen deutlich: die internationale Wirkung literarischer Werke ist vor allem darin begründet, daß in ihnen das Allgemeingültige unserer Epoche am konkreten Objekt überzeugend sichtbar gemacht wird. Die Kraft dieser künstlerischen Verallgemeinerung erwächst nicht aus dem Verwischen des Konkret-Historischen, des Nationalen, sondern daraus, daß, von konkret-historischem Boden ausgehend, die Probleme und Charaktere in ihrer ganzen Tiefe und ihrem allseitigen Zusammenhang behandelt werden. In diesem Punkt stimmt der Referent voll und ganz G. Lomidse zu, der davon spricht, daß das wahrhaft Progressive und Fruchtbare im Nationalen auch zugleich von internationaler Bedeutung sei. In den Beziehungen der Sowjetliteratur zur DDR ist vor einigen Jahren eine neue Etappe eingetreten. In der Zeit der Weimarer Republik und auch in den ersten Jahren nach 1945 war die in sowjetischen Werken geschilderte sozialistische Wirklichkeit für den progressiven Leser in Deutschland noch ein Bild der Zukunft, die es erst zu erobern galt. Heute aber können die Leser in der DDR das Erleben der Helden sowjetischer Bücher unmittelbar mit ihren eigenen sozialistischen Erfahrungen vergleichen. Die Möglichkeiten der Identifizierung mit dem positiven Helden sind gewachsen. Diese neue Situation kam am markantesten in der tiefen und breiten Wirkung von Galina Nikolajevas Roman „Bitva v puti" zum Ausdruck. Die Popularität der Gestalt Bachirews bewies auch, daß es keiner Herabminderung des positiven Helden auf ein „Mittelmaß" bedarf, um ihn den Massen vertraut zu machen, sondern daß sich vielmehr ein echtes Bedürfnis nach bedeutenden, beispielgebenden Helden entwickelt hat.

Im gedruckten Referat werden eine Reihe weiterer Beispiele für die vielfältigen Wirkungsmöglichkeiten der heutigen Sowjetliteratur in der DDR angeführt. Es wird unter anderem auf die Bedeutung des Konflikts Semjon Dawydovs im 2. Teil des Romans „Podnjataja celina" sowie auf die epo-

chale Rolle einiger in A. Twardowskis Poem „Za dal'ju — dal'" behandelter Motive eingegangen, ferner auf Werke der Kriegsliteratur und auf die Rolle jugendlicher Helden. Alle diese Fragen gehören zum großen Thema — die Literatur und das Volk, das in unseren Tagen entscheidende Bedeutung gewonnen hat.

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Г. ЮНГЕР (ГДР)

В Западной Германии в 1950—1958 гг. в большинстве журналов советская литература игнорировалась или искажалась. В последние годы обосновка изменилась в том отношении, что больше издаются книги и больше пишется о советской литературе, конечно, не только в антикоммунистическом духе. Происходит какая-то переоценка советской литературы в разных кругах населения Западной Германии, что показывается на примере Шолохова, творчество которого многие только теперь „открыли". (Отзывы: Книги Шолохова — это „мировая литература", „Тихий Дон" — это „война и мир советской литературы".)

Шолохов стал известным в ФРГ, к сожалению, вопреки работ западногерманских славистов, которые по-прежнему пытаются утверждать, что романы Шолохова страдают от значительных художественных недостатков. Слависты ГДР, правдиво исследовавшие и издававшие советскую литературу, выполнили долг славистов-ученых и вместе с тем свою национальную задачу.

АЗБУЧЕН ПОКАЗАЛЕЦ

Бабовић, М. 74
Бадалич, Й. 74
Баева, С. 188
Балашов, Н. И. 71, 133
Бартош, О. 231, 241
Берков, П. Н. 29, 87
Благой, Д. Д. 10
Борисенко, В. В. 143
Булаховская, Ю. Л. 184
Бурианек, Ф. 213, 223
Бушмин, А. С. 158, 217, 232, 240

Вегнер, М. 121, 151, 162
Ведина, В. П. 184
Велчев, В. 14, 67, 97, 106, 119, 121, 138, 190, 192
Вервес, Г. Д. 184
Веселинов, Г. 179
Викери, В. Н. 196
Водичка, Ф. 38
Волков, А. Р. 251, 265
Воробьев, Л. В. 164, 197
Вученов, Д. 144
Вълчев, Г. 35

Гане, Т. 111
Генов, К. 214
Георгиев, Е. 12, 16, 41, 43, 59, 60, 66, 68, 120, 193, 266
Георгиев, Н. 25
Гергелевич, М. 130
Германов, Г. 164
Гоффманн, П. 123
Грассгофф, Г. 21
Гришин, Д. 145, 162
Гудзий, Н. К. 47
Гургулова, М. 117

Державина, О. А. 79, 84
Димов, Г. 115, 190, 251
Динеков, П. 51, 63, 70
Добрев, Ч. 207
Доланский, Ю. 26, 132, 194, 203
Драганов, Н. 44, 206, 265
Дрозда, М. 224
Дузь, И. М, 195

Енг, Й. ван дер 273

Завера, Д. 262
Заградка, М. 218, 237
Зарев, П. 204
Зёльдхейн, Ж. 99
Злыднев, В. И. 191, 229

Ивашин, В. В. 143, 194
Иглои, Е. 77

Кирилюк, Е. П. 112
Кишкин, Л. С. 13
Ковач, А. 141, 166, 219
Колевски, В. 208
Кравцов, Н. 167, 171
Краг, Э. 161
Краснов, Г. В. 118, 119, 177
Крутикова, Н. Е. 181
Куев, К. 37, 98, 223
Кузьмина, В. Д. 17, 69, 77, 82, 84

Леков, Д. 124
Лихачев, Д. С. 53
Логиновская, Е. 198
Лурье, Я. С. 64

Марков, Г. 210
Марков, Д. Ф. 245
Матгаузер, Зд. 224, 236
Мерсеро, Дж. 130
Метева, Е. 124, 135, 159
Милисавац, Ж. 175, 189
Мирова-Флорин, Э. 233
Митрев, Д. 206
Младеновић, Ж. 261, 267
Мулич, М. 57, 61

Недељковић, Др. 110
Новиков, М. 211
Николеску, Т. 159, 185
Николов, М. 209
Ничев, Б. 169

Павлович, Др. 71
Пантић, М. 65
Пишут, М. 33, 43, 266
Поленакович, Х. 95, 101
Поповић, М. 150
Поппэ, А. 55
Пустовойт, П. Г. 153

Радојчић, Ђ. 48, 70
Робинсон, А. Н. 90, 199
Русакиев, С. 125, 192, 230, 237, 239
Русев, П. 149

Сиклаи, Л. 39
Силий, Ф. Ф. 104
Соловьева, А. П. 174
Суботин, Ст. 256

Тодоров, А. 227, 252
Трайков, В. 100

Урбан, Зд. 40, 240

Фотиаде, Л. 262
Франек, И. 224, 235
Фридлендер, Г. М. 110, 125, 133, 136, 161, 163

Цанев, Г. 116, 167, 215
Цветков, Л. 139
Цигенгайст, Г. 126
Църнушанов, К. 99
Цыбенко, Е. З. 187

Чайка, Х. 259

Шауман, Г. 238
Шевчук, В. Й. 183, 242
Шерлаимова, С. А. 222, 253
Шоптеряну, В. 226
Шпилевая, Е. В. 178

Эрлих, В. 102

Юнгер, Г. 220, 234, 247, 275
Юфу, З. 262

INDEX

Bächtold, R. 129
Backvis, C. 155
Bayer, E. 181
Beiiz, W. 207, 232, 274
Blankoff, J. 140
Bobrownicka, M. 255
Bryner, C. 144

Chiţimia, I. 96

Dąbek-Wirgowa, T. 259
Dobossy, L. 258
Dudek, G. 94
Dvořák, J. 221

Edgerton, W. B. 18, 28, 134

Fiszman, S. 32
Flaker, A. 27, 257
Frančić, V. 269
Franičević, M. 73

Giergielewicz, M. 98
Górski, K. 92
Graciotti, S. 83
Granjard, H. 154
Günther, K. 82

Heine, L. 132
Hemmerdinger, *'Χλιάδον*, D. 79
Hiersche, A. 224
Hermann, A. 102
Hexelschneider, E. 137
Hoffmann, P. 145
Hrabák, J. 50

Ivanišin, N, 42, 268

Jagoditsch, R. 49
Jechová, H. 30

Kopecký, M. 41, 51
Kreft, B. 145
Krejči, K. 110
Kulczycka-Saloni, J. 27, 139, 173

Libera, Z. 30, 89
Ludwig, N. 15, 35

Magnuszewski, J. 23, 36, 43, 44
Marković, S. 272
Matl, J. 10
Meijer, J. M. 141
Meynieux, A. 155

Nag, M. 227

Opitz, R. 109, 119

Panaitescu, P. 70
Partridge, M. 19
Paternu, B. 249
Pešat, Z. 248, 254
Peitrkiewicz, J. 24
Pinto, V. 154

Raab, H. 103
Reissner, E. 93
Rosenbaum, K. 131

Segel, H. 174
Silianovska-Novicova, T. 135
Skwarczyński, Zdz. 148
Slizinski, L. 148
Starnawski, J. 196
Švelec, F. 75

Ulewicz, T. 36

Warm, G. 223
Wegner, M. 16
Weisbein, N. 127
Wollman, Fr. 9, 110

Zagiba, F. 61
Zamfirescu, D. 76
Živanović, D. 271

СЪДЪРЖАНИЕ

Предговор 5

ОБЩИ ТЕМИ — ОБЩИЕ ТЕМЫ — THEMES GENERAUX

17 септември — 17 сентября — 17 septembre

РЕЗЮМЕ А НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

Fr. Wollman (Československo). Historickosrovnávací zkoumání slovanských literatur, výsledky a úkoly 9
Д. Д. Благой (СССР). От Пушкина до Маяковского. Закономерности развития русской литературы XIX — начала XX века 10
I. Matl (Österreich). Die gemeineuropäischen Elemente in den slavischen Literaturen 10

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Е. Георгиев (България) 12
Л. С. Кишкин (СССР) 13
В. Велчев (България) 14
N. Ludwig (DDR) 15
M. Wegner (DDR) 16
Е. Георгиев (България) 16
В. Д. Кузьмина (СССР) 17

18 септември — 18 сентября — 18 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

W. B. Edgerton (USA). The Penetration of Nineteenth-Century Russian Literature into Other Slavic Countries 18
M. Partridge (Great Britain). Slavonic Themes in Nineteenth-Century English Poetry 19
Г. Грассгофф (ГДР). О роли сентиментализма в историческом развитии русской и западноевропейской литератур 21
J. Magnuszewski (Polska). Polski romantyzm a literatury zachodniosłowiańskie 23
J. Pietrkiewicz (Great Britain). Polish Literature in its European Context . . . 24

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Н. Георгиев (България) 25
Ю. Доланский (Чехословакия) 26
J. Kulczycka-Saloni (Polska) 27
A. Flaker (Jugoslavija) 27
W. B. Edgerton (USA) 28
П. Н. Берков (СССР) 29
Z. Libera (Polska) 30
H. Jechová (Československo) 30

19 септември — 19 сентября — 19 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

S. Fiszman (Polska). Droga Mickiewicza i Puszkina do historyzmu romantycznego 32
М. Пишут (Чехословакия). Проблематика славянства в словацком литературном романтизме 33
N. Ludwig (DDR). Der Prozeß der Vereinsamung in der Literatur des kritischen Realismus und seine Überwindung in der Literatur des sozialistischen Realismus 35

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Г. Вълчев (България) 35
J. Magnuszewski (Polska) 36

20 септември — 20 сентября — 20 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

T. Ulewicz (Polska). Związki kulturalne i literackie Polski ze Słowiańszczyzną południowozachodnią w dobie humanizmu i renesansu 36
К. Куев (България). Към въпроса за славянското единство в поезията на Петър Прерадович 37
Ф. Водичка (Чехословакия). Участие славянства в формировании взаимоотношения международной индивидуальности и мирового значения чешской литературы периода национального возрождения 38
Л. Сиклаи (Венгрия). О нескольких вопросах методологии в изучении венгерской литературы и соседних славянских литератур 39
Зд. Урбан (Чехословакия). Проблеми на сравнителното изучаване на българската литература 40

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

M. Kopecký (Československo) 41
Е. Георгиев (България) 41
N. Ivanišin (Jugoslavija) 42
J. Magnuszewski (Polska) 43
М. Пишут (Чехословакия) 43
Е. Георгиев (България) 43
Н. Драганов (България) 44
J. Magnuszewski (Polska) 44

СЛАВЯНСКИТЕ ЛИТЕРАТУРИ ДО КРАЯ НА XVII В. — СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ДО КОНЦА XVII В. — LES LITTERATURES SLAVES JUSQU'A LA FIN DU XVII^{e} S.

17 септември — 17 сентября — 17 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

Н. К. Гудзий (СССР). Традиции литературы Киевской Руси в старинных украинской и белорусской литературах 47
Ђ. Радојчић (Југославија). Источна и западна компонента старих јужнословенских књижевности 48
R. Jagoditsch (Österreich). Zu den Quellen des altrussischen „Domostroj" . . . 49
J. Hrabák (ČSSR). Význam latinské knižní vzdělanosti pro slovanské literatury starší doby 50

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

П. Динеков (България) 51
M. Kopecký (Československo) 51

18 септември — 18 сентября — 18 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

Д. С. Лихачев (СССР). Система литературных жанров Древней Руси 53
А. Поппэ (Польша). Предание о Борисе и Глебе в древнерусской письменности XI — начала XII веков 55
М. Мулич (Югославия). Сербское „Плетение словес" до XIV столетия 57

ИСКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Е. Георгиев (България) 59
Е. Георгиев (България) 60
М. Мулич (Югославия) 61

19 септември — 19 сентября — 19 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

Fr. Zagiba (Österreich). Die abendländisch-lateinischen Grundlagen der slavischen literarischen Bildung vor und während der kyrillomethodianischen Zeit . . 61
П. Динеков (България). Особености на българската публицистика през IX—XII в. 63
Я. С. Лурье (СССР). О судьбах переводной беллетристики в России и у западных славян в XV—XVI вв. 64
М. Пантић (Југославија). Југословенска књижевност и усмена народна књижевност от XV до XVIII века 65

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Е. Георгиев (България) 66
В. Велчев (България) 67
Е. Георгиев (България) 68
В. Д. Кузьмина (СССР) 69
Ђ. Радојичић (Југославија) 70
П. Динеков (България) 70

20 септември — 20 сентября — 20 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

P. Panaitescu (Roumanie). Les caractères spécifiques de la littérature slavo-roumaine 70
Др. Павлович (Югославия). Элементы гуманизма в сербской литературе XV века 71
Н. И. Балашов (СССР). Ренессансная проблематика испанской драмы XVII в. на восточнославянские темы 71
M. Franičević (Jugoslavija) Ritmička osnova u stihu hrvatskih pjesnika XV i XVI stoljeća 73
Й. Бадалич (Югославия). Юрий Крижанич — предшественик Ивана Г. Посошкова 74
F. Švelec (Jugoslavija). Prilog proučavanju originalnih crta hrvatske renesansne književnosti 75

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

D. Zamfirescu (Roumanie) 76

21 септември — 21 сентября — 21 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

М. Бабовић (Југославија). Изучавање и перевођење „Слово о полку Игореве" код југословена 77
Е. Иглои (Венгрия). Литературные портреты из Повести о смутном времени в хронографе редакции 1617 г. 77
В. Д. Кузьмина (СССР). М. Н. Сперанский как славист 77
D. Hemmerdinger — Ἑλλάδου (France-Grèce). Étude comparative des versions grecque, latine et slave de la Vita Abrahamiji (BHG, 5, 6 et 7). 79

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

О. А. Державина (СССР) 79
О. А. Державина (СССР) 81
В. Д. Кузьмина (СССР) 82

23 септември — 23 сентября — 23 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

K. Günther (DDR). Neue deutsche Quellen zum ersten russischen Theater . . . 82
S. Graciotti (Italia). L'originale italiano di due manoscritti glagolitici croati (Kvadrige Duhovne) di Veglia e di Vienna 83

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

В. Д. Кузьмина (СССР) 84

СЛАВЯНСКИТЕ ЛИТЕРАТУРИ ПРЕЗ XVIII—XIX В. — СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В XVIII—XIX В. — LES LITTERATURES SLAVES AUX XVIII^e ET XIX^e SIECLES

17 септември — 17 сентября — 17 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

П. Н. Берков (СССР). Русская литература XVIII века и славянские литературы . 87
Z. Libera (Polska). Główne problemy kultury i literatury polskiego Oświecenia w świetle ostatnich badań 89
А. Н. Робинсон (СССР). Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский 90
K. Górski (Polska). Zasady opracowania aparatu krytycznego do wydania „Dzieł wszystkich" Adama Mickiewicza 92
E. Reissner (DDR). Die Rezeption der russischen Literatur in Deutschland zwischen 1813 und 1848 im Spannungsfeld von Fortschritt und Reaktion 93
G. Dudek (DDR). Die typologische Opposition von Dichterbildern als Ausdrucksform des gesellschaftlichen ästhetischen Ideals der klassischen russischen Literatur 94
Х. Поленаковиќ (Југославија). Константин Миладинов како преведувач на „Православни црковни братства" од руски јазик на македонски 95

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

I. Chitimia (România) 96
В. Велчев (България) 97
M. Giergielewicz (USA) 98
К. Куев (България) 98
Ж. Зёльдхейи (Венгрия) 99
К. Църнушанов (България) 96
В. Трайков (България) 100
Х. Поленаковиќ (Југославија) 101

18 септември — 18 сентября — 18 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

A. Hermann (DDR). S. B. Lindes Studienzeit und Lehrtätigkeit in Leipzig 102
В. Эрлих (США). Образы поэта и поэзии в славянском романтизме и неоромантизме 102
H. Raab (DDR). Wege und Irrwege der deutschen Puškinrezeption 103
Ф. Ф. Силий (Великобритания). О теме „Каменного гостя" Пушкина 104
В. Велчев (Болгария). Трагедия гордого искания познания, свободы и творчества (К вопросу об идейной проблематике поэмы М. Ю. Лермонтова „Демон") . 106
R. Opitz (DDR). Etappen im Schaffensweg Lermontovs. Zur Evolution des Konflikts in seiner Dichtung 109
K. Krejčí (Československo). Velká epika v slovanských literaturách XIX. století . 110
S. Wollman (Československo). Základní problémy dramatu v slovanských literaturach XVIII—XIX století 110

Др. Недељковић (Југославија). Три одлике руске реалистичке теорије у поређењу са западноевропејском 110
Г. М Фридлендер (СССР). Наследие русских революционных демократов и его значение для развития славянских литератур 110
Т. Гане (Румыния). Общие элементы в развитии передовой румынской и болгарской литературно-критической мысли по воздействием русских революционных демократов 111
Е. П. Кирилюк (СССР). Українські письменники — революційні демократи й літератури західних і південних слов'янських народів у XIX столітті . . 112
Г. Димов (България). Традициите на руската революционно-демократическа естетика във формирането и развитието на българската литературна критика . . . 115

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Г. Цанев (България) 116
М. Гургулова (България) 117
Г. В. Краснов (СССР) 118
R. Opitz (DDR) 119
В. Велчев (България) 119
Г. В. Краснов (СССР) 119
Е. Георгиев (България) 120
М. Вегнер (ГДР) 121
В. Велчев (България) 121
П. Гоффманн (ГДР) 123
Д. Леков (България) 124
Е. Метева (Болгария) 124
Г. М. Фридлендер (СССР) 125
С. Русакиев (България) 125

19 септември — 19 сентября — 19 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

Г. Цигенгайст (ГДР). А. И. Герцен и Германия в первые годы после революции 1848 г. 126
N. Weisbein (France). Les deux sources de la pensée tolstoïenne: Christianisme et Socialisme 127
R. Bächtold (Schweiz). Gogol' und Schiller — Gemeinsamkeiten in der Gestaltung des idealen Helden 129
Дж. Мерсеро (США). Лермонтов и Бальзак 130
М. Гергелевич (США). Прус и Гончаров 130
K. Rosenbaum (Československo). K ideovým základom Šafárikových Dejín slovanského jazyka a literatúry všetkých náreči 131
P. Nowotny (DDR). Wuznam słowjanskeje wzajomnosće za wuwiće serbskeje literatury a wědomosće wosebje w 2. połojcy 19. lětstotka 131
L. Heine (DDR). Zur Frage der Entwicklung des Realismus in der sorbischen Literatur des 19. Jahrhunderts 132

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Ю. Доланский (Чехословакия) 132
Г. М. Фридлендер (СССР) 133
Н. И. Балашов (СССР) 133
W. B. Edgerton (USA) 134
Е. Метева (Болгария) 135
T. Silianowska-Novicova (Bulgarie) 135
Г. М. Фридлендер (СССР) 136
E. Hexelschneider (DDR) 137
В. Велчев (България) 138
Л. Цветков (Болгария) 139
J. Kulczycka-Saloni (Polska) 139

20 септември — 20 сентября — 20 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

J. Blankoff (Belgique). Les héros de Griboedov et de Turgenev dans l'euvre de Saltykov-Ščedrin 140
J. M. Meijer (Pays-Bas). Le roman „Besy" de Dostojevsky 141
А. Ковач (Румыния). Эстетическое наследие В. Г. Белинского в Румынии 141
В. В. Борисенко, В. В. Ивашин (СССР). Роль русской классической литературы в развитии реализма белорусской литературы начала XX века 143
C. Bryner (Canada). Gogol, Dickens and the Realistic Novel 144
Д. Вученов (Југославија). Главне фазе у развитку српског реализма 144
P. Hoffmann (DDR). Probleme des Übergangs von der Aufklärung zu revolutionärer Thematik im Schaffen A. N. Radiščevs. 145
B. Kreft (Jugoslavija). Dostojevski in utopični socializam 145
Д. Гришин (Австралия). Достоевский и славянство 145
J. Śliziński (Polska). Czeskie echa wystąpienia. O. Balzera przeciw Mommsenovi w r. 1897 148
Zdz. Skwarczyński (Polska). „Wiadomości Brukowe" (1816—1822) a pierwszy rosyjski romans moralno-satyryczny Iwan Wyżygin 148
П. Русев (България). Литературните влияния като школа за творческото израстване на писателя 149
М. Поповић (Југославија). Die serbische Revolution 150
М. Вегнер (ГДР). Н. Г. Чернышевский и Герман Геттнер 151
П. Г. Пустовойт (СССР). Проблема славянского характера в мировоззрении и творчестве А. И. Герцена 153
V. Pinto (Great Britain). Elin Pelin : Humanist and prose poet of Shopsko 154
H. Granjard (France). Les fragments autobiographiques du jeune Herzen 154
A. Meynieux (France). Le rôle de la critique russe dans l'évolution de la littérature russe des années 30 du XIXe s 155

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

C. Backvis (Belgique) 155
А. С. Бушмин (СССР) 158
Е. Метева (България) 159
Т. Николеску (Румыния) 159
Г. М. Фридлендер (СССР) 161
Э. Краг (Норвегия) 161
Д. Гришин (Австралия) 162
М. Вегнер (ГДР) 162
Г. М. Фридлендер (СССР) 163
Л. В. Воробьев (СССР) 163
Г. Германов (България) 164
А. Ковач (Румыния) 166
М. Цанева (България) 167
Н. Кравцов (СССР) 167
Б. Ничев (България) 169
Н. Кравцов (СССР) 171

21 септември — 21 сентября — 21 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

J. Kulczycka-Saloni (Polska). Bolesław Prus w oczach potomnych 173
H. Segel (USA). Mickiewicz and the Arabic Qasida in Poland 174
А. П. Соловьева (СССР). Утверждение реализма в чешской литературе 174
Ж. Милисавац (Југославија). Значај сатире за развој реализма у српској књижевности 175
Г. В. Краснов (СССР). Проблема национального характера в русской и болгарской литературах 60-х гг. XIX века 177
Е. В. Шпилевая (СССР). Основные этапы украинско-болгарских литературных связей XIX—XX вв. 178

Г. Веселинов (България). Алеко Константинов и славянството 179
E. Bayer (DDR). Der Beitrag der Zeitschrift „Misäl" zur Förderung der deutsch-bulgarischen Literaturbeziehungen um die Jahrhundertwende 181
Н. Е. Крутикова (СССР). Русский реализм и становление украинской реалистической прозы 181
В. И. Шевчук (СССР). Основні проблеми українсько-чеських літературних зв'язкі в XIX—XX вв. 183
Г. Д. Вервес, В. П. Ведина, Ю. Л. Булаховская (СССР). Українсько-польські літературні взаємини в XX ст. 184
Т. Николеску (Румыния). К вопросу о значении русского романа для развития румынской прозы в конце XIX и в начале XX вв. 185

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Е. З. Цыбенко (СССР) 187
С. Баева (България) 188
Ж. Милисавац (Југославија) 189
В. Велчев (България) 190
Г. Димов (България) 190
В. И. Злыднев (СССР) 191
В. Велчев (България) 192
С. Русакиев (България) 192
Е. Георгиев (България) 193
В. В. Ивашин (СССР) 194
Ю. Доланский (Чехословакия) 194
И. М. Дузь (СССР) 195

23 септември — 23 сентября — 23 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

В. Н. Викери (США). Параллелизм в литературном развитии Байрона и Пушкина 196
I. Starnawski (Polska). Adam Mickiewicz w poezji narodów słowiańskich . . . 196
Л. В. Воробьев (СССР). Революционният демократизъм и реализмът в творчеството на Каравелов 197

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Е. Логиновская (Румыния) 198
А. Н. Робинсон (СССР) 199

СЪВРЕМЕННИ СЛАВЯНСКИ ЛИТЕРАТУРИ — СОВРЕМЕННЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ — LITTÉRATURES SLAVES CONTEMPORAINES

17 септември — 17 сентября — 17 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

Ю. Доланский (Чехословакия). Общие закономерности развития славянских и неславянских литератур 203
П. Зарев (България). Естетическият идеал — ядро на художествения метод (Към въпроса за съвременните творчески търсения при социалистическия реализъм) 204
Д. Митрев (Югославия). Патот кон современниот реализам 206

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Н. Драганов (България) 206
W. Beitz (DDR) 207
Ч. Добрев (България) 207
В. Колевски (България) 208
М. Николов (България) 209
Г. Марков (България) 210

18 септември — 18 сентября — 18 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

М. Новиков (Румыния). Эстетические проблемы социалистического реализма и современные славянские литературы 211
Ф. Бурианек (Чехословакия). Возникновение и развитие чешской марксисткой литературной критики 213
К. Генов (България). Романтика и романтичен тип художествено обобщение в пролетарската и социалистическореалистичната литература 214
Г. Цанев (България). Някои проблеми на българския исторически роман между двете световни войни 215

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

А. С. Бушмин (СССР) 217
М. Заградка (Чехословакия) 218
А. Ковач (Румыния) 219
Г. Юнгер (ГДР) 220
J. Dvožák (ČSSR) 221
С. А. Шерлаимова (СССР) 222
К. Куев (България) 223
Ф. Бурианек (Чехословакия) 223

19 септември — 19 сентября — 19 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

G. Warm (DDR). Zur Entstehung, Entwicklung und zum Wesen des Romanepopöe des sozialistischen Realismus 223
A. Hiersche (DDR). Die Interpretation des Helden des russischen Gegenwartsromans in Westdeutschland 224
М. Дрозда, И. Франек, Зд. Матгаузер (Чехословакия). Социалистический реализм как художественный метод советской литературы 224
В. Шоптеряну (Румыния). Из истории восприятия творчества М. Горького в Румынии 226
А. Тодоров (България). Връзките на някои български критически реалисти със социализма и социалистическата литература 227
M. Nag (Norwegen). Vapcarov und Majakovskij 227
В. И. Злыднев (СССР). К истории русско-болгарских литературных связей XX века 229
С. Русакиев (България). Значението на Октомврийската революция и на руската съветска литература за развитието на положителния герой в българската литература (1918—1944) 230
О. Бартош (Чехословакия). О гротескной сатире в славянских литературах XX века 231

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

W. Beitz (DDR) 232
А. С. Бушмин (СССР) 232
Э. Мирова-Флорин (ГДР) 233
Г. Юнгер (ГДР) 234
И. Франек (Чехословакия) 235
Зд. Матгаузер (Чехословакия) 236
М. Заградка (Чехословакия) 237
С. Русакиев (България) 237
Г. Шауман (ГДР) 238
С. Русакиев (България) 239
Зд. Урбан (Чехословакия) 240
А. С. Бушмин (СССР) 240
О. Бартош (Чехословакия) 241

20 септември — 20 сентября — 20 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

Г. Шауман (ГДР). К вопросу о положительном герое в социалистической сатирической комедии (на материале комедий Маяковского „Клоп" и „Баня") . . 242
Д. Ф. Марков (СССР). Формирование социалистического реализма в литературах южных и западных славян (К вопросу об общих закономерностях процесса) 245
Г. Юнгер (ГДР). А. Толстой и роман-эпопея социалистического реализма 247
Z. Pešat (ČSSR). Ke genezi socialistického realismu v české literatuře 248
B. Paternu (Jugoslavija). Nastanek teorije realizma v slovenski književnosti . . . 249

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

А. Р. Волков (СССР) 251
Г. Димов (България) 251
А. Тодоров (Болгария) 252
С. А. Шерлаимова (СССР) 253
Z. Pešat (ČSSR) 254

21 септември — 21 сентября — 21 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

M. Bobrownicka (Polska). Dramaty Karola Čapka na scenach polskich. 255
Ст. Суботин (Југославија). Хенрик Сјенкјевич у српској и хрватској књижевној критици и публицистици 256
E. Weiß (DDR). Zur der Rolle Johannes R. Bechers bei der Pflege der deutsch-sowjetischen Literaturbeziehungen in den zwanziger Jahren 256
A. Flaker (Jugoslavija). „Nepoznat Netko". O jednoj analognoj pojavi u ruskoj i hrvatskoj književnosti 20. stoljeća 257
L. Dobossy (Mad'arsko). Česko-mad'arské literární vztahy ve XX. století 258
T. Dąbek-Wirgowa (Polska). Główne zagadnienia stosunków literackich bułgarsko-polskich w pierwszych dziesiątkach XX wieku 259
Х. Чайка (Полша). Българската литература в Полша до I световна война 259
Ж. Младеновић (Југославија). Јован Скерлић и бугари 261
З. Юфу, Л. Фотиаде, Д. Завера (Румыния). Разпространение на новата българска литература в Румъния преди и след 1944 година 262

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

А. Р. Волков (СССР) 265
Н. Драганов (България) 265
М. Пишут (Чехословакия) 266
Е. Георгиев (България) 266
Ж. Младеновић (Југославија) 267

23 септември — 23 сентября — 23 septembre

РЕЗЮМЕТА НА ДОКЛАДИТЕ — РЕЗЮМЕ ДОКЛАДОВ — RÉSUMÉS DES COMMUNICATIONS

N. Ivanišin (Jugoslavija). Lik ruskog vojnika u hrvatskoj lirici 268
V. Frančić (Polska). Wyspiański wśród słoweńców 269
Đ. Živanović (Jugoslavija). Polonofilstvo kod srba i hrvata u prvoj polovini XIX veka kao osnova pojačanom interesovanju za poljsku književnost 271
S. Marković (ГФР). Meduratni „modernizam" ili ekspresionizam u srpskoj književnosti 272
Й. ван дер Енг (Голландия). Поэтическое описание у Бабеля 273
W. Beitz (DDR). Die menschenbildnerische Kraft der Sowjetliteratur 274

ИЗКАЗВАНИЯ — ВЫСТУПЛЕНИЯ — DISCUSSIONS

Г. Юнгер (ГДР) 275
Азбучен показалец 276
Index 278

СЛАВЯНСКА ФИЛОЛОГИЯ
Т. VIII

*

Художник *Т. Данов*
Техн. редактор *Ив. Атанасова*
Коректори *М. Иванова, Л. Дамянова*
Е. Станева, Цв. Хантова

*

Дадена за набор на 28. III. 1966 г.
Подписана за печат на 15. VII. 1966 г.
Формат 71×100/16 Тираж 1000
ЛГ III-8
Печатни коли 18 Издателски коли 21,42
Цена 2,94 лв.

*

Набрана и отпечатана в печатницата на Издателството на БАН
София, кв. Гео Милев, ул. 36
Поръчка № 224